

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр корейских исследований

Корея:

уроки истории
И ВЫЗОВЫ
современности

Москва
ИДВ РАН
2013

УДК [308+32+908](510)
ББК 66.3(5Кор)
К70

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.полит.н. А.З. Жебин (ответственный редактор), к.и.н. К.В. Асмолов,
к.э.н. Л.В. Захарова, к.ф.н. Ким Ен Ун, к.э.н. В.Г. Самсонова, д.э.н. С.С. Суслина

К70 Корея: уроки истории и вызовы современности. — М.: ИДВ РАН,
2013. — 456 с.

ISBN 978-5-8381-0242-3

В коллективной монографии российских корееведов исследуется ситуация на Корейском полуострове в контексте интересов безопасности России. Значительное внимание уделено анализу перемен в КНДР и возможных направлений политики этой страны, состояния ее ракетной программы после прихода к власти нового лидера Ким Чен Ына. Рассмотрены некоторые актуальные проблемы международных отношений на Дальнем Востоке, в частности существующие между Японией и некоторыми ее соседями. Отдельные главы посвящены вопросам корейского исторического наследия и его связи с современностью, проблеме формирования международного имиджа корейских государств. Дан анализ состояния и перспектив торгово-экономических связей КНДР и РК с Россией и между собой, а также некоторых аспектов социально-экономического развития Республики Корея.

Collection of articles by Russian specialists on Korea analyses the situation on the Korean peninsula in the context of Russia's security interests. Much attention was given to analysis of the changes in the DPRK and possible directions of the country's policy and to her missile program after new leader Kim Jong Un started to lead the country. Some urgent issues of international relations in the Far East are dealt with, including those existing between Japan and several her neighbors. Several chapters devoted to Korea history's legacies and its linkage with modernity. Formation of international image of the Korean states was also discussed. States and prospects of the DPRK and the ROK trade and economic relations with Russia and between themselves was also analyzed along with some prospects of social and economic development of the Republic of Korea.

УДК [308+32+908](510)
ББК 66.3(5Кор)

ISBN 978-5-8381-0242-3

© ИДВ РАН, 2013

Оглавление

Предисловие

Лузянин С.Г.

Корейский полуостров. Движение к сотрудничеству и доверию 8

Глава 1. КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ИСТОКИ НАПРЯЖЕННОСТИ

Мацегора А.И.

Корейский полуостров в политике России 12

Жебин А.З.

К ситуации на Корейском полуострове 18

Воронцов А.В.

Корейский полуостров в 2013 г.: традиционные тревоги
и новые надежды 31

Ким Ен Ун

Раскол Кореи: уроки и перспективы 39

К.В. Асмолов

Корейская война как пример управленческого кризиса 51

Глава 2. КНДР: РЕФОРМЫ И РАКЕТЫ

Кирьянов О.В.

Первый год правления в КНДР Ким Чен Ына:
можно ли говорить о начале реформ? 63

Евсеев В.В.
Состояние и перспективы развития северокорейской ракетной программы 75

Верхотуров Д.Н.
Успешный запуск КНДР ракеты-носителя как фактор военно-политической ситуации на Корейском полуострове 84

Глава 3. ЯПОНИЯ И ЕЕ СОСЕДИ: НЕПРЕОДОЛЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Лобов Р.Н.
Внешнеполитическая линия Сеула в отношении Токио: проблемы и перспективы 92

Дьячков И.В.
Спор по поводу о. Токто (Такэсима): международно-политическое измерение национализма в США 102

Иванов А.Ю.
Территориальные притязания Японии к России и Республике Корея: сравнительный анализ 112

Гринюк В.А.
История формирования корейской диаспоры в Японии 121

Глава 4. «МЯГКАЯ СИЛА» И ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Егоров Т.Б.
«Мягкая сила» корейской культурной экспансии 133

Лачина Е.В.
Южнокорейское тхэквондо как прообраз и элемент «корейской волны» 140

Хмельницкая К.Л.
Специфика корейского кино 151

Гурьева А.А.
«Система облика» и корпоративная культура в Республике Корея .. 162

Ермолаева Е.М.
Формирование нового имиджа Южной Кореи в период V Республики (1981—1987 гг.) 171

Бакланова М.А.
Формирование образа Северной Кореи в контексте школьного курса нравственного воспитания в Республике Корея (1945—2008 гг.) 181

Глава 5. НЕПРЕХОДЯЩАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОШЛОГО

Дьякова О.В.
Северо-восточный проект: итоги и перспективы 192

Акуленко В.С.
Влияние археологических открытий 2012 г. в Республике Корея на понимание древней истории Корейского полуострова и Восточной Азии 199

Ковальчук Ю.А.
Корея в описаниях католических миссионеров XVI—XVII вв. 207

Шарафетдинова А.И.
Подписание американо-корейского договора 1882 г. и уроки для Кореи 221

Пастухов А.М.
Обстоятельства начала японо-китайской интервенции в Корею летом 1894 г. 231

Глава 6. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ XX В. И СОВРЕМЕННОСТЬ

Курбанов С.О.
История РК и КНДР начала XXI в.: проблема выбора исторических событий и их интерпретации 242

Иванов К.В.
Отчеты генерального консульства СССР в Сеуле как источник по изучению колониального периода Кореи 253

Садаков Д.А.
Советская администрация в Корее глазами американской дипломатии (1945—1948 гг.): восприятие и проблемы взаимодействия 264

Кураков А.Д.
К вопросу о восстании на острове Чечжудо 276

Курмызов А.А.
Южнокорейско-американские отношения в 1970-х годах: проблемы и противоречия 286

Глава 7. ЛИТЕРАТУРА: ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Ли Сан Юн
Новые тенденции в современной корейской литературе (1990—2010 гг.) 297

Погадаева А.В.
Проблемы современного общества в творчестве корейской писательницы Пхён Хе Ён 305

Чеснокова Н.А.
«Описание избранных деревень» («Тхэнниджи») в восприятии современного корейца 312

Ни И.И.
О возрождении традиций в эпоху глобализации (жанр *сиджо* во второй половине XX в.) 323

Глава 8. О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КНДР И РК

Суслина С.С.
Взаимодополняемость экономик Северной и Южной Кореи как перспективная основа их взаимной интеграции 331

Захарова Л.В.
К вопросу об условиях и возможностях для осуществления иностранных инвестиций в КНДР 345

Кукла М.П.
Реалии и перспективы торгово-инвестиционного сотрудничества Республики Корея и Дальнего Востока России 358

Царева С.В.
О некоторых аспектах торгово-экономического сотрудничества России и Республики Корея: взгляд со стороны бизнеса 369

Глава 9. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Гордиенко Д.В.
Влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень экономической безопасности Южной Кореи в условиях глобализации 381

Самсонова В.Г.
Социально-экономическое положение в РК на современном этапе: новые вызовы и перспективы 405

Синякова А.Ф.
Некоторые экономические последствия старения населения в Республике Корея, Японии и Китае 416

ABSTRACTS 430

Предисловие

С.Г. Лузянин*

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ. ДВИЖЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ И ДОВЕРИЮ

Система международной безопасности, история корейской войны, внешней политики, современные социально-экономические и политические проблемы двух корейских государств и многие другие вопросы — предмет пристального и постоянного внимания ведущих ученых-корееведов России. Объективный и комплексный взгляд на корейскую тему позволяет определить не только узловые точки развития Корейского полуострова, но и дать прогнозы по межкорейскому диалогу, оценку перспектив и возможностей российской политики на самом полуострове и в регионе Северо-Восточной Азии в целом.

В 2012 г., как известно, произошла смена руководства во многих странах мира: В.В. Путин победил на президентских выборах в России, был избран на второй срок Барак Обама в США, произошли смена руководства в КНР и избрание Пак Кын Хе — первой женщины-президента в РК. Анализируя шаги избранных лидеров, мы стремимся понять, насколько они будут влиять на изменения политической ситуации в регионе.

Председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, провозгласивший реализацию во внешней и внутренней политике достижения «китайской мечты» на основе подъема китай-

ской нации, углубления курса реформ и открытости, последовательно и настойчиво выступает за нормализацию обстановки на полуострове, улучшение межкорейских отношений. В общественном мнении, экспертном сообществе и СМИ Китая формируются разнообразные позиции и мнения по широкому кругу вопросов, включая проблему строительства отношений КНР и КНДР.

Китай, последовательно выступая за денуклеаризацию на полуострове, будет настаивать на том, чтобы его интересы на Корейском полуострове учитывались и соблюдались. Разговоры о «китайской мечте» указывают на то, что КНДР более активно заявляет о себе как о будущей сверхдержаве и выстраивает альтернативный Западу образ будущего. В рамках такой стратегии от Северной Кореи будут требовать более взвешенных и обдуманных действий.

Соединенные Штаты говорят о «возвращении в Азию», и эта возросшая их активность проявляется и в корейском вопросе. Первый срок Обамы прошел под лозунгом «стратегического терпения», при котором Вашингтон осознавал как безуспешность попыток денуклеаризовать Север в ходе переговоров, так и нереальность северокорейской угрозы США. Из этого был сделан вывод: действовать по обстановке. Однако смерть Ким Чен Ира породила некоторые надежды на изменение ситуации, и нового руководителя начали испытывать на прочность.

Развитие ракетной и ядерной программы КНДР вызывает в Штатах определенные опасения и неприятие. Впрочем, даже в случае дальнейших успехов своей ядерной программы Северная Корея будет играть в американских планах роль пугала, под предлогом борьбы с которым можно безнаказанно наращивать региональное военно-политическое присутствие, направленное на деле отнюдь не против Пхеньяна, а против Пекина и Москвы.

Что же касается северокорейского руководства, то, хотя Ким Чен Ын стал новым лицом КНДР, военно-политическую элиту страны надо рассматривать в целом. Большинство ее представителей помнят Корейскую войну как часть личной истории, которую трудно вычеркнуть из воспоминаний. У многих северокорейских политиков старшего поколения достаточно личного опыта, чтобы воспринимать США как абсолютное зло, с которым принципиально

* Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН. E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

нельзя и не имеет смысла договариваться. Даже если окружение Ким Чен Ына действительно согласится с необходимостью нового курса, на самом деле перестроиться мгновенно оно не сможет.

Пока политика нового руководителя КНДР укладывается в рамки отцовских стратагем, однако есть минимум два отличающих момента. *Во-первых*, Ким Чен Ир был давним и проверенным партнером, который в связи с этим обладал определенным кредитом доверия общества. Молодой Ким, хотя продолжает политику отца, такого запаса не имеет. Он должен последовательно и продуманно приобретать этот опыт и поддержку населения. Для этого потребуется определенное время.

Во-вторых, неясно, насколько у сына хватит административного опыта и политического чутья и насколько он способен слушать старших, не перегибая палку. Ни радикализм, ни показной либерализм Ким Чен Ыну неприемлем. Он должен определить «золотую середину» своей модели поведения, сохраняя преемственность стратегического курса на сохранение суверенитета и независимости республики.

В президентстве нового лидера Южной Кореи Пак Кын Хе ученые и политики акцентируют внимание на гендерном аспекте (первая женщина-президент в конфуцианской стране) и ожидании перемен. Пока у Пак Кын Хе есть определенные трудности в кадровых вопросах формирования своей команды. Внутри партии Сэнури существуют две группировки, относящиеся к Пак Кын Хе достаточно недоброжелательно. Это и фракция экс-президента Ли Мен Бака, и экс-президент Ким Ен Сам и его сторонники. В такой ситуации Пак Кын Хе вынуждена со многими договариваться, и ей придется работать не с теми, с кем бы она хотела, а с теми, кто смог пройти отбор. Чтобы продавливать свое видение будущего Южной Кореи, ей нужно существенно укрепить свои позиции и нейтрализовать политических противников.

Остается сложной проблема нормализации межкорейских отношений. В июле 2013 г. по обе стороны 38-й параллели будут отмечать 60-летие окончания Корейской войны — знаковый юбилей. Каждая сторона считает себя победителем, и потому надо ожидать довольно жесткой реакции на точку зрения оппонентов. Как Пак Кын Хе и Ким Чен Ын преодолеют этот потенциальный кризис, покажет время.

Важным представляется политика Японии на Корейском полуострове. Итоги японских выборов 2013 г. снова отдали руководство страной в руки правых. Хотя политическая атмосфера в Японии отличается некоторым непостоянством, в краткосрочной, а возможно — и в среднесрочной, перспективе следует ожидать обострения целого комплекса традиционных проблем: от вопросов исторической ответственности до ситуации с о. Токто или проблемы похищенных, напрямую влияющей на отношения Японии со странами Корейского полуострова.

Магистральное направление усилий России в СВА определяется, как известно, концепцией ее внешней политики. Хотя некоторые формулировки были изменены, основная тенденция остается прежней. В документе записано: «*Принципиальное значение для России имеет общее оздоровление ситуации в Азии, где сохраняются источники напряженности и конфликтов, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения. Усилия будут сосредоточиваться на деятельном участии России в поисках политического решения ядерной проблемы Корейского полуострова, на поддержании конструктивных отношений с КНДР и Республикой Корея, на поощрении диалога между Пхеньяном и Сеулом, на укреплении безопасности в Северо-Восточной Азии*»¹.

Таким образом, комплексное изучение корейской проблематики — это не только далекие научные изыскания, но и реальная практика современной политики РФ, КНР, других государств, возможность ученых дать нужные рекомендации дипломатам и политикам относительно того, как эффективнее и быстрее прийти к долгожданному миру, сотрудничеству и взаимному доверию на Корейском полуострове.

Примечания

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. Режим доступа: URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

Глава 1

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ИСТОКИ НАПРЯЖЕННОСТИ

*А.И. Мацегора**

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ

На Корейском полуострове наблюдается весьма непростой период: после проведения КНДР ракетного пуска и третьего ядерного испытания там серьезно обострилась обстановка: из Пхеньяна и Сеула звучат все более угрожающие высказывания и заявления, по обе стороны ДМЗ практически непрерывно проходят военные учения, США форсированными темпами наращивают свои вооружения в регионе, укрепляют военные союзы с РК и Японией. Складывающаяся ситуация самым непосредственным образом затрагивает российские государственные интересы.

Теперь становится еще более очевидным, что взятая Западом «стратегическая пауза» в отношении северокорейцев отнюдь не вынудила их принять требования Сеула и Вашингтона и вернуться за стол переговоров, а, напротив, была ими использована для дальнейшего укрепления своего ракетно-ядерного потенциала, чему, как мы видим, не смогли помешать совбезовские и принятые на национальном уровне санкции.

* *Мацегора Александр Иванович*, заместитель директора 1-го Департамента Азии МИД РФ.

Наши партнеры по шестисторонним переговорам явно испытывают сейчас дефицит идей и не могут предложить приемлемых вариантов выхода из тупика, в котором оказался процесс корейского урегулирования. Именно этим обстоятельством обусловлено то, что Россия, которой далеко не безразлично все, что происходит у ее дальневосточных границ, в последнее время значительно активизировала свои усилия, направленные на реанимацию шестистороннего процесса. Мы по-прежнему уверены, что именно этот формат является оптимальным для урегулирования корейской проблемы, намерены его и впредь отстаивать и продвигать.

В начале 2013 г. в Москве прошли российско-китайские и российско-американские консультации. МИД России находится в тесном контакте с южнокорейскими коллегами и поддерживает связь с нашими северокорейскими партнерами. Со всеми мы ведем предметный диалог, пытаемся нащупать варианты, которые позволили бы, для начала, снизить накал конфронтации, успокоить обстановку, а затем вместе перейти к позитивной повестке дня и приступить к работе над поэтапным урегулированием ракетно-ядерной и других проблем Корейского полуострова.

Если не вдаваться в детали, наш план строится на очевидной аксиоме: единственный реальный путь к решению проблем региона — взаимный отказ от ставки исключительно на военные методы обеспечения безопасности, начало формирования в СВА региональной системы мира, стабильности и взаимовыгодного сотрудничества, которая базировалась бы на принципе равной и неделимой безопасности всех участников. Важно, что наши предложения получили поддержку в Пекине: надо сказать, что у нас с китайскими коллегами весьма близкие оценки причин нынешней напряженности и совпадение взглядов на то, как следует решать корейскую проблему. С заинтересованностью к нашим идеям отнеслись в Пхеньяне — рассчитываем, что это воплотится в некие практические действия. Не вызывают отторжения они и у США и их западных союзников. Все это дает надежду на то, что возобновление переговоров не за горами.

При этом отдаем себе отчет в том, что позиции оппонентов все еще очень далеки и друг от друга, и сблизить их будет нелегко.

Мы откровенно говорим нашим северокорейским друзьям о том, что не можем согласиться с откровенным игнорированием требований Совета Безопасности ООН, имеющих обязательную силу для всех государств — членов Объединенных Наций. Их курс, направленный на обеспечение безопасности КНДР путем создания и совершенствования ядерного потенциала, на практике выливается в расшатывание режима ядерного нераспространения.

Нас также не может не беспокоить очевидная гипертрофия военной активности в регионе, стремление использовать американцами и их союзниками действия северокорейцев в качестве предлога для наращивания вооруженных сил и вооружений на Корейском полуострове. Мы призываем все стороны воздержаться от новых шагов, ведущих к дальнейшему осложнению обстановки на полуострове.

Напряженность на полуострове, острота которой по всем признакам является беспрецедентной за весь период, прошедший после окончания Корейской войны, не могла не отразиться на двусторонних отношениях России с государствами Корейского полуострова.

Эксперты в корейских делах, внимательно отслеживающие все происходящие вокруг Кореи процессы, конечно, заметили резкое снижение интенсивности делегационного обмена, российско-северокорейских политических контактов. После смерти Ким Чен Ира практически прекратилось взаимодействие в области культуры. Если не считать весьма представительного участия российских творческих коллективов в прошлогоднем фестивале «Апрельская весна» (приглашения были направлены еще при жизни Ким Чен Ира), практика регулярных поездок в Пхеньян наших лучших ансамблей и исполнителей с уходом бывшего руководителя КНДР, можно сказать, прекратилась. Вместе с тем, если не считать приезда в Пхеньян экзотической американской баскетбольной группы во главе с вышедшей в тираж «звездой» Д. Родмэном, северокорейская ниша международных гуманитарных обменов, которую раньше надежно занимали наши коллективы, пока остается свободной.

Торгово-экономические отношения ограничиваются минимальным товарооборотом, не достигшим в 2012 г. и 80 млн долл., и единственным инвестиционным проектом — реконструкцией железнодорожного участка Хасан—Раджин и порта Раджин. Следует, впро-

чем, отметить, что этот проект продвигается вполне успешно: наши северокорейские партнеры подтвердили временное использование порта для перевалки российского угля, экспортируемого в южные провинции Китая. Это позволит, как мы надеемся, уже в конце текущего — начале будущего года приступить к эксплуатации создаваемого перегрузочного центра.

Еще одним весьма эффективным направлением нашего взаимодействия можно считать привлечение северокорейской рабочей силы: в настоящее время в большинстве регионов Российской Федерации трудятся граждане КНДР, общая численность которых достигает, по оценке, 35—37 тыс. человек. Следует сказать, что это направление сотрудничества является весьма выгодным и для нас (дисциплинированная, неприхотливая и недорогая рабочая сила способствует смягчению дефицита трудовых ресурсов в наиболее сложных районах Сибири и Дальнего Востока), и для Пхеньяна, который получает серьезные валютные поступления и помогает решать достаточно остро стоящую в КНДР проблему занятости.

Мы уверены, что нынешний спад в наших отношениях с КНДР носит временный характер. У нас есть значительные резервы расширения сотрудничества, тем более что оно имеет надежные заделы и базируется на прочных традициях многолетнего партнерства. Серьезные расчеты, в частности, строим на реализацию трехсторонних (Россия—РК—КНДР) экономических проектов, которая способна не только принести их участникам серьезные материальные дивиденды, но и способствовать снижению напряженности в регионе и формированию атмосферы доверия и взаимного учета интересов. Не приходится сомневаться: рано или поздно планы по поставке трубопроводного газа в КНДР и Южную Корею и соединению энергетических систем и железных дорог Корейского полуострова с российскими сетями и Транссибом будут осуществлены — это объективное требование экономики и политики. Остается надеяться, что ждать нам осталось не так долго.

Следует отметить, что Пхеньян занимает по указанным проектам, в первую очередь по теме транзитной поставки российского газа в РК через территорию КНДР, гораздо более конструктивную позицию, чем наши партнеры в Сеуле. Сейчас южане ссылаются на

сложную военно-политическую обстановку, однако явное торможение с их стороны мы начали ощущать задолго до нынешнего обострения. Рассчитываем, что новая администрация в РК будет проводить на этом направлении более последовательную линию, чем ее предшественники.

В целом следует признать, что далеко не все наши ожидания, касающиеся развития российско-южнокорейских двусторонних отношений, связанные с приходом в свое время в Голубой дом президента Ли Мен Бака, были воплощены в жизнь. К концу его президентства у нас накопилось немало вопросов, которые за последние годы так и не нашли своего решения, хотя кочевали из повестки в повестку всех переговоров, в том числе на высоком политическом уровне.

Большие надежды на то, что мы, наконец, сможем преодолеть нынешние временные затруднения, у нас появились в связи с озвучиваемой позицией нового президента РК Пак Кын Хе, которая заявляет о своей нацеленности на придание серьезного импульса развитию отношений с Российской Федерацией. Не должно вызывать сомнений, что и российская сторона пройдет «свою часть пути» с тем, чтобы совместными усилиями с южнокорейскими партнерами продвинуться в решении «зависших» вопросов — имеются в виду, в частности, создание рыбопромышленного логистического комплекса на Дальнем Востоке и другие инвестиционные проекты, окончательное решение проблемы контрабандного ввоза в РК российской морепродукции, строительство в Сеуле православного храма. Надеемся, что уже в самое ближайшее время мы сможем успешно завершить работу над двумя важнейшими документами — соглашениями о краткосрочных безвизовых поездках и о культурных центрах.

В целом же, несмотря на некоторую неудовлетворенность итогами последних лет, следует подчеркнуть, что наши контакты с Сеулом отличаются интенсивностью и масштабами: РК стоит на 3-м месте в списке наших азиатских торговых партнеров, мы имеем уникальные программы сотрудничества по линии культуры, образования, спорта. Мы дорожим связями с Южной Кореей и заинтересованы в их дальнейшем развитии.

В связи с этим рассчитываем на успех главного в двусторонних отношениях мероприятия текущего года — предстоящей поездки в

нашу страну президента РК Пак Кын Хе, которая примет участие в саммите «Большой двадцатки» в Санкт-Петербурге (5—6 сентября 2013 г.). Если мы договоримся о том, чтобы приурочить к этому мероприятию отдельный визит южнокорейского руководителя в нашу страну, нам придется вместе с нашими южнокорейскими друзьями проделать большую работу для того, чтобы совместными усилиями наполнить встречи руководителей двух стран весомым конкретным содержанием, сделать их действительно этапным событием в российско-корейских отношениях.

А.З. Жебин*

К СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

1. Введение

2012 г. оказался периодом как запланированных, так и неожиданных политических перемен в целом ряде стран АТР, имеющих важные политические и экономические интересы в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове. После внезапной кончины Ким Чен Ира к власти в КНДР пришел самый молодой лидер в послевоенной истории двух корейских государств. В Республике Корея также впервые в истории этого государства президентом была избрана женщина — дочь Пак Чжон Хи, с деятельностью которого одни корейцы связывают жестокое подавление политических и гражданских свобод, а другие — прежде всего начало экономического взлета своей страны. В марте 2012 г. в России состоялись президентские выборы, в результате которых на пост главы государства после 4-летнего перерыва вновь был избран В.В. Путин. На выборах президента США в ноябре 2012 г. свой пост сохранил Б. Обама. Состоялась смена высшего руководства в КНР и Японии.

Однако уже сейчас можно сказать, что надежды на позитивные перемены на Корейском полуострове, которые многие связы-

* Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: zhebin@ifes-ras.ru

вали со сменой руководства в КНДР и РК, а также в ряде великих держав, участвующих в урегулировании корейских проблем, не оправдались. Напротив, напряженность на полуострове резко возросла.

2. Большая корейская игра

Каковы причины создавшегося положения? Стало окончательно ясно, что одна из них — прекращение многостороннего диалога по вопросам нераспространения ОМУ и безопасности на полуострове и в СВА в целом. Шестисторонние переговоры, шедшие в 2003—2008 гг., при всех их недостатках, обеспечивали более или менее устойчивые каналы коммуникаций, функционирование которых сохраняло у сторон надежду на достижение компромисса или хотя бы продвижение к нему и тем самым побуждало участников переговоров проявлять известную сдержанность.

Главный вывод, который можно сделать из последних событий вокруг полуострова, заключается в том, что преимущественно нажимной, санкционный подход к решению северокорейской ядерной и ракетной проблем, занятый США и некоторыми их союзниками и, в конце концов, навязанный ими СБ ООН, себя не оправдал, так как не решил провозглашавшихся авторами такого курса задач — обеспечить денуклеаризацию Корейского полуострова. Напротив, угроза перерастания конфликтной ситуации в «горячую» стадию еще больше возросла.

Характерно, что даже ряд специалистов — выходцев из стран Азии, работающих в американских научных центрах, стали публично заявлять, что именно неспособность мирового сообщества, в первую очередь США и их союзников в Азии, а также Китая, учесть реальные озабоченности КНДР в области своей безопасности привели к нынешней ситуации¹.

В целом положение на полуострове и перспективы его эволюции можно понять только в контексте американо-китайского партнерства и соперничества и баланса этих составляющих в отношениях указанных держав. Более того, в последние годы полуостров стал одним из крупнейших узлов американо-китайских противоречий, а

в будущем, не исключено, может оказаться полигоном для пробы сил между КНР и США.

Сейчас уже не вызывает сомнений то, что пресловутое возвращение США в Азию, равно как и провозглашенное Б. Обамой в 2011 г. так называемое транстихоокеанское партнерство, направлено на недопущение роста влияния Китая в АТР и, если уж до конца называть вещи своими именами, на сдерживание КНР и ее военно-политическую изоляцию в регионе.

Одним из элементов этой стратегии США, наряду с оживлением альянсов времен «холодной войны», возвращением на некогда покинутые базы и обретения новых опорных пунктов развертывания вооруженных сил США, являются попытки перепрограммирования в нужном Вашингтону ключе внешней и оборонной политики средних и малых государств по периметру китайских границ — начиная с Центральной и Южной Азии и кончая Северо-Восточной Азией.

Среди наиболее ярких проявлений этой линии стала резкая смена курса США в отношении Мьянмы, кульминацией которой явился визит в декабре 2012 г. Б. Обамы в эту страну, которую США на протяжении многих лет числили в списке самых худших в мире нарушителей прав человека. Мьянма была объявлена американским президентом тем примером, которому должна последовать Северная Корея, чтобы заслужить благосклонность Вашингтона. В этом качестве она заменила Ливию, следовать примеру которой так усиленно призывали Пхеньян американцы до реализованного ими и их союзниками смены режима в этой стране в 2011 г.

Однако КНДР, судя по всему, не поверила в добрые намерения США. Даже некоторые американские специалисты приходят к выводу, что впредь уже никакие международные обязательства, касающиеся обеспечения безопасности Северной Кореи, не смогут повернуть вспять ее ядерные и ракетные программы, которые стали важным инструментом легитимации режима внутри страны и отражения угроз для него извне.

Примером использования этих программ для решения главным образом первой задачи стала оказавшаяся неудачной попытка запуска спутника в апреле 2012 г. Она была продиктована прежде всего внутривнутриполитическими соображениями. В юбилейном 2012 г. плани-

ровалось объявить о достижении цели, поставленной еще в 1998 г., — построении экономически могущественной державы. Можно предположить, что желаемого продвижения к ней, в том числе обеспечения населения продовольствием в достаточном количестве, добиться не удалось². В отсутствие достаточного количества «хлеба» искушение прибегнуть к пропагандистски выигрышным «зрелищам» было практически неодолимым.

Вместе с тем вряд ли стоило не замечать ряда позитивных тенденций в действиях КНДР в связи с последними запусками. Еще накануне пуска 2009 г. Пхеньян присоединился к ряду конвенций об использовании космического пространства в мирных целях. В апреле 2012 г. он проложил траекторию полета таким образом, чтобы в максимально возможной степени учесть интересы безопасности других стран, пригласил зарубежных ученых и журналистов присутствовать при запуске спутника³.

Учитывая эти обстоятельства, реалистично мыслящие аналитики, в том числе американские, призывали всерьез отнестись к этому приглашению и обращали внимание на заметные различия между запуском ракеты-носителя спутника и испытанием баллистической ракеты, задача которой — доставка боеголовки в заранее намеченную точку на поверхности Земли. Они полагали, что принятие приглашения, легализуя в известной степени запуски КНДР спутников, в то же время помогло бы окончательно поставить вне закона испытания северокорейцами боевых МБР⁴.

Западные эксперты также обращали внимание на неточность некоторых формулировок в соответствующих решениях СБ ООН, в частности резолюции 1874, запрещающей КНДР испытания «с использованием технологий баллистических ракет», но ничего не говорящей о запусках спутников.

В условиях, когда КНДР стремилась придать запуску максимальную открытость, международному сообществу предстояло решить непростую задачу поиска точно дозированной реакции на ее действия.

Представляется, что на фоне проходивших почти одновременно с северокорейским пуском запуском спутников Японией и испытаний Индией и Пакистаном баллистических ракет, способных нести

ядерные боеголовки, такая реакция, по крайней мере в глазах северо-корейцев, выглядела малоубедительной и была решительно отвергнута КНДР⁵.

Действительно, в течение 1998—2012 гг. Индия и Пакистан провели более 120 испытательных пусков боевых ракет (из них около 80 — баллистических), многие из которых могут быть оснащены ядерными боеголовками⁶. В начале нынешнего года кровопролитные инциденты на границе между этими двумя странами заставили даже политкорректную «Нью-Йорк Таймс» признать, что длящийся десятилетиями индо-пакистанский конфликт является одним из наиболее вероятных очагов ядерной войны⁷. Но никто по этому поводу СБ ООН созывать не просил и просить, похоже, не собирается.

За тот же период КНДР произвела всего 4 пуска (первые три — в 1998, 2009 и 2012 гг. — неудачные). И все они стали предметом внимания СБ ООН в виде резолюций или заявлений председателя СБ ООН. В связи с этим в КНДР отметили, что в мире за все время было произведено более 2 тыс. ядерных испытаний и более 6 тыс. запусков спутников и ни один из них, за исключением сделанных в КНДР, не стал предметом обсуждения в СБ ООН⁸.

В Пхеньяне, похоже, решили жестко отстаивать свое суверенное право на использование космического пространства в мирных целях. Это право закреплено в соответствующих международных договорах и конвенциях, носящих универсальный характер. Им широко пользуются все окружающие КНДР государства, и поэтому в Пхеньяне никогда не смиряются с попытками лишить страну этого права, что и было подтверждено северокорейской стороной, отвергнувшей как заявление председателя СБ ООН с осуждением апрельского 2012 г. пуска (неудачного), так и резолюции СБ ООН по поводу успешного запуска в декабре 2012 г.⁹

В таких условиях третье ядерное испытание становилось неизбежным как с политической (как единственный убедительный ответ, имевшийся в распоряжении КНДР), так и с технической точки зрения (получение компактной боеголовки для ракет).

Реакция КНДР на две последние резолюции СБ ООН относительно запуска спутника и третьего ядерного испытания Пхеньяна свидетельствует, что в обозримом будущем всем нам придется иметь

дело с де-факто ядерной Северной Кореей. Реалии современных международных отношений вряд ли подвигнут руководство этой страны на отказ от своих ракетно-ядерных сил сдерживания¹⁰.

Некоторые специалисты в США призывают признать эти реалии и научиться сосуществовать с ядерной КНДР. Они не считают, что такой вариант приведет к «эффекту домино» и ядерному вооружению Японии и Южной Кореи. Против этого уже решительно выступили США. Чтобы не допустить дальнейшего обострения внутривосточных дебатов по этому поводу в Японии и РК, Вашингтон пошел на публичное подтверждение своих гарантий безопасности этим странам и предпринял шаги (недавние полеты Б-52 над Южной Кореей), подкрепляющие эти заявления на практике¹¹.

Кстати, такие действия США — еще одно подтверждение сделанного несколько лет тому назад прогноза, что Вашингтон еще более, чем Пекин, заинтересован в том, чтобы Токио и Сеул не обзавелись ядерным оружием, ибо опасается утратить контроль над их внешней и оборонной политикой.

Согласие КНР поддержать резолюцию СБ ООН с осуждением успешного запуска 12 декабря 2012 г. было воспринято в Пхеньяне, по словам северокорейских дипломатов в Москве, как «предательство». Тем не менее для Китая иметь дело даже с ядерной КНДР предпочтительнее, по крайней мере на данном этапе, чем с объединенной Кореей, находящейся под контролем США и американскими войсками на 1400-километровой корейско-китайской границе.

3. Реликт «холодной войны»

Показательно, что в американо-южнокорейских маневрах осенью 2012 г. участвовали военнослужащие Соединенного Королевства, Австралии, Канады, Колумбии, Дании и ряда других стран, воевавших на стороне США и РК в период Корейской войны в составе Командования ООН и обещавших снова направить свои войска в Корею в случае возникновения там нового конфликта. Это обстоятельство не осталось незамеченным в Пхеньяне, где обвинили США в подготовке к развязыванию новой войны против КНДР под флагом ООН¹².

Представляется, что нам давно пора проанализировать, какую роль может сыграть этот полностью контролируемый США реликт «холодной войны», еще раз обратить внимание на почти забытый аспект роли ООН в Корее, а именно на решения СБ ООН 60-летней давности, позволяющие войскам США до сих пор находиться в РК под флагом ООН. Пора положить конец злоупотреблениям Соединенными Штатами именем и авторитетом этой организации для оправдания своей имперской политики на полуострове.

Необходимо упредить возможную попытку США явочным порядком, в обход СБ ООН, осуществить повторную интервенцию в Корею под флагом ООН. Дело в том, что командующий войсками США, размещенными в РК, помимо того, что возглавляет объединенное американо-южнокорейское командование, одновременно является и командующим войсками ООН в Корее. Это еще один анахронизм времен «холодной войны». Оба корейских государства уже 22 года являются членами этой международной организации, а получается, что она находится в состоянии военного перемирия с одним из своих членов. Разумеется, ни Военно-штабному комитету ООН, ни какому-либо другому ооновскому органу эти войска не подконтрольны и не подотчетны. С момента своего создания и по настоящее время возглавляют его сменяющие друг друга американские генералы.

Командование ООН в Корее было создано на основе резолюций СБ ООН, о законности которых существуют различные мнения. Дело в том, что в тот период место только что образованной КНР было занято Тайванем, а Москва, в знак солидарности с Пекином, бойкотировала заседания СБ, когда там председательствовал гоиндановец. Случилось это как раз в дни начала Корейской войны. В результате СБ ООН успел напечатать резолюций, о содержании которых в Москве и Пекине сейчас предпочитают не вспоминать и последствия которых, похоже, ими до конца так и не просчитаны.

Обращаясь к примерам из истории американской внешней политики, нельзя исключить, что США и их союзники могут организовать в Корее провокацию, схожую с той, что они устроили в 1964 г. в Тонкинском заливе, обстреляв собственный эсминец, чтобы получить предлог для нападения на Вьетнам. Только так можно объяс-

нить нарочито демонстративные стрельбы с о. Енпхендо в декабре 2010 г., проведенные при участии американских и южнокорейских военных и рассчитанные на силовую реакцию северокорейцев, ответ на которую был вполне предсказуем.

За счет своего подавляющего превосходства в мировом информационном пространстве США и их союзники вполне могут попытаться представить дело таким образом, что КНДР напала... на войска ООН. Не исключено, что американцы держат этот вариант про запас. В результате может возникнуть чрезвычайно опасная и неоднозначная ситуация.

Москве и Пекину стоит всерьез задуматься над тем, как ее предотвратить и положить конец злоупотреблениям флагом и именем ООН в Корее со стороны державы, чье истинное отношение к роли и авторитету этой организации столь ярко проявилось в ходе подготовки и осуществления агрессии против Ирака и целого ряда других стран.

При этом есть достаточно оснований подозревать, что США и РК преднамеренно провоцируют руководство КНДР на акции, подобные обстрелу о. Енпхендо. Расчет строится на планомерном создании международной обстановки, благоприятной для оправдания военного удара по КНДР. В этих целях США преднамеренно всячески демонизируют Северную Корею и ее руководство.

4. Раздутая угроза

К сожалению, с подачи американской и западной пропаганды и наши СМИ формируют у общественности довольно искаженный образ того, что происходит в последнее время на Корейском полуострове. Раздувая сверх всякой меры некоторые заявления и акции КНДР, носящие, как показывает анализ, преимущественно пропагандистско-психологический характер, Запад, а вслед за ним почему-то и мы, отказывается замечать, что развитие ракетно-ядерной программы КНДР стало ответом на практически нескрываемые приготовления США и их союзников к силовому сценарию даже не смены режима, а полной ликвидации этого государства, созданного при нашем активном участии и являющегося членом ООН и более 150 других международных организаций.

В то время как на Западе, да и у нас, всюду расписывали поездку Ким Чен Ына в августе 2012 г. на один из островов у северной разграничительной линии как проявление некоей «агрессивности» КНДР, на юге полуострова шли маневры с участием 80 тыс. войск США и РК, во время которых отрабатывался упреждающий удар южнокорейской артиллерии по КНДР. В 2012 г. во время крупнейших в мире компьютеризованных маневров «Ки резолв — Фоул игл» отрабатывалось занятие 100 тыс. южнокорейских войск территории КНДР для «стабилизации» ситуации там в случае столь ожидаемого в Южной Корее и США «краха режима». В марте того же года были проведены крупнейшие маневры по высадке десанта с участием 9 тыс. американских военнослужащих.

В настоящее время командование войсками США в РК и командование специальных операций США в РК возглавили генералы, имеющие боевой опыт, приобретенный в Ираке и Афганистане. Вблизи ДМЗ в Корее размещены боевые машины пехоты, способные выдерживать взрывы мин и использовавшиеся в операциях на Ближнем Востоке. США завершили разработку высокоточных бомб, способных поражать глубоко расположенные подземные цели¹³.

Однако утверждения американцев о «северокорейской угрозе» остаются малоубедительными. Специалистам ясно, что при нынешнем соотношении сил на полуострове и в мире, с учетом боевых возможностей вооруженных сил и состояния экономики КНДР, сознательное инициирование какого-либо крупного конфликта Пхеньяном исключено. Очевидно, что Северная Корея не в состоянии вести сколько-нибудь масштабные наступательные военные действия, тем более без поддержки извне. Такой поддержки сейчас ей ожидать неоткуда.

Многие шаги КНДР интерпретируются американцами и южнокорейцами, а с их подачи — большинством наших СМИ и даже некоторыми «аналитиками», как проявления ее имманентной агрессивности. На самом деле почти все последние «громкие» акции Пхеньяна имели главной целью привлечь внимание мирового сообщества к корейской проблеме с тем, чтобы, *во-первых*, показать перспективность разговаривать с КНДР с позиции силы, *во-вторых*, вынудить США пойти на признание права КНДР на существование,

не препятствовать, как это происходит в настоящее время, оказанию ей экономической и финансовой помощи другими западными странами и международными финансовыми организациями.

Продолжающийся высокомерный и явно демонстративный отказ США и РК возобновить диалог с КНДР по всему спектру взаимных озабоченностей лишней раз демонстрирует истинную цену многолетних призывов Запада к «открытию» КНДР, ее включению в так называемое мировое сообщество. На самом деле на роль «злодея» в регионе вместо исчезнувшей «империи зла» — СССР — быстро назначили КНДР, а сейчас исподволь готовят на эту роль Китай, который, несмотря на почти 40-летние усилия США, все никак не становится «ответственным пайщиком» мирового холдинга, где директорствуют США.

5. Заключение

Огромное внимание, которое уделило российское руководство и лично президент В.В. Путин организации и проведению состоявшегося в сентябре 2012 г. саммита АТЭС во Владивостоке, свидетельствует о том, что Россия всерьез и навсегда возвращается в этот регион и намерена активно участвовать в разворачивающихся здесь интеграционных процессах, рассматривая их как важный фактор модернизации своей экономики¹⁴. Вполне естественно, что Россия заинтересована в создании благоприятных, прежде всего мирных, условий для своего долгосрочного развития, в том числе и в Северо-Восточной Азии.

В своей предвыборной статье «Россия в меняющемся мире» президент РФ В.В. Путин отмечал, что «ядерный статус КНДР для нас неприемлем. Мы неизменно выступаем за денуклеаризацию Корейского полуострова, причем исключительно политико-дипломатическими средствами, призываем к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров»¹⁵.

Новым моментом в подходе к оценке проблем с Ираном и КНДР, как представляется, стало заметно большее внимание, которое было уделено в статье ответственности не только распространителей ОМУ, но и борцов с распространением за сложившуюся си-

туацию в этой области. Было привлечено внимание к тому, «как возникают риски распространения ядерного оружия — и кто их усиливает. Есть ощущение, что участившиеся случаи грубого и даже силового вмешательства извне во внутренние дела стран могут стимулировать те или иные авторитарные режимы (да и не только их) к обладанию ядерным оружием»¹⁶.

«Нравится это нам или нет, но то, что внешнее вмешательство подталкивает к такому ходу мыслей, — факт», — отметил В.В. Путин, подчеркнув, что «необходимо сделать все возможное, чтобы соблазн заполучить ядерное оружие ни перед кем не маячил. Для этого и самим борцам за нераспространение надо перестроиться, особенно тем, кто привык наказывать другие страны с помощью военной силы, не дав поработать дипломатии»¹⁷.

Если установка об ответственности нарушителей режима распространения, в данном случае КНДР, была сполна реализована в двух резолюциях СБ ООН от 22 января и 7 марта 2013 г., то тезис об ответственности борцов с распространением остался, похоже, всего лишь политической декларацией. Если соответствующие ведомства, ответственные за реализацию внешнеполитических установок президента, и пытались что-то сделать в этом направлении, то попытки эти, похоже, предпринимались по закрытым дипломатическим каналам и существенно на ситуацию не повлияли.

В итоге впервые за последние 60 лет после окончания Корейской войны Корея оказалась столь близка к развязыванию широко-масштабного конфликта, причем на этот раз с большой долей вероятности применения ядерного оружия.

В модернизированной Концепции внешней политики России говорится, что «Россия нацелена на поддержание дружественных, основанных на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, более полное использование потенциала этих связей для ускорения регионального развития, оказания поддержки межкорейскому политическому диалогу и экономическому взаимодействию как важнейшему условию поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет

всемерно содействовать последовательному продвижению этого процесса на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе в рамках шестистороннего переговорного формата»¹⁸. И если первая часть этих установок не вызывает вопросов, то следование второй их части пока что явно не дает устраивающего нас результата.

Примечания

¹ Alagappa V. North Korea tests Asian security. The Asia Times. 19.02.2013.

² «Нодон синмун». 01.01.2012.

³ Launch of Satellite Kwangmyongsong-3 Is Legitimate Right of DPRK: KCNA. KCNA. 18.03.2012.

⁴ Baker C. Double Down on North Korea's Bluff. PacNet#18A. 19.03.2012.

⁵ DPRK Foreign Ministry Spokesman on Result of DPRK-U.S. Talks. KCNA. 29.02.2012; U.S.-DPRK Bilateral Discussions. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/02/184869.htm>

⁶ Dalton T., Nandler J. Understanding the Arms «Race» in South Asia. The Carnegie Papers. Nuclear Policy. Sept. 2012.

⁷ «The New York Times». 16.01.2013.

⁸ Пресс-заявление представителя МИД КНДР. 12 февраля 2013 г. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации.

⁹ DPRK Rejects UNSC's Act to Violate DPRK's Legitimate Right to Launch Satellite. DPRK Foreign Ministry Statrment. KCNA.2012.04.17; DPRK Refutes UNSC's «Resolution» Pulling Up DPRK over Its Satellite Launch. KCNA. 23.01.2013.

¹⁰ Заявление представителя МИД КНДР. 9 марта 2013 г. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации.

¹¹ Alagappa V. North Korea tests Asian security. The Asia Times. 13.02.2013.

¹² Заявление представителя МИД КНДР. 7 марта 2013 г. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации.

¹³ Hong Ch., Lee H. North Korean test shows US policy failings. The Asia Times. 19.02.2013.

¹⁴ Подписан указ о мерах по реализации внешнеполитического курса. Президент России. Официальный сайт. 7 мая 2012 года. URL: <http://news.kremlin.ru/acts/15256>

¹⁵ Путин В. Россия и меняющийся мир. «Московские новости». 27.02.2012.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f?OpenDocument>

А.В. Воронцов *

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В 2013 Г.: ТРАДИЦИОННЫЕ ТРЕВОГИ И НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Пресловутый маятник развития военно-политической ситуации на Корейском полуострове (от фазы кризиса к фазе переговоров) в начале 2013 г. вновь резко качнулся в сторону жесткой конфронтации. Печально известная модель взаимодействия КНДР со своими оппонентами по схеме: «запуск искусственного спутника Земли (предсказуемо и однозначно интерпретируемый Западом как запрещенное ракетное испытание) — его осуждение СБ ООН — в качестве протеста новое ядерное испытание — еще более жесткая санкционная резолюция СБ ООН — выход Пхеньяна из переговорных форматов» вновь, как в 2009 г., была реализована в последние месяцы. Отличительной чертой нынешнего цикла противоборства следует считать небывало высокий даже для Корейского полуострова градус политической и пропагандистской конфронтации, поднявший ставки и риски до беспрецедентного уровня.

Хронология событий хорошо известна: успешный запуск спутника КНДР состоялся 12 декабря 2012 г. СБ ООН на этот раз выбрал

* *Воронцов Александр Валентинович*, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. E-mail: vorontsovav@yandex.ru

более жесткую форму реагирования в виде резолюции 2087, принятой 22 января 2013 г., в отличие от аналогичного случая в апреле 2012 г., когда ограничился заявлением председателя Совбеза. КНДР решительно выразила несогласие с этим решением и логикой США, «согласно которой свои запуски — это спутники, а чужие — баллистические ракеты дальнего действия», и заявила, в частности, что «уже больше не существуют ни шестисторонние переговоры, ни Совместное заявление от 19 сентября»¹.

В «знак протеста» 12 февраля 2012 г. Пхеньян осуществил третье ядерное испытание, обратив внимание в сопутствующем заявлении МИДа, что в мире осуществлено «более 2 тыс. ядерных испытаний и 9 тыс. запусков спутника, но еще никогда не были приняты резолюции Совбеза ООН, запрещающие ядерное испытание или космические пуски»². В ответ СБ ООН 7 марта 2013 г. принял резолюцию 2094, накладывающую на Северную Корею наиболее суровые санкции за последние десятилетия.

За ними последовала серия крайне жестких заявлений Пхеньяна и в ответ Сеула, взаимно пообещавших «стереть друг друга» с лица земли³. Порой война манифестов и нервов в своей безудержной воинственности настолько зашкаливала, что у не очень искушенных наблюдателей могло возникнуть ощущение, что обе стороны скатываются к рубежу неконтролируемой истерики.

Кульминацией нынешней стадии кризиса стал выход КНДР из Соглашения о перемирии 1953 г. и ряда соглашений с РК, ликвидация линии «горячей связи» между представителями военных ведомств Северной Кореи и США, Пхеньяна и Сеула. То есть — разрушение юридическо-правовой инфраструктуры, регуливающей состояние неустойчивого равновесия и не очень прочного мира на Корейском полуострове в последние десятилетия⁴.

Безусловно, еще одной новой, важной и весьма тревожной отличительной чертой рассматриваемой фазы конфликта стало громкое звучание ядерной ноты. КНДР заявила о праве и способности нанести превентивный ядерный удар, в том числе по американским военным базам за пределами Южной Кореи: в Японии, на о-ве Гуам, Гавайях и даже по континентальной территории США⁵. И, надо сказать, это вызвало не только традиционную бурю гнева и воз-

мущения, но определенную нервозность в Вашингтоне. В срочном порядке было принято решение о размещении дополнительных ракет-перехватчиков в рамках глобальной системы ПРО на Аляске, а также о периодических заходах американских кораблей с ядерным оружием на борту в южнокорейские воды и полетах стратегических бомбардировщиков, оснащенных атомными средствами, вблизи КНДР. В подкрепление этих планов в ходе совместных с Южной Кореей маневров 8 и 25 марта с. г. самолеты ВВС США впервые за многие годы отрабатывали учебные ядерные атаки против территории Северной Кореи⁶.

Что же послужило причиной галопирующего взлета конфронтации в 2013 г.? Естественно, тут имеет место комплекс различных причин и факторов. Оппоненты Пхеньяна обычно называют в числе главных из них: проявление неопытности, незрелости и авантюризма молодого лидера КНДР, стремление запугать Сеул, заставить его поверить в то, что, приобретя ЯО, КНДР коренным образом изменила в свою пользу военный баланс на полуострове, приобрела иммунитет против контрдействий Юга и теперь может безнаказанно осуществлять шантаж и «военные провокации» против РК. Надо отметить, что подобные настроения в настоящее время достаточно широко распространены и последовательно поддерживаются среди южнокорейского общественного мнения.

В политическом и экспертном сообществе США резко усилились голоса, требующие немедленного и решительного изменения приоритетов политики в пользу принятия комплекса мер, направленных на форсирование смены режима в КНДР путем резкого усиления внешнего давления, изоляции, формирования и стимулирования внутренней оппозиции⁷. На официальном уровне в открытую заговорили о задаче подрыва жизненного уровня северокорейского населения и т. д.⁸

При этом представители данного лагеря предпочитают не замечать того факта, что ракетно-ядерные испытания КНДР на рубеже 2012—2013 гг. стали в значительной мере ответом на их собственное нежелание вести конструктивный диалог с Пхеньяном. Напомним, что после того, как КНДР в апреле 2009 г. заявила о выходе из шестисторонних переговоров, пять оставшихся участников объявили

своим приоритетом найти средства убедить Пхеньян вернуться в «шестерку». И вот когда, благодаря прежде всего усилиям дипломатии России и КНР, эта цель почти была достигнута и руководство КНДР в 2011—2012 гг. неоднократно заявляло о готовности продолжить свое участие в данном дипломатическом процессе, Вашингтон, Токио и Сеул, вопреки собственным декларациям, стали выдвигать предварительные условия и, по сути, всячески затягивать возобновление переговоров. Тем самым они проявили свои истинные цели — заинтересованность не в налаживании диалога, а в продолжении политики «стратегического терпения», которую многие американские же эксперты назвали разновидностью «стратегии сдерживания» в отношении КНДР, т. е. — углубления изоляции с конечной целью смены режима. Получив подобный четкий сигнал от своих оппонентов и учитывая, в том числе на примере Ливана и Сирии, возросшую склонность Запада к использованию военно-силовых методов для свержения неугодных режимов, Пхеньян, видимо, посчитал себя свободным в выборе средств и предпринял те меры, которые посчитал необходимыми для укрепления национальной обороноспособности.

Конечно, при всей важности этот фактор был не единственной причиной, побудившей Пхеньян осуществить рассматриваемые шаги. Внутриполитические интересы, как всегда, определяют очень многое. Вероятно, тут сыграло свою роль и стремление руководства страны компенсировать неприятный осадок, возникший в обществе после неудачи запуска ИСЗ 13 апреля 2012 г., и реалии космической гонки между Северной и Южной Кореей. Выведя 12 декабря 2012 г. свой первый спутник на заданную орбиту, КНДР соревнование за прорыв в космос выиграла, что было весьма болезненно воспринято на Юге, который осуществил успешный запуск своего ИСЗ на полтора месяца позже.

Но одновременно эти действия стали спусковым крючком стремительного раскручивания той спирали конфликтности, которая поставила в настоящее время Корейский полуостров на грань войны.

Все это было трудно себе представить не только в еще недавние времена двух межкорейских саммитов, но даже в прошлом году. В этом смысле первые месяцы 2013 г. выступают резким контрастом

парадигме эволюции ситуации в 2012 г., который хотя и не был безоблачным, но оставлял основания для сдержанно-оптимистического взгляда в будущее. Ведь, вспомним, 2012 г. завершился для КНДР на мажорной ноте. Его символическим итогом воспринимались две декабрьские новости: Ким Чен Ын был признан человеком года, по версии читателей американского журнала *Time*⁹, и КНДР вошла в элитный клуб космических держав, что стало отражением крупного успеха национальной науки и техники¹⁰.

В стране происходили важные внутренние изменения при сохранении стабильности, что признавали и в США¹¹. Новый лидер осуществил ряд мероприятий, направленных на выравнивание баланса между ролью армии и партии за счет относительного сокращения влияния военных на политическую и экономическую жизнь страны. Ким Чен Ын сменил до 10 % командного состава, кульминацией чего считается отставка начальника Генерального штаба Ли Ен Хо. По мнению ряда экспертов, этот шаг символизировал переход от «политики приоритета армии» к «политике приоритета партии». Была также укреплена роль кабинета министров как центрального органа, ответственного за развитие экономики, в том числе путем передачи ему ряда внешнеэкономических функций, ранее находившихся в ведении армейских структур¹².

На фоне этих шагов появились рассуждения об усилении влияния «технократов» и ожидания ускорения процесса экономических реформ¹³. Внутриполитической консолидации общества в немалой степени способствует и внешний фактор. В Пхеньяне внимательно изучают стратегию своих оппонентов, направленную на смену режима в КНДР, в частности отслеживают приготовления и модификации военных планов действий на случай возникновения чрезвычайных ситуаций на Корейском полуострове, которые разрабатываются в рамках американо-южнокорейского союза. В соответствии с этими документами в случае «чрезвычайных ситуаций», а таковой является и смерть лидера КНДР, вслед за которой, по мнению их разработчиков, в Северной Корее должна развернуться борьба за власть, вспыхнуть внутренняя смута, Сеул и Вашингтон должны ввести на Север свои войска. На радикализацию подобных установок, произошедшую в первые месяцы 2013 г., указывается в заявле-

ниях Пхеньяна: «Консервативно настроенные масс-медиа Южной Кореи, передавая материалы об операции убийства Усамы бен Ладена, которая была проведена в 2010 г., открыто заявили, что план действий “объединенных сил США и Южной Кореи” включает, кроме всего прочего, операцию по уничтожению высшего руководства КНДР. Они даже разболтались о том, что операция по уничтожению высшего руководства КНДР не представляет трудности в военно-техническом плане и все действия КНДР находятся под постоянным наблюдением, что сейчас самое время перейти от “оборонительных” к “наступательным позициям” в отношении к КНДР»¹⁴.

Недавние события в Ираке и Ливии, судьбы С. Хусейна и М. Каддафи, то, что происходит сейчас в Сирии, не оставили руководящему слою и достаточно многочисленной политической активной части населения Северной Кореи никаких иллюзий относительно своей участи, включая физическое выживание, в случае торжества политики «смены режима». И это сильнее любых идеологических установок заставляет сплачиваться вокруг вождя и купировать в зародыше внутренние разногласия.

Таким образом, есть основания полагать, что по меньшей мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе в КНДР сохранится внутренняя стабильность, чего нельзя с уверенностью сказать о динамизме в продолжении экономических преобразований.

По нашему мнению, даже в условиях нынешнего жесткого кризиса, когда голос военных слышен значительно громче, чем дипломатов, когда прозвучало немало эмоциональных заявлений, дезавуирующих многие важные соглашения, не стоит забывать проявившееся в 2012 г. стремление молодого лидера КНДР реализовывать принципы многовекторной дипломатии: приверженность идее многосторонних дипломатических усилий, улучшению отношений с основными оппонентами. Аналитики помнят, что молодой лидер КНДР призвал «устранить состояние конфронтации между Севером и Югом», протянув, тем самым, «пальмовую ветвь» избранному 19 декабря 2012 г. президенту Республики Корея г-же Пак Кын Хе. Безусловно, важно и то, что уже в 2013 г. в условиях нарастания конфликтности состоялись визиты в Пхеньян ряда неправительственных американских делегаций — во главе с председателем совета ди-

ректоров компании Google Э. Шмидтом и бывшим губернатором американского штата Нью-Мексико Б. Ричардсоном, ИА «Ассошиэйтед пресс» во главе с вице-президентом Дж. Данишевским — формально для того, чтобы отметить первую годовщину открытия своего бюро в КНДР, а также баскетбольной звезды Д. Родмана¹⁵.

При всем драматизме и тревожности нынешней ситуации на Корейском полуострове, по нашему мнению, стороны рано или поздно вернутся к поискам выхода из кризиса в рамках переговорного трека. Будут ли это шестисторонние переговоры, в целесообразность и жизнеспособность которых продолжают верить в Москве, Пекине и ряде других стран, или какая-либо иная структура, покажет время. Очевидно одно: без создания в том или ином виде долгосрочной и комплексной системы поддержания мира на Корейском полуострове, призванной заменить явно устаревшее и исчерпавшее свой потенциал заключенное 60 лет назад Соглашение о перемирии, устранить перманентную конфликтность, урегулировать корейскую проблему, включая ее ядерную составляющую, не удастся.

Примечания

¹ Заявление Государственного Комитета Оборона КНДР. Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. 24.01.2013.

² Пресс-заявление представителя МИД КНДР. Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. 12.02.2013.

³ «Северная и Южная Кореи грозят устроить друг другу конец света». 08.08.2013. URL: <http://news.mail.ru/politics/12267918/?frommail=1>

⁴ Заявление Комитета по мирному объединению Кореи. Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. 08.03.2013.

⁵ Заявление Верховного командования Корейской Народной Армии. Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. 26.03.2013.

⁶ Заявление Верховного командования Корейской Народной Армии. Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. 26.03.2013.

⁷ «CSIS discussion on US policy toward N. Korea between former USFK commander Gen. Sharp, former CIA and St. Dept negotiator Joe de Trani, and CSIS's Victor Cha/Bush NSC», The Nelson Report, March 21, 2013. URL: <http://samuelsinternationalassociates.com/>

⁸ «The United States and the Asia-Pacific in 2013», Remarks by Tom Donilon, National Security Advisor to the President — The Asia Society New York, New York, March 11, 2013. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon-national-security-advisory-president-united-states-a>

⁹ URL: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/chelovekom-goda---2012-po-versii-chitateley-time-stal-kim-chen-yn-14122012091400>

¹⁰ URL: <http://www.rg.ru/2012/12/16/zapusk-site.html>

¹¹ Alexander Mansourov. A Dynamically Stable Regime, 17.12.2012. URL: http://38north.org/2012/12/amansourov121712/?utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+38North+%2838+North%3A+Informed+Analysis+of+North+Korea%29; URL: <http://nautilus.org/napsnet/napsnet-policy-forum/power-transition-in-north-korea-and-kim-jong-uns-leadership-style-prospects-for-reform-and-opening/>

¹² Kim Jong-Un. Revering Kim Jong-Il as Our Party's Eternal General Secretary, Let's Accomplish the Revolutionary Idea of Juche // Korean Central News Agency (Pyongyang). 19.04.2012.

¹³ Kim Jong-Un's Special Order for the Reform of Farm Ownership and Collective Farms // Dong-A Ilbo Daily (Seoul). 26.06.2012.

¹⁴ Заявление Верховного командования Корейской Народной Армии/Пресс-релиз Посольства КНДР в РФ. 26.03.2013.

¹⁵ URL: <http://www.rg.ru/2013/01/10/google-kndr-site-anons.html>; North Korea News letter, No. 245, January 17, 2013;

URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2013/01/16/91/0401000000AEN20130116010700325F.HTML>; URL: <http://ria.ru/world/20130301/925412536.html>

*Ким Ен Ун**

РАСКОЛ КОРЕИ: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В этом году исполняется 65 лет образования РК и КНДР и 60 лет окончания активной фазы Корейской войны 1950—1953 гг.

Первая дата ознаменовала политическое и правовое оформление раскола Кореи. Вторая дата — закрепление раскола уже в социально-психологическом, нравственном, отчасти в ментальном плане, хотя Соглашение о перемирии от 27 июля 1957 г. предусматривало проведение общекорейских выборов и создание общекорейского правительства.

Окончание войны таким соглашением о перемирии и отсутствие до сих пор мирного договора во многом связаны не только с первопричинами раскола Кореи, но и с тем, что гражданской войне, какой вначале была Корейская война, не дали развиваться в соответствии с логикой такой войны. Благодаря вмешательству внешних сил, прежде всего США, ее превратили в международный военный конфликт, нивелировавший изначальные цели, мотивы и логику войны.

Соотношение сил на международной арене было таково, что ни одна из коалиций воюющих стран не могла одержать военную победу. Дело закончилось возвращением к тому же состоянию, в котором оба корейских государства находились перед началом войны. Грани-

* *Ким Ен Ун*, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: kim@ifes-ras.ru

ца по-прежнему проходила (с частичными изменениями) по 38-й параллели. То есть война закончилась ничью. Но если в типичной гражданской войне ничья, когда она бывает, всегда сопровождается компромиссом между классами, сословиями, политическими группами, то Корейская война закончилась ничьей как международный военный конфликт, но отнюдь не как компромисс между силами Севера и Юга.

Отсюда ситуация, когда нет победителя и побежденного, нет правого и неправого, невозможно определить зачинщика и виновника. Отсюда и положение, когда каждая из сторон объявляет другую зачинщиком, инициатором войны, считает себя победителем. Это было очень хорошо видно летом 2013 г., когда с большой помпой отмечалось окончание войны на Севере и Юге. А что это означает? Это означает, что ни та ни другая сторона так до сих пор и не признали, в чем была причина той войны, в чем была причина раскола народа и страны, логическим следствием которого в Корее и явилась гражданская война.

У всякого раскола есть причины объективные и субъективные, есть причины внешние и внутренние. Объективные причины раскола Кореи имеют как внутреннее, так и внешнее происхождение.

Это был период противостояния двух мировых социально-экономических систем, причем социалистическая становилась на ноги и уже имела огромный авторитет в силу вклада СССР в разгром немецкого фашизма и японского милитаризма, что вызвало мощнейший всплеск национально-освободительного движения, разрушивший колониальную систему. Авторитет СССР была так высок, что перевес сил почти во всех странах, которые освободились от фашизма и японского милитаризма, был на стороне левых партий и движений. Не подлежало сомнению и то, что в Корее после освобождения от японского колониального ига, если бы не раскол страны, к власти пришли бы левые силы во главе с компартией. Об этом говорит создание во всех более или менее крупных городах народных комитетов, часто возглавляемых коммунистами, которые ставили задачи народно-демократических преобразований.

Понимая неизбежность такого развития событий, США еще в мае 1945 г. поставили вопрос об опеке над Кореей¹ и повторили эту идею

на Совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве в декабре 1945 г. СССР согласился с этой идеей, так как тогда во многом доверял США и шел на значительные уступки по многим вопросам послевоенного устройства в Азии, учитывая, что Штаты несли основную тяжесть борьбы с милитаристской Японией на Тихоокеанском фронте во время Второй мировой войны².

Вступление советских войск в Корею было вызвано не желанием во что бы то ни стало захватить эту территорию, а военной необходимостью. Нелишне напомнить, что тогда Кореи как государства не было, а на ее территории были размещены японские войска численностью 170 тыс. человек. Через Корею, особенно через ее северную часть, проходили основные линии снабжения Квантунской армии боеприпасами и военной техникой и пополнения людскими резервами³.

Необходимо было перекрыть эти каналы, нейтрализовать крупную группировку японских войск в Корее, тем более что в некоторых местах, например в Вонсане, еще 22 августа японские командиры войсковых частей отказывались сложить оружие, ссылаясь на то, что они не получили приказа о капитуляции⁴. Нужно было также предотвратить вывоз в Японию награбленных в Корее материальных и культурных ценностей, а также бегство туда командного состава японской армии и японских чиновников и коллаборационистов. Это тоже требовало занятия портов, аэродромов.

Уже после официальной процедуры подписания акта о капитуляции Японии возник вопрос: а что дальше? Надо было решить серьезный политический и юридический вопрос: на каких основаниях войска СССР и США останутся в Корее. Конечно, можно было сразу вывести советские войска из северной части Кореи, но это возможно было только, если США также выведут свои войска из южной части страны. Ведь СССР довольно быстро вывел свои войска из Норвегии, Дании и Китая после 1945 г. США уходило из Кореи не хотели не только из-за нее самой, но и из-за опасения влияния демократических процессов в Корее на Японию.

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, однако, настоял на том, чтобы вместо 10-летнего срока опеки, предлагавшегося США, ограничить его пятью годами. Кроме того, американский проект предлагал для установления опеки в Корее соз-

дать административный орган четырех держав (Соединенные Штаты, СССР, Великобритания, Китай), который должен был осуществлять исполнительную, законодательную и судебную власть в период осуществления опеки. Предложение США не предполагало создания национального корейского правительства.

В советском же проекте, принятом Московским совещанием, предусматривалось оказание содействия образованию временного корейского правительства со стороны представителей Советского Союза и Соединенных Штатов. Для этого предлагалось создать Совместную советско-американскую комиссию, которая должна была помочь формированию корейского правительства, консультируясь с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. По советскому проекту опека четырех держав в Корее должна была осуществляться через временное корейское правительство и его органы, что обеспечило бы национальные интересы корейского народа⁵.

В последующем США представили дело таким образом, как будто саму идею опеки предложил СССР и что она направлена на лишение права народа Кореи самостоятельно решать свои проблемы⁶. США сознательно сорвали решение о создании временного демократического правительства Кореи.

СССР еще в 1947 г. предлагал вывести иностранные войска с территории Кореи. США неизменно отказывались даже обсуждать этот вопрос. Одним из их аргументов против вывода в 1947—1948 гг. была неподготовленность корейцев к управлению своим государством и неизбежность гражданской войны в отсутствие сдерживающего фактора в лице иностранных войск.

Естественно, это касалось Юга Кореи, занятого американскими войсками. Там накал социально-классовой борьбы действительно был таким, что он мог привести достаточно быстро к свержению режима, установленного американцами. Для этого в 1947—1948 гг. не нужно было даже гражданской войны — достаточно было нормальных демократических выборов без давления со стороны США и без террора со стороны ультраправых организаций.

Присутствие американских войск было гарантией сохранения власти Ли Сын Мана и позиций прояпонских элементов в полиции,

других силовых структурах, госаппарате, бизнесе. По сути, дело велик фактическому и юридическому расколу Кореи⁷.

В дальнейшем, когда началась Корейская война, США грубейшим образом нарушили Устав ООН и провели неправовое, незаконное решение Совета Безопасности ООН о создании и участии войск ООН в Корейской войне. Дело в том, что п. 3 ст. 27 Устава ООН гласит, что решения Совета Безопасности по всем вопросам, кроме процедурных, считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета, т. е. единогласная поддержка всех постоянных членов Совета Безопасности ООН⁸. В то время представитель СССР не присутствовал на заседаниях СБ ООН в знак протеста против того, что место КНР там занимал представитель Тайваня.

Конечно, можно сказать, что СССР тогда совершил ошибку, слишком понадеявшись на соблюдение Устава ООН со стороны США и Совета Безопасности. Вместе с тем п. 1 ст. 28 Устава гласит: «Совет Безопасности организуется таким образом, чтобы он мог функционировать непрерывно. Для этой цели каждый член Совета Безопасности должен быть всегда представлен в месте пребывания Организации Объединенных Наций»⁹. То есть каждый член Совбеза должен присутствовать на его заседаниях.

Нарушения взятых на себя обязательств были фирменной чертой политики США во все годы их участия в корейских делах, если это касалось Северной, а нередко, и Южной Кореи.

Например, Соглашение о перемирии 1953 г. запрещает поставки в Корею новых или дополнительных видов вооружения. США первыми нарушили эту норму, а с 1958 по 1991 г. разместили на территории Южной Кореи тактическое ядерное оружие¹⁰.

Соглашением о перемирии предусматривалось в течение трех месяцев после его вступления в силу созвать совещание представителей демократических сил Кореи для обсуждения вопроса о выводе всех иностранных войск с ее территории и мирного решения корейской проблемы¹¹.

Еще до подписания соглашения о перемирии США начали подготовку договора о взаимной обороне между США и РК. Как вспоминает первый в истории РК генерал армии Бэк Сон Еп, в мае

1953 г. он по приглашению председателя Комитета начальников штабов США Коллинза был в Вашингтоне для переговоров по заключению военного договора. Он был принят президентом Д. Эйзенхауэром, который посоветовал добсудить етали также и с заместителем госсекретаря Смитом. Вскоре по поручению Эйзенхауэра помощник заместителя госсекретаря Робертсон был направлен в Сеул, где принявший его Ли Сын Ман получил подтверждение о намерении США подписать договор¹². 1 октября 1953 г. этот договор был подписан под названием Договора о взаимной обороне между США и РК. По нему и ряду других соглашений США получали право на размещение своих сухопутных, воздушных и морских войск на территории РК. Этот договор, срок действия которого был неограниченным, узаконил постоянное присутствие американских войск в Южной Корее.

США также не выполнили условий Соглашения о перемирии об обмене военнопленными, задержав довольно большое число военнопленных северокорейцев на Юге. Так, например, американское командование в январе 1954 г.¹³ насильственно задержало 21 900 корейских и китайских военнопленных, подлежащих репатриации, а затем передало их властям Южной Кореи и Тайваня¹⁴.

Нарушения взятых на себя обязательств демонстрировали США и в последующие годы. Например, по Рамочному соглашению, подписанному в 1994 г. в Женеве, они обязались в обмен на отказ КНДР от создания ядерного оружия нормализовать отношения с ней, построить в Северной Корее АЭС с двумя реакторами на легкой воде. На самом же деле США не спешили со строительством, надеялись на крах режима в КНДР и думали, что АЭС достанется Южной Корее.

Если действия США и СССР в 40—50-х годах прошлого века можно было объяснить логикой «холодной войны», то ныне ни Россия, ни Китай не заинтересованы в обострении ситуации на Корейском полуострове. Вмешательство Соединенных Штатов — главный внешний фактор продолжающегося раскола Кореи.

США проводят с Южной Кореей совместные учения, на которых отрабатываются сценарии высадки десанта на территории КНДР, взятия всех объектов ее жизнеобеспечения под контроль объединенных американо-южнокорейских сил на случай краха ре-

жима в Северной Корее. В воздушное пространство Южной Кореи направляются стратегические бомбардировщики — носители ядерного оружия, которые осуществляют учебные бомбометания для поражения целей на территории КНДР.

Внутренние факторы раскола связаны с объективными социально-классовыми, а следовательно, политическими и идеологическими противоречиями пришедших к власти сил на Севере и на Юге.

Есть и субъективная сторона процесса раскола, связанная с нежеланием, неспособностью правящих кругов и политических сил пойти на компромисс во имя интересов нации. Для них их классовые интересы оказались важнее, чем национальные. Это, кстати, противоречит и конфуцианским нормам морали и политики, которые предусматривают приоритет государственных, национальных интересов над личностными, групповыми интересами. Во время Корейской войны сами корейцы истребляли своих собратьев. Как рассказывают авторы южнокорейского учебника истории Кореи, специально выпущенного для иностранцев на английском языке, в начале войны южнокорейская армия, отступая, убивала людей, симпатизирующих коммунистам, потом в тех же городах северокорейские солдаты убивали тех, кто не поддерживал коммунистов. После этого южнокорейская армия возвращалась в эти же города и убивала еще больше людей уже только по подозрению в симпатиях к коммунистам. Убивали друг друга и гражданские лица — левые правых, правые левых¹⁵. Отсюда чудовищные потери среди мирного населения Южной Кореи. Авторы учебника не знают о масштабах убийства мирных граждан Северной Кореи не только в результате варварских бомбардировок американской авиации, но и карательных операций войск США, РК и союзных им государств, действовавших под флагом ООН.

К сожалению, как 60 лет назад, так и сейчас правящие силы и Севера и Юга придерживаются стратегии и тактики времен «холодной войны». И там и там надеются объединить нацию под своим контролем: одни путем осуществления революции или, как в последнее время в КНДР заявляют, путем «революционной войны за объединение», правда, которую они собираются вести, если на них нападут. На Юге же все больше надеются на то, что режим в Север-

ной Корее, если его прижать санкциями, будет ослабевать и, в конечном счете, рухнет и она будет включена в состав Южной Кореи.

Бывший президент РК Ли Мен Бак 15 августа 2012 г. говорил о том, что в не очень далеком времени еще возникнет большая Республика Корея¹⁶, т. е. он видит объединение Кореи только как поглощение Северной Кореи Южной. И там и там друг друга называют не иначе как врагами, при этом риторика в адрес другой стороны выходит за пределы не только дипломатического, но и простого этикета. Обе стороны неправильно оценивают друг друга. Северная Корея считает, что США и Южная Корея вот-вот собираются совершить против нее агрессию. Южная Корея и США, в свою очередь, также считают, что Северная Корея в любой момент может развязать военные действия. Причем, как представляется, обе стороны осознают, что война была бы катастрофой для всей корейской нации, но в силу различных причин постоянно пугают себя и народ своей страны, а также другую сторону своей военной мощью. При этом если такую форму защиты слабого государства еще можно как-то объяснить, то такое поведение государства, имеющего самую мощную армию в мире, явно имеет скрытые мотивы.

В Южной Корее, по-видимому, осознают, что продолжение курса Ли Мен Бака в межкорейских отношениях бесперспективно. К тому же такой курс все больше толкает КНДР в объятия КНР. Продолжающиеся санкции против КНДР, за которые так ратует РК, могут превратить Северную Корею в сателлита КНР, что окончательно похоронит всякие надежды на объединение Кореи. Может быть, впоследствии общественное мнение Южной Кореи поблагодарит лидеров Северной Кореи за то, что они пытались проводить самостоятельную политику, сохранили свободу для внешнеполитического маневра. Напротив, РК сейчас и в ближайшем будущем не сможет отказаться от военно-политического союза с США, который ставит определенные пределы свободы маневра в международных делах и в межкорейских отношениях.

В Южной Корее заблуждаются, считая, что режим Северной Кореи рухнет, плохо понимают истоки силы и поддержки народом этого режима. В КНДР заблуждаются, объявляя южнокорейские власти «марионетками империализма». Эти упреки особенно несправедливы, особенно это относится к нынешнему президенту Пак Кын Хе.

Раскол Кореи был связан как со сложившейся в мире во второй половине 40-х годов XX в. обстановкой «холодной войны», так и с особенностями социально-классового противостояния в корейском обществе, а также неспособностью политических лидеров пойти на компромисс во имя национальных интересов, когда идеологические и политические интересы были поставлены выше здравого смысла и национальных интересов. Раскол усугубила братоубийственная война, начало которой было связано с неправильной оценкой социально-политической ситуации в другой части полуострова, своих военных и иных возможностей. Корейская война закрепила раскол, который уже прошел не только через сознание, но и через сердце и плоть каждого корейца, на генетическом уровне заложив недоверие и неприятие соотечественников с другой части страны.

В политике Севера и Юга по отношению друг к другу почти ничего не изменилось за прошедшие 68 лет. Создается впечатление, что для политиков Севера и Юга — объединение — это дежурное клише для завоевания голосов избирателей, для получения поддержки со стороны населения, а на самом деле — обе стороны панически боятся реального объединения. В общественном сознании обеих стран все больше растет равнодушие к этой проблеме. Свою роль играет и то обстоятельство, что людей, помнящих о кровном и ином родстве южан и северян, становится с годами все меньше и меньше. В Южной Корее 40 % тех, кто подавал заявления о желании встретиться с родственниками на Севере, к настоящему времени уже нет в живых.

Конечно, были робкие попытки Ким Дэ Чжуна, Но Му Хена и Ким Чен Ира как-то наладить межкорейские отношения, но опять же логика политической борьбы и приход к власти в Южной Корее неоконсерваторов при Ли Мен Баке отбросили отношения лет на 30 назад. Нужно попытаться понять озабоченности другой стороны (это относится и к гарантиям ненападения и невмешательства, и к созданию все более мощных видов вооружений, в особенности ядерного оружия, хотя и не направленного против РК, и к отработке на учениях способов уничтожения памятников вождям Северной Кореи ракетами Южной Кореи — об этом писала газета «Чосон илбо» 25 марта 2013 г., — и др.) и как-то договариваться. Это нужно для народа, для нации.

Один из уроков раскола Кореи: взаимные упреки, воинственные заявления о скором крахе другой стороны, свержении власти (этим, к сожалению, грешат до сих пор обе стороны¹⁷) могут привести только к продолжению раскола, росту взаимного недоверия. В новогоднем выступлении руководителя КНДР Ким Чен Ына совершенно правильно указывалось, что конфронтация в конечном итоге может привести только к войне¹⁸. Поэтому надо искать точки соприкосновения взаимных интересов¹⁹, учитывать в той или иной мере озабоченности каждой из сторон, исходить из принципа равной безопасности для всех, находить компромиссы, нормализовать отношения, перевести их сначала в добрососедские, далее дружественные, а потом, может быть, в особые отношения между разными частями единой нации.

Позитивным представляется также позиция нового президента Южной Кореи Пак Кын Хе, которая исходит из того, что с ядерной программой КНДР нельзя мириться, но для решения этой проблемы нужно нормализовать двусторонние отношения, добиться доверия между двумя частями страны и решить вопрос о денуклеаризации, а потом постепенно двигаться к объединению²⁰.

Можно только пожелать, чтобы эти заявления лидеров двух стран были реализованы на практике во имя мира и безопасности на Корейском полуострове. События марта—апреля 2013 г. оставляют на это все меньше шансов. «Крот истории», к сожалению, неумолимо роет пропасть между двумя обществами на Севере и Юге Кореи, и, скорее всего, межкорейские отношения сейчас проходят точку невозврата.

Примечания

¹ Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. — N.Y. 1975, p. 461; The Forrestal Diaries. — N.Y., 1965, p. 56) — Цит по: Сафонов В.П. Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта. 1931—1945 гг. — М.: БИМПА, 2007. С. 337—338.

² Представляется, что СССР вообще мог не согласиться с предложением США о вводе их войск на территорию Кореи, потому что американская армия еще далеко была от японской метрополии, тем более Кореи, и она физически просто не могла бы добраться до Кореи в августе, и Красная Армия могла своими

силами полностью занять всю территорию Кореи (Командующий войсками Первого Дальневосточного фронта Маршал Советского Союза К. А. Мерецков писал в своих воспоминаниях, что отдельные части Красной Армии в августе входили в Сеул. — Мерецков К.А. На службе народу. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 460) и быть горячо и благодарно встречена народом Кореи. Это тем более было бы справедливо, так как США ответили отказом на предложение СССР о вступлении советских войск на территорию Хоккайдо, а ведь СССР согласился на то, чтобы территория капитулировавшей Германии была занята войсками СССР, США, Франции и Великобритании, хотя вклад последних в разгром фашистской Германии был несоизмеримо меньше советского.

³ Корея к 1945 г. была не только тыловой базой японской армии, коммуникационным центром связи Квантунской армии и японской метрополии, но и крупным поставщиком сырья для японской военной промышленности, а также производителем вооружения, боеприпасов, обмундирования, продовольствия для японской армии. В Корею добывалось 100 % графита, 100 — слюды, 100 — магнетита, 88 — вольфрама, 85 — молибдена, 95 — плавикового шпата, 70 — бария, около 68 % свинца, добываемого во всех оккупированных Японией территориях и в метрополии. На химических предприятиях работали десятки тысяч рабочих, которые производили взрывчатку и синтетическое топливо, поставлявшиеся в японские войска на территории Китая. В последние годы войны в Корею выпускались и военные самолеты. Текстильные предприятия поставляли обмундирование для японской армии и флота, а также льняные и пеньковые изделия для авиационной промышленности — История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том 11. — М.: Наука, 1974. С. 131—132.

⁴ Во имя дружбы с народом Кореи. Воспоминания и статьи. М.: Наука, 1965. С. 84.

⁵ Из сообщения о Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 27 декабря 1945 г. — Правда. 28.12.1945.

⁶ Сообщение ТАСС относительно решения Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании по вопросу о Корее 25 января 1946 г. — Отношения Советского Союза с Народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. М.: Наука, 1981. С. 19—22.

⁷ США вывели свои войска из Южной Кореи только через полгода после того, как последний советский солдат покинул территорию КНДР.

⁸ Устав ООН. Гл. 5, ст. 27, пп.2,3. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter5.shtml> Норма данных пунктов Устава ООН показывает несостоятельность суждения автора материала «Забывтая война», размещенного в Интернете о какой-то «легитимности участия американских войск в корейской войне». См. URL: <http://test.topwar.ru/15718-zabytaya-voyna-1950-1953-godov.html>

⁹ Указ. соч. Ст. 28, п.1.

¹⁰ Чосон бандо хэк мунчжерыл сансенскикин чжанбонин (зачинщик создания ядерной проблемы Корейского полуострова). URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf;jsessionid=0E4F35792E5D25FF16A9C5D377878B5F#this>

¹¹ Agreement between the Commander-in-Chief, United Nations Command, on the one hand, and the Supreme Commander of the Korean People's Army and the Commander of the Chinese People's volunteers, on the other hand, concerning a military armistice in Korea. Article IV. Recommendations to the Governments Concerned on Both Sides, par. 60. Panmunjom, Korea, July 27, 1953/ URL: http://en.wikisource.org/wiki/Korean_Armistice_Agreement — в дальн.: Korean war armistice agreement, par...

¹² URL: <http://www.koreaherald.com/national/Detail.jsp?newsMLId=20100608000632>

¹³ Параграф 51 Соглашения о перемирии предписывал, что все военнопленные должны были быть репатрированы в течение 60 дней после вступления в силу соглашения/ Korean war armistice agreement par. 51, point «а».

¹⁴ История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977 гг. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. — Хабаровск. Хабаровское книжное издательство, 1978.

¹⁵ A Korean History for International Readers. What Do Koreans Talk About Their Own History and Culture? Written by The Association of Korean History Teachers. Seoul, Humanist Publishing Group Inc. 2010, p.286.

¹⁶ Чосон илбо. 16.08.2012.

¹⁷ Например, заявление министра обороны РК Ким Гван Чжина о том, что КНДР — «второсортная страна, у которой нет перспектив». URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2013/02/14/0200000000AKR20130214161700043.HTML>

¹⁸ Синненса (Новогоднее обращение) Ким Чен Ына 1 января 2013 г. URL: <http://www.kcna.kp/>

¹⁹ Например, в отпоре претензиям Японии на острова Докто, в отношении к проблеме сексуальных рабынь периода японского колониального владычества в Корею, особенно в период Второй мировой войны, изменение наименования моря между Корейским полуостровом, Японией и российским Приморьем, правильное отображение действий Японии в Северо-Восточной Азии в начале и середине XX в. и т.д.

²⁰ URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20130120000199>

К.В. Асмолов*

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА КАК ПРИМЕР УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА

2013 год — год 60-летия окончания Корейской войны — возможно, самого кровопролитного конфликта и самого тяжелого бедствия, которое выпадало на долю жителей Корейского полуострова. Достаточный срок, чтобы отстраненно проанализировать уроки этого события с точки зрения анализа принятия всех основных стратегических решений.

История знала немало случаев, когда неверные или катастрофические решения принимались на основе неполной информации или недостаточного понимания ситуации, вызванного необъективным восприятием действительности, проистекающим из устоявшихся штампов и брендов.

Политики нередко привыкают к удобным моделям, и в результате у них возникают устойчивые образы или конструкции, которые настолько «приятны в объяснении», что новые факты начинают интерпретироваться только в рамках данной концепции, в то время как их правильная интерпретация может быть совершенно иной.

Более того, одно неверное решение часто создает цепочку таких, когда лицо, принимающее решение, вынуждено следовать заве-

* *Асмолов Константин Валерьянович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН, Москва. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

домо неверным и некорректным вводным, отказаться от которых невозможно в силу политических или идеологических соображений. И вот уже то один, то другой участник кризиса делают тяжелый выбор в пользу того, что они сочли «меньшим злом», хотя непонятно, насколько меньшим оно оказалось.

В этом контексте Корейская война оказывается трагедией ошибок и амбиций, примером того, как часто в большой политике именно «хвост виляет собакой», а принявшие решение оказываются заложниками дальнейших событий, действуя по принципу «у нас нет иного выхода», а то и вообще строя свою политику, опираясь на неверные посылки.

Можно привести наиболее известные примеры решений такого рода, начиная с одобрения самой идеи войны. 24 сентября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП (б) оценило план нанесения упреждающего удара и освобождения Юга как нецелесообразный, чреватый долгой войной и иностранной интервенцией¹. Тем не менее впоследствии Москва дает добро на военную операцию, исходя из предположений о том, что режим Ли Сын Мана находится на грани коллапса. Ссылки на такой характер аргументации есть в мемуарах М.С. Капицы, по словам которого Пак Хон Ён, руководитель южнокорейских коммунистов, «утверждал, что на Юге сложилась революционная ситуация, что как только начнется наступление Народной армии, там произойдут мощные народные выступления, сеульские власти будут парализованы и согласятся на объединение»².

Основание для того, чтобы так думать, были. Масштаб левого сопротивления режиму Ли Сын Мана в 1948—1949 гг. был сравним с масштабом антияпонского сопротивления в Корее в начале XX в.; снаружи это было видно меньше, чем изнутри, и поэтому часть руководства КНДР вполне могла продемонстрировать цифры и факты, по их мнению, однозначно подтверждающие, что объединение страны будет легким, так как на Юге в ТПК Южной Кореи многие тысячи коммунистов, которые немедленно восстанут, как только начнется война³.

Есть разные точки зрения относительно того, заблуждался ли лидер ТПК сам или осознанно дезинформировал коллег для того, чтобы развязать войну, благоприятный исход которой существенно

повысил бы его шансы в борьбе за внутрисполитическую власть в КНДР. В данном контексте скорее важно то, что «добро» на переход от отражения агрессии к наступлению было дано на основании введенной им информации. В 1950 г. антилисымановская активность уже начала спадать.

Не менее резонными были аргументы в пользу того, что США не вступятся за режим. Предпосылки, на основании которых мог быть сделан теоретический вывод о том, что США не примут в войне самое активное участие, следующие.

- Незадолго до того американцы «потеряли» Китай, куда более стратегически важный. И США не вступили в войну на стороне Чан Кайши. Если они не поддержали такого старого союзника, то поддержат ли они Ли Сын Мана, имеющего в американских глазах более одиозную репутацию?
- Корея официально вынесена из оборонного периметра тех стран, которых Америка обещала защищать. Это несложно истолковать как знак будущего ее невмешательства в корейские дела. Пентагон также придерживался точки зрения, что Корея не представляет стратегический интерес для США⁴, и речь Ачесона во многом повторяла заявления Макартура 1949 г.⁵
- К лету 1950 г. на карте мира было достаточно мест, где «коммунистическая угроза» могла перерасти в серьезный конфликт. При этом основным фронтом противостояния считалась Европа, где в 1949 г. был серьезный кризис, касающийся Западного Берлина. Вопрос о том, рискнет ли Америка ввязываться в большой конфликт из-за какой-то Кореи, неочевиден. Тем более что она воспринималась как менее вероятное «поле боя», чем Западный Берлин, Греция, Турция или Иран⁶.

Представляется, что из упомянутых «вводных» было гораздо логичнее сделать вывод о том, что Соединенные Штаты, наоборот, не рискнут пойти на военное вмешательство.

Но вот война началась, армия Ли Сын Мана разбита, Сеул взят, а восстания, на которые был основной расчет, не случаются. Более того, неделю ожидая этих восстаний, КНА теряет драгоценное время. Лидер коммунистов Юга оказался одним из первых, кто сразу же начал просить расширения вмешательства Москвы и Пекина. Как

только стало понятно, что наступление придется продолжать в заведомо неблагоприятных условиях, он немедленно стал требовать, чтобы китайские войска и советская авиация оказали поддержку КНА. Однако Москва и Пекин отказали, понимая, во что превратится конфликт после того, как СССР и КНР открыто примут в нем участие.

США же вмешались в войну быстрее и активнее, чем это можно было бы предположить. И на то были свои причины. Несмотря на всю антипатию к Ли Сын Ману, не поддержать Сеул было нельзя. Это было бы воспринято как отказ от борьбы с коммунизмом. Та же логика, сообразно которой Москва не могла не поддерживать «революционную борьбу» на Юге.

В США ожидали перетекания конфликта в крупномасштабное столкновение коммунизма и свободного мира, и конфликт в Корее был неверно оценен как «пробный шар». Так, Джон Ф. Даллес был уверен в том, что захват Кореи был спровоцирован русскими с тем, чтобы зажать Японию в клещи между Кореей и Сахалином. Иные видели особо коварную стратегию, направленную на то, чтобы вовлечь Америку в азиатский конфликт, сковать ее силы там, а затем нанести удар в Европе. Кроме того, Трумэн проводил параллель между ситуацией в Корее и гитлеровской политикой в Европе в середине 1930-х годов и был уверен в том, что «дальневосточный Мюнхен» допустить нельзя⁷.

Наконец, после «потери» Китая в конгрессе и политических кругах США сформировалось так называемое китайское лобби, в которое входили как республиканцы-консерваторы, так и представители промышленных кругов. Их давление было весьма велико, и Трумэн и Ачесон должны были доказывать, что они не сдают позиции коммунистам. В такой ситуации администрация не хотела подливать масло в огонь⁸.

Советский Союз этот уровень вмешательства не предполагал, и, теоретически, далее должен был бы идти разговор о «фатальной ошибке», связанной с тем, что советский представитель не имел возможности наложить вето в СБ ООН и «зарубить» идею вооруженного вмешательства. Однако эта ошибка не стратегическая, а тактическая, и не следует думать, что присутствие советского представителя

и наложенное им вето могли что-то изменить. В госдепартаменте заранее были готовы к такой нежелательной ситуации: если бы Советский Союз наложил вето на решение СБ, вопрос, ввиду его особой важности, был бы вынесен на рассмотрение Генеральной ассамблеи, которая одобрила бы это решение⁹.

Следующей стратегической ошибкой является то, что ведение войны со стороны «южного блока» оказалось в руках одного человека — и человека весьма специфического. Выдача экстраординарных полномочий генералу Макартуру превратила войну в точку приложения его личных амбиций. При этом генерал оказался практически вне контроля как со стороны ООН¹⁰, так и Вашингтона: престиж в Объединенном комитете начальников штабов и популярность в республиканской партии и среди широких слоев населения затрудняли контроль над его действиями¹¹. Под стать генералу был ближний круг, который не одергивал его амбиции и снабжал его той информацией, которую он хотел услышать¹².

В силу вышеназванных причин попытка решить проблему «одним ударом»¹³ провалилась, и воинственные заявления в стиле «мы вышвырнем северокорейцев, а если вмешаются русские, то вышвырнем и их»¹⁴ уступили место более взвешенным оценкам только после первой серии чувствительных поражений американских войск.

Впрочем, КНА была вынуждена продолжать войну в заведомо невыгодной для себя ситуации, и отчаянные попытки «взломать» пусанский периметр были, на взгляд автора, связаны именно с тем, что в Пхеньяне понимали, что долгую войну им не выиграть. Захватить весь полуостров до того, как США полностью раскрутят маховик своей военной машины, было единственной стратегией, имеющей шанс на выигрыш, и именно потому часть иных направлений оказалась оголена.

Именно с этим фактором обычно связывают успех высадки американских войск в Инчхоне, но десантная операция сделала этот поворот в ходе боевых действий лишь чуть более быстрым и гораздо более красивым. В ситуации, когда у КНА уже почти кончились резервы и ресурсы, контрнаступление было неминуемо. При этом во время решающего обсуждения Макартур продавил идею высадки не

за счет рациональных аргументов (как сказал один из американских адмиралов, «лучшее, что я могу сказать — высадка не является невозможной»¹⁵), а за счет харизмы и драматического 45-минутного монолога, в котором он упирал не на тактику, а на политические последствия. Освобождение Сеула должно было стать сокрушительной символической психологической победой не только над Пхеньяном, но и над коммунистическими режимами на Дальнем Востоке и во всем мире¹⁶.

Угадав один раз и полагаясь более на чутье, чем на здравый смысл, Макартур уверовал в то, что предчувствия и впредь не будут его обманывать. Это сформировало его дальнейшую стратегию, тем более что теперь уже командование ООН было настолько в плену амбиций и желания быстрой победы, что решило перенести военные действия на Север и объединить Корею под властью «демократического правительства». Эту идею поддержали и госдепартамент, и военное руководство по целому комплексу причин.

Во-первых, развитие успеха в военной операции — вещь естественная, и целый ряд американских генералов указывали на то, что на войне нельзя прибегать к полумерам.

Во-вторых, к чисто военным аргументам активно примешивались политические: появилась возможность красивой победы «свободного мира» над «коммунистическим режимом», что в обстановке «холодной войны» сыграло бы пропагандистскую роль.

В-третьих, Трумэн исходил из представления о том, что поскольку Москва и Пекин никак не отреагировали на изменение хода кампании, они не рискнут начать глобальную войну с использованием ядерного оружия.

В-четвертых, общественность тоже ждала полной победы над противником, и отказ от курса на захват всего полуострова послужил бы поводом для новых обвинений администрации США в «слабости» по отношению к коммунизму.

Как видно, военные аргументы сыграли вспомогательную роль, решающим оказалось упоение близкой победой и недоучет возможного развития событий в виде вступления в войну КНР. Хотя предвидеть китайское вмешательство осенью 1950 г. было гораздо проще, чем Кремлю оценить грядущие действия США весной 1950 г.,

разведка Макартура напрямую игнорировала ту информацию, которая не вписывалась в его концепцию.

Когда относительно вмешательства в конфликт советских или китайских войск поинтересовался сам Трумэн, Макартур заявил: «Шансы весьма невелики. Их вмешательство в первый или второй месяцы войны оказалось бы решающим. А сейчас мы больше его не опасаемся. Мы в состоянии встретить их угрозы. ...попытка китайцев дойти до Пхеньяна окончится “великой бойней”»¹⁷. Доверившийся ему президент США предоставил генералу полную свободу действий¹⁸.

М. Гастингс и некоторые иные историки задаются вопросом о том, как американская разведка могла прозевать вступление Китая в войну, хотя Пекин неоднократно подавал сигналы о том, что в случае приближения американских войск к китайской границе он не будет сидеть сложа руки. Ответ несложен. *Во-первых*, адекватно отделить сигнал от «шума» или правдивую информацию от ложной может только «послезнание». *Во-вторых*, далеко не всегда разведанные пользуются доверием руководства. *В-третьих*, зачастую разведчики также играют в игру «Угадай, что хочет услышать начальство». К тому же у американцев не было ни надежного способа удостовериться в серьезности намерений Китая ввиду невозможности читать китайские шифры, ни агентов в Пхеньяне или Пекине¹⁹.

До самого момента столкновения США были уверены, что концентрация китайских войск на корейской границе — пропаганда. Более вменяемые американские аналитики рассматривали факт вступления Китая в войну как стратегическую дезинформацию²⁰. С точки зрения госсекретаря Ачесона, КНР не могла вступить в войну по ряду рациональных причин: китайская армия уступала американской по огневой мощи; это ухудшило бы международную обстановку и не дало бы КНР возможности получить место в ООН; она оказалась бы слишком зависимой от СССР и т. п.²¹

Отдельно стоит отметить «заслуги» начальника разведки Макартура Ч. Уиллоуби, который сознательно занижал численность китайских войск в Маньчжурии, утверждая, что в Корею находится не более 60 тыс. китайских солдат, тогда как на самом деле их было более 200 тыс.²² Даже когда американцы захватили китайских пленных,

Уиллоуби сначала отказался этому поверить, а потом объявил, что это беглецы или добровольцы и это не имеет никакого значения.

Впрочем, решение руководства КНР о вступлении в войну тоже во многом принималось как выбор меньшего зла, и Мао Цзедун тянул до последнего. Риск ввязаться в крупномасштабную войну с США, чреватую потерей всех революционных завоеваний, действительно был весьма велик, и обсуждение корейского вопроса вызывало очень сильные дискуссии в политическом и военном руководстве²³.

Однако китайский лидер осознавал неизбежность конфронтации с Америкой, понимая, что в случае дальнейшего развития успехов в Корее при переходе корейско-китайской границы войска ООН не останутся. С самого начала войны Макартур отправлял свою авиацию бомбить территорию Китая, а учитывая политику США в отношении Тайваня и то, как сам Чан Кайши желал расширить масштаб войны, было очень легко сделать вывод, что соблазнительная перспектива развить успех и дальше приведет к войне между Китаем и Соединенными Штатами. А если такое противостояние случится все равно, не разумнее ли начать его тогда, когда ты готов к этому лучше, чем противник?

Тем не менее изначально внутрикорейский конфликт окончательно превратился в противостояние двух лагерей, когда ставки резко возросли, и выйти из конфликта казалось «потерей лица».

Вскоре обеим сторонам становится понятно, что цель (объединение Кореи под своим знаменем) скорее всего не будет достигнута, и отчетливо проявляется противоборство двух тенденций: с одной стороны, те, чьи амбиции требовали расширения масштабов войны, невзирая на возможные последствия, с другой — те, кому ноша начала казаться тяжелой и кто был готов искать выход из ситуации.

На Юге это хорошо видно по истории с Макартуром, который вел свою игру, выкручивая Вашингтону руки или игнорируя его указания²⁴. Однако прагматики оказались не готовы рисковать, и хотя Г. Трумэн был не меньшим антикоммунистом, чем Д. Макартур, война не вышла за рамки Корейского полуострова.

Была ли такая тенденция в «северном блоке»? Репрессии в отношении Пак Хон Ёна до поры до времени как бы вывели за рамки

внимательное рассмотрение его деяний, но не мешает напомнить, что ранее именно он выступал за более широкий масштаб советской и китайской помощи и за открытое вовлечение в конфликт СССР и КНР. И будучи впоследствии обвинен в заговоре, он отрицал свои связи с американцами, но не само намерение захвата власти. Поэтому, по-видимому, не является беспочвенной гипотеза, согласно которой в случае успешного переворота Пак и его сторонники продолжали бы войну до победного конца.

Как бы то ни было, стороны приняли непростое решение начать переговоры. По словам У. Стьюка, «не вызывает сомнения, что обе стороны искренне желали окончания боевых действий. Однако глубокая враждебность и подозрительность, вызванные колоссальными отличиями в культуре, идеологии и историческом развитии, ставили под большое сомнение перспективы быстрого урегулирования»²⁵.

Однако всерьез затянуло войну американское решение о репатриации пленных. Как пишет К. Блэр, «если бы Вашингтон строго следовал всем положениям Женевской конвенции ... вопрос мог бы быть решен в течение нескольких дней путем обмена всех военнопленных. Однако по гуманным и пропагандистским причинам Вашингтон ввел несколько беспрецедентных и сложных условий обмена военнопленными. Эти условия привели коммунистов в ярость, повергли переговоры в хаос... и в конечном итоге привели к продлению войны в Корее еще на полтора года»²⁶.

Конечно, массовый отказ пленных вернуться под коммунистические знамена был бы эффектной пропагандистской победой Запада, но внутри США тоже шла дискуссия. Госдепартамент рекомендовал «избегать насильственного возвращения коммунистам тех лиц, жизнь которых в результате этого будет поставлена в опасность»²⁷, предлагая провести отбор и немедленно освободить тех, кто не хочет возвращаться. Военные предлагали менять «всех на всех», считая, что так удастся быстрее закончить войну²⁸.

Кроме того, аналитики выражали обеспокоенность по поводу того, как такая репатриация отразится на международном праве. Ведь к этому времени на территории СССР находилось довольно много германских военнопленных. Что, если советская сторона также откажется отпустить их на родину, используя те же самые аргу-

менты? Что, если в будущем, используя подобные аргументы, стороны перестанут соблюдать правила обращения с военнопленными²⁹?

Однако решающую роль сыграл Г. Трумэн, который «не собиравшись покупать перемирие, отправляя людей в рабство или на смерть». Именно он своим авторитетом и властью поддержал идею добровольной репатриации.

Пока переговоры шли, стороны обескровливали друг друга. Америка, по мнению Сталина, впустую растрачивала силы и престиж, Северную Корею добомбили до такого состояния, что к концу войны американцы уже не находили цели для бомбардировки: стороны потеряли на поле брани значительно больше, чем приобрели пленных, отказавшихся возвращаться к своим. По Гастингсу, 45 % потерь Соединенных Штатов было понесено после того, как начались первые переговоры о перемирии³⁰.

С точки зрения достижения своих целей войну не выиграл никто. Объединение не было достигнуто, политическая и идеологическая конфронтация была лишь закреплена, а число убитых и раненых мирных граждан достигало примерно 3 млн человек, что составило 10 % населения обеих Корей в этот период. Еще 5 млн человек стали беженцами, хотя период активных военных действий занял всего чуть больше года. По подсчетам Ким Чун Суна, число членов семей, разделенных войной, достигло 5 млн с каждой стороны³¹. Более того, Корейская война заложила основы и для сохраняющегося раскола страны, и для формирования на Севере и на Юге авторитарных режимов.

История Корейской войны является хорошей иллюстрацией принятия большинства ключевых решений на основе неверных данных, личных амбиций и предубеждений тех, кто выдвигал то или иное предложение. Итог нагромождения неверных управленческих решений оказывается очень важным уроком и предостережением, примером того, к чему может привести игнорирование реальности и принятие решений на основании не фактов, а неких выдуманных конструкций, существующих, главным образом, в воображении руководителя.

Этот урок особенно важен сейчас, потому что в современной ситуации на полуострове автор видит похожие тенденции. Растущие

амбиции молодого поколения политиков и военных, определенное снижение качества экспертного и разведывательного сообщества ключевых игроков, укоренившееся представление о том, что «последний сталинистский режим вот-вот падет, достаточно лишь подтолкнуть его», доминирование идеологических установок над прагматизмом. Поэтому очень хочется, чтобы история развязывания Корейской войны стала бы уроком для сегодняшних политиков.

Примечания

¹ Круглый стол «Страницы прошлого» (из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 1940—1980-е годы). 26 сентября 2002 г. // Международный общественный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). Проект «Российско-корейские отношения в архитектонике СВА и АТР» (при поддержке Фонда). М., 2002. С. 29.

² Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996. С. 217.

³ Sung Chul Yang. The North and South Korean Political Systems. A Comparative Analysis. Revised Edition. Seoul, 1999. P. 366.

⁴ Hastings, Max. The Korean War. London, 1987. P. 26.

⁵ Стьюк Уильям. Корейская война. М. 2002. С. 62

⁶ Hastings, Max. Op. cit. P. 57.

⁷ Богданов В. Н. Корея в огне войны. (К 50-летию окончания войны в Корее 1950—1953 гг.) М., 2005. С. 102—103.

⁸ Стьюк Уильям. Указ. соч. С. 101.

⁹ Millett, Allan R. The Korean War. Potomac Books, 2007. P. 21.

¹⁰ Мазуров В. М. Южная Корея и США (1950—1970 годы). М., 1971. С. 19.

¹¹ Стьюк Уильям. Указ. соч. С. 121—122.

¹² Богданов В. Н. Указ. соч. С. 139.

¹³ Буквально «with one hand tied behind my back». См.: Cumings B. North Korea. Another Country. New York, London, 2004. P. 9.

¹⁴ Стьюк Уильям. Указ. соч. С. 91.

¹⁵ Hastings, Max. Op. cit. P. 101.

¹⁶ Стьюк Уильям. Указ. соч. С. 152.

¹⁷ Война в Корее. 1950—1953. Сборник материалов Генерального Штаба под редакцией С. Лотоцкого. СПб., 2000. С. 16.

- ¹⁸ Ванин Ю. В. Корейская война (1950—1953) и ООН. М., 2006. С. 169—170.
- ¹⁹ Hastings, Max. Op. cit. P. 244.
- ²⁰ Богданов В. Н. Указ. соч. С. 132.
- ²¹ Hastings, Max. Op. cit. P. 135.
- ²² Стьюк Уильям. Указ. соч. С. 197.
- ²³ Там же. С. 175.
- ²⁴ Millett, Allan R. Op. cit. P. 139.
- ²⁵ Стьюк Уильям. Указ. соч. С. 447.
- ²⁶ URL: http://militera.lib.ru/h/blair_c/index.html
- ²⁷ Стьюк Уильям. Там же. С. 421.
- ²⁸ Там же. С. 436.
- ²⁹ Там же. С. 437.
- ³⁰ Hastings, Max. Op. cit. P. 329.
- ³¹ Choong Soon Kim. Tradition and Transformation in Korea. Ilchokak/cheng & Tsui, 2007. P. 88.

Глава 2

КНДР: РЕФОРМЫ И РАКЕТЫ

*О.В. Кирьянов**

ПЕРВЫЙ ГОД ПРАВЛЕНИЯ В КНДР КИМ ЧЕН ЫНА: МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НАЧАЛЕ РЕФОРМ?

Когда в конце 2011 г. 29-летний Ким Чен Ын после внезапной смерти отца — Ким Чен Ира — оказался во главе КНДР, то было достаточно тех, кто сомневался по поводу способностей молодого политика сохранить стабильность в стране, окружение и положение которой трудно было назвать благоприятными. Однако Ким сумел утвердиться в позиции безусловного лидера, опрокинув озвученные ранее некоторыми экспертами прогнозы, что «после смерти Ким Чен Ира из-за неопытности и малого авторитета наследника КНДР неизбежно будет дрейфовать от единоличного к коллективному стилю правления или даже к хаосу, сопровождаемому бескомпромиссной борьбой между различными фракциями северокорейской элиты»¹. Кто сейчас является в Стране чучхе «самым главным», сейчас уже ни у кого споров и сомнений не вызывает — именно молодой Ким, который смог затем также и существенно упрочить свой авторитет первым в истории КНДР успешным запуском ракеты-носителя.

Однако помимо рокировки в стиле «Ким-сын сменил Кима-отца» в КНДР все же начали появляться некоторые новшества, кото-

* Кирьянов Олег Владимирович, обозреватель отдела международной информации ФГУ «Редакция “Российской газеты”». E-mail: alec_kir2002@yahoo.com

рые заставили говорить именно об «эпохе Ким Чен Ына». Этот «ветер перемен» стал ощущаться в самых разных сферах — от внешнего вида северных корейцев до политики и экономики.

И здесь среди экспертов снова развернулась дискуссия. Одни считают, что Ким Чен Ын не сделал еще ничего серьезного, а лишь играет на публику своими новыми, «свежими», но поверхностными шагами, которые ошибочно принимаются некоторыми уже чуть ли не за аналог советской перестройки². Другие же уверены, что новый лидер и его окружение действительно уже приняли принципиальное решение о необходимости реформ и уже их начали, особенно в сфере экономики³.

Как можно оценить политику нового лидера КНДР? Действительно ли имеет место начало полноценных реформ либо мы наблюдаем лишь стремление произвести незначительный «косметический ремонт», избежав серьезной реконструкции здания северокорейской экономики и общества?

Далеко не в первый раз...

При Ким Чен Ире тоже были определенные попытки что-то изменить в народном хозяйстве, внести какие-то коррективы в работу экономического механизма страны. Бывший лидер оставил страну, в которой, несмотря на все ее лозунги о социализме и плановой экономике, на низовом уровне уже получила распространение стихийная рыночная экономика с элементами капитализма. По разным оценкам, больше половины населения КНДР выживали именно за счет того, что так или иначе связано с рыночной торговлей.

Стихийные рынки появились и расцвели в КНДР. Руководство страны вынуждено было смириться с этим, так как государственный сектор продолжал оставаться в серьезном кризисе и не мог обеспечить большинству населения физического выживания⁴. Кроме того, в стране на бытовом уровне получила широкое хождение иностранная валюта — в первую очередь доллары США и китайские юани. С этим также пытались бороться, но снова безуспешно⁵.

Широко распространилась коррупция среди представителей органов власти. За деньги стало возможным сделать если не все, то

очень многое⁶ — включая свободные поездки по стране и даже за границу. А это также означало ослабление контроля властей за населением.

На официальном уровне 1 июля 2002 г. в КНДР были приняты «Специальные меры по улучшению управления экономикой», которые в известной степени стали выражением намерения властей внести определенные коррективы в механизмы управления экономикой с целью выхода из кризиса.

Руководство КНДР пыталось привлечь в страну иностранный капитал за счет создания изолированных от остальной территории особых торгово-экономических зон (ТЭЗ). Первой такой «ласточкой» стала ТЭЗ «Рачжин-Сонбон» (Расон) на восточном побережье КНДР. Затем появились и другие проекты: межкорейский технопарк в Кэсоне, СЭЗ на северокорейско-китайской границе на островах Вихвадо и Хвангымпхен⁷. Позже были сообщения о намерении властей КНДР создать в стране для привлечения иностранного капитала в общей сложности восемь ТЭЗ⁸. Эти меры говорят о попытках реформирования экономики страны. Обычным северокорейцам рыночная торговля и капиталистические отношения уже были известны, даже если и назывались несколько иначе.

Перестановки в высшем военном руководстве

Достаточно смелым и для многих неожиданным шагом стала предпринятая Ким Чен Ыном атака на военную элиту КНДР, которая при его отце занимала привилегированное положение. Получив необходимые титулы лидера партии, главы ГКО и главверха, он стал напористо и активно отодвигать военных от основных рычагов управления страной. Кульминацией этого процесса стала громкая отставка 15 июля 2012 г. со всех военных, государственных и партийных постов самого авторитетного военного, чьи позиции казались непоколебимыми — начальника Генерального штаба Корейской Народной Армии (КНА) вице-маршала Ли Ен Хо⁹.

Смещение последнего стало самым заметным событием процесса лишения военных многих привилегий по сравнению с другими основными «центрами власти» КНДР — партией и правительством.

Военные контролировали значительную часть экспорта природных ресурсов, морепродуктов и других видов деятельности, которые позволяли генералам получать валюту и, как следствие, чувствовать себя богатыми, влиятельными и неуязвимыми. Теперь же эти прибыльные виды деятельности переходят под контроль правительства и партии¹⁰. Косвенным подтверждением постепенного «отжимания» военных от рычагов управления стало и возвращение на ключевые должности в кабинет министров «большой четверки технократов», которых южнокорейские эксперты считают сторонниками экономических преобразований в КНДР. Речь идет о Пак Пон Дю, Ро Ду Чере, Квак Пом Ги и Чон Сон Хуне. Все они принимали активное участие в выработке «Мер по улучшению управления экономикой» от 1 июля 2002 г., занимали важные посты в правительстве Ким Чен Ира, затем были переведены на менее значимые должности, но теперь снова вернулись в правительство в ранге министров и вице-премьеров¹¹.

В целом же, как отмечают южнокорейские эксперты, управленческие позиции среднего и даже высшего звена постепенно заполняются именно технократами и экономистами взамен ранее находившихся там военных и парработников.

Попытки перемен на дипломатическом фронте

Внешнеполитическая сфера — это то направление, где от молодого Кима ждали серьезных изменений, вплоть до «прорыва» в первую очередь на американском векторе.

После смерти Ким Чен Ира и прихода к власти его сына Пхеньян не стал брать долгую паузу в дипконтактах и весьма активно проявил себя в отношениях с США. Результатом стали договоренности между КНДР и США от 29 февраля 2012 г. по широкому спектру вопросов, достигнутые, как утверждали западные СМИ, по принципу «широкомасштабная гуманитарная помощь и возобновление двусторонних контактов в обмен на замораживание ракетно-ядерной программы и допуск инспекторов на ядерные объекты Севера»¹². Эти договоренности вызвали на Западе большие ожидания по поводу «нового курса» КНДР, возможности реальных подвижек в ядерной проблеме.

Но попытка запуска ракеты-носителя со спутником в апреле 2012 г. была воспринята международным сообществом, включая Россию и Китай, как нарушение КНДР санкций ООН¹³. Точно такой же эффект возымел и другой ракетный запуск, который Пхеньян произвел 12 декабря 2012 г., доказавший, что Север существенно продвинулся по части освоения ракетных технологий¹⁴. В январе 2013 г. Совбез ООН усилил международные санкции против КНДР¹⁵. Соединенные же Штаты потеряли интерес к переговорам с КНДР как минимум на некоторое время. Несмотря на это, Пхеньян по самым разным каналам продолжал и продолжает искать пути возобновления диалога с США.

Относительным новшеством последних лет стала нацеленность Севера на нормализацию отношений с Токио. После прихода Ким Чен Ына к власти стороны впервые за несколько лет провели двусторонние официальные переговоры на уровне представителей МИДа, договорившись о продолжении контактов, возможном повышении их уровня и положительно оценив предварительные результаты¹⁶. Правда, когда стало ясно, что Пхеньян не откажется от своих планов по повторному запуску ракеты, Токио отменил запланированные с КНДР переговоры. В любом случае, Север все же показал, что он в целом может при определенных условиях вести диалог.

После победы на президентских выборах 19 декабря 2012 г. в Южной Корее к власти пришла 61-летняя Пак Кын Хе. Хотя Пак представляет консервативный правящий лагерь, она в любом случае уже неоднократно демонстрировала готовность идти по иному пути, чем это делал ее предшественник на посту президента. В Сеуле сейчас понимают, что с Пхеньяном надо так или иначе разговаривать. Да и сам Север неоднократно делал намеки в адрес Юга, показывая, что готов пойти на улучшение межкорейских отношений. То есть и в этом направлении потенциал имеется, и весьма немалый. Хотя и здесь тоже ракетный запуск в декабре 2012 г., который состоялся за неделю до президентских выборов на Юге, а также обещания КНДР провести очередное ядерное испытание стали теми факторами, которые сдерживают планы нового руководства Южной Кореи по части налаживания сотрудничества с Севером.

Микки Маус как зеркало северокорейских реформ

Серьезные отличия Ким Чен Ына по сравнению с отцом заметны во внешнем поведении и некоторых поступках нового лидера, что также многими экспертами было воспринято как еще одно подтверждение начала «ветра перемен» в Северной Корее.

Во-первых, Ким Чен Ын гораздо чаще появляется на публике, чем в свое время делал его отец. Он уже несколько раз выступал с публичными речами, которые транслировались по телевидению КНДР. Молодой Ким с 2013 г. возродил традицию деда — Ким Ир Сена — личного произнесения новогодних речей по центральному ТВ. В ходе своих поездок для «руководства на местах» он, по крайней мере внешне, демонстрирует свою доступность народу, стремление общаться с простыми людьми. Он всегда окружен людьми.

Большое внимание специалистов привлек передававшийся по центральному телевидению КНДР концерт, в котором были показаны герои мультфильмов Уолта Диснея, включая Микки Мауса и пр. Все это сопровождалось известными западными шлягерами и выступлением женского ансамбля¹⁷. Активную роль в публичной жизни молодого лидера стала играть его супруга Ли Соль Чжу. Пока от Ким Чен Ына ждали реформ в политике и экономике, он, похоже, уже осуществил своего рода мини-революцию в лице своей супруги, показав, что впервые у КНДР появилась полноценная «первая леди» в западном смысле этого слова. Конечно, эти новшества трудно назвать фундаментальными реформами, но с приходом нового руководителя они показывают наличие не существовавших ранее тенденций, моментов как в поведении самого лидера, так и в стране в целом.

Что касается политической сферы, то специалисты особое внимание обратили на то, что власти КНДР очень быстро и недвусмысленно признали свое фиаско с запуском ракеты-носителя в апреле 2012 г. Было сообщено, что неудача произошла по техническим причинам, и инженеры работают над устранением проблем¹⁸. Это было тоже весьма показательно, так как раньше Пхеньян никогда не признавал неудач с запуском своих ракет-носителей. Как уже говорилось, успешным запуском восемь месяцев спустя Север доказал, что выполнил «работу над ошибками».

Экономические «меры 28 июня»

Наиболее серьезный повод говорить о реформах в КНДР дало сообщение в начале августа 2012 г. радиостанции «Свободная Азия» о том, что в КНДР начала действовать «новая система управления экономикой», которая получила название «меры 28 июня» — по дате их принятия¹⁹. Отмечалось, что общее руководство новой экономической политикой будет осуществляться специально созданной в рамках правительства КНДР структурой, которой гарантировалась большая доля самостоятельности и свободы от вмешательства партийных и иных (в первую очередь военных) ветвей власти.

В сфере сельского хозяйства с 10—25 человек до 4—6 уменьшалось минимально разрешенное количество членов отдельных трудовых коллективов. Это весьма важное новшество, так как оно позволяет создавать «трудовой коллектив» в рамках одной—двух семей, фактически разрешая семейные фермерские хозяйства. После сбора урожая государство выкупает у крестьян 70 % его объема по рыночным ценам, оставляя 30 % самим производителям с возможностью реализации этой продукции самостоятельно на рынке. Если то или иное хозяйство произведет продукции больше плана, то излишек также остается у крестьян²⁰. Позже появилась информация, что крестьянам в зависимости от региона разрешено будет оставлять себе и самостоятельно продавать до 50 % урожая²¹.

В сфере промышленности «меры 28 июня» предусматривают также введение рыночных элементов, включая расчет производственных затрат и стоимости продукции по рыночным ценам, свободную торговлю между предприятиями продукцией, материалами и электричеством. Заработанную прибыль предприятиям разрешалось инвестировать в развитие своего же производства, однако специально был оговорен запрет на создание частными лицами своих заводов и фабрик. Вместе с тем если тот или иной человек был сотрудником данного предприятия, то ему разрешается инвестирование средств по месту работы.

«Меры 28 июня», если они действительно были приняты и реализуются, являются самым главным доказательством намерения руководства КНДР что-то изменить в экономике. Очевидно, что речь

не идет о «перестройке», а скорее о реформах китайского типа начального периода, когда рыночные элементы вводились постепенно.

С ноября—декабря 2012 г. какие-то отдельные упоминания о «мерах 28 июня» снова стали просачиваться в СМИ. В целом неясность по поводу экономических реформ в КНДР продолжает оставаться. Если же ключевые решения все-таки были приняты, то рано или поздно о них станет известно, но для этого потребуется какое-то время.

Снова в объятия китайского «старшего брата»

Новое руководство КНДР продолжило и в значительной мере активизировало курс на привлечение иностранных инвестиций и развитие торгово-экономических зон. По ряду причин КНДР надеется на приток капитала и инвестиций в первую очередь из соседнего Китая. Ставка на Китай — мера во многом вынужденная и неизбежная. Пхеньян пока не имеет ему альтернативы. Первый год правления Ким Чен Ына показал, что масштабы торговли между КНР и КНДР продолжают увеличиваться. По итогам 2012 г. двусторонний товарооборот поставил очередной рекорд — более 6 млрд долл. (6 млрд 33,9 млн долл.), что на 7 % больше, чем годом ранее²².

При Ким Чен Ыне власти КНДР серьезно увеличили (до 20 тыс.) количество рабочих, которых они направляют на заработки в Китай. Пхеньян очень активен по части привлечения зарубежных инвестиций, подчеркивая, что в КНДР инвесторы не столкнутся с такими проблемами других государств, как забастовки, безработица, а рабочие готовы трудиться за 30—80 долл. в месяц²³. Как отмечают очевидцы, на деле все иностранные инвестиции в подавляющем большинстве случаев имеют китайское происхождение. Привлечению именно китайского капитала в торгово-экономические зоны КНДР была посвящена состоявшаяся в августе 2012 г. поездка «серебряного кардинала Северной Кореи» и «правой руки Ким Чен Ына» Тянь Сон Тхэка. Для китайских бизнесменов власти КНДР идут и на постоянное упрощение визовых и прочих формальностей, необходимых для посещения свободных экономических зон²⁴.

Вместе с тем, несмотря на все желание властей КНДР привлечь как можно больше вложений из Китая и обещания Пхеньяна создать «максимально комфортные условия» для деловых людей из Поднебесной, все же не обходится без конфликтов, порой весьма серьезных. Это, насколько можно судить, вызывает беспокойство и у Пекина, представители которого не стесняются высказывать свое недовольство Пхеньяну²⁵.

Но в любом случае в сфере внешнеэкономической деятельности при Ким Чен Ыне власти продолжили делать ставку на развитие экономического сотрудничества именно с КНР, в том числе и через привлечение китайского капитала в свободные экономические зоны.

Косметический или капитальный ремонт системы?

Все эти события и признаки каких-то новых веяний, перемен в КНДР вызвали большие споры среди специалистов по поводу наличия намерений у руководства Северной Кореи проводить серьезные реформы. Среди экспертов можно выделить две основные точки зрения. Сторонники одной склоняются к тому, что пока рано говорить о каких-то серьезных реформах. При этом не исключается, что все ограничится какими-то «косметическими» изменениями²⁶. Другая — «реформаторская» — позиция заключается в том, что в КНДР серьезные изменения уже начались, но мы пока до конца не знаем о них, что и провоцирует споры.

Как отмечает старший научный сотрудник Института им. Сечжона Чон Сон Чхан, «получив контроль над военными, от Ким Чен Ына можно теперь ожидать проведения серьезных экономических реформ и открытости, что, в частности, выразится в разрешении частным лицам получать прибыль от торговли, в расширении самостоятельности у бизнеса и в уменьшении минимальных размеров рабочих коллективов в сельском хозяйстве»²⁷.

Но больше среди экспертов тех, кто гораздо осторожнее оценивает все перемены. Наиболее показательным мнением профессора Джорджтаунского университета (США) Виктора Ча: «Концерт с героями Диснея, женщины на сцене в мини-юбках, открытое появле-

ние Ким Чен Ына с супругой, падение Ли Ен Хо — серия этих явлений дала намек на признаки перемен, а также вызвала спекуляции по поводу дальнейшего направления движения КНДР... Однако исходя только из этих небольших изменений преждевременно делать вывод о том, что Пхеньян движется к настоящим политическим и экономическим реформам»²⁸.

Таким образом, неясностей в отношении КНДР еще больше, чем было раньше. А что мы имеем в «сухом остатке» для того, чтобы прийти к тому или иному выводу по поводу наличия или отсутствия серьезных, реальных, фундаментальных реформ в КНДР? Да, баланс влияния от военных постепенно переходит в сторону правительства, иногда партии. На весьма высокие посты вернулись люди, которых многие считают нацеленными на привнесение изменений в экономику КНДР. Была также серия упомянутых эффектных пиар-акций — от уже упомянутого Микки Мауса, песен Фрэнка Синатры, послаблений в плане внешнего вида для женщин до весьма активной на публике «первой леди» в лице супруги Ким Чен Ын Ли Соль Чжу.

Есть достаточно устойчивые слухи о «новых мерах в экономике», точное содержание которых пока не известно, но они скорее всего подразумевают введение определенных рыночных элементов в сельском хозяйстве и промышленности.

Подводя итог, можно сказать, что определенные новшества в КНДР появились, включая те, которых раньше не было вообще. Но только они носят поверхностный характер, а для выводов о наличии глубинных реформ пока не достаточно доказательств. Это, конечно, не исключает и той ситуации, что реформы идут, просто мы о них не знаем. Но серьезных подтверждений этого пока нет.

Примечания

¹ John Delury. Glasnost in North Korea? July 27, 2012. URL: http://www.realclearworld.com/articles/2012/07/27/glasnost_in_north_korea__100158.html; Kim Jong-un's brother says North Korea heading for collapse. The Telegraph. 17.01.2012; Что ждет КНДР после смерти Ким Чен Ира? // Российская газета. 20.12.2011.

² Cha, Victor. Kim Jong Un is no reformer // The Foreign Policy. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/08/21/kim_jong_un_is_no_reformer

³ Leadership shake-up adds to signs of change in N. Korea // The Korea Herald. 23.08.2012.

⁴ Ха Тхэ Ген. Пукхан сичжан погосо (Доклад о рынке в Северной Корее) // Чаюкиобвон, 10.04.2009 (#84); Annual Market Crackdown Ensnaring the Careless // Daily NK. 07.02.2012; Haggard, Stephan, Nolland, Marcus. Famine in North Korea: Markets, Aid, and Reform. New York: Columbia University Press, 2007.

⁵ Кимчжоньнчонковн чхотчиси, пукхан нж вехвасаен ильчхечучжи! (Первый указ режима Ким Чен Ына: Полный запрет на использование иностранной валюты!) // Ньюсфокус. 12.01.2012; Кимчжониль юхун? Пук, вехвасаенкымчжрен. (Наследие Ким Чен Ира? На Севере вышел указ о запрете на использование иностранной валюты) // Daily NK. 2.01.2012.

⁶ Бегом от идей чучхе // Российская газета. 25.07.2011.

⁷ Plans for N.Korea-China Economic Zones Leaked // Chosun Ilbo. 26.05.2011.

⁸ Пук, 8 гэ тоси инпхыра кэбаль кехвек оль чхаксу (КНДР сформировала планы развития инфраструктуры в текущем году в 8 городах) // Енхапньюсы. 16.04.2010.

⁹ Ли Ен Хо, Ким Чжон Ын кунтхончжекканхва вихепчое мунчхэк хэим (Ли Ен Хо снят Ким Чен Ыном с должност за нежелание помогать укреплять контроль над военными) // Енхап ньюс. 27.07.2012.

¹⁰ North Korean leader, military waging 'money war' // The Korea Times. 13.08.2012.

¹¹ Пук кенчжекэхек чудо 4инбан, кимчжоньн чхечжесо «пухваль» (4 человека, которые ранее руководили реформами, вернулись во власть с приходом Ким Чен Ына). // Енхап ньюс. 20.08.2012.

¹² North Korea pledges to halt nuclear program in exchange for US aid // The Guardian. 29.02.2012.

¹³ UN Security Council Condemns North Korea Rocket Launch // Voice of America News. 12.04.2012.

¹⁴ NK successfully launches long-range rocket // The Korea Times. 12.12.2012.

¹⁵ Пукхан оччэ? Себонччэ UN тэбукчечжэ керьян наватта // New Daily. 23.01.2013.

¹⁶ Пукиль, 15 иль монгольсо кукчангыпхведам кэчхве (КНДР и Япония 15-го числа проведут в Монголии переговоры на уровне руководителей департаментов) // Асия кенчже. 14.11.2012.

¹⁷ Mickey Mouse and Winnie the Pooh entertain Kim Jong-un // The Telegraph. 08.07.2012.

¹⁸ North Korea Admits Rocket Launch Failure // Voice of America News. 13.04.2012.

¹⁹ Далее при описании конкретных шагов в рамках «мер от 28 июня» использована информация из сообщений зарубежных СМИ в августе-сентябре 2012 г.: газеты «Чосон Ильбо», «Чунан Ильбо», «Хангере Синмун», портала «Daily NK», информагентства «Енхап» (все — Южная Корея), «Маиничи Симбун», «Санкей Симбун» (Япония), радиостанции «Free Asia».

²⁰ Квон Ен Ген. Пукхан кэхек кэбан чхучжин сильтхэ: хенхвангва чэнчжом (Ситуация вокруг реформ и открытия КНДР: текущее положение и основные проблемы). — См. Пукханы чхечжы кэхек кэбан канынсон: пхенкава чонман. 2012 нен пукхан кэхек кэбан кукчекондонхакульхвеи (Возможность открытия и реформирования системы в КНДР: оценка и перспективы). Сеул, KINU, 2012. С. 32.

²¹ North Korea plans agriculture reforms — source // Reuters. 24.09.2012.

²² Чинанхэ пук-чун кеёкэс сасан чхведэ. 60ок талло тольпха (В прошлом году объем торговли КНР и КНДР достиг рекордной отметки, превышен показатель в 6 миллиардов долларов) // Енхапньос. 06.02.2013.

²³ Пук... Вегугин тхучжачжа ючхи чоккык (КНДР активно привлекает иностранных инвесторов) // NoCutNews. 28.09.2012.

²⁴ North Korean leader seeks trip to China for economic help // Reuters. 24.08.2012.

²⁵ Китай не дал КНДР ни доллара // Российская газета. 21.08.2012.

²⁶ Пук пэгыпчепхечжи, кэхек-кэбанын анида (Отмена Севером рапределительной системы не означает реформ и открытости) // Мунхва Ильбо. 15.11.2012.

²⁷ Leadership shake-up adds to signs of change in N. Korea // The Korea Herald. 23.08.2012; Пук синкенчжечохие чонмунгадыль «синчжунсок чхоккак» (Специалисты с осторожностью оценивают новые экономические меры Севера) // Енхапньос. 10.08.2012.

²⁸ Shake-up in Pyongyang // Center for International & Strategic Studies, 19.07.2012. URL: <http://csis.org/publication/shake-pyongyang>. Схожее мнение высказали Чарлз Армстронг // Reading North Korean Tea Leaves // CNN. 17.07.2012, сотрудник Института объединения Чо Мин // Пук 6—28 сэкенчэеквалличечжэнын кэхек-кэбан мугван (Новая система по управлению экономикой от 28 июня не имеет связана с реформами и открытостью) // Чосон Ильбо. 4.10.2012 и Дэниэл Пинкстон из International Crisis Group // Analysis: Signs emerge Kim leading NKorea his way // The Guardian. 17.07.2012.

В.В. Евсеев*

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ РАКЕТНОЙ ПРОГРАММЫ

В конце 2012 г. произошло знаковое событие в реализации северокорейской ракетной программы: ракета-носитель «Ынха-3» («Млечный Путь-3») вывела на орбиту искусственный спутник Земли (ИСЗ) «Кванменсон-3» («Яркая звезда-3»)¹. В качестве ракеты-носителя была использована модифицированная трехступенчатая баллистическая ракета «Тэпходон-2». Предыдущий старт аналогичной ракеты-носителя, состоявшийся 13 апреля 2012 г., оказался неудачным. После этого северокорейские ученые и специалисты внесли изменения в конструкцию спутника и ракеты-носителя.

Запуск ракеты-носителя «Ынха-3» привел к новому витку напряженности на Корейском полуострове. Как следствие, 22 января 2013 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 2087, в которой потребовал не проводить новые пуски с использованием технологий баллистических ракет и ввел экономические санкции в отношении шести северокорейских организаций и четырех физических лиц.

* *Евсеев Владимир Валерьевич*, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН. E-mail: vlad.evseev@gmail.com

После этого лидер КНДР Ким Чен Ын подтвердил намерение предпринять «мощные физические контрмеры, чтобы отстоять достоинство нации и суверенитет страны». И уже 12 февраля в 07:00 утра по московскому времени КНДР успешно провела третье ядерное испытание². По данным, поступившим из Республики Корея, мощность ядерного взрыва составила 6—7 кт в тротиловом эквиваленте. По сравнению со вторым ядерным испытанием, которое состоялось 25 мая 2009 г., мощность ядерного взрыва была увеличена приблизительно в два раза. Скорее всего, в ходе испытания было взорвано стационарное ядерное взрывное устройство на основе оружейного плутония. Тем не менее сразу возник вопрос о наличии у КНДР соответствующих носителей для такого оружия, в качестве которых могут выступать баллистические ракеты.

В настоящее время Северная Корея имеет на вооружении одноступенчатые жидкостные ракеты малой и средней дальности. Так, в апреле 1984 г. начались летно-конструкторские испытания северокорейской ракеты «Хвасон-5» (Hwasong-5). Она была создана на базе советской ракеты Р-17 (SCUD-B), образцы которой попали в КНДР из Египта. В течение полугода было проведено шесть испытательных пусков, из которых только 50 % оказались успешными. Эта ракетная программа была завершена при финансовой поддержке со стороны Тегерана. Как следствие, в 1985 г. было начато ограниченное производство ракет указанного типа, а в 1987 г. 100 из них были поставлены Ирану.

Баллистическая ракета малой дальности «Хвасон-5» имела длину 11 м, диаметр около 0,9 м и стартовый вес 5900 кг. Ее максимальная дальность стрельбы составляла 300 км с головной частью в 1 т. Точность стрельбы этой ракеты была низкой: круговое вероятное отклонение от точки прицеливания (КВО) достигало 1 км.

В 1987—1988 гг. северокорейские специалисты с помощью Китая приступили к созданию более совершенной ракеты «Хвасон-6» на базе советской ракеты Р-17М (SCUD-C). Ее первые летно-конструкторские испытания прошли в июне 1990 г. Еще четыре испытательных пуска прошли в период 1991—1993 гг. Скорее всего, все они были успешными. Максимальная дальность действия ракеты составила 500 км при головной части весом 730 кг. КВО ракеты «Хва-

сон-6» увеличилось до 1,5 км, что делало проблематичным ее использование в обычном (неядерном) оснащении против военных объектов. Тем не менее в 1991 г. она была принята на вооружение.

По американским данным, в конце 1990-х годов была осуществлена модернизация баллистической ракеты «Хвасон-6», которая в США получила название SCUD-ER. За счет увеличения длины топливных баков и снижения веса головной части до 500 кг удалось достичь максимальной дальности стрельбы, равной 700 км. При этом использовалась отделяемая головная часть с небольшими аэродинамическими качествами. Это повышало не только устойчивость ее полета, но и точность стрельбы.

Вышеуказанные баллистические ракеты позволяли Пхеньяну достигать цели на Корейском полуострове, но этого было недостаточно для стрельбы с северокорейских ракетных баз по важным объектам в Японии, в первую очередь — по базе военно-воздушных сил США «Кадэна» на о. Окинава. Это послужило одной из причин создания, при активном финансовом участии Ирана и Ливии, одноступенчатой ракеты средней дальности «Нодон-1». Последняя имеет длину 15,6 м, диаметр 1,3 м и стартовый вес 12,4 т, а также отделяемую головную часть и инерциальную систему управления. Максимальная дальность стрельбы «Нодон-1» составляет 1100—1300 км при головной части весом 700—1000 кг. КВО ракеты от точки прицеливания достигло 2,5 км.

В США полагают, что реализация этой ракетной программы началась в 1988 г. при участии российских, украинских и китайских специалистов. Как считается на Западе, особо значимую помощь северокорейцам оказали представители Конструкторского бюро им. В.П. Макеева (ныне это ОАО «Государственный ракетный центр имени академика В.П. Макеева»), которые в Советском Союзе являлись основными специалистами в сфере создания баллистических ракет подводных лодок. По их мнению, все это позволило даже при отсутствии успешно проведенного летного испытания приступить к ограниченному производству баллистических ракет «Нодон-1» уже в 1991 г. В следующие два года были проведены переговоры об экспорте ракет указанного типа в Пакистан и Иран. Как следствие, на летно-конструкторское испытание ракеты «Нодон-1»,

которое состоялось в мае 1993 г., были приглашены иранские специалисты. Эти испытания оказались успешными, но по географическим причинам дальность стрельбы ракеты пришлось ограничить расстоянием 500 км. При большей дальности полета могла возникнуть угроза попадания ракеты на территорию России или Японии. Помимо этого, существовала угроза перехвата телеметрической информации американцами и их союзниками с помощью морских средств наблюдения.

В настоящее время сухопутные войска КНДР имеют в своем составе отдельный ракетный полк, вооруженный ракетами «Хвасон-6», и три отдельных ракетных дивизиона, вооруженных ракетами «Нодон-1». Указанные ракеты транспортируются на мобильной пусковой установке и имеют осколочно-фугасную или кассетную головную часть. Потенциально они могут выступать в качестве носителей ядерного оружия.

Следует заметить, что на военном параде в Пхеньяне 11 октября 2010 г. были показаны два новых типа одноступенчатых ракет мобильного базирования. Одна из них напоминала иранскую ракету «Гадр-1», а вторая — советскую баллистическую ракету подводных лодок (БРПЛ) Р-27 (SS-N-6). На Западе им были даны названия «Нодон-2010» и «Мусудан» (Musudan).

В отношении ракеты «Нодон-2010» стали полагать, что северокорейские специалисты принимали активное участие в разработке иранской ракеты «Гадр-1». Следовательно, ракеты этого типа были либо поставлены из Ирана в качестве компенсации за оказанную техническую помощь, либо КНДР были переданы технологии производства этой ракеты. При этом можно было воспользоваться результатами летных испытаний ракеты «Гадр-1», проведенных на иранской территории. В настоящее время отсутствуют какие-либо факты, подтверждающие реальное использование баллистической ракеты «Нодон-2010» вооруженными силами КНДР.

По западным данным, разработка одноступенчатой ракеты «Мусудан» началась в 1992 г., когда И.И. Величко — генеральный конструктор Конструкторского бюро машиностроения, реорганизованного в 1993 г. в указанный выше «Государственный ракетный центр имени академика В.П. Макеева», подписал в Пхеньяне контракт по

ракете-носителю «Зыбь», созданной на базе БРПЛ Р-27. Данная ракета-носитель могла выводить на околоземную орбиту полезный груз весом 650 кг на высоту 1800 км. Вполне возможно, что в начале 1990-х годов некоторые советские ракетные технологии незаконно попали в КНДР.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности передачи в КНДР технологий головной части БРПЛ Р-27, которая имела термоядерную головную часть мощностью около 1 Мт. Потенциально такие технологии могли быть переданы Северной Корее. Вместе с тем совместная работа по ракете-носителю «Зыбь» не предполагала передачи технологий изготовления головной части БРПЛ Р-27.

До нынешнего времени ни одного летного испытания баллистических ракет «Нодон-2010» и «Мусудан» проведено не было.

В США считают, что с начала 1990-х годов Пхеньян работает над созданием двухступенчатых жидкостных ракет типа «Тэпходон». Это было подтверждено в феврале 1994 г. данными космического наблюдения. Тогда предположили, что ракета «Тэпходон-1» в качестве первой ступени использует «Нодон-1», а в качестве второй — «Хвасон-5» или «Хвасон-6». В отношении более совершенной ракеты «Тэпходон-2» стали полагать, что ее первая ступень представляет собой китайскую ракету DF-3 или связку из четырех двигателей типа «Нодон», а вторая ступень — «Нодон-1». Возможно, что в создании ракеты «Тэпходон-2» принимали участие китайские специалисты.

Первое летное испытание трехступенчатого варианта ракеты «Тэпходон-1» состоялось в августе 1998 г. Тогда она имела длину 24—25 м и стартовый вес около 22 т. Ее первая и вторая ступени отработали нормально, третья ступень отделилась, но вскоре вместе со спутником упала в Тихий океан. При этом дальность полета ракеты составила 1,6 тыс. км. Анализ полученных данных подтвердил, что в качестве первой ступени использовался «Нодон-1». Однако на второй ступени — двигатель советской зенитной ракеты SA-5, применявшейся в морально устаревшем зенитном ракетном комплексе С-200. Третья ступень, скорее всего, была представлена также морально устаревшим советским ракетным комплексом «Точка» (северокорейский вариант — KN-02).

По-видимому, вскоре программа «Тэпходон-1» была закрыта. Она носила больше демонстративный (показной) характер, так как вторая ступень ракеты мало подходила для доставки ядерного оружия, КВО составляло несколько км, а максимальная дальность полета — 2 тыс. км.

Параллельно осуществлялась программа «Тэпходон-2». Первое летное испытание ракеты этого типа было проведено в июле 2006 г. Оно оказалось неудачным (полет длился 42 с, ракета преодолела всего лишь 10 км). Тогда мало знали о технических характеристиках этой ракеты: даже ее стартовый вес оценивался в диапазоне от 60 до 85 т (по российским данным — 65 т). Ее первая ступень действительно представляла собой связку из четырех двигателей типа «Нодон». Однако узнать что-либо о второй ступени ракеты не удалось.

В дальнейшем всю информацию по баллистической ракете «Тэпходон-2» удавалось получать только по результатам пусков ракет-носителей, созданных на ее базе. Так, в апреле 2009 г. состоялся старт северокорейской ракеты-носителя «Ынха-2». Она пролетела свыше 3,2 тыс. км. Причем ее первая и вторая ступени отработали успешно, а третья вместе со спутником (если он в реальности был) упала в Тихий океан. В ходе этого старта международному сообществу была представлена обширная видеоинформация, что позволило выявить тактико-технические характеристики ракеты. Она имела длину 30 м и стартовый вес, равный 80 т. Вновь первая ступень ракеты представляла собой связку из четырех двигателей типа «Нодон». Вторая ее ступень оказалась похожей на ранее описанную советскую ракету Р-27, третья — на «Хвасон-5» («Хвасон-6»).

Следует заметить, что вскоре после старта ракеты-носителя «Ынха-3» представители военно-морских сил Республики Корея подняли со дна Желтого моря бак окислителя и фрагменты первой ступени этой ракеты. Это позволило уточнить достигнутый в Северной Корее технический уровень в сфере ракетостроения.

Для анализа собранных данных была сформирована группа из американских и южнокорейских экспертов. Ее основная задача состояла в том, чтобы убедить международное сообщество в применении Пхеньяном технологий баллистических ракет при разработке

ракеты-носителя «Ынха-3». Большой сложности это не представляло ввиду двойного назначения любых космических технологий.

Совместная группа экспертов пришла к следующим выводам. *Во-первых*, в качестве окислителя ракетных двигателей первой ступени северокорейской ракеты-носителя использовалось вещество на основе азота, которое служит компонентом ракетного топлива длительного хранения. По мнению экспертов, для ракеты-носителя более предпочтительно в качестве окислителя использовать жидкий кислород. *Во-вторых*, первая ступень представляла собой кластер из четырех ракетных двигателей типа «Нодон-1». *В-третьих*, моделирование полета ракеты показало техническую возможность доставки ею боеголовки весом 500—600 кг на расстояние 10—12 тыс. км, т. е. на межконтинентальную дальность стрельбы. *В-четвертых*, были выявлены плохое качество сварки и использование импортных компонентов для производства корпуса ракеты. В то же время последнее не являлось нарушением режима контроля за ракетными технологиями.

Отмечая важность проделанной работы, можно заметить, что в феврале 2010 г. Иран представил международному сообществу свою ракету-носитель «Симорг» (Simorgh), позволяющую выводить на низкую околоземную орбиту ИСЗ весом до 100 кг. В качестве ее первой ступени используется связка из четырех ракетных двигателей типа «Нодон-1», а роль второй ступени играет ракета «Гадр-1». Ракеты-носители «Симорг» и «Ынха-3» имеют высокую степень подобия. Их отличие состоит только в количестве ступеней (иранская ракета имеет две ступени).

По данным Международного института стратегических исследований в Лондоне третья ступень развития ракеты-носителя «Ынха-3» подобна второй ступени иранской ракеты аналогичного типа «Сафир-2» («Посланник-2»), которая в начале февраля 2009 г. вывела на низкую околоземную орбиту первый национальный ИСЗ «Омид» («Надежда»). В качестве второй ступени иранской ракеты-носителя «Сафир-2» используется ракета Scud-C (иранское название — «Шехаб-2», северокорейское — «Хвасон-6»), их дальность полета не превышает 800 км). Указанная ступень обладает низкой тяговооруженностью (отношение тяги двигателей к весу летательно-

го аппарата). Очевидно, что при использовании такой третьей ступени ракеты-носителя «Ынха-3» трудно ожидать существенного увеличения массы выводимого полезного груза. Аналогично, это справедливо и для определения максимальной дальности полета трехступенчатой баллистической ракеты, созданной на базе ракеты-носителя «Ынха-3», ввиду низкой тяговооруженности не только ее второй, но и первой ступени³.

На Западе полагают, что дальность полета иранской ракеты-носителя «Симорг» при ее использовании в качестве баллистической ракеты составит до 5 тыс. км при головной части в 1 т. При уменьшении веса головной части до 750 кг дальность полеты ракеты увеличится до 5,4 тыс. км. До сих пор ни одного успешного старта ракеты-носителя «Симорг» зафиксировано не было.

С учетом наличия третьей ступени, по-видимому, можно говорить о возможной дальности полета северокорейской баллистической ракеты, созданной на базе ракеты-носителя «Ынха-3», до 6 тыс. км с 600-килограммовой головной частью. Однако эти оценки требуют экспериментального подтверждения.

Техническим препятствием для создания северокорейскими специалистами трехступенчатой баллистической ракеты промежуточной дальности станет проблема обеспечения тепловой защиты установленного боезаряда. В отличие от ракет средней дальности, высота подъема головных частей которых не превышает 300 км, головные части ракет даже промежуточной дальности поднимаются на высоты выше 1 тыс. км над поверхностью Земли. В этом случае скорость их входа в верхнюю границу атмосферы на нисходящем участке траектории составит несколько километров в секунду. При отсутствии теплозащитного покрытия (ТЗП) это приведет к разрушению корпуса боезаряда уже в верхних слоях атмосферы. К настоящему времени отсутствуют какие-либо факты, подтверждающие овладение северокорейскими специалистами технологией производства ТЗП.

Кроме того, важной характеристикой ракетного комплекса является его боеготовность. В случае длительной подготовки ракеты к старту существует высокая вероятность ее поражения противником, поэтому приходится сознательно идти на сокращение максималь-

ной дальности стрельбы с целью повышения уровня боеготовности ракетного комплекса.

Таким образом, северокорейская ракетная программа по созданию двух- и трехступенчатых баллистических ракет типа «Тэпхон-2» перестала быть мифом. Действительно существует потенциальная возможность разработки в КНДР уже в среднесрочной перспективе баллистической ракеты промежуточной дальности. Однако ракетную угрозу не следует преувеличивать. При отсутствии достаточного финансирования и отсталости материально-технической базы такие работы завершить достаточно сложно. Помимо этого резолюция 2087 Совета Безопасности ООН не только ввела в отношении КНДР экономические санкции, но и требует восстановления моратория на запуски баллистических ракет. Это затруднит Пхеньяну проведение летно-конструкторских испытаний разрабатываемых ракет, даже маскируя их под запуски ракет-носителей.

Примечания

¹ Космический аппарат «Кванменсон-3», выведенный на околоземную орбиту, не смог стабилизировать свое положение относительно Земли и не передал сигналы на приемные станции, находящиеся на территории КНДР. Исходя из этого, его запуск нельзя признать полностью успешным.

² 7 марта 2013 г. Совет Безопасности ООН в качестве ответной меры на третье ядерное испытание единогласно принял резолюцию 2094, которая ужесточила режим санкций в отношении КНДР. Новая резолюция предусматривает расширение круга лиц, на которых распространяются меры по замораживанию банковских активов и введению запрета на поездки. В частности, в этом списке оказались: Вторая академия естественных наук и Корейская корпорация по импорту сложного оборудования, а среди физических лиц — два представителя Корейской горнорудной торговой корпорации и сотрудник коммерческого банка «Танчон».

³ Тяговооруженность первой ступени ракеты-носителя «Ынха-3» составила всего 1,3. Это нормально для ракеты-носителя, но плохо для баллистической ракеты. Для российских ракет этот показатель составляет порядка 1,7. Низкая тяговооруженность отрицательно влияет на дальности полета баллистической ракеты.

Д.Н. Верхотуров*

УСПЕШНЫЙ ЗАПУСК КНДР РАКЕТЫ-НОСИТЕЛЯ КАК ФАКТОР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В конце 2012 — начале 2013 г. оба корейских государства совершили свои первые удачные запуски ракет-носителей (РН), которые вывели космические аппараты на орбиту. 12 декабря 2012 г. в 09:49 по местному времени с космодрома «Сохэ» в пров. Пхённан-Пукто состоялся запуск РН «Ынха-3» со спутником «Кавнмёнсон-3», который через 10 минут после старта вышел на орбиту Земли с перигеем 497 км и апогеем 584 км. Командование воздушно-космической обороны США (НОРАД) подтвердило выход на орбиту нового спутника, который был включен в Международный каталог спутников под № 39026.

30 января 2013 г. в 16:00 по местному времени с космодрома «Наро» в РК состоялся запуск РН «Наро-1» (KSLV-1) со спутником STSAT-2C на борту. Таким образом, оба корейских государства стали странами, которые осуществили запуск искусственных спутников Земли со своей территории. Делавшиеся ранее предположения, что корейские государства в течение 5—6 лет войдут в число космических стран оправдались даже быстрее первоначальных расчетов¹.

* *Верхотуров Дмитрий Николаевич*, редактор ИА «Илбек Сибирь», Москва.
E-mail: verkhotur@yandex.ru

Важное отличие запуска 12 декабря 2012 г. от предыдущих заключается в том, что часть первой ступени ракеты «Ынха-3» была поднята из моря и изучена южнокорейскими специалистами, в результате чего появились относительно точные данные о состоянии северокорейских ракетных технологий. До этого при запусках северокорейские ракеты разрушались на мелкие обломки и были недоступны для изучения.

Данные об исследовании первой ступени РН «Ынха-3» являются первыми данными, которые были получены непосредственно путем изучения объекта, а не путем предположений и анализа фотоматериалов, что значительно увеличивает их ценность. Наиболее важные сведения были получены о типе используемого окислителя.

По заключению южнокорейских специалистов, в ракете в качестве окислителя использовалась красная дымящая азотная кислота (HNO_3 94 % + N_2O_4 6 %) ². Это важная информация, поскольку ранее не было точных данных о том, какая пара «топливо—окислитель» используется в ракетах типа «Ынха». Высказывались различные мнения, что в ракете используется пара: гептил—азотная кислота (руководитель токсической программы Гринпис России Алексей Киселёв со ссылкой на американских экспертов), керосин—жидкий кислород [академик Российской академии космонавтики имени Циолковского (РАКЦ) Александр Железняков] ³. Хотя еще в 2009 г. Дэвид Райт, анализируя РН «Ынха-2», указал пару: керосин—азотная кислота ⁴.

Азотная кислота стала распространенным окислителем в реактивных двигателях еще на ранней стадии их разработки, в 1930-х годах. Она привлекала тем, что баки с азотной кислотой не требуют теплоизоляции, вещество пожаро- и взрывобезопасно и может храниться в самой ракете. Технология подобного рода окислителей развивалась, и появились новые пары: несимметрический диметилгидразин — тетраоксид азота. В американских РН «Титан» использовался в качестве окислителя азотный тетраоксид (N_2O_4), более известный под названием «амил», представляющий собой следующий этап развития окислителей на основе азотных соединений.

В прессе часто указывалось, что азотная кислота использовалась в советских ракетах. Действительно, пара керосин — азотная кисло-

та широко применялась в советских баллистических ракетах (Р-11 или SS-1 с модификациями), а также в ракетах типа Р-17 (Scud). Подобные ракеты стояли на вооружении армий ряда социалистических стран и поставлялись в ряд стран: Ирак, Египет, Ливию. По неподтвержденным данным, они также поставлялись в КНДР⁵. В 1984 г. Северная Корея освоила собственное производство ракеты «Хвасон-5» — аналога Р-17Э — и поставляла его в ряд стран. Это прямое подтверждение того, что РН типа «Ынха» действительно были созданы на основе ракеты типа Р-17 и ее модификаций.

Материал для изготовления корпуса ракеты — алюминий-магний-магний сплав с содержанием 6 % магния. Однако в имеющихся материалах есть определенные расхождения по этому вопросу. Дэвид Райт указывает, что алюминий-магний-магний сплав был использован для топливного бака (что типично для ракетных систем), который размещался в нижней части первой ступени. Относительно материала бака окислителя точных сведений обнаружить не удалось, однако баки для азотной кислоты изготавливаются из нержавеющей стали.

В отношении технологии изготовления ракеты мнения экспертов разошлись. По южнокорейским данным, первая ступень была изготовлена с применением ручной сварки⁶. По мнению Дэвида Райта, исследовавшего фотографии северокорейской ракеты, детали ракеты имеют высокое качество и могут быть импортными⁷.

Опубликованных сведений не слишком много, и, видимо, Министерство обороны РК опубликовало далеко не все полученные данные. Однако и такой набор сведений позволяет сделать ряд выводов.

Первый вопрос: насколько «Ынха-3» является собственно северокорейской ракетой? Сопоставляя примененный набор технологий с промышленными возможностями КНДР, можно сделать вывод, что создание и запуск РН «Ынха-3» не были возможны без промышленного импорта. К явно импортированным компонентам относятся: алюминий-магний-магний сплав (в 2007 г. из КНР было импортировано 4,95 тыс. т алюминия⁸), а также керосин. В отношении алюминий-магний-магний сплава, правда, приходится придерживаться осторожных оценок, поскольку ранее в КНДР было производство алюминия, но в то же время отмечались импортные поставки из

КНР и даже попытки ввоза алюминиевых заготовок и труб из других стран. Это позволяет полагать, что КНДР использует все же импортный сплав, но при этом имеет мощности по прокатке и обработке, т. е. может самостоятельно изготовить детали ракет. Ракетное топливо однозначно импортное, хотя можно также рассмотреть возможность производства керосина из импортной нефти. К импортным компонентам также нужно отнести использованные компьютеры и средства связи (судя по наличию в первой ступени камеры для слежения за работой двигателей, при запуске собиралась телеметрическая информация о полете), оборудование Центра управления полетами и тому подобная техника.

В остальном КНДР имеет мощности по производству и обработке необходимых материалов, в первую очередь — качественных сталей и сплавов, в частности нержавеющей стали. Ранее эти марки сталей выпускались на Сончжинском сталелитейном заводе⁹. Ракетные двигатели, турбонасосы, рулевые устройства также вполне доступны для северокорейского машиностроения.

Отдельный вопрос — использование азотной кислоты. КНДР ранее имела довольно мощное производство соединений азота и азотных удобрений (Хыннамское объединение, до 1,1 млн т продукции в год, также азотные удобрения производились на нефтеперерабатывающем заводе в Анчжу)¹⁰. Однако в 2000-е годы КНДР импортировала азотные удобрения из России. Это говорит о том, что внутреннее производство не обеспечивает потребностей страны в азотных удобрениях. О причинах можно строить предположения, среди которых как сокращение производства азотных соединений (например, в силу снижения производства электроэнергии и трудностей получения катализаторов), так и переключение производства на военно-технологические нужды. Азотная кислота широко используется в производстве порохов и взрывчатых веществ, используется в атомной промышленности, в частности — в переработке облученных топливных стержней, а также в качестве окислителя в ракетах.

Таким образом, несмотря на то что основные компоненты РН «Ынха-3» были явно произведены в КНДР, без получения импортных компонентов ее изготовление и запуск вряд ли были бы возможными. В этом виде РН не имеет военного использования, поскольку

строительство и запуски подобных ракет серьезно ограничены получением компонентов, в первую очередь — топлива. Усиление санкций и сокращение поддержки со стороны КНР объективно затрудняет реализацию ракетно-космической программы КНДР.

Однако означает ли это, что запуск РН «Ынха-3» вовсе не имел никакого военного назначения? Скорее всего, не означает.

Во-первых, для создания полноценной баллистической ракеты, способной поражать цели на удалении свыше 500 км (радиус действия ракеты типа «Хвасон-5», давно освоенной в КНДР), требовалось испытать системы разделения ступеней ракет, зажигания двигателей второй и третьей ступени, работы двигателей за пределами атмосферы. Это нельзя сделать на наземном стенде, а можно сделать только в условиях реального полета.

Судя по результатам запусков РН «Ынха-2» 5 апреля 2009 г. и РН «Ынха-3» 13 апреля 2012 г., камнем преткновения были проблемы системы разделения ступеней и зажигания двигателей. В первом случае не сработала система разделения второй и третьей ступени, а во втором — система разделения первой и второй ступени или же произошло преждевременное зажигание двигателей второй ступени, вызвавшее взрыв. Это предположения, поскольку специалисты так и не пришли к единому мнению о причинах аварий, а КНДР об этом ничего не сообщила.

К моменту запуска 12 декабря 2012 г., очевидно, эти проблемы были решены, и запуск прошел успешно, со штатной работой всех систем. Теперь у КНДР есть испытанные технологии, позволяющие создать двух- и трехступенчатую баллистическую ракету. В двухступенчатом варианте ракета может поражать цели на территории Японии, в трехступенчатом, вероятно, может достичь территории США. Трехступенчатый вариант ракеты позволяет запускать боевую часть по параболической траектории с апогеем около 800—1000 км, что резко сокращает вероятность ее перехвата даже системами Aegis, имеющимися у США и Японии.

Во-вторых, по поводу спутника «Кванмёнсон-3» высказывались обоснованные сомнения в том, что этот спутник может иметь широкое гражданское назначение. Его небольшая масса серьезно ограничивает возможности. К тому же запуск спутника на полярную

солнечно-синхронную орбиту весьма подходит для разведки системами оптической фотосъемки. ИСЗ «Кванмёнсон-3» имеет орбиту 499,7 км в перигее и 584,18 км в апогее с наклоном 97,4°, период его обращения 95 мин 29 с. Такой спутник 15 раз за сутки пересекает линию экватора, что позволяет КНДР контролировать, например, акватории и следить за перемещениями флота США, т. е. создать систему оповещения.

В-третьих, можно выдвинуть также предположение, что использование пары керосин—азотная кислота — это вовсе не передовой уровень ракетных технологий КНДР. Эта пара широко употреблялась в ракетостроении 1950—1960-х годов, а в дальнейшем состоялся переход на более эффективные пары топливо—окислитель. Получить их в КНДР, в общем, не составляет особого труда. Окислитель тетраоксид азота можно получить путем охлаждения диоксида азота, в свою очередь получаемого из термического разложения нитрата свинца (производится путем растворения свинца в азотной кислоте). Ракетное топливо [например, «аэрозин» — смесь гидразина и несимметричного диметилгидразина (НДМГ) в пропорции 1:1] получается путем переработки аммиака. Все это доступно КНДР без внешней помощи на имеющемся оборудовании.

РН типа «Ынха» конструктивно позволяет перейти от пары керосин—азотная кислота к паре «аэрозин»/НДМГ — тетраоксид азота. Для этого потребуются не столь сложные изменения, относящиеся, главным образом, к замене алюминиевого топливного бака на стальной и перерасчета конструкции и заправки ракеты, что северокорейские конструкторы, бесспорно, могут выполнить в короткие сроки. Это позволяет им получить полноценную баллистическую ракету, пригодную к несению боевого дежурства в заправленном состоянии, способную к быстрому старту, в том числе и в автоматическом режиме. Подобная баллистическая ракета может быть построена целиком в КНДР без применения импортных компонентов и узлов.

В-четвертых, немаловажным является факт переноса запусков с космодрома «Мусудан-ри» на космодром «Сохэ». Скорее всего, это связано со снабжением космодрома топливом и окислителем. Космодром «Сохэ» расположен в 70 км от ядерного центра в Ёнбене и в 60 км от Анчжу. Если предположить, что производство ракетного то-

плива (керосина) и окислителя сосредоточено именно в Анчжу, то тогда размещение космодрома поблизости существенно упрощает хранение и перевозку жидких компонентов по железной дороге. Можно также предположить, что азотное производство в Анчжу обеспечивает потребности ядерного центра в Ёнбене, расстояние до которого не превышает 15 км по железной дороге. Подобное расположение ключевых объектов инфраструктуры позволяет создать в этой части пров. Пхённан-Пукто центра по снаряжению ракет ядерными боевыми частями, хранилищ жидких компонентов для заправки ракет, а также стартовых позиций, например шахтных. Развитая железнодорожная и автомобильная сеть дорог этому весьма способствует.

Можно заключить, что у запуска РН «Ынха-3» было значительно больше военных аспектов, чем гражданских.

Таким образом, запуск РН «Ынха-3» 12 декабря 2012 г. можно расценить как существенный прогресс северокорейских ракетных технологий, открывающий целый спектр возможностей как в гражданской, так и в военной областях. Судя по ряду обстоятельств, рассмотренных выше, руководство Северной Кореи рассматривает ракетную программу преимущественно с военной точки зрения. КНДР обогнала РК запуском спутника, чем продемонстрировала свое превосходство в ракетно-космической области. Южная Корея имеет больше спутников на орбите и запустила спутник со своей территории, однако пока что она не может осуществлять запуски без иностранной помощи.

С чисто военной точки зрения КНДР, очевидно, решила основные проблемы, связанные с созданием и запуском многоступенчатой баллистической ракеты, и теперь, опираясь на полученный опыт, может глубоко модифицировать свои боевые баллистические ракеты — «Хвасон», «Тэпходон» и др. Имеющийся промышленный потенциал КНДР позволяет построить и поставить на боевое дежурство не менее чем ракетный полк МБР (3 дивизиона по 4 пусковые установки каждый), причем возможно использование компонентов только собственного производства.

Безусловно, успешный запуск спутника, а также третье ядерное испытание привнесут серьезные изменения в военно-политическую

обстановку в регионе. Можно сказать, что КНДР имеет ядерный боеприпас и полноценное средство доставки, и этот фактор теперь нужно учитывать в оценке общей обстановки на Корейском полуострове.

Примечания

¹ Верхотуров Д.Н. Перспективы межкорейского сотрудничества в космосе // Корейский полуостров: уроки истории: доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30—31 марта 2010). М.: ИДВ РАН, 2010. С. 102.

² URL: <http://ria.ru/world/20121223/915907916.html>; Кирьянов О. Сеул опять запустит «Наро» // Российская газета, 21.01.2013. URL: <http://m.rg.ru/2013/01/21/rakety-site.html>

³ URL: <http://ria.ru/danger/20120413/624949426.html>

⁴ Wright D. An Analysis of North Korea's Unha-2 Launch Vehicle. URL: <http://www.ucsusa.org/assets/documents/nwgs/wright-analysis-of-nk-launcher-3-18-09.pdf>

⁵ Полный список сведений о ракетах типа P-17. URL: <http://military.tomsk.ru/blog/topic-200.html>

⁶ URL: <http://www.voanews.com/content/north-korea-missile/1570703.html>

⁷ Wright D. Debris from the North Korea's Launcher: What It Shows, December 27, 2012. URL: <http://allthingsnuclear.org/debris-from-north-koreas-launcher-what-it-shows/>

⁸ URL: http://www.metaltorg.ru/news/market_index.php?id=10025202&date=191826380

⁹ Корейская Народно-Демократическая Республика. М.: Наука, 1985. С. 77.

¹⁰ Там же. С. 86.

Глава 3

ЯПОНИЯ И ЕЕ СОСЕДИ: НЕПРЕОДОЛЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

*Р.Н. Лобов**

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ СЕУЛА В ОТНОШЕНИИ ТОКИО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Взаимоотношения Токио и Сеула на современном этапе характеризуются некоей двойственностью: с одной стороны, Япония является стратегическим партнером РК в Большой Восточной Азии, с другой — противоречия между двумя государствами, основанные как на вопросах восприятия событий недавнего прошлого, так и на столкновении геополитических интересов, питаемые корейским национализмом. В данном исследовании преимущественное внимание уделено проблемам политического диалога между Республикой Корея и Японией. Рассмотрение проблем экономического сотрудничества, равно как и изучение влияния фактора исторической памяти, исторического сознания на систему принятия внешнеполитических решений, требует обстоятельного и внимательного рассмотрения в специальных публикациях.

* *Лобов Роман Николаевич*, магистрант факультета международных отношений СПбГУ. E-mail: romanlob@hotmail.com

На формирование внешнеполитической линии Сеула в отношении Токио влияют те представления, которые сложились в политическом сознании лиц, принимающих управленческие решения. Политическая психология принятия решений такова, что, *во-первых*, не всегда те или иные управленческие, политические решения обусловлены прежде всего рациональными факторами. Было бы огромным упущением, большой опрометчивостью ориентироваться на допущение о том, что все политические решения принимаются в полном соответствии с неким мифическим «рациональным выбором». Как показывает практика, большую роль в принятии тех или иных управленческих решений играют иррациональные, ценностные мотивы, в том числе, как в случае с политикой Сеула в отношении Токио, — целый пласт этнопсихологических представлений, сформировавшихся под влиянием осмысления исторического опыта взаимодействия Сеула и Токио, этнокультурных стереотипов и т. д.

Отрицательным фактором, влияющим на процесс двустороннего политического диалога Республики Корея и Японии являются, в том числе, и спорные трактовки недавнего прошлого. И это при том, что в повседневной жизни южнокорейского общества, не касающейся политической сферы, особенного отторжения та же Япония и то, что с ней связано, не вызывают: японский язык стабильно входит в тройку популярных иностранных языков, наряду с английским и китайским, запретов на произведения японской массовой культуры в РК уже нет довольно давно (последние запреты были сняты еще при Ким Дэ Чжунге), имеет место активный культурный и туристический обмен и т. д. В целом успешно развивается экономическое сотрудничество между РК и Японией.

Однако в умах политфункционеров, в том числе и тех, кто отвечает за развитие японского вектора внешней политики, складывается достаточно неоднозначная и противоречивая картина мира: с одной стороны, Япония — это ближайший сосед, с которым ведется достаточно плодотворное экономическое, культурное, в некоторых сферах даже военно-политическое партнерство, с другой стороны — при малейшем поводе Японии припоминаются все ее явные и мифические прегрешения по отношению к Корее. Собственно говоря, ламентации на историческую тематику задействуются именно в том

случае, когда правящим кругам необходимо легитимизировать те или иные политические решения.

Заслуживает внимания также тезис о том, что чаще всего взаимоотношения между РК и Японией подвергаются испытанию конфликтом в последние год—полтора президентского срока в РК. Впрочем, неудачи на японском направлении, имевшие место, скажем, в последние полгода президентства Ли Мен Бака, автоматически будут «унаследованы» администрацией Пак Кын Хе, которая, как и ее предшественник на президентском посту, предлагала приступить к урегулированию территориального спора вокруг островов (скал) Лианкур (кор. — Токто, яп. — Такэсима), но на совершенно иных основаниях. Во внешнеполитической доктрине РК Global Korea времен Ли Мен Бака декларировалась приверженность дальнейшему развитию двусторонних отношений. Разногласия по поводу спорных вопросов трактовки исторических событий оставались на заднем плане для дальнейшего развития политического диалога¹.

Если же судить по материалам политических дебатов декабря 2012 г., Пак Кын Хе придерживается несколько отличного мнения, фокусируя зрение на необходимости нормализации политической составляющей южнокорейско-японских отношений, но уже основываясь не на абстрактном «общем понимании отдельных моментов исторического прошлого», а на конкретной точке зрения — т. е. на южнокорейском взгляде² на события, начиная с Канхвасского договора 1876 г. и заканчивая Второй мировой войной. К чему это приведет в дальнейшем и изменится ли видение Пак Кын Хе по данному конкретному вопросу — покажет время и развитие ситуации в Восточной Азии.

Еще один острый и актуальный вопрос корейско-японских отношений — это проблема принадлежности островов Токто, находящихся под юрисдикцией Республики Корея. Надо сказать, что само явление «территориального спора» для государств Большой Восточной Азии чем-то уникальным не является. Практически у каждой страны в данном регионе есть какие-либо территориальные притязания к одному или нескольким соседям, которые время от времени оборачиваются кризисом в отношениях между ними. Дело в том, что современные границы государств Восточной и Юго-Восточной

Азии фактически сформировались относительно недавно и являются по большей части продуктом послевоенных соглашений и «холодной войны». В случае с Токто свою роль сыграла известная непоследовательность США, представители которых поначалу передали их под юрисдикцию Республики Корея (1948 г.), а затем, маневрируя, сначала исключили из списка территорий, которые должны были быть переданы РК, а затем выпустили специальный документ, в котором сообщалось, что указанные острова признаются японской территорией и имеют название «Такэсима». Однако территориальный спор оказался замороженным фактически до 2005 г., когда Законодательное собрание префектуры Симанэ постановило считать 22 февраля «Днем Такэсима», отмечать этот день каждый год и добиваться возвращения «незаконно оккупированных японских земель»³. С этого момента конфликт вокруг принадлежности островов фактически вступил в активную фазу, ибо руководство РК (на тот момент — Но Му Хен) посчитало более неприемлемым не замечать претензии на часть собственной территории со стороны Японии.

Вопрос по поводу юрисдикции Токто стал одним из камней преткновения в ходе политического кризиса лета—осени 2012 г. между РК и Японией. Наиболее острые разногласия имели место после визита Ли Мен Бака на Токто (10 августа 2012 г.).

Вслед за визитом президента Ли Мен Бака последовал целый ряд демаршей: президент Ли сделал заявление, в котором обозначил, что император Японии Акихито может посетить Республику Корея, но только в том случае, если принесет «извинения тем, кто погиб, сражаясь за нашу независимость»⁴. Естественным образом, подобное заявление с раздражением восприняли в Японии, последовала реакция от премьера Нода, который предложил президенту РК «взять свои слова обратно»⁵. Временно был отозван посол Японии в Сеуле⁶. Послание премьер-министра Японии Нода, в котором тот выражал сожаление в связи с визитом Ли Мен Бака на спорные острова, вернули обычным заказным письмом без ответа⁷. «Обмен мнениями» на этом завершен не был. Представитель Министерства иностранных дел и внешней торговли Республики Корея Чон Дон Хи заявил: «Если Япония подает в суд протест по поводу принад-

лежности Токто, то пусть ставит на кон и принадлежность своей Цусимы». Реакция японской стороны не заставила себя ждать: министр иностранных дел Японии заявил, что отныне в отношении контроля Южной Кореей архипелага Токто (Такэсима) Токио будет использовать термин «незаконный захват»⁸. В ответ в Сеуле с новой силой заговорили о необходимости модернизации военно-морских сил страны, а также привели в боевую готовность гарнизон морской полиции на Токто⁹, в начале сентября провели военно-морские учения, на которые Япония ответила нотой протеста¹⁰. В конечном счете конфликт все же удалось перевести в относительно мирное русло: вопрос о территориальной принадлежности обсуждался на ГА ООН, данная проблема была поднята в рамках консультации глав дипломатических ведомств РК и Японии¹¹.

Следовательно, можно обозначить две проблемы, которые тем или иным образом отрицательно влияют на политический диалог между двумя странами, — это спорные вопросы недавнего прошлого и неразрешенная проблема территориального спора между РК и Японией. В связи с этим особо важным для понимания дальнейшей эволюции корейско-японских отношений является вопрос о перспективах территориального спора. Как для РК, так и для Японии владение данными островами является принципиальным вопросом национальной гордости.

Не заинтересована Южная Корея и в решении вопроса о принадлежности островов через Международный суд, на чем настаивает японская сторона. В Японии верят, что легко выиграют дело, а нежелание Сеула прибегнуть к международному арбитражу расценивают как свидетельство понимания южнокорейской администрацией слабости ее юридических позиций в данном вопросе. Однако, по оценкам экспертов по международному праву, разбирательство в Международном суде не сулит легкой победы ни одному из участников спора. С одной стороны, владение Южной Кореей островами Токто *de facto* в течение последних 60 лет может рассматриваться как довод в пользу Сеула. С другой — суду придется рассмотреть множество исторических документов, многие из которых сейчас трактуются каждой из участвующих в споре сторон в свою пользу. Речь идет и об исторических хрониках, картах и указах корейских и

японских правителей XII—XIX вв., и о документах XX в., касающихся периода установления японского контроля над Корейским полуостровом, и даже об упоминавшихся выше директивах SCAP и Сан-Францисском мирном договоре.

К тому же Южная Корея предпочитает считать, что никакого территориального спора с Японией у нее нет, поскольку остова Токто являются исконно корейской территорией, и, соответственно, спорить тут не о чем. В значительной мере жесткость Сеула в вопросе о спорных островах объясняется давлением на южнокорейское правительство и политиков со стороны общественного мнения, в котором сильны антияпонские и националистические настроения, подстегиваемые как вызывающей раздражение в РК активностью Японии в попытках отнять у нее Токто, так и пропагандистскими усилиями южнокорейских СМИ, поддерживающих тезис о законности владения Южной Кореей островами Токто. В аналогичном положении сильного давления со стороны общества находится и японская правящая элита. Это означает, что ни на какие компромиссы в споре об островах Токто/Такэсима в обозримом будущем стороны, скорее всего, не пойдут¹². Все это позволяет с большой долей уверенности утверждать, что территориальный спор между Японией и Южной Кореей далек от разрешения.

Одним из направлений сотрудничества в рамках двустороннего политического диалога, которое в перспективе могло бы переключить внимание с проблемы Токто и вопросов исторической памяти, остается северокорейское. В рамках этого направления особо злободневными являются ракетно-ядерная программа КНДР, внутривнутриполитическая стабильность Северной Кореи и китайский внешнеполитический курс по отношению к Пхеньяну.

В 2008 и 2009 гг. в РК и Японии произошла радикальная смена администрации: в Сеуле к власти вернулись консерваторы, выступающие за ужесточение позиций в отношении КНДР, а в Токио впервые в японской истории власть взяла оппозиция (Демократическая партия Японии), объявившая о готовности пересмотреть ряд внешнеполитических установок либерал-демократов. Сближению Сеула и Токио объективно способствовало и ухудшение отношений между Сеулом и Пхеньяном, вызванное критическими заявлениями

нового южнокорейского президента Ли Мен Бака в адрес КНДР. Таким образом, примечательно, что одной из точек притяжения в рамках межгосударственного политического диалога стала именно ситуация вокруг Пхеньяна.

В июле 2012 г. в РК разгорелся скандал вокруг возможного подписания военного договора между Японией и Южной Кореей. Соглашение об обмене информацией военного характера, которое планировали подписать друг с другом оба государства, предусматривало сотрудничество между военными ведомствами двух стран, включая проведение консультаций, а также обмен сведениями по ракетным и ядерным программам Северной Кореи и растущему оборонному потенциалу Китая. Скандал был вызван тем, что соглашение готовилось к утверждению без широкого обсуждения. В конечном итоге подписание документа было отложено на неопределенный срок. Позже какие-либо дальнейшие консультации по поводу подписания военного договора были обесмыслены разразившимся кризисом в отношениях двух стран.¹³ Последние совместные военные маневры РК и Японии состоялись в июне 2012 г., подписание же сентябрьских договоренностей об упомянутом военном договоре было и вовсе свернуто.

Успешный запуск на околоземную орбиту ИСЗ «Кванменсон-3» и очередное, третье, ядерное испытание не вызвали какой-либо непредсказуемой реакции у мирового сообщества, в том числе у Республики Корея и Японии. Дипломатические и политические круги обеих стран ограничились ритуальным осуждением и запуска ИСЗ¹⁴, и очередного ядерного испытания¹⁵. По сообщениям ИТАР-ТАСС, генеральный секретарь кабинета министров Японии Ёсихидэ Суга подчеркнул, что в настоящее время рассматривается возможность проведения встречи на высшем уровне между США, Южной Кореей и Японией для переговоров по ситуации на Корейском полуострове в свете ядерного испытания.

Основной характеристикой современных международных отношений в Восточной Азии является расширение китайского влияния в регионе. Пекин распространяет его на территории, традиционно находившиеся в зоне китайского культурного влияния. Помимо всего прочего, укреплению Китая в отдельных точках региона способ-

ствует также роль той или иной страны в региональной подсистеме международных отношений (Мьянма, КНДР). В настоящее время КНР для Пхеньяна является своеобразным «окном в мир», едва ли не единственной страной, которая обеспечивает относительную экономическую и политическую его безопасность.

Как известно, в официальных кругах Пекина зреет определенное недовольство тем, что в Пхеньяне отказываются перенимать китайский опыт экономической модернизации, а также стремятся продолжить работу по развитию своей ядерной программы. Тем не менее в Северную Корею проникает китайский бизнес, китайское руководство имеет виды на создание военно-морской базы в районе Чхонджина. Разумеется, подобная активность Пекина не может не волновать политические круги и в Сеуле, и в Токио в контексте общей политической ситуации в регионе и политики США, направленной на стратегическое сдерживание Китая.

Впрочем, как представляется, всевозрастающая активность Пекина в КНДР скорее коррелируется с вопросом устойчивости политического режима на севере Кореи. К внезапным переменам в Пхеньяне вряд ли готовы как в РК, так и в Японии, тем более что политическая нестабильность в КНДР может окончиться либо падением режима (что, безусловно, не сулит ничего хорошего ни КНР, ни РФ, ни РК), либо смещением нынешней правящей верхушки и приходом к власти прокитайской группировки. Как в Пекине не желают появления американских военных баз на берегах Амноккана и Тумангана, так и в Сеуле, и в Токио не видят приемлемым приближение военно-политического влияния Китая вплотную к окрестностям Сеула.

* * *

В декабре 2012 г. в Республике Корея состоялись президентские выборы, на которых с небольшим перевесом одержала победу Пак Кын Хе, кандидат от партии «Сэнури». Политические обозреватели, рассуждая о возможных переменных в Сеуле, отмечали, что, вполне возможно, политика Пак Кын Хе будет мало чем отличаться от линии ее предшественника. Вопрос о перспективах внешнеполитиче-

ского курса Сеула в отношении Токио на ближайшее время остается открытым. 25 февраля 2013 г. новому президенту РК передано весьма своеобразное наследие. Бывший президент РК Ли Мен Бак выстраивал свою политику в отношении Токио, дабы отставить на второй план разногласия по поводу территориальной проблемы и трактовки недавнего прошлого, прикладывая все усилия для того, чтобы вывести политический диалог между двумя странами на должный уровень. И Ли Мен Баку, пожалуй, это удалось.

Однако исторические споры вновь ввергли политический диалог Сеула и Токио в пучину кризиса и недоверия. Сможет ли новый президент, Пак Кын Хе, нормализовать политико-дипломатическое взаимодействие между двумя странами, не осложнив при этом до предела отношения с Пхеньяном, покажет дальнейшее развитие южнокорейско-японских отношений. В данном случае оптимизма добавляет обоюдное стремление новых руководителей двух стран нормализовать политический диалог между Сеулом и Токио.

Примечания

¹ Global Korea: the national security strategy of the Republic of Korea. The Lee Myung-bak administration's foreign policy and national security vision. URL: http://english.president.go.kr/government/golbalkorea/globalkore_eng.pdf

² Ёнхап. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/medialabs/election/tvd/tvd1.html>

³ Асмолов К.В. Япония и корейское урегулирование //Корейское урегулирование и интересы России. М., 2008. С. 31.

⁴ Росбалт. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/08/15/1022928.html>

⁵ Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/world/2012-08/23/c_131803695.htm

⁶ ИТАР-ТАСС. URL: <http://www.itar-tass.com/c12/493188.html>

⁷ Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/24/korea-pismo-site.html>

⁸ Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/23/tokto-site.html>

⁹ Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/21/tokio-seul-site.html>

¹⁰ Российская газета. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/513978.html>

¹¹ Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8002276.html>

¹² Иванов А.В. Состояние и перспективы решения территориальных споров между Японией и ее соседями: Республикой Корея и Китайской Народной Рес-

публикой. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/sostojanije_i_perspektivy_reshenija_territorialnyh_sporov_mezhdu_japonijej_i_jeje_sosedami_respublikoj_koreja_i_kitajskoj_narodnoj_respublikoj_2012-08-23.htm

¹³ Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/03/konfuz-site.html>

¹⁴ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?lang=r&id=IK&No=30536¤t_page=7; РИА Новости URL: <http://ria.ru/world/20121212/914407322.html#13617515679401&message=ready&relto=comments>

¹⁵ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?lang=r&id=Po&No=31080¤t_page=4ж; Новости NHK World. Центр исследований Японии ИДВ РАН. URL: <http://japancenter.livejournal.com/1402234.html>

И.В. Дьячков*

СПОР ПО ПОВОДУ О. ТОКТО (ТАКЭСИМА): МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА В СВА

Во второй половине 2012 г. внимание общественности привлекло очередное обострение китайско-японского территориального спора по поводу островов Дяюйдао (Сенкаку). Хотя территориальные споры — не новый элемент в международно-политической практике Северо-Восточной Азии (СВА) и регулярные обострения этих проблем не вызывают удивления ни у политиков, ни у ученых, особенностью прошлогоднего конфликта стал обмен весьма вызывающими акциями.

Япония в этой ситуации приложила усилия по стабилизации давнего территориального конфликта с Кореей: спора по поводу о. Токто, обострившегося, когда 10 августа 2012 г. остров посетил президент Республики Корея Ли Мен Бак (не исключено, что акция была «вдохновлена» положенной Д.А. Медведевым в 2010 г. традицией посещения российскими лидерами Курильских островов, суверенитет России над которыми также оспаривается Японией). Первоначальная дипломатическая реакция Японии была ожидаемо жесткой,

* Дьячков Иван Васильевич, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: dyachkov@naver.com

однако уже 9 сентября 2012 г. на саммите АТЭС во Владивостоке премьер-министр Японии Е. Нода, как подчеркнула южнокорейская пресса, первым подошел к Ли Мен Баку и постарался смягчить последствия дипломатического скандала¹.

Этот эпизод рельефно показывает место конфликта вокруг о. Токто и территориальных споров вообще в международно-политических стратегиях государств СВА.

Формальная причина существования вопроса заключается в том, что о. Токто (фактически представляющий собой группу мелких островов и скал в Японском море) был обойден вниманием в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г., а довоенная история владения им не дает однозначного ответа о том, какая страна является «законным хозяином» этой территории, находящейся де-факто под контролем Республики Корея.

Хозяйственная и стратегическая важность о. Токто не слишком высока. Воды вокруг острова являются источником рыбных ресурсов, а сам остров может быть опорным пунктом для рыболовецких судов или военно-морских сил. Кроме того, о. Токто интересен для ученых — экологов и геологов, а в его акватории были обнаружены запасы гидратов газа².

Основная ценность о. Токто — не практическая, а эмоциональная, иррациональная. Этот территориальный спор является одним из аспектов противостояния корейского и японского национализма.

Национализм — очень заметная, если не ключевая, часть регионального политического дискурса. Причины этого достаточно очевидны:

- поскольку национализм является основным фактором социальной мобилизации во внутренней политике, вполне естественно его «выплескивание» («спилловер») на международный уровень;
- на протяжении многих веков взаимоотношения стран региона были осложнены острыми конфликтами, взаимными обидами и попытками взять реванш;
- близость политических культур обычно выступает как фактор единства, однако такое сходство может порой приводить к появлению у государств ощущения необходимости подчеркнуть

свою уникальность и доказать себе и миру, что они лучше своих «братских» соседей; история Восточной Европы ясно показывает, что «сосуществование» сходных социо-политических общностей может быть гораздо более кровавым и жестким, чем пресловутое «столкновение цивилизаций»;

- давние нерешенные территориальные конфликты.

Последний фактор может показаться малозначительным — всего лишь географической проекцией сложной истории региональных конфликтов. Тем не менее именно территориальный вопрос в последнее время вышел на первый план и именно он может стать причиной многих бед, если его деструктивное влияние не будет нейтрализовано на данном этапе.

Заявления по территориальным вопросам радикальных политиков и группировок или некоторых ученых лежат в диапазоне от высказываний, подкрепленных историческими доказательствами (зачастую сомнительными, неоднозначными, отсылающими к малозначительным тонкостям и мало приложимыми к реальной ситуации), до наполовину сконструированных, наполовину реальных проблем (например, так называемая проблема о. Ноктундо) и чисто националистических мифов (скажем, претензии, предъявляемые некоторыми корейскими ультранационалистами в отношении Монголии, Сибири и российского Дальнего Востока).

Тем не менее даже наиболее сюрреалистичные и абсурдные мифы нельзя списать со счетов как нечто нерелевантное, далекое от региональной политики, поскольку эти мифы могут с легкостью быть реконструированы, поданы как историческая реальность и использованы как инструмент внутренней или внешней политики. Граница между мифом и реальностью в восточноазиатском политическом дискурсе проведена весьма нечетко; страны региона не стесняются использовать подложные квазиисторические доказательства для подкрепления своей позиции в территориальных спорах, и порой давно забытые проблемы вновь превращаются в предмет обсуждения, если одна из сторон решает, что такого рода аргументация будет ей удобна. Поэтому даже самые необузданные националистические фантазии, не разделяемые большинством политических сил страны, следует расценивать как потенциальный повод для беспокойства.

В проблеме о. Токто национализм является ключевым фактором. Японский национализм, стоящий на имперских, великодержавных, этатистских идеях и тяжело переживающий послевоенные события, весьма чувствителен в вопросах любых уступок на международной арене, в особенности — уступок Корее, некогда насильственно присоединенной к империи³. С другой стороны, корейский национализм⁴ по историческим причинам во многом определяет себя через противодействие «могущественным» соседям — Китаю и, в первую очередь, Японии.

Такой настрой конфликтующих сторон не позволяет решить проблему о. Токто путем переговоров: с одной стороны, любая уступка будет восприниматься обеими сторонами как слабость, с другой — «предательство» эмоционального настроения населения станет политическим самоубийством для любого лидера, решившегося на предметное разрешение вопроса⁵.

Несмотря на то что территориальный спор вокруг о. Токто чрезвычайно сильно заряжен эмоционально, ситуация на протяжении многих лет остается более-менее стабильной. Такая же особенность характерна и для многих других территориальных споров в регионе. Потенциально опасный сценарий не становился реальностью благодаря следующим факторам:

- как правило, территориальные споры рассматривались как инструмент внутривнутриполитической борьбы, а не как проблемы, подлежащие серьезному обсуждению на международном уровне. Эти споры использовались различными политическими группировками для достижения своих частных целей. Правящие круги могут обратиться к территориальному спору для отвлечения внимания публики от более насущных проблем или для того, чтобы общественность, недовольная действиями власти, могла выпустить пар. Кроме того, любые политические силы, вне зависимости от заявляемой позиции, могут пытаться играть на националистических настроениях, используя территориальный вопрос, с целью заручиться общественной поддержкой, в особенности в преддверии выборов (так, Коммунистическая партия Японии придерживается весьма националистических позиций по территориальным проблемам, несмотря

на интернационалистский пафос коммунизма и собственную критику действий Японии во Второй мировой войне);

- незатухающие территориальные споры и поток взаимных обвинений, по-видимому, являются неотъемлемой частью восточноазиатской политической культуры и дискурса, отражающей сложное прошлое региона. Эти споры предназначены не для разрешения, а для постоянного обсуждения (если периодический обмен жесткими заявлениями можно назвать таковым). *Во-первых*, как указано выше, эти проблемы помогают политическим деятелям самореализоваться. *Во-вторых*, на международном уровне эти споры становятся способом «сохранять лицо», укреплять престиж страны и позиционировать ее как могущественную державу. Япония предъявляет территориальные претензии ко всем своим соседям, у КНР претензии к Японии и Республике Корея, так как довольствоваться тем, что имеешь, с политической и культурной точки зрения оказывается дурным тоном;
- до сих пор статус-кво был достаточно прочен в силу того, что любое нарушение баланса дорого обошлось бы государствам, вовлеченным в конфликт. *Во-первых*, страны региона имеют в своем распоряжении мощные вооруженные силы, при этом некоторые из них (Южная Корея и Япония) связаны договорами, которые неизбежно втянут в конфликт США. Этот фактор ограничивает использование «грубой силы» в решении территориальных споров. *Во-вторых*, пересмотр статус-кво не соответствует интересам ни одной из стран, поскольку все они вовлечены во множество споров. В случае регионального его пересмотра все стороны могут потерять часть имеющихся у них территорий. *В-третьих*, государства региона поддерживают обширные экономические связи, и, как небезосновательно утверждает теория взаимозависимости, эти связи могут успешно предотвращать открытые политические и военные конфликты⁶.

Однако, возможно, наблюдаемая стабильность в реальности не столь нерушима и вышеперечисленные факторы все хуже удерживают территориальные конфликты на дипломатическом уровне. Статус-кво может быстро сломаться под националистическим давлени-

ем, и факторы безопасности обладают рядом существенных ограничений. Кроме того, в последние годы в развитии территориальных споров можно было заметить ряд весьма тревожащих моментов.

Во-первых, как уже говорилось выше, демократический характер южнокорейского и японского политических режимов делает правительства этих стран зависимыми от изменений общественного мнения. Политические элиты этих стран, играя на националистических настроениях и подогревая их для достижения своих целей, например прихода к власти, в итоге становятся заложниками эмоций соответственно настроенных социальных слоев и групп.

В частности, из-за этого теперь стороны конфликта чаще выражают свою позицию действиями, а не заявлениями. Так, в ответ на уже упоминавшийся визит Ли Мен Бака на о. Токто в 2012 г. Япония отреагировала отзывом посла из Сеула, и эскалация была предотвращена во многом из-за разгоревшегося спора по поводу островов Дяоюйдао (Сенкаку) (что также произошло из-за обмена резкими акциями между Токио и Пекином) и нежелания Японии конфликтовать с двумя соседями сразу. Таким образом, территориальные споры, ранее бывшие лишь своеобразным аспектом регионального политического дискурса, быстро превращаются в реальные конфликты.

Кроме того, в то время как даже на самые агрессивные заявления обычно отвечают аналогично, в словесной форме, реакция на агрессивные действия чаще всего подразумевает применение насилия, что может приводить к непредвиденным результатам. Так, в 2012 г. действия Японии привели к протестам в Китае, изначально носившим мирный характер, но вскоре гнев протестующих обрушился на японские предприятия. Быстрая эскалация особенно опасна в случае территориальных споров, поскольку преимущественно иррациональная природа национализма влияет на сущность основанных на нем конфликтов: они легко вспыхивают, но с трудом поддаются урегулированию; даже чисто «ритуальные» действия, которые воспринимаются другой стороной как таковые, в националистической логике не могут быть оставлены без жесткой реакции.

Во-вторых, в течение минувшего полувека конфликты были относительно малозаметными, поскольку основные региональные державы (Китай, Япония, Южная Корея) были заняты внутренними

вопросами и экономическим развитием. Накопленная за эти годы экономическая мощь была конвертирована в политический и военный потенциал, и сейчас этот потенциал ищет выход на международной арене.

Даже самая глубокая экономическая взаимозависимость не может предотвратить гонку за политическое и военное превосходство в регионе, где по крайней мере три страны стремятся стать ведущей региональной державой и — в перспективе — стать видным игроком на глобальном уровне (при этом Япония и Республика Корея занимают весьма похожую экономическую и политическую нишу, что обостряет соперничество между ними). Кроме того, экономические факторы не могут улучшить негативное восприятие соседей, сложившееся у стран региона исторически⁷. Рациональные экономические соображения и накапливающееся в результате усиления межчеловеческих контактов позитивное восприятие соседей не подавляют иррациональные националистические чувства, которые не только глубоко укоренены в истории, но и годами поддерживались политиками для достижения внутривнутриполитических целей. Поэтому утверждение о том, что экономическая взаимозависимость укрепляет региональную безопасность, несколько спорно.

В-третьих, в регионе традиционно отсутствует система разрешения международных конфликтов. В этом смысле наиболее показателен подход Китая к территориальным вопросам: китайское руководство предпочитает решать проблемы такого рода на двустороннем уровне и быстро дистанцируется от попыток интернационализировать процесс⁸. Многосторонний подход мог бы не только сдерживать эскалацию насилия и сгладить негативные последствия обострений, но и предотвращать обострения и разрешать конфликты. Без механизма международного урегулирования территориальные споры будут медленно, но неизбежно скатываться к насилию.

Вышеописанная природа территориальных споров и указанные факторы стабильности обладают определенной возможностью сдерживать территориальные споры на дипломатическом уровне. Тем не менее наблюдаемая стабильность может быстро разрушиться, а перечисленные факторы безопасности обладают весьма существенны-

ми ограничениями, в то время как всплеск националистических настроений может иметь весьма негативные последствия.

Национализм — очень опасный инструмент внешней политики. В некотором смысле это международно-политическая «атомная бомба»: националистическими настроениями легко воспользоваться и добиться впечатляющих результатов, но международные последствия таких действий зачастую могут обернуться катастрофой не только для «жертвы», но и для пошедшего на подобный риск государства. Конфликты, осложненные этническим или религиозным фактором, непредсказуемы и, как следствие, с трудом поддаются урегулированию. Причина этого — в иррациональной природе националистических и религиозных идей: Т. Зонова весьма обоснованно называет национализм «светской религией», поскольку он основан на вере в догматы⁹. Вовлеченные в такой конфликт стороны могут отказываться от рациональных стратегий в пользу шагов, продиктованных эмоциями или ожиданиями толпы. Эта общая черта конфликтов, осложненных националистическим элементом, в СВА подкрепляется рядом специфически региональных факторов.

Во-первых, в СВА присутствуют две признанные ядерные державы (Россия и Китай), непризнанное ядерное государство (Северная Корея, чьи отношения с рядом государств региона весьма напряжены) и два пороговых государства. Кроме того, США, еще одна ядерная держава, обладают существенным военным присутствием в регионе. Ядерный фактор превращает даже небольшие военные стычки в повод для беспокойства.

Во-вторых, неразрешенные проблемы исторической памяти подогревают националистические чувства и ведут к требованиям «справедливой» компенсации. Мировая история знает множество примеров того, как националистический подход к проблемам прошлого вредил региональной безопасности. Один из наиболее драматичных — ситуация в Европе, в частности Судетский кризис 1938 г.

В-третьих, вышеупомянутая размытость границы между мифом и исторической реальностью, характерная для восточноазиатского политического дискурса, порождает еще один повод для беспокойства: если какая-то из стран перейдет к одностороннему решению территориальных вопросов, разработанная ультранационалистиче-

ская мифология станет неисчерпаемым источником предлогов для все новых и новых претензий.

В-четвертых, наибольшая проблема связана с тем, что конфигурация безопасности в регионе (американская система «оси и спиц» с одной стороны, китайско-северокорейский договор 1961 г. — с другой) является наследием биполярности, а взаимодействие в ней обусловливается нео-реалистской логикой «баланса угроз». Такая логика взаимоотношений в области безопасности не позволяет укреплять доверие не только между «противоборствующими» сторонами, но даже в рамках одного «лагеря»: так, Республика Корея с большим подозрением наблюдает за усилиями Японии по укреплению безопасности, видя в них стремление к ремилитаризации и реваншизм¹⁰. Кроме того, ни конфронтационная структура безопасности, ни американо-южнокорейско-японский союз не сглаживают негативное влияние исторических и территориальных проблем на региональный политический дискурс.

Очевидно, что в краткосрочном периоде влияние конфликта по поводу о. Токто на региональную безопасность будет, как и прежде, пренебрежимо малым. Тем не менее не следует доверяться обманчивому ощущению безопасности. Азиатский национализм неумолимо выплескивается из внутривнутриполитической сферы во внешнеполитическую, и каждый новый международный конфликт с националистической изнанкой — еще одна капля, точащая камень региональной стабильности. Отсутствие краткосрочных последствий дает политикам возможность пойти на больший риск в следующий раз. Если политические элиты региона не увидят потенциальную опасность, США может рано или поздно оказаться на грани катастрофы.

Примечания

¹ МВ-Нода «Ханилгванге балчжон хепрек» 5бун дэхва (Ли Мен Бак-Нода. 5 минут беседы о «сотрудничестве в развитии отношений между РК и Японией» — Режим доступа: URL: <http://news.donga.com/Inter/3/02/20120910/49262241/1>

² Jinman Cho. The Dokdo/Takeshima Dispute between Korea and Japan: Understanding the Whole Picture / Jinman Cho, HeeMin Kim, Jun Young Choi // Pacific Focus. 2009. Vol. XXIV. No. 3. P. 372.

³ Tsuneo Akaha. The Nationalist Discourse in Contemporary Japan: The Role of China and Korea in the Last Decade / Tsuneo Akaha. // Pacific Focus. 2008. Vol. XXIII. No. 2. P. 156.

⁴ Edward A. Olsen. Korean Nationalism in a Divided Nation: Challenges to US Policy / Edward A. Olsen // Pacific Focus. 2008. Vol. XXIII. No. 1. P. 4.

⁵ Jinman Cho. The Dokdo/Takeshima Dispute between Korea and Japan: Understanding the Whole Picture / Jinman Cho, HeeMin Kim, Jun Young Choi. // Pacific Focus. 2009. Vol. XXIV. No. 3. P. 374.

⁶ Keohane R. Power and Interdependence / R. Keohane, J. Nye. New York : Longman, 2001.

⁷ Cheol Hee Park. The Pattern of Cooperation and Conflict between Korea and Japan: Theoretical Expectations and Empirical Realities / Cheol Hee Park. // Japanese Journal of Political Science. 2009. Volume 10. Issue 03. P. 250.

⁸ Panda R. Japan and China: Negotiating a Perilous Course / R. Panda // India Quarterly. 2012. 68 (2). P. 151.

⁹ Зонова Т. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 46

¹⁰ Cheol Hee Park. The Pattern of Cooperation and Conflict between Korea and Japan: Theoretical Expectations and Empirical Realities / Cheol Hee Park. // Japanese Journal of Political Science. 2009. Volume 10. Issue 03. P. 251.

*А.Ю. Иванов**

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ ЯПОНИИ К РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Северо-Восточная Азия является одним из регионов мира, где наиболее ярко выражены территориальные и акваториальные споры между соседними странами. Основными фигурантами споров в этом регионе выступают Южная Корея, КНДР, Япония, Китай и Россия.

Территориальные споры в Северо-Восточной Азии тесно связаны с новой и новейшей историей, когда становящиеся империалистические державы начали активно перекраивать политическую карту мира. Китайско-японская война 1894—1895 гг. и русско-японская война 1904—1905 гг. стали важным фактором возвышения Японии как гегемона в Северо-Восточной Азии, позволившего ей устанавливать новые порядки в регионе и в одностороннем порядке перекраивать границы соседних государств. Так, в январе 1905 г. Япония, пользуясь своим резко возросшим военным и политическим влиянием в Восточной Азии, решила легитимизировать свои

* Иванов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент ДВГГУ, Хабаровск. E-mail: ivanoff1967@mail.ru

права на о. Токто, и по требованию японских рыбаков, а также по официальному заявлению префектуры Симанэ японское правительство на заседании кабинета министров 28 января 1905 г. присоединило о. Токто к префектуре Ики¹.

Позднее, в результате поражения России в войне с Японией и согласно Портсмутскому договору, в августе 1905 г. российское правительство вынуждено было отказаться от южной части острова Сахалин в пользу японской стороны. Победа Советского Союза над империалистической Японией и освобождение Кореи от японского колониализма восстановили «территориальный статус-кво» в Северо-Восточной Азии.

В период «холодной войны» противостояние двух политических полюсов — коммунистического и капиталистического — играло важную роль в сдерживании территориальных конфликтов между отдельными государствами. Этому способствовали мировая стратегия и геополитические интересы США и СССР².

Стратегия США в Северо-Восточной Азии четко прослеживается в позиции прояпонски настроенных американских высокопоставленных лиц, считавших, что в период «холодной войны» необходимо активно использовать Японию как основную базу в борьбе против коммунизма на Дальнем Востоке. В желании привязать Японию к внешнеполитическим амбициям США американская администрация и их союзники заключили с японским правительством Сан-Францисский договор, пытаясь создать свой миропорядок в Восточной Азии. Обращает на себя внимание то, что период с марта 1947 г., когда был составлен первый проект мирного договора, по август 1951 г., когда был заключен Сан-Францисский договор, по времени совпадает с началом обострения противоречий между Советским Союзом и США.

В этот период СССР способствовал приходу к власти в Китае коммунистического режима во главе с Мао Цзэдуном, а на Корейском полуострове шла война, в которой Северная Корея имела все шансы захватить Южную Корею и установить власть коммунистов на всем полуострове. Исходя из этого, опасавшиеся быстрого распространения советского влияния США стали активно лоббировать интересы Японии при заключении Сан-Францисского договора,

пытаясь включить о. Токто в состав японской территории. В этом случае он оказывался и в сфере интересов США, играя стратегическую роль в Японском море³. В результате заключение Сан-Францисского договора впоследствии только усилило территориальные споры Японии с рядом стран Северо-Восточной Азии, в том числе с Россией и Кореей.

Но с окончанием «холодной войны» и ослаблением позиций СССР на мировой арене активизируется стремление стран Северо-Восточной Азии выразить собственные государственные интересы путем предъявления территориальных претензий соседним государствам. Таким образом, окончание «холодной войны» привело к смене противоречия между социалистическим и капиталистическим лагерями на противоречия между отдельными государствами. Это дало новый толчок возникновению территориальных споров в Северо-Восточной Азии. Профессор Ли Нам Чжу считает, что возникновение территориальных споров на Дальнем Востоке связано с выражением национальными правительствами недовольства теми границами, которые были установлены в период империализма и «холодной войны»⁴. Питательной средой территориальных проблем между соседними государствами стали исторические разногласия по поводу принадлежности спорных территорий. Эти разногласия серьезно усугубляет возросший национализм в странах Северо-Восточной Азии. В последнее время между РК, Китаем и Японией обострились трения вокруг понимания тех или иных исторических событий, происходивших в дальневосточном регионе, что в немалой степени связано с возросшими в этих странах националистическими настроениями⁵.

Рост конкуренции между странами Северо-Восточной Азии еще более укрепляет националистическую конфронтацию в регионе, например растет конкуренция между все более укрепляющим свои лидерские позиции Китаем и пытающимся восстановить свое бывшее могущество Японией.

Конечно, возникшие после окончания «холодной войны» территориальные споры далеки от военных конфликтов, но в последнее время эта проблема приобрела циклический характер, создавая скрытый детонатор конфликта.

Рассматривая территориальные проблемы в Северо-Восточной Азии, можно обнаружить специфические особенности, характерные для всех приграничных и территориальных споров в регионе:

- Северо-Восточная Азия является единственным регионом в мире, где существовали или существуют территориальные проблемы между мировыми державами: Россией и Китаем, Китаем и Японией, Японией и Россией. Благодаря активному политическому и экономическому сотрудничеству между государствами территориальные споры носят скрытый характер. Но в случае резкого усиления неконтролируемых националистических чувств и государственных амбиций ситуация может стать взрывоопасной;
- большинством объектов территориальных споров являются островные участки, не находящиеся непосредственно на границах соседних государств. Это в некоторой степени смягчает остроту столкновений между спорящими сторонами;
- основными источниками территориальных споров в Восточной Азии являются Китай и Япония, которые пытаются расширить сферу своего влияния в регионе. Это вынуждает другие страны резко реагировать на скрытые формы экспансионизма, исходящие от этих государств;
- территориальные споры в Северо-Восточной Азии имеют тесную связь с чрезмерным наращиванием военной силы в регионе. Такая тенденция особенно наблюдается в усилении военно-морских сил, призванных контролировать морские пути в спорных районах.

Подобные проблемы не могут не вызывать чувство недоверия между соседними государствами в области обеспечения безопасности в регионе. Учитывая, что территориальные интересы в Северо-Восточной Азии являются важной составляющей в регулировании международных отношений внутри региона, каждая из конфликтующих сторон считает защиту собственной территории более приоритетной, нежели какие-либо другие ценности. В связи с этим британский ученый Д. Загория считает, что «в Северо-Восточной Азии территориальные интересы традиционно имеют неизменный характер, определяющий в большей степени, нежели идеология, международные отношения»⁶.

Территориальные претензии Японии в отношении России и Южной Кореи являются ярким примером таких международных отношений в Северо-Восточной Азии.

Территориальные требования Японии в Северо-Восточной Азии по-прежнему являются источником нестабильных российско-японских и южнокорейско-японских отношений, связанных с притязаниями Токио на небольшие скалы в Японском море под названием Токто (Такэсима в японском наименовании) и четыре острова в южной части Курильской гряды.

Так, в марте 2005 г. парламент префектуры Симанэ при молчаливом согласии японского правительства принял резолюцию об объявлении 22 февраля «Днем Такэсима». Кроме того, в районе о. Токто регулярно появляются японские патрульные катера. В июле 2008 г. Министерство культуры Японии в предисловии учебника по социологии для национальных вузов впервые начинает указывать претензии японского правительства на этот остров. С 2005 г. ежегодно в докладе Министерства обороны Японии он указывается как японская территория.

Южная Корея воспринимает эти действия не иначе как попытку японского правительства превратить район о. Токто в зону территориального конфликта⁷.

Япония инициировала свои требования на право владения островом еще в середине 90-х годов XX в., но, в отличие от прошлых методов обсуждения проблемы, японское правительство стало принимать более решительные меры при отстаивании своей точки зрения. Японская сторона выражает готовность сесть за стол переговоров по поводу о. Токто при посредничестве международных судов⁸.

В отличие от японской стороны, чувствовавшей твердую поддержку со стороны американской администрации, южнокорейское правительство изначально не намерено было обсуждать вопрос о принадлежности острова на уровне переговоров. В январе 1952 г., накануне ратификации Сан-Францисского договора, президент Южной Кореи Ли Сын Ман в одностороннем порядке принял акт об установлении морских границ, включающих о. Токто. Таким образом, согласно так называемой «линии Ли Сын Мана», Южная Корея

предприняла меры по включению прибрежных вод Токто в территориальные воды Кореи.

Подобные действия южнокорейского правительства вызвали протест со стороны Японии. Несмотря на это, южнокорейская сторона твердо стояла на своих позициях, не считая возможным вести переговоры по поводу о. Токто. Фактический захват острова Южной Кореей и осуждение японским правительством действий Ли Сын Мана стали отправной точкой официального спора за обладание Токто между двумя государствами.

В 1965 г. во время переговоров в период нормализации южнокорейско-японских отношений президент Пак Чжон Хи в обращении к госсекретарю США Д. Раску заявил, что о. Токто является «раздражающей проблемой», которую можно решить, лишь взорвав остров⁹. Последующие президенты Южной Кореи продолжали укреплять суверенитет над островами, начав активное освоение Токто посредством строительства там вертолетной площадки и пирса, создания поста морской полиции, организации туристических туров и поселения на постоянное местожительство своих граждан.

Несмотря на это, японская сторона не теряет надежды сесть за стол переговоров по поводу спорного острова при посредничестве международных судов¹⁰. С точки зрения японской стороны подобное поведение южнокорейского правительства связано с тем, что с тех пор, как Токто де-факто стал территорией Южной Кореи, не появилось ни одного официального документа, способного доказать в международном суде право Республики Корея на этот остров¹¹. Таким образом, какие бы аргументированные доводы не приводили южнокорейские ученые, японская сторона, очевидно, рассчитывает на поддержку в стремлении вовлечь Южную Корею в территориальный спор на международном уровне¹². По мнению профессора университета Инха Ли Сок У, о. Токто для Японии имеет куда меньшее значение, нежели Южные Курилы и острова Дяоюйдао (Сенкаку), но поскольку территориальные споры вокруг всех этих островов непосредственно связаны с Сан-Францисским мирным договором, отказ от претензий на о. Токто может автоматически разрушить все доводы японской стороны относительно ее притязаний на другие территории¹³.

Подобные меры японское правительство осуществляет и в отношении четырех островов Южно-Курильской гряды, признав их на парламентском уровне в ноябре 2009 г. как «оккупированные Советским Союзом территории». Придерживаясь принципа, что без «возврата северных территорий» не может идти никакой речи о заключении мирного договора между двумя странами, Япония из года в год усиливает свои требования в отношении Южных Курил. При этом японское правительство оказывает давление на российское руководство. Так, в конце сентября 2010 г. российскому послу в Японии было высказано крайнее недовольство японского правительства по поводу намерения президента России Д. Медведева посетить четыре острова Южно-Курильской гряды, которые японская сторона считает своими. По мнению южнокорейского политолога И Дын Хона, острый конфликт в российско-японских отношениях из-за территориальных разногласий грозит растянуться на долгое время, несмотря на изменившуюся международную обстановку в азиатском регионе¹⁴.

Действительно, окончание периода «холодной войны», распад СССР и уход в прошлое идеологического противостояния абсолютно не изменили отношения между двумя государствами. И несмотря на то что Россия взяла курс на рыночную экономику и демократизацию общества, из-за бескомпромиссной позиции Японии отношения между двумя государствами по-прежнему находятся в состоянии стагнации.

Серьезной проблемой в претензиях Японии на четыре острова Южно-Курильской гряды и о. Токто является то, что эти требования ставят под сомнение территориальный порядок в Северо-Восточной Азии, установленный после Второй мировой войны.

Территориальные споры Японии с Россией и Южной Кореей, на первый взгляд, являются проблемой двусторонних японо-южнокорейских и японо-российских отношений. Тем не менее проблема Южных Курил и о. Токто является одним из многих конфликтов между странами Восточной Азии и имеет все характерные признаки многосторонней игры, в которой непосредственно или опосредованно затронуты стратегические интересы крупных держав.

При тщательном анализе исторических причин и сути территориальных споров, инициированных Японией в отношении России и

Южной Кореи, можно заметить определенное сходство между конфликтами вокруг Южных Курил и о. Токто. Настойчивые претензии Японии к России и Южной Корее отражают стремление японского правительства к гегемонии в восточноазиатском регионе. При этом для достижения своих целей японские ученые и политики пытаются исказить исторические факты передачи Курильских островов и о. Токто. Исходя из этого, вопрос принадлежности Токто и Южных Курил необходимо рассматривать не как проблему двусторонних корейско-японских и российско-японских отношений, а воспринимать комплексно с исторической, правовой, а также геополитической точек зрения.

Наиболее оптимальным выходом в сложившейся ситуации, когда Япония требует возврата островов от Южной Кореи и России, не учитывая доводы оппонентов, является принятие следующих мер: 1) отход от бесконечных споров и риторических заявлений относительно принадлежности той или иной территории и концентрация внимания на создании проектов сотрудничества по экономическому развитию территорий — там, где это целесообразно; 2) решение исторических проблем историками, а политических — на дипломатическом уровне посредством мирного диалога, невзирая на состояние общественного мнения; 3) проведение совместных исследований, научных семинаров и конференций для поддержания диалога в целях решения территориальных споров; 4) отказ в процессе решения территориальных проблем от резких заявлений, которые могли бы повысить напряженность между тремя государствами — Японией, Россией и Кореей.

Примечания

¹ URL: www.pref.shimane.jp/section/takeshima

² Ли Хо Чхоль. Кукче чонъчи кёнъчже чильсый пёнхвава Тонъасиа чонъчи кёнъчжеей ёктонъсонъ (Изменение международного политико-экономического порядка и политико-экономический характер Восточной Азии // Тонъасиа синчильсый мосэк (Поиск нового порядка в Северо-Восточной Азии). Сеул: Тосо чхульпхан Соуль пхыресе, 1996. Р. 93—94.

³ До 1952 г. США использовали о. Токто в качестве бомбардировочного полигона.

⁴ Ли Чжун Гю. Тоньбуга ёньтхо пунчженный чуньсиме иннын Ильбон (Япония, находящаяся в центре территориальных конфликтов в Северо-Восточной Азии) // Вольган тхониль Хангук, 2005, № 4.

⁵ Хо Ван Сок. Нам кхуриль садова Токто ёньюквон пунчжён пигё ёнгу (Сравнительное исследование конфликта за право владения четырьмя островами Курильской гряды и островом Токто) // Материалы XX Международного российско-корейского научного семинара. Сеул, 6—7 октября 2008 г. С. 34.

⁶ Zagoria D.S. The Strategic Environment in East Asia // Soviet Policy in East Asia. — New Haven and London: Yale University Press, 1982. P. 5.

⁷ Хо Ван Сок. Там же. С. 31.

⁸ Crisis Group Interview, Yamada Takayuki former special adviser to the speaker of the Japanese House of Representatives, Tokyo, 27 June 2005.

⁹ Lee Seok-woo. The 1951 San-Francisco Treaty with Japan and Territorial Disputes in East Asia // Pacific Rim Law and Policy Journal, vol. 11, No. 1 (January, 2002). P. 126.

¹⁰ Crisis Group Interview, Yamada Takayuki former special adviser to the speaker of the Japanese House of Representatives, Tokyo, 27 June 2005.

¹¹ Ibid.

¹² Crisis Group Interview, Lee Seok-woo, expert on international law at Inha University, Seoul, 25 August 2005.

¹³ Ibid.

¹⁴ И Дынъ Хон. Пукпанъ ёньтхо мунчжесый помнива чонъчхи (Правовые принципы и политика в вопросе «северных территорий» // Сорёный асеа чонъчхэкква Ханбандо (Политика СССР в Азии и Корейский полуостров). Сеул, 1987. С. 96.

В.А. Гринюк*

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЯПОНИИ

На японских островах кроме японцев постоянно проживают более 635 тыс. корейцев — граждан Республики Корея и КНДР. Большинство этих людей являются потомками в третьем и даже четвертом поколении этнических корейцев, прибывших на Японские острова. Имеется также некоторое число натурализовавшихся корейцев и детей, родившихся в смешанных браках японцев и корейцев — эти люди имеют японское гражданство. Таким образом, до 1 % населения Японии составляют граждане РК и КНДР либо граждане Японии корейского происхождения¹.

До русско-японской войны 1904—1905 гг. в Японии проживали 233 корейца — студенты и политэмигранты. После аннексии Кореи Японией в 1910 г. численность проживающих в Японии корейцев быстро росла. В 1911 г. их насчитывалось 2527, в 1916 — 5624, в 1926 — 143 798, в 1938 — 799 878, в 1944 г. — 1 936 843 человека². К моменту капитуляции Японии в сентябре 1945 г. в Японии проживали 2 365 263 корейца³.

* Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН. E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

С 1910 по 1920 г. японская колониальная администрация проводила в Корее перепись земель. В ее ходе многие корейские крестьяне не смогли документально подтвердить права собственности на земельные участки, которые они испокон возделывали и считали своими. Время подачи документов, подтверждающих право собственности, было ограничено, неграмотные крестьяне имели затруднения при оформлении бумаг. Многие земледельцы превратились в бесправных арендаторов на той земле, которую они считали собственной. Участки, изъятые у крестьян, составили экономическую базу генерал-губернаторства Кореи. Оно продавало эти земли японским компаниям, в первую очередь Восточно-колониальной компании. В момент основания в 1909 г. ей принадлежало 109 кв. км земли, а к 1918 г. — уже 793 кв. км⁴. Компания продавала эти земли на льготных условиях японским колонистам. Тем самым за счет корейских крестьян, обращенных в бесправных мелких арендаторов, смягчалась острота нехватки земель в Японии. Арендная плата для корейских земледельцев была очень высокая, многие из них не могли свести концы с концами и уходили из сельской местности. Часть нищенствовала в Сеуле и других городах Кореи, немало переехало в северо-восточные провинции Китая и в российское Приморье, а также в Японию.

После жестокого подавления массовых антияпонских выступлений корейского народа, начавшихся 1 марта 1919 г., власти Японии отказались от методов свирепого военного господства и перешли к «культурному правлению». В пределах, оптимальных с точки зрения укрепления колониального управления, корейцам предоставлялась свобода слова, собраний, организаций, была отдана часть чиновничьих должностей в генерал-губернаторстве и в полиции.

Одной из сторон «культурного правления» стал «план увеличения производства риса». В рамках этой программы проводились широкие работы по ирригации земель. В результате производство риса в Корее выросло с 14 млн коку (2,1 млн т) в 1921 г. до 17 млн коку (2,55 млн т) в 1928 г. и продолжало расти в последующий период. Одновременно наращивался экспорт риса из Кореи в Японию: с 3 млн коку (450 тыс. т) в 1921 г. до 4 млн коку (600 тыс. т) в 1928 г.⁵ Японским властям удалось поднять уровень самообеспечения Япон-

ской империи продовольствием, но при этом душевое потребление риса в Корее сократилось с 0,77 коку (155,5 кг) в 1912 г. до 0,54 коку (81 кг) в 1928 г.⁶ Из-за увеличившегося вывоза риса в Японию в Корее возник голод⁷.

Затраты на ирригацию распределялись между корейскими землевладельцами независимо от размеров принадлежащих им земельных участков. Мелкие землевладельцы не выдерживали тяжести «налога на ирригацию», разорались и покидали родные места. Выходцы из южных провинций Кореи отправлялись морским путем в Японию. В 1920—1930-е годы ежегодно в Японию из Кореи прибывало по 80—150 тыс. человек в год. Японские власти старались контролировать поток иммигрантов из Кореи. В японских портах на берег выпускали только тех из приезжих, кто имел денежные средства не меньше 10 иен (что соответствовало приблизительно 1 фунту стерлингов)⁸.

После 1931 г. под влиянием агрессии Японии против Китая началось восстановление японской промышленности после мирового экономического кризиса. Корейцы могли рассчитывать на большие возможности в Японии. С целью стабилизации обстановки в корейской диаспоре японское правительство поощряло переезд в Японию корейских супружеских пар⁹.

В 1937 г. агрессия Японии против Китая приняла широкий масштаб. По мере увязания японских милитаристов в войне в экономике страны сложился дефицит рабочей силы. Чтобы восполнить его, Федерация предпринимателей угольной промышленности Японии в начале 1939 г. обратилась к правительству с просьбой разрешить массовое использование на шахтах в Японии и на Южном Сахалине рабочих из Кореи и заключенных. Чиновники Министерства народного благосостояния, Министерства внутренних дел, Министерства колоний и генерал-губернаторства Кореи разработали «Программу набора корейских рабочих» и «Порядок перевозок рабочих морем». Правительство утвердило эти документы в сентябре 1939 г.¹⁰

Рабочую силу для метрополии черпали в южных регионах Кореи, где была чрезмерная плотность населения. В 1939 г. жестокая засуха поразила южные провинции Кёнги, Чхунчхон, Чолла и Кёнсан, составлявшие житницу страны. После внесения арендной платы крестьянам почти ничего не оставалось для пропитания своих семей.

В этой сложной обстановке появлялись вербовщики из Японии, предлагавшие земледельцам заключить контракт на два года работы на шахтах и рудниках. Бедняки заключали контракты с японскими компаниями, надеясь за это время расплатиться с долгами, спасти семью от голода и даже получить в Японии образование¹¹. На первом этапе имела место добровольная контрактация корейцев на работу в метрополию.

Работа в Японии действительно обеспечивала корейским рабочим более высокий заработок, чем в Корее. Но ложь о прекрасных условиях труда на японских шахтах и рудниках вскоре вскрылась, люди на собственном опыте узнавали о плохом питании, жестокой эксплуатации, о несчастных случаях под землей и дискриминации на национальной почве. В октябре 1941 г. истек срок действия контрактов у рабочих, подписавших их в 1939 г. Желающих продлить контракты и продолжать работу на японских предприятиях было мало. Люди возвращались в Корею и рассказывали землякам о реальных условиях, в которых им приходилось трудиться¹².

С другой стороны, американский исследователь Митчелл отмечает, что до начала регулярных бомбардировок японской территории американской авиацией в 1944 г. в Корее не переводились желающие добровольно выехать в Японию — их привлекали более высокие заработки, чем в Корее. Но это преимущество было относительным: оплата труда корейцев в Японии была значительно ниже, чем оплата работы японцев¹³.

Поскольку война принимала все более неблагоприятный для японских милитаристов оборот, обострялась нехватка рабочей силы в Японии, а также в Корее и Маньчжурии. С февраля 1942 г. власти Японии перешли к принудительной мобилизации корейцев для работы в Японии, на Южном Сахалине и на завоеванных островах в южной части Тихого океана.

Прежде рабочая сила из Кореи использовалась в основном на шахтах и рудниках, а теперь рабочих из колонии направляли также на металлообрабатывающие и металлургические заводы, строительство железных и автомобильных дорог, на разгрузку судов в морских портах. Территория, с которой брали подневольную рабочую силу, расширилась: разнарядки генерал-губернаторства Кореи на «госу-

дарственные поставки труда»¹⁴ направлялись уже не в четыре, а в шесть областей юга Кореи: Кёнги, Чхунчхон, Чолла, Кёнсан, Канвон и Хванхэ¹⁵.

Людей отрывали от дома и в сопровождении надзирателей отправляли в Японию к месту работы. В некоторых случаях крестьян просто похищали — хватили на улице или в поле во время работы. Перед выездом их предупреждали, что в случае бегства пострадают родственники, остающиеся дома. Корейцев обыскивали, отбирали деньги и записи с адресами проживающих в Японии знакомых. Их заставляли надевать бросающиеся в глаза рубахи красного или синего цвета, а маршруты следования выбирали так, чтобы они не проходили через крупные города. Насильно мобилизованных корейских рабочих обычно селили в бараках с окнами, поверх которых были прибиты прочные деревянные рейки¹⁶.

В планировании и проведении насильственной мобилизации рабочей силы, включая и практику похищений людей, участвовали коллаборационисты из числа местного населения: корейцы — руководители отделений полиции и сельские старосты, составлявшие низовое звено колониальной администрации, а также их пособники из числа землевладельцев и предпринимателей, члены всевозможных «патриотических организаций». Они добивались повышения своего общественного статуса в колониальной Корее и преследовали экономические выгоды¹⁷.

В 1944 г. японская армия терпела поражения от войск США, Великобритании и Китая, театр военных действий неумолимо приближался к территории собственно Японии. Руководство империи добивалось «превращения государства в крепость», форсировало масштабное строительство тоннелей и оборонительных сооружений.

Поток подневольных работников в Японию из Кореи не иссякал до 1945 г. За период с 1939 по 1945 г. в общей сложности было ввезено от 700 до 800 тыс. человек. В Японии в то время не было ни одной плотины, рудника, железнодорожной линии или автомобильной дороги, не политых потом и кровью корейских рабочих¹⁸.

Японская империя использовала корейцев и в качестве пушечного мяса. Еще в 1938 г. был издан Приказ о наборе в сухопутные силы специального контингента добровольцев, согласно которому

корейских мужчин на формально добровольной основе привлекали в армию. К 1943 г. их было набрано 17 066 человек. В 1943 г. была осуществлена отправка на военные фронты более 100 тыс. студентов из японских вузов. В их числе было более 4 тыс. корейских студентов¹⁹.

В 1944 г. общая воинская повинность была распространена и на корейское население. По данным, опубликованным в 1953 г., к моменту освобождения Кореи в 1945 г. в японских вооруженных силах состояли на службе два генерал-лейтенанта и один генерал-майор, 2 полковника, около 25 подполковников и майоров, около 200 офицеров в звании от младшего лейтенанта до капитана, а также офицеров-стажеров корейской национальности. В сухопутных войсках насчитывалось 186 980, в военно-морском флоте 22 299 военнослужащих-корейцев. Вместе с вольнонаемными в вооруженных силах Японской империи к концу войны состояло в общей сложности 364 186 выходцев из Кореи — чуть более 10 % их общего личного состава²⁰. Из них погибли 16 340 человек, судьба 23 человек точно не установлена²¹. Часть демобилизованных по окончании войны военнослужащих корейской национальности поселились в Японии.

Таким образом, добровольная иммиграция корейцев в Японию в 1910—1939 гг., добровольная контрактация и насильственная отправка рабочей силы с Корейского полуострова в 1940—1944 гг., мобилизация корейцев в вооруженные силы императорской Японии привели к формированию корейской диаспоры на Японских островах.

Поселившиеся в Японии корейцы сталкивались с проявлениями шовинизма со стороны японцев. Воспитанные в духе национальной исключительности, они смотрели на корейских иммигрантов свысока²².

Подавляющее большинство переселенцев из Кореи, особенно на начальном этапе иммиграции, были бедными и неграмотными крестьянами или неквалифицированными рабочими из южных провинций, где степень индустриализации была ниже, чем на севере страны. Среди приезжих отмечался высокий уровень преступности. Для японцев эти люди служили наглядным свидетельством отсталости Кореи²³. Уделом иммигрантов была грязная, тяжелая и опасная работа, за которую обычно не брались японцы²⁴. До середины 1920 г. многие иммигранты из Кореи занимались торговлей вразнос корей-

скими сладостями — тягучими конфетами, которые готовили из проса и солода. Позднее торговцы переквалифицировались в старьевщиков, уборщиков и ассенизаторов либо в наемных рабочих мелких мастерских²⁵.

Японские власти опасались связей иммигрантов с национально-освободительным и рабочим движением, поэтому корейцы в Японии находились под строгим полицейским контролем. Составляя самый бесправный слой японского общества, корейцы подвергались дискриминации и были объектом предубеждений. 1 сентября 1923 г. район Канто, в который входят столица страны Токио и город Иокогама, поразило сильнейшее землетрясение. В результате погибли и пропали без вести 104 619 человек, было разрушено 128 000 домов, полностью сгорело 447 000 зданий.

После бедствия японское население зверски убило около 6 тыс. корейцев²⁶. Злодеяния были инспирированы японскими властями. В 1921—1922 гг. в Японии была сформирована «токко» («особая высшая полиция»), которая специализировалась на преследовании активистов рабочего, коммунистического и социалистического движения и на подавлении борьбы корейского народа за национальную независимость. Сотрудники «особой высшей полиции» проводили для полицейских других подразделений учебные семинары, на которых рассказывали об освободительном движении корейских патриотов в Северо-Восточном Китае и участии корейцев в гражданской войне на стороне красных в России. После стихийного бедствия 1 сентября 1923 г. сотрудники «корейского отдела» «особой высшей полиции» рекомендовали похищать корейцев в порядке «превентивного задержания» и доставлять их в полицейские участки. Мотивировалось это тем, что корейцы опасны, так как якобы могут отравить питьевую воду в колодцах и совершать поджоги. Для распознавания корейцев предлагалось заставлять опрашиваемых произносить слова «го дзю эн, го дзю сэн» («пятьдесят иен, пятьдесят сэн») — корейцам трудно давалось произношение звонких звуков японского языка. Те из корейских иммигрантов, кому не удавалось правильно произнести контрольные слова, становились жертвами членов «групп бдительности» (формирований добровольных помощников полиции)²⁷.

В 1925 г. правительство Японии приняло Закон об охране общественного спокойствия. Он стал основанием для усиления репрессий против коммунистов, социалистов, активистов рабочего движения и борцов за независимость Кореи. 9 января 1932 г. корейский рабочий Юн По Чан совершил в Токио покушение на жизнь императора Японии. После этого преследования корейских националистов стали особенно свирепыми. В 1933 г. на основании вышеупомянутого закона было арестовано 1820 корейцев²⁸.

В годы агрессии Японии против Китая и войны на Тихом океане корейцы погибали на полях сражений и умирали от изнурительного труда на различных предприятиях и объектах. По северокорейским данным, в военные годы только на угольных шахтах Японии погибли 60 тыс. корейских горняков²⁹. Корейские рабочие были и среди погибших при атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки.

В 1940 г. был введен запрет на использование корейцами родного языка. Кроме того, была предпринята акция «соси каймэй» («создание фамилий и изменение имен») — вместо корейских фамилий корейцам присваивались японские фамилии, а корейские имена переименовывались на японский лад: иероглифам, бывшим в написании корейских имен, давалось японское прочтение. Помимо этого, предпринимались меры по внедрению в среде корейцев японской одежды, кухни и обычаев. Деятельностью по искоренению корейской национальной культуры занимались полиция и руководимые ею «кёвакай» («ассоциации согласия»)³⁰.

После окончания Второй мировой войны японское правительство при попустительстве американской оккупационной администрации продолжало курс притеснения проживающих в Японии корейцев. Последним пришлось вести упорную борьбу против экономической эксплуатации, в защиту человеческих прав. Благодаря этой борьбе корейцы в Японии добились отмены дискриминации в профессиональной сфере. Сегодня они достойно представлены в юриспруденции, науке, образовании, искусстве страны. Однако в Японии сохраняются предубеждения против проживающих там корейцев, и они до сих пор лишены избирательных прав.

По экспертным оценкам, в феврале 2012 г. около 40 тыс. этнических корейцев в Японии являлись гражданами КНДР, а около

595 тыс. были зарегистрированы в качестве граждан Республики Корея³¹. Еще в октябре 1998 г. президент Республики Корея Ким Дэ Чжун во время официального визита в Японию выступил в японском парламенте с речью, в которой говорил и о положении этнических корейцев. Подчеркнув, что граждане РК являются исправными налогоплательщиками и вносят достойный вклад в развитие Японии, президент попросил японское правительство безотлагательно предоставить этническим корейцам избирательное право. В ответ на этот призыв генеральный секретарь правящей ЛДПЯ Нонака Хирому в октябре 1999 г. дал согласие на предоставление избирательного права иностранцам, однако влиятельные политики сорвали прохождение в парламенте соответствующего законопроекта³².

После прихода к власти в Японии Демократической партии в сентябре 2009 г. там возникли ожидания прогрессивных тенденций во внутренней и внешней политике страны. В январе 2010 г. премьер-министр Ю. Хатояма и генеральный секретарь ДПЯ И. Одзава заявили о намерении предоставить проживающим в Японии корейцам избирательные права. Однако в самой ДПЯ выявились опасения, что корейцы могут голосовать за решения, противоречащие национальным интересам Японии, в частности по территориальному спору с Южной Кореей. Поэтому премьер-министр Ю. Хатояма в марте 2010 заявил, что повременит с выдвижением законопроекта³³. Эта проблема не решена до сих пор.

Серьезным скандалом закончились благие намерения руководства Демократической партии Японии, связанные с обучением в школах корейских детей. В конце января 2010 г. правительство представило в парламент законопроект, в котором предусматривалась отмена платы за обучение в государственных средних школах второй ступени и выплата компенсаций родителям тех детей, которые обучаются в частных (платных) школах. Это последнее положение должно было распространиться и на корейских детей, обучающихся в национальных школах (обучение там платное). Позднее было объявлено, что закон не будет применяться в отношении учащихся десяти средних школ второй ступени, в которых обучаются дети граждан КНДР. Идея их исключения из программы освобождения от платы за обучение принадлежала государственному министру по де-

лам похищений японских граждан Х. Накаи. Он утверждал, что выделение государственных субсидий для покрытия расходов на обучение детей северокорейских граждан равнозначно экономической помощи КНДР.

Такой дискриминационный подход к корейским школьникам вызвал протесты в Пхеньяне, а также резкую критику со стороны юристов и научного сообщества Японии. 5 марта 2010 г. председатель Союза адвокатов Японии М. Миядзаки подписал заявление с требованием отменить несправедливое решение в отношении учащихся корейских школ. Свой протест выразили также 18 авторитетных ученых из ведущих университетов Японии³⁴. Проблема приобрела международное звучание: в марте 2010 г. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации провел проверку ситуации в корейских школах в Японии. В документе, опубликованном по ее результатам, комитет выразил беспокойство из-за позиции японских политиков, настаивающих на дискриминационном исключении корейских школ из программы отмены платы за обучение³⁵.

5 ноября 2010 г. Министерство образования, культуры, спорта, науки и техники приняло решение распространить программу освобождения от уплаты за обучение на корейские школы, однако после артиллерийского обстрела северокорейскими войсками южнокорейского острова Ёнпхэндо 23 ноября 2010 г. министерство отменило эту меру³⁶.

Возникновение и формирование корейской диаспоры было результатом колониального господства Японии в Корее. Иммигранты испытывали все формы колониального гнета, выпавшего на долю корейского народа. Проявления дискриминации в отношении корейцев по сей день сохраняются в японском обществе.

Примечания

¹ «Japan Statistical Yearbook 2012». URL: www.stat.go.jp/data/nenkan/ghbzuhyou/y0214000.xls

² Морита Ёсио. История проживающих в Японии корейцев в цифрах. Акаси сётэн. 1996. С. 33. Цит. по: «Корпорация резидентов Республики Корея в Японии. Центральная комиссия по национальному образованию. Учебник истории.

История корейцев, проживающих в Японии». Акаси сётэн. Токио. 2006. С. 9 (яп. яз) Далее: Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии.

³ «The People's Korea». 29 November 2002. URL: http://www.korea-np.co.jp/pk/003rd_issue/chong ryun/PartII0102.htm. Цит. по: Dewayne J. Creamer. The Rise and Fall of the Chosen Soren: it's Effect on Japan's Relations on Korean Peninsula. Naval Postgraduate School. Monterey CA, 93943-5000. December 2003. P. 8. URL: www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ada420217

⁴ Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 12.

⁵ Там же. С. 39. Коку — японская мера объема (180, 391 л). 1 коку риса весит около 150 кг.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Fukuoka Yasunori. Koreans in Japan: Past and Present. Saitama University Review, Vol. 31, № 1, 1996.

⁸ Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии... С. 14.

⁹ Richard Mitchell. The Korean Minority in Japan (Berkeley: University of California Press, 1967) P. 76.

¹⁰ Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии... С. 46.

¹¹ Там же. С. 47—48.

¹² Там же. С. 49.

¹³ Richard Mitchell. The Korean Minority in Japan (Berkeley: University of California Press, 1967). P. 85—86. Обследование, проведенное в Японии в 1924 г., показало, что заработки японцев и корейцев, выполнявших одинаковую работу, отличались в зависимости от рода занятий на 5—50 % в пользу японцев (Mark E. Caprio. The Forging of Alien Status of Koreans in Occupied Japan. URL: www.japanfocus.org/-Mark-Kaprio/2624).

¹⁴ Именно так: «рому кёсюцу» — это обозначалось в официальных документах. Таким образом, люди приравнивались к товарам или сырью. См.: Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. ... С. 51.

¹⁵ Так как добровольная иммиграция корейцев в Японию в довоенные годы, контрактация рабочей силы в 1939—1941 гг. и насильственная мобилизация в 1942—1945 проводилась из южных регионов Кореи, 90 % численности корейской диаспоры в Японии составляют потомки выходцев с юга Корейского полуострова. URL: www.yoshida-yoshihiko.com/englishpage/chosensorenits-past-present-an.html

¹⁶ Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 51.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 52.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Там же. В работе американского исследователя Девэйн Кремера приводятся другие данные: В японские вооружённые силы были мобилизованы 240 000 корейцев, из них погибли 24 000 человек. — Dewayne J. Creamer. The Rise and Fall of the Chosen Soren: it's Effect on Japan's Relations on Korean Peninsula. Naval Postgraduate School. Monterey CA, 93943-5000. December 2003. P. 8. URL: www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ada420217

²² Paul Huen Chan, «From Colony to Neighbor: Relations Between Japan and South Korea, 1945—1985». Ph.D. dissertation., Johns Hopkins University, 1988, pp. 40—41. Цит. по Dewayne J. Creamer., cit.op., P. 8. URL: www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ada420217

²³ Alice K. Lee, «Koreans in Japan: Their Influence on Korean-Japanese Relations,» Master's Thesis, Naval Postgraduate School, 1979. P. 11. Цит. по Dewayne J. Creamer. Op. cit. P. 8. URL: www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ada420217

²⁴ Dewayne J. Creamer. Op. cit. P. 10.

²⁵ Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 40.

²⁶ Dewayne J. Creamer. Op. cit. P. 10.

²⁷ Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 34—36.

²⁸ Dewayne J. Creamer. Op. cit. P. 13.

²⁹ «The People's Korea». 29 November 2002. URL: http://www.korea-np.co.jp/pk/003rd_issue/chon_gryun/PartII0102.htm

³⁰ Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 41—43.

³¹ Из выступления доктора Ё. Мимурэ из Института экономики стран Северо-Восточной Азии (Япония) в ИДВ РАН 27 февраля 2012 г.

³² Учебник истории. История корейцев, проживающих в Японии. С. 121—122.

³³ David Kang, University of Southern Carolina, Ji-Young Lee, Oberin College. Japan-Korea Relations: Same As It Ever Was. URL: www.csis.org/media/isis/pubs/1001qja_pan_korea.pdf

³⁴ Сэкай. 2010. № 5. С. 51—52.

³⁵ David Kang, Ji-Young Lee. Op. cit.

³⁶ Ibid.

Глава 4 «МЯГКАЯ СИЛА» И ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА КОРЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

*Т.Б. Егоров**

«МЯГКАЯ СИЛА» КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ

Взаимодействие восточной и западной цивилизаций — процесс, который имел колоссальное значение для человечества. Для него характерна, в первую очередь, невозможность определить однозначно, чье влияние было сильнее.

Лидерство Запада было неоспоримым на протяжении веков. Успех западных ценностей, эффективность экономической модели позволяет Западу играть главенствующую роль в развитии человечества, определяя устройство мира. Западные стандарты рассматриваются как глобальные, а глобализация расценивается как процесс универсализации западных ценностей. Однако с ходом истории положение дел неумолимо меняется, и все чаще звучит тезис о смене процесса «вестернизации» на процесс «истернизации»¹. Баланс сил в мире постепенно смещается в сторону Азии и развивающихся стран.

* *Егоров Тимофей Борисович*, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского, монгольского языков МГИМО (У) МИД России. E-mail: timofey.egorov@msn.com

Вторая особенность взаимодействия Запада и Востока заключается в том, что взаимопроникновение ценностей происходило в разные периоды развития цивилизаций и осуществлялось различными способами.

Модели восприятия чужих, инородных ценностей зависят от цивилизационной основы и от адаптационных способностей. Например, если в странах конфуцианского ареала (Япония, Корея, Китай), в Индии и в Юго-Восточной Азии заимствование элементов западной культуры и технологии реализуется гибко, с наименьшими опасениями утратить национально-цивилизационное своеобразие, то в мире ислама это вызывает резкий и массовый протест как вестернизация, которая провоцирует отторжение².

Цивилизации по-разному реагируют на усиливающиеся процессы глобализации. При этом представления об идентичности, меры по ее сохранению существенно отличаются друг от друга в разных обществах.

Любопытный пример эффективного использования западной модели развития демонстрирует Южная Корея, где традиционные конфуцианские ценности смешались с элементами западной культуры. Успешное функционирование институтов либеральной демократии позволило РК достичь высокого уровня эффективности законодательной системы и относительной политической стабильности.

Южная Корея претендует на роль доминирующей силы в Северо-Восточной Азии и укрепляет свои позиции путем повышения привлекательности страны, распространяя продукты национальной культуры. Рост популярности всего корейского — сериалов, фильмов, моды, музыки и т. д. — повышает международную конкурентоспособность РК, обеспечивая необходимый потенциал для использования «мягкой силы». Ресурсы «мягкой силы», которыми обладает Южная Корея, позволяют сравнивать ее с такими странами, как США, Китай, Япония и Россия, в вопросах политического, экономического и культурного влияния.

Сама концепция «мягкой власти» (еще один вариант перевода термина «soft power») появилась в начале 1990-х годов. Ее автор, Джозеф Най, подчеркивал значение таких факторов, как культура страны, политические принципы, присущие государству, внешняя поли-

тика и публичная дипломатия. Повышая привлекательность образа государства, данные факторы создают ресурс «мягкой силы», использование которого позволяет добиться желаемых целей без непосредственного использования военных или экономических средств³.

Ничего принципиально нового Дж. Най не придумал, однако ему удалось точно и емко описать природу «soft power», которая является чрезвычайно сложным и многогранным явлением. Также американский ученый сумел предсказать возрастающее значение «мягкой силы», которая в эпоху глобализации приобретает действительно неограниченные возможности. В XXI в. применение военной мощи для достижения каких-либо целей уже не столь эффективно. Это объясняется взаимным переплетением экономик, а также огромными издержками, связанными с применением некоторых форм современного оружия⁴. В эпоху информационных технологий на первый план выходит именно «soft power», ядро которой составляют нематериальность, информативность и подвижность⁵.

Как уже упоминалось ранее, Республика Корея обладает значительными ресурсами «мягкой силы» и успешно их использует. В своей статье «Растущая “мягкая сила” Южной Кореи» Дж. Най анализирует фактор привлекательности, который, по его мнению, играет особую роль. Ученый отмечает стремительный экономический рост РК, ее лидерство в сфере информационных технологий, наличие демократической системы правления и открытого гражданского общества, а также привлекательность культуры. По мнению Найа, у Южной Кореи достаточно ресурсов для создания «мягкой силы», не сдерживаемой ее географическими границами, которые препятствовали распространению «твердой силы» на протяжении всей истории страны⁶.

Используя эти ресурсы, РК сумела существенно упрочить свое влияние на международной арене. Немалую роль здесь сыграло активное участие в деятельности ООН и проведение политики, направленной на оказание помощи другим странам. Важным вектором внешней политики РК является распространение культуры. Меры по повышению привлекательности образа страны принесли свои плоды, породив явление, получившее название «корейская волна» (кор. — *халлю*).

Сам термин был придуман в Китае, с которого и начался беспрецедентный рост популярности продуктов корейской индустрии развлечений. В своей статье «Современная ситуация и проблема феномена “корейской волны”» К. Асмоллов выделяет два значения данного термина: первое — более узкое и, похоже, более раннее. Оно касается проникновения корейской массовой поп-культуры, корейских сериалов и корейского кино в другие страны. Второе значение — более широкое и обозначает моду на все корейское: от кухни и музыки до тхэквондо⁷.

С 1990-х годов «корейская волна» в ее узком понимании распространилась более чем на 60 стран, захлестнула Тайвань, Гонконг, Японию, Юго-Восточную Азию, проникла в Европу, США и другие страны, включая государства Ближнего Востока и Африки. Это превратилось в прибыльный бизнес для индустрии развлечений и деловых кругов.

Правительство также поддержало экспорт культуры: в 2011 г. при поддержке Министерства культуры, спорта и туризма РК во многих странах (Австралия, Испания, Филиппины, Индонезия и др.) были открыты корейские культурные центры. Кроме существенной финансовой выгоды, распространение продуктов культуры способствует созданию позитивного образа Южной Кореи и повышает ее международную конкурентоспособность. Культурная экспансия значительно повысила интерес к Южной Корее, став важным фактором роста туризма.

Киноиндустрия (кино и телесериалы)

Именно корейские телесериалы являются одной из важнейших составляющих «корейской волны». Их смотрят в Японии, Китае, странах Юго-Восточной Азии, Европе, США. В Гонконге для трансляции корейских программ был даже открыт отдельный телеканал.

Среди наиболее популярных следует отметить такие сериалы, как *Winter Sonata* (겨울연가), *Boys Over Flowers* (꽃보다 남자), *The 1-st Shop of Coffee Prince* (커피프린스 1호점), *Stars Falling From the Sky* (별을 따다줘), *In-Soon is Pretty* (인순이는 예쁘다) и т. д. При этом примечательным является как количество снимае-

мых сериалов, так и их разнообразие. Исторические, семейные, романтические, детективные, т. е. сериалы на любой вкус. И вполне закономерно, что свою аудиторию они находят без труда.

Причин такой высокой популярности корейских телесериалов достаточно много. Одна из них — проявление конфуцианского восприятия современного мира: «Многие любители корейских сериалов в Китае считают, что в корейских “драмах” отражена общность конфуцианских культурных традиций. Поэтому сюжеты корейских сериалов близки китайским зрителям»⁸. В других азиатских странах интерес к Корее и всему корейскому возрос благодаря корейскому «экономическому чуду». Экономические успехи повысили престиж Южной Кореи, отчего во многом выигрывает корейский кинематограф.

Корейские сериалы интересны и представителям других культурных традиций. Интерес этот заложен в одновременной реализации как общечеловеческих ценностей, так и специфики, являющейся для Европы экзотикой.

Интерес к корейскому киноискусству охватывает не только сериалы, но и серьезное интеллектуальное кино. Не случайно южнокорейский режиссер Ким Ки Дук — один из самых именитых кинорежиссеров в мире («Весна, лето, осень, зима и снова весна» (2003) — несколько призов на фестивалях в Сан-Себастьяне и в Локарно; «Самаритянка» (2004) — «Серебряный медведь» Берлинского кинофестиваля). Из последних наград — главный приз Венецианского кинофестиваля за фильм *Pieta* в сентябре 2012 г.

В корейском кино многих подкупает творческое освоение классических мотивов и успешное заимствование зарубежного опыта. «На протяжении последних десятилетий корейские кинематографисты настойчиво изучали достижения своих зарубежных коллег и в меру сил осваивали их»⁹. Все это позволяет корейскому кинематографу достойно конкурировать не только с лучшими национальными образцами, но и с голливудским кино.

Музыка (поп-культура)

Другой важной составляющей корейской культурной экспансии является К-поп (корейская поп-музыка). Среди особенно успешных

исполнителей следует отметить *BoA, Dong Bang Shin Ki, Girls' Generation, 2PM, Super Junior, SHINee, MBLAQ* и др. Группа *Dong Bang Shin Ki* даже попала в «Книгу рекордов Гиннеса» за самый большой в мире фан-клуб. Количество его участников составляет 1 млн 200 тыс. человек.

Фан-клубы в значительной мере способствуют распространению «корейской волны». Любопытен пример России, где она движется снизу — через самоорганизацию фанатов. В прошлом году группа *SHINee* танцевала с фанатами на Арбате, поражая необычной внешностью случайных прохожих, и судила конкурс танцев, на который съехались любительские коллективы со всего СНГ.

Еще одним примером стремительного взлета является история группы *PSY*. Количество просмотров видеоклипа на песню *Gangnam style* за 2 месяца составило почти 170 млн. При этом всего 25 % просмотров приходится на Южную Корею, а остальные 75 % просмотревших — иностранцы. Этот видеоклип размещен на YouTube, который рассматривается южнокорейскими развлекательными компаниями как ключевой компонент международного распространения корейской культуры.

Компьютерные игры

Отдельного изучения заслуживает влияние южнокорейских видео-игр на общие процессы развития игровой индустрии. Присутствие корейского игрового контента на мировом рынке за последнее время существенно расширилось. Благодаря тому что корейские онлайн-игры набирают обороты за рубежом, экспорт игровой индустрии увеличился за последнее десятилетие в 12 раз — с 130 млн долл. в 2001 г. до 1,55 млрд в 2010 г. Доля корейских игр на мировом рынке устойчиво растет¹⁰. В 2011 г. на фестивале игр в Северной Америке [Пенни Аркада Expo (PAX)] положительные отзывы получили корейские игры *Guild Wars 2* и *Wild Star*, выпущенные NCsoft.

Подводя итог, следует отметить, что «мягкое» информационное и культурное воздействие на сознание элит тех или иных государств в перспективе способно изменить содержание и характер межгосударственных отношений соответствующих стран с Республикой Ко-

рея. Растущий потенциал «мягкой силы» позволяет РК играть более важную роль в международных институтах и сетях, необходимых для глобального управления, повышает степень корейского влияния на глобальный порядок. Таким образом, синтез западных и восточных ценностей не только позволил сохранить идентичность, но и существенно укрепил позиции Южной Кореи в регионе и на международной арене.

Примечания

¹ Толорая Г. Россия и БРИКС: стратегия взаимодействия. Новое восточное обозрение. М., 2011.

² Ланда Р. Глобализация и политический ислам, Новая и новейшая история. № 2. 2011, С. 24—31.

³ Толорая Н. «Мягкая сила» Кореи и Россия: попытка сравнения, уроки и выводы. Hankuk University of Foreign Studies Research Fund, 2011.

⁴ Там же.

⁵ Пономарёва Е. Феномен «мягкой власти». 2012. URL: http://rusrand.ru/mission/result/result_636.html

⁶ Най Д. Растущая мягкая сила Южной Кореи. Project Syndicate, 2009.

⁷ Асмолов К. Современная ситуация и проблема феномена «корейской волны» // Рукопись, предоставленная автором.

⁸ В Китае бум корейской культуры. Международное радио Китая. 05.02.2006.

⁹ Там же.

¹⁰ Культура Кореи через призму статистики. 21.11.2011. URL: http://www.dv-reclama.ru/atr/yujnaya_koreya/12973/kultura_korei_cherez_prizmu_statistiki_koreyskaya_volna_khallyu_uvelichivaet_chislo_inostrannykh_tur/

Е.В. Лачина*

ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ТХЭКВОНДО КАК ПРООБРАЗ И ЭЛЕМЕНТ «КОРЕЙСКОЙ ВОЛНЫ»

В XXI в. мы стали свидетелями такого явления, как «корейская волна» (кор. — *халлю*), интерес к которой, подогреваемый усилиями южнокорейского правительства, только увеличивается. Между тем этот феномен никак нельзя назвать первым в своем роде: у него есть аналоги как за рубежом, так и внутри страны. В качестве зарубежных аналогов можно привести Японию и Китай, интерес к культуре которых возник на несколько десятилетий раньше и достиг своего пика в конце XX в. Аналогом «собственного производства» является тхэквондо в том смысле, что его распространение по миру стало прообразом грядущей популяризации других компонентов южнокорейской культуры¹. Помимо этого, сейчас тхэквондо считается неотъемлемой частью *халлю*, поэтому в настоящей работе оно рассматривается в двух ипостасях: как ее прообраз и как ее элемент.

Сразу следует оговориться, что так как речь идет о Республике Корея, то под тхэквондо понимается его южнокорейская версия. Попытки превратить тхэквондо в своего рода национальный бренд предпринимались (и предпринимаются) и в КНДР, но подобный анализ выходит за рамки данной статьи.

* Лачина Евгения Владимировна, преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета МГЛУ. E-mail: mitra.chinha@gmail.com

Для начала подробнее остановимся на двух ключевых понятиях, рассматриваемых в работе, а именно — «корейская волна» и тхэквондо.

Под «корейской волной» здесь понимается совокупность различных аспектов южнокорейской культуры (в основном современной), мода на которые возрастает как за счет собственного потенциала, так и за счет поддержки южнокорейского правительства. *Халлю* началась с распространения сначала по Юго-Восточной Азии, а затем и по всему миру южнокорейских сериалов и несколько позже — поп-музыки (К-поп), однако с каждым годом она пополняется новыми элементами и в настоящее время включает кухню, одежду, видеоигры и язык².

Тхэквондо — это боевое искусство, оформившееся на территории Корейского полуострова во второй половине XX в. и сейчас существующее не только в обеих его частях, но и во многих других странах мира.

При сравнении этих двух явлений следует иметь в виду несколько важных моментов. *Во-первых*, феномен «корейской волны» намного сложнее, чем феномен тхэквондо: первый состоит из множества элементов, апеллируя к очень широкому пласту корейской культуры, тогда как второй — только единоборство (или спорт), т. е. всего лишь часть этой культуры. Однако совокупность компонентов *халлю* представляет собой новое явление, не сводящееся к сумме его составляющих, и это делает сопоставление процессов развития обозначенных выше феноменов весьма оправданным. Также достаточно интересно сравнивать тхэквондо с другими элементами «корейской волны», например телесериалами или поп-музыкой.

Далее, во второй половине XX в. тхэквондо было призвано стать одним из инструментов, с помощью которого РК могла бы заявить о себе и улучшить свой имидж в глазах мирового сообщества (особенно это касалось боевого духа корейцев, так как тогда он был представлен в крайне невыгодном для РК свете). Сейчас же, когда эта цель достигнута, перед *халлю* стоят задачи иного масштаба (в частности, стать представителем всей азиатской культуры).

И наконец, в сегодняшнем мире широко используются современные технологии, упрощающие и ускоряющие процесс информирования целевой аудитории.

Если выделить основные ступени эволюции, пройденные отдельно тхэквондо и «корейской волной», то окажется, что они во многом идентичны. Распространение *халлю* происходит по сценарию, схожему с тем, по которому весьма успешно распространялось тхэквондо задолго до официального начала «корейской волны». Именно поэтому данное единоборство можно считать ее прообразом.

Итак, целесообразно выделять 4 стадии эволюции тхэквондо и *халлю*.

1. Зарождение и начало распространения по Аии. На этом этапе происходит зарождение феномена тхэквондо, который некоторое время спустя начинает распространяться преимущественно по Азии, в основном по частной инициативе. Тхэквондо находилось на этой стадии с середины 1950-х годов до 1971 г. (когда им занялся Ким Ун Ен); «корейская волна» — с конца 1990-х до середины 2000-х годов.

Тхэквондо возникло как авторский проект генерала Чхве Хон Хи, который, имея высокое положение в южнокорейской армии, сначала распространил свое боевое искусство там, а потом направил все усилия на то, чтобы как можно большее количество *кванов*³ использовало именно это название. При Ли Сын Мане и в первые годы правления Пак Чжон Хи генерал добился немалых успехов: тхэквондо вышло за рубеж, а само название практически стало означать «боевые искусства Кореи». Однако в результате своей чересчур активной деятельности Чхве Хон Хи стал неудобен властям и был вынужден покинуть РК.

Халлю началась с распространения южнокорейских телесериалов (а чуть позже и эстрады) по Азии (в основном на Тайване, в Китае и Японии) в конце 1990-х — начале 2000-х годов по инициативе режиссеров и продюсеров, и только потом сериалы подхватили некоторые южнокорейские телеканалы, в том числе и государственные.

Как и в случае с тхэквондо, сначала «корейская волна» в виде телесериалов распространилась по Азии. Однако если в 1960-х годах тхэквондо начало свое шествие по миру с Малайзии, Вьетнама, Сингапура и Брунея, то *халлю* в конце 1990-х — начале 2000-х годов начала с Японии и Китая. Для этого были свои причины. *Во-первых*,

прямые культурные связи между Японией и Южной Кореей, по сути, отсутствовали до 1990-х годов. *Во-вторых*, сложно было даже представить корейца, пытающегося ознакомить японскую публику, воспринимающую и его самого, и всю корейскую культуру и традиции как нечто второсортное, с чем-либо корейским. Для Китая полвека назад Корея, находившаяся на уровне беднейших стран мира, также ничего собой не представляла. Кроме того, и Япония и Китай, обладая богатой традицией боевых искусств, просто не восприняли бы «корейское каратэ» (а тхэквондо тогда представляло собой каратэ Шотокан в чистом виде).

2. Популяризация и правительственная поддержка. На этом этапе правительство осознает, что феномен может быть использован для улучшения национального имиджа, и начинает оказывать ему поддержку. Тхэквондо находилось на этой стадии в 1970-е годы, *халлю* — с середины 2000-х до 2012 г.

В начале 1970-х годов южнокорейское правительство осознало, что тхэквондо может быть использовано для решения задач по повышению международного статуса РК, и заинтересовалось его популяризацией. Принимая во внимание тот факт, что в 2000 г. тхэквондо стало олимпийским видом спорта, можно с уверенностью говорить об успешности предпринятых руководством Южной Кореи действий.

Во вторую стадию тхэквондо вошло в 1971 г., когда Ким Ун Ен, до этого являвшийся сотрудником президентской службы безопасности и не связанный с миром боевых искусств, стал председателем Всекорейской ассоциации тхэквондо. В результате Чхве Хон Хи, к тому времени имевший серьезный конфликт с властями (в частности, лично с Пак Чжон Хи), был вынужден, как отмечено выше, покинуть РК. В документальном фильме, показанном на телеканале MBC-TV в 1998 г., сам Ким Ун Ен вспоминает, что возглавить Ассоциацию его попросило правительство⁴.

Вскоре для распространения тхэквондо по миру при поддержке правительства был создан всемирный центр тхэквондо Куккивон, в строительстве которого также принимали участие крупные южнокорейские компании (такие, как Samsung, SsangYong и др.)⁵. Он до сих

пор находится под контролем отдела международного спорта Министерства культуры, спорта и туризма РК⁶. Именно Куккивон стал главным механизмом распространения тхэквондо по миру: он начал отправлять за границу демонстрационные команды и инструкторов, проводить международные соревнования, семинары, сборы и аттестации по тхэквондо, разрабатывать обучающие программы для иностранцев и многое др.

«Корейская волна» вошла в эту стадию в середине 2000-х, когда она добралась до США и Европы. Основным орудием *халлю* на этой стадии стал К-рор, а вспомогательным — корейский язык, распространению которых начало помогать южнокорейское правительство. К такой помощи относится открытие Института им. вана Сечжона, организация К-рор конкурсов, различных фестивалей, выставок и других мероприятий. Помимо телесериалов, поп-музыки и корейского языка на этом этапе *халлю* начала обогащаться новыми элементами: в нее вошли корейская кухня, стиль в одежде, макияже и прическах, туризм.

3. Превращение феномена в бренд и утрата идентичности. На этом этапе, во многом благодаря всевозрастающей государственной поддержке, феномен не только распространяется по миру, но и закрепляет свои позиции, окончательно становясь брендом и начиная приносить прибыль тем, кто его использует. Далее он перестает ассоциироваться у потребителей со страной происхождения. Обычно это случается либо вскоре после его окончательного превращения в бренд либо параллельно с этим процессом. Тхэквондо вошло в эту стадию в конце 1980-х, *халлю* входит в нее сейчас.

Можно считать, что тхэквондо прочно закрепило статус культурного бренда РК в 1988 г., после того как оно было продемонстрировано на сеульской Олимпиаде. Тогда о тхэквондо в буквальном смысле слова узнала вся планета, но по мере его вхождения в культуру и повседневную жизнь Запада оно все меньше ассоциировалось там с Кореей, став одним из видов восточных единоборств. Появление не подотчетных Куккивону школ, объединений и федераций тхэквондо как в самой РК, так и за рубежом также способствовало утрате его идентичности.

«Корейская волна», как утверждается в выпущенной 30 января 2013 г. Министерством культуры, спорта и туризма РК Белой книге, вошла в третью стадию с 30 января 2012 г., когда при министерстве было создано Общество популяризации культуры *халлю* (кор. — Халлю мунхва чинхындан). На этом этапе окончательно сформировалась серия брендов, начинающихся на букву «К», за которой скрывается слово Korea, например К-Рор. К-style, К-shorts, и теперь брендом должна стать вся корейская культура (K-Culture), в том числе искусство, литература и традиционная культура⁷. По результатам 2012 г. можно сделать вывод, что пока Министерство культуры, спорта и туризма РК весьма успешно справляется с этой задачей.

Что же касается утраты идентичности, то на данный момент это произошло только с одним элементом *халлю* — онлайн-играми, в силу своей специфики развивающимися наиболее высокими темпами по сравнению с остальными ее компонентами, в том числе за счет широкого использования английского языка. Здесь важно помнить, что те элементы «корейской волны», в которых сильна вербальная составляющая, если и окажутся под угрозой потери идентичности, то вряд ли это произойдет скоро, так как язык — это все-таки одно из лучших средств ее сохранения.

4. Включение феномена в новый проект. Данная стадия характеризуется попытками восстановить утраченную идентичность и новым витком правительственной поддержки.

На современном этапе тхэквондо официально стало элементом *халлю*, и это подтверждается новым витком его поддержки со стороны правительства. Об этом свидетельствует ряд мер, среди которых — принятый 22 июня 2008 г. Закон о популяризации тхэквондо и сооружении Парка тхэквондо (кор. — Тхэквондо чинхын мит тхэквондо конвон чосон дынэ кванхан помнюль), разработанный Министерством культуры, спорта и туризма РК пятилетний план развития тхэквондо (Средне- и долгосрочная стратегия тхэквондо 2009—2013), создание Фонда популяризации тхэквондо (кор. — Тхэквондо чинхын чэдан). Деятельность Парка тхэквондо и Национальной организации туризма Кореи (НОТК) в какой-то мере способствует восстановлению идентичности тхэквондо: НОТК реализует такие про-

граммы, как Taekwondo 1-Day Culture tour, Seoul Taekwondo Tour Program и др. Около 30 подобных программ осуществляет и Парк тхэквондо. Несмотря на то что эти организации используют тхэквондо как бренд, их деятельность позволяет ассоциировать его с Кореей, причем исключительно с Южной. Интересно заметить, что большинство таких программ разработано специально для иностранцев.

В вопросе о дальнейших путях развития «корейской волны» распространено мнение о том, что вскоре с ней случится то же, что и с увлечением современной японской культурой, которое достигло своего пика в конце XX в. и постепенно движется по нисходящей. Однако с учетом полного или частичного совпадения всех предыдущих стадий развития тхэквондо и *халлю* и активного участия южнокорейского правительства вполне возможно, что «корейская волна» (целиком или ее отдельные составляющие) также станет частью какого-либо нового проекта.

В Белой книге *халлю* говорится о том, что распространившееся по миру после Второй мировой войны тхэквондо — это первоэлемент «корейской волны»⁸. Действительно, между тхэквондо и другими компонентами *халлю* есть много общего, в особенности того, что касается средств их популяризации. Далее рассмотрим эти общие черты подробнее:

1) *создание как в самой РК, так и за рубежом организаций, фондов, ассоциаций, центров, способствующих популяризации того или иного элемента «корейской волны»*. В их обязанности входит проведение различного рода культурных мероприятий (фестивалей, форумов, выставок, литературных встреч, семинаров, мастер-классов и т. п.), обучение иностранцев корейскому языку и т. д.

К таким учреждениям относятся, например, культурные центры при посольствах РК; Корейский фонд, поддерживающий зарубежное корееведение; Институт им. вана Сечжона, проводящий обучение корейскому языку за рубежом, «Корейский дом» (кор. — Хангугэ чип), где во всем разнообразии представлена традиционная культура Кореи, и др.

Что касается тхэквондо, то немалую роль в его распространении играет Куккивон, который с 1980-х годов активно отправляет за ру-

беж инструкторов этого боевого искусства. При нем функционируют Академия тхэквондо, Музей славы и Исследовательский институт тхэквондо. Сюда же относится создание Фонда популяризации тхэквондо и Парка тхэквондо;

2) *«живая презентация»*. Подобно звездам «корейской волны», демонстрационные команды тхэквондо путешествуют по миру, показывая иностранной публике скорость, мощь и красоту своих отточенных техник. Для актеров или музыкантов мировые турне — это неотъемлемая часть работы, такая же, как съемки или запись дисков, однако для спортсменов или единоборцев такая деятельность не является основной. Для них помимо собственно тренировок и участия в соревнованиях более характерно проведение мастер-классов, семинаров, а отнюдь не выступления под музыку. Конечно, в современном коммерциализированном мире спортсменам не чуждо участие в показательных выступлениях или пресс-конференциях, организовываемых на соревнованиях, но здесь речь идет именно о создании команд, единственным назначением которых является демонстрация стиля во всей его красе. Подобно звездам шоу-бизнеса, это профессионалы, чья основная деятельность состоит в подготовке показательных выступлений, которые проходят как шоу с музыкой и спецэффектами, причем зачастую с элементами танца.

Сейчас помимо сборной демонстрационной команды Куккивона функционирует значительное количество других команд подобного толка; совершает мировые турне входящий во Всекорейскую ассоциацию тхэквондо ансамбль TAL, на представлениях которого звучат ударные инструменты, а тхэквондо органично сочетается с брейк-дансом. В ноябре 2012 г. в Олимпийском парке открылся K-art hall — концертный зал, специализирующийся на корейской культуре. Он предназначен для выступлений TAL, концертов традиционной корейской музыки, танцевальных постановок и комплексной демонстрации других национальных искусств⁹;

3) *информирование аудитории по каналам СМИ и выпуск специальной литературы на английском и других языках*. Феномену «корейской волны» в целом и ее отдельным аспектам посвящено немалое количество литературы на многих языках мира. В частности, информационная служба KOCIS (Korean Culture and Information Service)

Министерства культуры, спорта и туризма РК издает журнал *Korean Culture* на английском языке, а раздел «Корейская волна» включается в ознакомительные буклеты и путеводители по РК наравне с такими разделами, как «Климат», «География» или «Экономика».

Аналогичным образом в РК и за ее пределами выпускается огромное количество переводимой на многие языки мира литературы и учебных пособий по тхэквондо, и немалая заслуга в этом принадлежит доктору Ким Ун Ену, более 30 лет являвшемуся президентом Всемирной федерации тхэквондо и в течение нескольких лет — вице-президентом МОК. Помимо трудов на корейском, он выпустил несколько монографий на английском, японском и китайском языках, в 2008—2009 гг. вел рубрику «30 лет Олимпиад, 40 лет тхэквондо» (кор. — «Олимпик 30-нён, тхэквондо 40-нён») в газете «Чунан ильбо», с 2010 г. в газете «Ильё синмун» ведет рубрику «Великие люди, которых я встретил» (кор. — «Ким Уньёни маннан гоинтыль»), а также имеет личный блог (с переводом некоторых постов на английский) и официальный сайт, дублируемый на английском языке;

4) *сореvновательный аспект*. Его присутствие в тхэквондо не вызывает никаких сомнений, так как он является неотъемлемой частью любого единоборства или спорта. Он проявляется в аттестациях на пояса, внутренних и международных соревнованиях по тхэквондо. Более удивительно присутствие этого аспекта и в других элементах «корейской волны», о чем говорят проходящие среди иностранцев конкурсы красноречия на корейском языке, K-POP конкурсы, фестивали K-POP Cover Dance и т. п.;

5) *государственная поддержка*. Как в случае с тхэквондо, так и с другими элементами «корейской волны», поддержка правительства существовала практически с самого начала. Это связано с тем, что полвека назад инструментом, призванным поднять престиж страны в глазах мирового сообщества, стал спорт, и развитие тхэквондо органично влилось в общий курс спортивной политики РК (Закон о развитии национального спорта был принят в 1962 г.). То же самое можно сказать и о *халлю*, начавшейся, когда инструментом повышения имиджа РК на международной арене стала культура, чем и было вызвано особое внимание к ней со стороны государства. В самом на-

чале 1990-х годов распространение корейской культуры по всему миру официально стало одной из задач южнокорейского правительства. Появление Общества популяризации культуры *халлю* при Министерстве культуры, спорта и туризма говорит о превращении распространения «корейской волны» в политическую задачу.

Что касается тхэквондо, то существование Закона о популяризации тхэквондо и сооружении Парка тхэквондо и пятилетнего плана развития тхэквондо само по себе говорит о многом. В бюджете вышеуказанного министерства в разделе «Развитие спортивной индустрии и международный обмен», помимо всех прочих, значатся статьи «Поддержка распространения тхэквондо», куда входит финансовая поддержка отправляемых за границу инструкторов тхэквондо, благотворительной делегации тхэквондо, ансамбля TAL и др.; «Поддержка Фонда популяризации тхэквондо» (включающая затраты на оплату труда, управление Фондом и проекты по популяризации тхэквондо); «Сооружение Парка тхэквондо»¹⁰.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что тхэквондо стало первой попыткой РК осуществить культурную экспансию на соседние страны и западный мир. В своем развитии оно прошло 4 стадии: зарождение, распространение, превращение в бренд с утратой идентичности и включение в новый проект. И если считать тхэквондо прообразом *халлю*, а не только ее элементом, то логично ожидать, что она пройдет те же стадии эволюции. Из проведенного выше анализа видно, что две первые стадии «корейской волны» уже пройдены и сейчас она выходит на третью.

Примечания

¹ Повсеместному повышению интереса к культурам Японии и Китая также предшествовало увлечение их боевыми искусствами — японским дзюдо или каратэ и китайским ушу (или известным по боевикам кунг-фу).

² Faiola, Anthony. Japanese Women Catch the «Korean Wave», *The Washington Post* (August 31, 2006); Farrar, Lara «Korean Wave» of pop culture sweeps across Asia. CNN. Turner Broadcasting System, Inc (December 31, 2010).

³ Кваны — школы боевых искусств, возникшие на территории Корейского полуострова после его освобождения.

⁴ Кан Вонсик, Ли Кёнмён. Тхэквондо хёндэса (Современная история тхэквондо). Сеул, 1999. (кор. яз.). С. 64.

⁵ Там же. С. 66, 91.

⁶ Официальный сайт Министерства культуры, спорта и туризма РК. Доступно по адресу: URL: <http://www.mcst.go.kr/web/deptCourt/introService/introDept.jsp>

⁷ Халлю пэксо (Белая книга халлю). Сеул: Министерство культуры, спорта и туризма РФ, 2013. (кор. яз.). С. 22.

⁸ Там же. С. 204—205.

⁹ URL: <http://www.thetal.co.kr/main/main.php>

¹⁰ 2012нён есан кигым уньён кехвек (Бюджет и план использования фондов на 2012 год): Сеул, Министерство культуры, спорта и туризма, 2012. (кор. яз.). С. 120.

*К.Л. Хмельницкая**

СПЕЦИФИКА КОРЕЙСКОГО КИНО

Современное кино, особенно жанры, принадлежащие к мейнстриму (экшн, комедии и т. п.), позволяют сделать слепок состояния общества и распространенной в нем проблематики, а также до определенной степени выделить некоторые специфические черты национальной психологии. Корейское кино здесь не исключение, но для того, чтобы подкрепить эмпирические выкладки статистикой, автор использовал количественные методы исторического анализа, при помощи которых он на материале более 300 фильмов попытался определить эндемику корейского кинематографа с точки зрения преобладания тех или иных типажей героев, вариантов финала, поставленных проблем и т. п.

Проведенное исследование позволило выделить основные черты корейского кино, такие как аномально большой процент «плохих концов» (в том числе в комедиях), преувеличенное внимание к темам болезней, беспомощности и страданий, специфические детали во взаимоотношениях человека и государства. Указанные явления объясняются автором влиянием таких традиций национального поведения, как печаль, страдание (кор. — хан и косэн).

* Хмельницкая Ксения Львовна, библиотекарь Института практического востоковедения. E-mail: 4kh@list.ru

Корейские фильмы отличаются не только от европейских, но и от азиатских, однако четкого ответа на то, чем именно они отличаются, в российских работах до сих пор сформулировано не было. Отличительной чертой корейского кинематографа чаще всего называют натурализм и смерть главных героев. Однако автор не считает, что это является визитной карточкой именно корейского кино. Смертей, натуралистичных изображений секса и драк, крови и т. п. хватает, скажем, и в японских фильмах¹, которые автор считает гораздо более жесткими, нежели корейские. Поэтому следует говорить о тех специфических моментах, которые возможно посчитать и показать.

Автором было проведено два исследования, основанных на анализе эндемики корейских фильмов, путем анализа элементов сюжета. Подобным методом пользовался, например, В. Пропп в «Морфологии сказки», и поскольку изрядное количество этих функций (или «тропов», как принято называть элементы киносюжетов на Западе) относится не только к классической волшебной сказке, но и к фэнтези, экшену и всем тем новым жанрам, которые в определенной мере из волшебной сказки выросли, то можно эту методику использовать и применительно к анализу сюжета.

На *первом этапе* было исследовано 343 фильма, вышедших в период с 1998 по 2011 г. Это исследование проводилось в виде анкетирования. На интернет-ресурсах² был выложен список корейских фильмов и несколько вопросов, по которым участников просили оценить знакомые им фильмы из списка, а также добавить другие фильмы, которые они вспомнят и смогут оценить. Первоначальный список составлялся автором в основном по фильмам, существующим в русском переводе.

Второе исследование автор проводил уже не в виде опроса с заранее составленными вопросами, а расширяя список тропов после просмотра каждого нового фильма. Этот метод исключал возможность рассматривать фильмы, которые автор сам не видел или смотрел до начала исследования, поскольку вспомнить все детали, необходимые для анализа, практически невозможно. На сегодняшний день автором разобрано более 50 корейских экшн-фильмов, вышедших в период 1990 по 2012 г.³ Это исследование на сегодняшний день не окончено, но некоторые выводы можно сделать уже сейчас.

1. Герои, злодеи и общество

Простой обыватель может стать героем корейского боевика только в одном случае: началась Война. Во всех иных ситуациях добродорядочный корейский гражданин махать кулаками и тем более стрелять не будет практически ни при каких условиях⁴. Исключение — это «Old Boy» (올드 보이), где простого служащего намеренно превращают в «монстра». В лучшем случае перед нами некие неудачники, которых жизнь толкает на «темную сторону» (парень, вернувшийся из армии в деревеньку, ставшую частью города, пытавшийся в этих новых условиях найти работу и попавший к бандитам⁵. Немного особняком стоит герой «Семерых гончих псов» (7인의 새 벽) — молодой таксист (но тоже не студент или, там, офисный сотрудник), в чьи руки случайно попадает чемоданчик с долларами. То есть напрямую к бандитам герой не присоединяется, но дерется и с бандитами и с полицией, пытаясь оставить чемоданчик себе.

Во всех остальных фильмах герои — это военные, полицейские, бандиты, хулиганы, байкеры, тхэквондисты, боксеры и прочие «подозрительные элементы». Только в одном фильме из 50 у героя показана нормальная семья⁶. В остальных случаях или семья не показана, или герой — сирота, или семья неполная, или в семье все пьют и т. д. Показательна в этом плане мысль, напрямую высказанная в пяти из разобранных нами фильмов: человек такого склада может быть или бандитом или полицейским. В фильме «Убойная команда» (돌려차기) эта же идея видоизменяется в направлении «ваш путь спорт или тюрьма».

С другой стороны, Злодеем практически не бывает Структура, Государство, Президент... Разве что в фантастических фильмах или когда речь идет о старых временах. Особенно — о временах японского владычества. Из всех разобранных нами фильмов только в одном корейское правительство является причиной всех несчастий, выпавших на долю героев. Это фильм «Сильмидо» (실미도), основанный на реальных событиях. В 1968 г. по приказу президента Пак Чжон Хи был создан сверхсекретный отряд из приговоренных к смерти преступников для подготовки диверсантов, которые должны были ликвидировать Ким Ир Сена. Однако политическая

ситуация изменилась и правительство отдает приказ уничтожить отряд...

В трех фильмах явными злодеями являются современные госслужащие — полицейские, решившие предать своих товарищей ради денег или положения в обществе, и политики, нанимающие убийцу, чтобы удержаться у власти или решить проблемы, и готовые пойти на гибель невинных людей, чтобы замести следы⁷. В четырех фильмах мы видим, как полицейские бьют задержанных, не разобравшись, кто это, покрывают преступников или берут взятки. Еще в четырех мы видим постоянно попадающую в просак полицию. Зато в 14 фильмах создан привлекательный ее образ⁸.

2. Печальные тропы

Одной из самых основных особенностей корейских фильмов (не только экшн-жанра) автор считает преобладание в корейских тропях темы различных несчастий, и в первую очередь «несчастливых концов». Для подтверждения этого тезиса проводилось наше первое исследование-анкетирование. Как уже было сказано, это исследование проводилось на основе 343 фильмов, вышедших в период с 1998 по 2011 г. На их материале проводился количественный подсчет следующих тропов⁹:

1. Смерть главного героя.
2. Смерть всех или почти всех основных персонажей.
3. Главные герои живы, но умерли положительные второстепенные персонажи¹⁰.
4. Герои живы, но хэппи энд не наступает.
5. Классический хэппи энд: все живы и счастливы.
6. Серьезная болезнь главного героя.
7. Тяжелая болезнь близких героя (родителей, детей, супруга) как одна из важных сюжетобразующих линий фильма.

В корейских фильмах велика тенденция к несчастливым концам. Следует также учитывать, что восточное и западное понимание хэппи энда несколько различно. Если для нас хэппи энд, это когда и дело сделано, и герои потом будут жить долго и счастливо, то хэппи-энд в дальневосточном кино может подразумевать ситуацию, ко-

гда все погибли, но дело сделано и мировая гармония восстановлена¹¹. Однако у корейцев часто нет даже этого, поэтому в процессе исследования возникла необходимость на втором этапе анализировать развязки исходя из западных и восточных понятий о хэппи эндах.

Из всего числа рассмотренных на этом этапе фильмов, у восьми конец можно охарактеризовать фразой: «все умерли, но дело сделано»; семь фильмов описываются фразой: «дело сделано, но все очень плохо»¹²; еще пять относятся к категории: «все умерли и дело не сделано, но все умерли хорошо»; двенадцать определены как «грустный хэппи-энд»¹³; еще пять — где-то между «грустным хэппи-эндом» и «хэппи-эндом»¹⁴ (включая два, где по экшну хэппи-энд, но с любимой женщиной герой расстался), и, наконец, 13 хэппи-эндов.

Еще один довольно интересный вариант корейской концовки (правда, он чаще присутствует в сериалах) заключается в открытом финале, когда окончательное разрешение конфликта выносится за скобки, переносится в будущее или оказывается скрыто от зрителя. Показывается, как героя вывозят из операционной, но неясно даже, жив ли он, не говоря уж о том, что герой полфильма тянул с этой операцией, потому что у него была опухоль мозга и он боялся остаться идиотом¹⁵. Или разругавшиеся влюбленные встретились через много лет... А далее идут титры¹⁶. Что происходит дальше, зрителю не показывают. Но остается впечатление, что герои решили свои внутренние проблемы, что они подошли к этому этапу повзрослевшими и больше не повторят своих ошибок. Какой же теперь будет их жизнь — еще предстоит когда-нибудь рассказать.

Рассмотрим «печальные тропы» более детально. Сайт *tvtropes.org*, перечисляя наиболее типичные для корейских фильмов сюжетные ходы, называет, в частности, автокатастрофу, потерю памяти и маленькую больную девочку, т. е. ситуацию беспомощности героя. В то же время стоит отметить, что в пяти из разобранных 50 экшн-фильмов — дети, погибающих от рук бандитов или в автокатастрофе. Подобный сюжетный ход практически не встречается в американском, да и вообще европейском кино, где он считается за пределами жестоких.

Одна из любимых тем корейских режиссеров: серьезная болезнь главного героя, у которого рак, больное сердце и вообще он пол-

фильма проводит в больнице под капельницей¹⁷. Популярна также тема тяжелой болезни родителей, детей или супруга героя, когда она выступает в качестве одного из двигателей сюжета. Эти темы обычно относятся к жанру драмы. Однако у корейцев это не так однозначно. Человек, идущий на преступление, чтобы найти денег на операцию для больной дочери, вполне может быть героем боевика или комедии¹⁸.

3. Отчего плачут корейские герои?

Часто на фоне столь печальных событий корейские актеры очень выразительно показывают страдания своих героев. Даже японские исследователи, несмотря на то что в японском кинематографе тоже распространены жалостливые мелодрамы про красиво плачущих мальчиков и девочек, удивляются количеству рыданий и слез в корейских фильмах¹⁹. Более того, если у японцев еще со времен Кабуки есть четкое разделение мужских персонажей на самураев, которых играют с непроницаемым лицом, и на так называемых «слабых героев», которым и поплакать не зазорно, то у корейцев такого нет: практически все корейские герои эмоциональны, и демонстрация страданий — визитная карточка корейских актрис и актеров. Такую психологическую особенность корейской кинематографии можно было бы объяснить национальными комплексами, вытекающими, в том числе, и из геополитического положения страны и ее истории, но, признавая значение этого социально-психологического фактора, автор считает, дело не только и не столько в этом. Корейцы, будучи, в отличие от японцев, экстравертами, но, тем не менее, в силу традиционных конфуцианских рамок, вынужденные даже в наше время в большинстве ситуаций вести себя сдержанно, нашли для себя такой путь сброса эмоций. В Корее незачем плакать во время просмотра фильма, а также во время просмотра или съемок телепередачи. Надо было видеть, сколько людей плакало, не смущаясь камер, во время цикла передач, где журналисты пытались разыскать родственников, потерявших друг друга во время Корейской войны! Не так давно такое же происходило на похоронах президента Но Му Хена²⁰, а также после гибели моряков с корвета «Чхонан»²¹. Подобное открытое вы-

ражение чувств сопереживания идет еще с древности. В качестве примера можно вспомнить самую известную корейскую песню «Ариран». Из ее содержания ясно: женщина провожает дорогого человека в дальний путь, но кого именно и куда, этого из песни не следует. Зато очень хорошо выражена глубина страдания этой женщины. Таким образом, открытое выражение эмоций является частью корейской культуры. Более того, у корейцев существует целый комплекс понятий, которые можно переводить на русский, как страдания, тоска [хан (한, 恨) и косэн (고생, 苦生)]. Оба этих слова не имеют прямого аналога в русском языке, и потому необходимо привести довольно развернутое описание значения этих понятий.

Понятие «хан» близко русскому «страдание», но подразумевает не только грусть, горе, терпение, сожаление, обиду, но и катарсис. Наталья Ни в своей статье называет хан важной особенностью менталитета корейского народа, отмечая, что «каждый кореец живет, имея в душе свой хан»²².

«Косэн» по-русски переводится как «страдание», «проблема», «трудность», «тяготы», «невзгоды», «лишения», «трудная жизнь», но, как отмечает Татьяна Габрусенко, не демонстрировать его в Корее считается неприличным: «Косэн здесь не только не скрывают, как следовало бы по американской теории по problem, но наоборот — открыто демонстрируют. ... преуспевающий владелец корейского концерна поведает в газетном интервью о своем косэне настолько убедительно, что его просто станет жалко»²³. И хотя в корейском кинематографе много и юмора, и лирики, и этики, и философии, и даже какой-то неистребимой веры в хорошее, похоже, именно эти два понятия и есть основной лейтмотив корейских фильмов. Основной посыл южнокорейской кинематографии — не на сюжет, не на решение некой задачи, а на эмоции, страдания, на смакование хана и косэна главных героев.

К примеру, такая стандартная для боевиков тема, как месть, в корейских фильмах хотя иногда выходит чуть ли не в заглавие [«Сочувствие господину/госпоже Месть» (복수는 나의 것), знаменитый «Old boy»], но в большинстве случаев — не используется²⁴. Зато можно привести много примеров, когда есть сюжетный троп, напрямую ассоциирующийся с темой мести «враги сожгли родную

хату» (чаще всего это флешбек, где показано, как зверски убивают родных героя). Но в дальнейшем если Герой и сталкивается с обидчиком, то по совершенно иным причинам {«Бишунмо» (비천무)}, а чаще эта тема не развивается²⁵. В фильме «Безымянный клинок» (불꽃처럼 나비처럼, 2009) Герой и вовсе поступает на службу к Правителю, по чьему приказу была когда-то обезглавлена его мать-христианка. Но этот поступок не только не рассматривается как «предательство», он вообще никак не оценивается.

Представляется, что троп «враги сожгли родную хату» в этих фильмах это не только «не выстрелившее ружье», как может показаться, а, напротив, использование тропа с другой целью — показать страдания героя в юные годы. Именно по этой причине герои корейских фильмов так часто плачут: слезы, наиболее яркий пример демонстрации страданий.

По этой причине корейская энциклопедия часто проявляется в чистом натурализме: корейцы показывают именно страдания, а не абстрактные «кровь—мясо». Натурализм в корейской культуре усиливается еще обычным для нее вынесением на публику того, что у нас выносить не принято: это касается и, скажем, «туалетных тем», и разнообразного косена, включая такие «неприличные» болячки, как, скажем, геморрой.

В то же время нельзя не отметить, что в наиболее жестоких сценах насилия корейцы почти всегда переводят камеру с «мяса» на страдающие лица (в отличие от, скажем, японцев). По этой же причине многие фильмы оканчиваются не просто гибелью героев, но гибелью без победы.

Все это создает интересный эффект, который отмечал не только автор, но и иные респонденты: во многих фильмах не можешь вспомнить, выжил персонаж в конце концов или нет. Получается, что героя помнишь, как страдал — помнишь, а смерть — это уже такая мелочь...

Можно сказать, что в корейских фильмах имеется совершенно особое целеполагание. Условно говоря, идеей-сверхзадачей оказывается в первую очередь демонстрация зрителю разнообразных страданий героев, вызывая сопереживание и катарсис.

Благодаря этому разделение корейских фильмов на жанры более условно, чем в иных кинематографических традициях, ибо незави-

симо от формальных критериев южнокорейское кино — это просто особый жанр, который составляет его специфику и который можно образно определить как «хановыжималка».

Примечания

¹ Достаточно вспомнить фильм «13 убийц» Такаси Миикэ, где умирают все 13 героев. URL: <http://www.imdb.com/title/tt1436045/>

² URL: <http://forum.jungdoohong.ru/viewtopic.php?p=6495#p6495>, URL: <http://www.dorama.ru/forum/viewtopic.php?f=18&t=3763>, URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3950513>

³ Из фильмов 1990-х годов рассмотрены лишь те, которые считаются «современным экшном» (или даже его родоначальниками, как то «Сын Генерала» Им Квон Тхэка или «Зеленая рыба» И Чан Дона).

⁴ Из 50 фильмов простыми обывателями являются герои четырех фильмов: «Око за око» (눈에는 눈 이에는 이), где герой, собственно, экшн не делает — он лишь организовывает ограбление и прочее; «Маленькой продавщицы спичек» (성냥팔이 소녀의 재림), где герой — геймер и экшн делает в мире игры, а не здесь; «Моя жена гангстер» (조폭 마누라), где в самом конце муж-тюфяк приходит к бандитам, избившим его жену и побеждает всех, устроив пожар (но сам не дерется!), и «Безымянный гангстер» (범죄와의 전쟁), где герой хоть и связан с бандитами, но сам никакого экшна не делает.

⁵ «Зеленая рыба» (초록 물고기), компания молодых ребят, по той или иной причине отвергнутых обществом и хулиганящих со скуки [«Атакуй заправки» (주유소 습격사건)], таксист-картежник [«Желтое море» (황해)].

⁶ Безымянный гангстер (범죄와의 전쟁).

⁷ «Метро» (투표), «Специалист» (해결사), «Не все» (짬).

⁸ При этом в фильмах «Не все» и «Специалист» одновременно есть и злодей-полицейский, а в фильме «Арахан» (아라한) сначала и сам герой-полицейский, и его старшие товарищи выглядят довольно беспомощно, но это не мешает герою стать не только великим воином, но и Просветленным.

⁹ Разумеется, исследование не застраховано полностью от того, что кто-либо из участников подзабыл фильм и указал неверный результат. Но, во-первых, другие респонденты имели возможность исправить ошибку, а во-вторых, отдельные погрешности не должны принципиально влиять на результат. Отдельной сложностью были ситуации, когда респонденты по-разному оценивали наличие или отсутствие хэппи-энда в одном и том же фильме, т. е. присутствовала не ошибка, а субъективная оценка. В ряде случаев спорные фильмы были вычеркнуты из

списка. В других решение принималось на основе описания концовки респондентами, но обычно в «хэппи-энд» фильм не попадал, ибо сам факт возможности другой оценки говорит о том, что это не стопроцентно позитивный конец. В исследовании приняли участие 12 человек, включая автора.

¹⁰ Те, которых зритель видел на экране достаточно долго.

¹¹ Как в «13 убийцах» Такаси Миикэ.

¹² Люди спасены, шпионы убиты — дело сделано. Главный герой жив, но лучше бы умер. Он потерял напарника, потерял невесту, он не выполнил ее последней просьбы, не сумел понять... [«Шири» (쉬리)]. Преступление раскрыто, но героиню убили и вывод только тот, что Война перекалечила судьбы [«Последний свидетель» (혹수선)]. Зло наказано, но главный герой убит, а брата, наверняка, привлекут за превышение полномочий [«Террорист» (테러리스트)].

¹³ Главного героя, видимо, посадят, у героини-девочки убита мама, но девочка спасена, и они с героем теперь есть друг у друга [«Человек из ниоткуда» (아저씨)]. Умершие герои воссоединились, их спутники погибли [«Дерево джинко» (단적비연수)]. Дружба победила, герои живы и вместе, но матч проигран, денег нет, жилья нет, девушка, скорее всего, ушла [«Город восходящего солнца» (태양은 없다)].

¹⁴ Главный герой победил и стал Героем, но любовная линия накрылась [«Воин Ветра» (바람의 파이터)]. Корея спасена, но очень жаль бывшего друга Героя и его семью (Lost Memories). Китайцы Корею завоевать не смогли, но жаль героев Пэкче (평양별).

¹⁵ Сериал «네 멋대로 해라» («Ruler of Your Own World»), реж. Пак Сон Су, 2002 г. URL: http://wiki.d-addicts.com/Ruler_of_Your_Own_World

¹⁶ Например, «옥탑방 고양이» (Attic Cat), реж. Ким Са Хюн, 2006 г. URL: http://wiki.d-addicts.com/Attic_Cat или «여름향기» (Summer Scent), реж. Юн Сук Хо, 2003 г. URL: http://wiki.d-addicts.com/Summer_Scent

¹⁷ Счастливые молодожены узнают, что у героини не просто память девичья, а болезнь Альцгеймера, и скоро она позабудет и мужа, и себя, и вообще все на свете («Не хочу забывать», «내 머리속의 지우개», реж. И Чже Хан, 2004 г. URL: <http://www.imdb.com/title/tt0428870/>)

¹⁸ То есть разные варианты древней корейской легенды о девушке Сим Чхон, которая соглашается быть принесенной в жертву, надеясь этим вернуть зрение отцу.

Например: у героини больна мать, и, чтобы заработать на лекарства, она идет работать в публичный дом («За любовью», реж. На Ун Гю, 1928 г., драма).

Герой несколько лет ухаживает за лежащей в коме матерью и пытается доискаться до причин ее болезни («Спасти зеленую планету!» (지구를 지켜라!!), реж. Чан Чжун Хван, 2003, комедия), www.imdb.com/title/tt0354668/

У маленькой дочери вдовца-героя слабое сердце. Как отец не пытается уберечь ребенка от стрессов и нагрузок, однажды она попадает в больницу. Девочку может спасти только операция, которая стоит 60 тыс. долл., а герой — всего лишь водитель грузовика... («트럭», «Грузовик», реж. Квон Хен Чжин, триллер. URL: www.imdb.com/title/tt1430638/).

¹⁹ Это отмечает, например, Хо Хен Чан в «100 лет корейскому кино» (호현찬 «한국영화 100년» 문학사상사 2003), ссылаясь на статьи известного японского киноведа Тадао Сато.

²⁰ 16-й президент Республики Корея с 25 февраля 2003 по 25 февраля 2008 г.; 23 мая 2009 г. Но Му Хен, в связи с обвинением в получении 6 млн долл. в качестве взятки от американской фирмы, покончил жизнь самоубийством. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=zc9-CqNMbq4>

²¹ По уверению южан потопленного Северной Кореей корвета.

²² Ни Н.И. «О понятии хан в корейской литературе» Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 5. 2010. С. 131—137.

²³ Габрусенко Т.В. Эти непонятные корейцы. М.: Муравей, 2003. С. 131.

²⁴ В рассмотренных нами 50 фильмах герой-мститель присутствует только в шести (причем в «Око за око» герой хочет не отомстить сам, а добиться того, чтобы полиция узнала о преступлениях злодея и арестовала его). Еще в двух фильмах [«Бишунмо» (비천무) и «Моя жена гангстер» (조폭 마누라)] тема мести присутствует. Еще в трех фигурирует злодей-мститель.

²⁵ Такая ситуация в 12 фильмах из 50.

*А.А. Гурьева**

«СИСТЕМА ОБЛИКА» И КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Вопрос о традиционных истоках некоторых особенностей корпоративной культуры в Республике Корея рассматривается в ряде исследований отечественных ученых¹. В данной статье предполагается взглянуть на этот вопрос в определенном ракурсе, а именно, проследить живая связь с древней мировоззренческой системой, впервые описанной М.И. Никитиной и обозначенной ею как «система облика».

«Система облика» была открыта указанным автором на материале текстов периода Объединенного Силла (667—918) — периода формирования государственности и сложения государственного ритуала (преимущественно это тексты, дошедшие до нас в памятниках более позднего времени — исторических записях XIII в.)². Это совокупность представлений о мире, которая основывалась на мнении, что социально значимое лицо (так называемый старший) является воплощением «целостности и благополучия коллектива» и «воплощением сил космоса»³, т. е. оно тождественно социуму и космосу в целом. В этой системе представлений особое место отводилось облику «старшего». Облик в данном случае можно определить как со-

* Гурьева Анастасия Александровна, старший преподаватель кафедры филологии ЮВА и Кореи Восточного ф-та СПбГУ. E-mail: nastyagur@hotmail.com

вокупность внешних, нравственных и поведенческих качеств личности с ее взаимосвязями. В облик «старшего» включались и относящиеся к нему «младшие», а «старший», в свою очередь, являлся младшим по отношению к социально более значимому лицу. «Система облика» была универсальна для всего корейского общества, которое мыслилось, таким образом, иерархически организованным и восходящим к государю. Будучи частью облика «старшего», «младший» в соответствии с этими воззрениями не имел собственного облика, тем не менее он в этой системе играл немаловажную роль. Как показала М.И. Никитина, в задачи «младшего» входило определение состояния облика «старшего», а также укрепление этого облика, если состояние идеальное, и коррекция, если оно нуждается в улучшении. Системой предусматривались определенные ритуалы, которые позволяли «младшему»⁴ реализовывать эти функции.

Элементы «системы облика» оказываются весьма актуальными и в современном обществе РК. Это касается также корпоративной культуры в южнокорейских компаниях⁵. В докладе делается попытка проследить связь некоторых особенностей корпоративной этики и менеджмента в Республике Корея с «системой облика». Специалисты по транснациональным корпорациям и кросс-культурному менеджменту выделяют общие черты корейского и японского корпоративизма (см., например, работы по типологии культур Г. Хофстеде, Р. Льюиса и др.), в связи с чем первый порой ассоциируется с так называемой «японской моделью». Это объясняется единством черт, сформировавшихся под влиянием конфуцианства — учения, которое определило многие особенности обоих обществ. В случае с Кореей «система облика», имеющая определенное сходство с конфуцианством, способствовала укоренению последнего в корейском обществе: «система облика» послужила основой для развития этого морально-этического учения в Корее, где оно легло на благодатную почву. Ниже будут затронуты, в частности, и такие особенности корейской корпоративной культуры, которые не являются характерными для соответствующей культуры в Японии, но могут быть объяснены на основе «системы облика».

1. Универсальной особенностью корейской культуры, востребованной также и культурой корпоративной, является восприятие еды

в качестве объединяющего фактора и трапезы как ритуальной составляющей общения. Не будем подробно останавливаться на описании этой широко известной черты корейцев, ставящих разделение трапезы выше большинства иных форм совместного времяпровождения. Корейцы уделяют большое внимание совместным трапезам с партнерами, что можно считать международной практикой, однако для корейцев характерно выделять много времени из своего напряженного графика участию в совместных трапезах не только с партнерами. Совместные трапезы внутри своего коллектива являются неотъемлемой частью жизни сотрудников, и инициатором их обычно выступает руководитель. Университетская жизнь подразумевает совместные выезды профессорско-преподавательского состава со студентами, сопровождающиеся трапезой с алкоголем. В контексте корейской культуры эти методы сплочения коллектива объясняются, как правило, представлениями о его важности как единой семьи. Однако повышенное внимание к совместной трапезе имеет место и в случае с частным общением. Распространенной для корейцев моделью поведения является традиция, когда социально старший приглашает к угощению социально младшего (ср. частотность фразы *맛있는 것을 사 줄 게요* — «Угощу Вас вкусеньким»). Таким образом закрепляются, в частности, знакомства, которые, с точки зрения носителя западной культуры, воспринимаются как разовые. Эта особенность общения может быть объяснена в контексте «системы облика», которая подразумевала включение старшим младшего в свой облик путем кормления. Согласно традиционным воззрениям, за счет расширения своего облика старший укреплял его, а значит и укреплял облик того старшего, в состав облика которого входил он сам. Можно предположить, что развитое в корейской культуре представление о необходимости поддерживать максимальное количество связей, включая связи с людьми, заведомо младшими, восходит к этим древним представлениям. Таким образом, расширение частных контактов понимается как приносящее нечто большее, чем личная выгода. Кроме того, корейцы «умеют» использовать такие контакты на благо дела, которым они занимаются, и тем самым приобретенные связи уже начинают работать на их коллектив.

2. Одной из характерных особенностей делопроизводства при совместных с зарубежными партнерами проектах является отмечаемая многими респондентами «ротация». То есть для обсуждения вопросов по долгосрочному проекту южнокорейская сторона постоянно привлекает разных людей, прежде не имевших опыта переговоров по нему и часто не посвященных в детали предыдущих партнерских встреч. Получается, что южнокорейская сторона словно знакомит своего зарубежного партнера с большим количеством коллег, со всей совокупностью сотрудников, которые теоретически могут стать частью проекта. Такая практика часто воспринимается партнерами за рубежом как неудобная для успешного сотрудничества и даже препятствующая ему. Однако эта особенность может быть объяснена на основе архаичной традиции, согласно которой особое внимание уделялось целостности облика. В «Самгук юса» («Дела, опущенные в “Исторических записях трех государств”») есть повествование о том, как некий чиновник незаконно привлек к работе ученика одного наставника и в течение значительного времени удерживал у себя (см. прозаическое обрамление к «Песне о хваране Чукчи»). Примечательно, как повел себя наставник. Он собрал всех своих учеников, которых было несколько десятков, взял с собой еду, и они все вместе (т. е. всем обликом в совокупности) направились вызволять того ученика, хотя путь был неблизкий. При встрече с удерживаемым учеником первым делом учитель накормил его, что подразумевало восстановление единства облика. Обращает на себя внимание значимость единства облика в деле, важном для старшего, а значит, и для облика в целом: все части облика принимают в этом деле участие⁶. Описанный выше подход к ведению дел сегодня тоже может быть истолкован как вовлечение всех частей облика в определенный процесс. Кроме того, приведенное в исторических записях предание несет информацию о значимости трапезы как средства воссоединения частей облика, о чем говорилось выше.

3. Представление о коллективе как о едином облике также может объяснить прерогативу корпоративной ответственности и практически отсутствие индивидуального поощрения в южнокорейских компаниях. Эту же особенность отмечают россияне, имеющие опыт работы с корейцами. В традициях «системы облика» актуальной

была забота о благополучном состоянии облика старшего, поскольку именно это обеспечивало благополучие общества и мира в целом. Действия, способствовавшие такому состоянию облика, воспринимались как направленные на общее благо и соответствующие норме функционирования облика. Ввиду значимости именно общего состояния облика усилия отдельной его части не имели существенной важности. Возможно, эта особенность сыграла свою роль в том, что традиция индивидуального поощрения в корейском обществе не получила особого развития. Если обратиться к приведенной выше истории об угнанном на поля чужом младшем, вошедшей в «Самгук юса», то там есть информация и о том, как были расценены действия людей, принимавших участие в ситуации. Так, проявивший себя недостойно чиновник, который посягнул на чужого ученика, сумел скрыться, но вместо него был наказан его сын. Кроме того, самим государем был издан указ о том, что чиновники из данной местности более не принимались на высокие посты в столице, а буддийские монахи — в столичные монастыри. То есть наказание понес весь облик этого чиновника (члены его семьи и подвластные ему люди), несмотря на то, что описанное в тексте злодеяние совершал он единолично. Кроме того, в повествовании упоминается государственный курьер, который оказался свидетелем произошедшего и немало содействовал вызволению ученика. Отмечая заслуги курьера, государь распорядился, чтобы историографы с тех пор особо отмечали его потомков, тем самым наградив весь его род, т. е. весь его облик в совокупности.

Следует отметить вывод М.И. Никитиной о том, что нарушение целостности отдельного облика и посягательство на часть чужого облика мыслились как серьезное преступление, о чем свидетельствует серьезность наказания и щедрость награды, отмеченные в данной истории⁷. Такое понимание основывалось на представлении о том, что состояние облика социально значимого лица тесно связано с состоянием социума и космоса вообще, и негативное воздействие на один облик распространялось на государство и мир в целом.

4. Можно предположить, что к «системе облика» в той или иной степени восходят некоторые особенности деления на «своих» и «чужих». На лекциях М.И. Никитина высказывала свое мнение о нали-

чии связи с «системой облика» следующих представлений: некоторые поведенческие принципы могут различаться в зависимости от того, относится человек к кругу своих или нет, и менее строго соблюдаться во втором случае. В рамках корпоративной культуры допускается более формальное соблюдение правил вежливости по отношению к «внешним» людям. В случае контактов с партнером или потенциальным партнером, представляющим другую компанию/организацию, используется богатый арсенал фатической лексики, которая выполняет этикетную функцию и направлена на поддержание «настроения» (*кибун*) собеседника. Однако интересы своей компании и членов своего коллектива (облика) превалируют над интересами «чужого» собеседника, и это влияет на линию поведения, с более спокойным отношением к неискренности и неправде, невыполненным обещаниям и др. При этом если человек переходит в ранг своих, меняется и линия поведения.

Это неписаное правило распространяется и на бывших сотрудников, которые, выпадая из облика, в большинстве случаев воспринимаются как чужие.

5. Ряд моментов из повседневной практики большинства корейских компаний вписывается в общую картину восприятия своего коллектива как семьи — это часть конфуцианской традиции. Многие подобные особенности описаны в работах отечественных исследователей и прокомментированы с точки зрения отношения к этой традиции. При этом некоторые детали реализации такой практики могут быть связаны именно с представлением о единстве членов коллектива, а не простой их общности. Это, в частности, собрания, которые проводятся, в зависимости от принятых в компании правил, практически ежедневно, а в некоторых фирмах — два раза в день (в начале и конце рабочего дня). Такая периодичность собраний отнюдь не всегда вызвана производственной необходимостью, но воспринимается руководством как часть уклада компании. Несмотря на то что подобные собрания могут проходить «за рамками» рабочего дня, присутствие на них является обязательным. Собрания, на которых, как правило, выступает и руководитель коллектива, направлены на поддержание единого коллективного духа. Порой на собраниях практикуется совместное произнесение сотрудниками

призывов, девизов компании и т. д., ответ каждого сотрудника на вопрос старшего, затем старший озвучивает правильный ответ. К подобным правилам можно отнести также совместную гимнастику сотрудников, практикуемую в некоторых фирмах. Примечательно, что эта форма *единения* коллектива тоже часто используется за пределами периода рабочего дня.

Принцип единения используется и на неформальных встречах коллектива — корпоративных праздниках, регулярных совместных ужинах и последующих за ними походах в бар/*норэбан* (кор. название караоке) и т. д., — в частности это совместное или поочередное исполнение песен. У компании/учреждения может быть «своя» песня, которая непременно учится наизусть всеми членами коллектива. Отметим, что хорошим тоном на совместных встречах считается заказ одинаковых блюд. Нередко несколько больших блюд делятся на весь коллектив.

Некоторые универсальные признаки корпоративизма, такие как, например, внимание к единому стилю поведения и внешнему облику сотрудников, задействованы корейской корпоративной культурой особо активно⁸. Предметы с эмблемами компании активно тиражируются и распространяются, и именно их принято использовать всеми сотрудниками. В случае с небольшими фирмами или небольшими подразделениями крупных компаний к использованию этих предметов могут призывать и своих клиентов (клиенты становятся частью общего облика компании).

Стремление выглядеть одинаково характерно для корейских молодоженов/влюбленных пар, когда молодой человек и девушка выбирают одинаковую одежду (например, одинаковые футболки) и даже одинаковые аксессуары — один из способов акцентирования единства облика.

6. Сотрудник и его семья. Сам сотрудник тоже воспринимается в связи с тем обликом, который он изначально представляет, — его семьей. Так, интервьюируя потенциальных сотрудников при приеме на работу, корейцы часто спрашивают их о семье и отношении к ней. В компаниях специально проводятся мероприятия (например, День семьи), в которых принимают участие сотрудники вместе с членами своих семей.

При этом не принято, чтобы сотрудник организовывал совместные мероприятия для своей семьи и своего коллектива. Так, например, если сотрудник отмечает свой день рождения (что само по себе не является распространенным случаем), то полагается сначала сделать это со своим коллективом и лишь затем в кругу семьи. Принятые в России или в западной традиции совместные празднования смешанной группы людей, состоящей из членов семьи, приятелей и коллег, корейцами воспринимаются преимущественно негативно. Если попытаться дать трактовку этой особенности с учетом «системы облика», то смешанная компания, представляющая собой разрозненные части разных коллективов, не способствует единению облика. Поэтому подобные встречи для корейской культуры, базирующейся на соответствующей традиции, не характерны.

7. Любовь к своей фирме — одна из ключевых психологических установок, на которую ориентирован ее сотрудник. В «корпоративном» лексиконе сформировалось понятие *эсачжа* (애사자 愛社者) — «человек, любящий свою фирму», — важная положительная характеристика работника. Любовь к компании используется в качестве стимулирующего фактора для сверхурочной работы и отказа от свободного времени во имя общего блага. В «системе облика» все части облика мыслились так тесно связанными, как связаны части единого тела. В текстах младшие нередко обозначаются как руки или ноги старшего. Такие тесные, в иносказательном смысле физически тесные, взаимоотношения между старшим и младшим осознавались в терминах теплой привязанности. К подобному эмоциональному восприятию восходят, например, такие эпитеты правителя, как «милый», а в литературе получила развитие «поэзия любви к государю» — *ёнгун* (연군 戀君)⁹. Развитость концепции любви к своей компании, возможно, является неосознанным продолжением этой традиции.

* * *

Отмеченные выше особенности корейской корпоративной культуры, начиная с самой сути подхода к иерархии между старшим и

младшим, сопряжены с конфуцианской традицией. При этом их корни восходят к глубинному пласту корейской культуры. Можно предположить, что конфуцианство развило и усилило определенные черты, сформировавшиеся в лоне более архаичной традиции.

Примечания

¹ См., например, работы С.О. Курбанова, К.В. Асмолова, М.С. Мальцевой и др.

² Эта система подробно рассматривается в работе: Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982. С. 12.

³ Там же.

⁴ Далее такие понятия, как «старший» и «младший», будут употребляться без кавычек.

⁵ В статье представлены особенности корпоративной культуры, которые можно в той или иной степени проследить как в крупных, так и в небольших компаниях. При этом в крупном и мелком бизнесе корпоративизм может иметь некоторые отличия.

⁶ Подробнее об этом повествовании см.: Никитина М.И. Указ. соч. С. 51—60.

⁷ Там же.

⁸ Примечательно, что унификация внешнего облика может касаться и прически. Например, в понятие школьной формы входит определенная прическа для девочек.

⁹ Подробнее об этой взаимосвязи см.: Никитина М.И. Сичжо и хянга. Проблемы взаимосвязи (на примере пейзажной поэзии) // Теория жанров литератур Востока. М., 1985.

*Е.М. Ермолаева**

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ИМИДЖА ЮЖНОЙ КОРЕИ В ПЕРИОД V РЕСПУБЛИКИ (1981—1987 ГГ.)

Существует ряд основных характеристик, которые можно отнести к политическому имиджу государства. Среди них политическая стабильность в стране, связанная с деятельностью госструктур и должностных лиц, а также общественной реакцией; региональная политическая стабильность; действие закона как ведущего принципа организации общественной жизни; степень и качество дипломатической активности, деятельность средств массовой информации, народная дипломатия. Сюда же можно отнести экономические факторы, при этом уровень развития экономики и качество имиджа государства являются взаимовлияющими факторами. Исходя из этого можно утверждать, что государственный имидж складывается как из объективных факторов, определяющих степень развития политической и экономической системы, так и из субъективных, связанных с самопрезентацией государства во внутренней среде и на международном уровне.

Для Республики Корея понятие политического имиджа становится актуальным с начала 1980-х годов. Это связано с экономиче-

* *Ермолаева Екатерина Михайловна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры корееведения Школы региональных и международных исследований ДВФУ. E-mail: x-files80@mail.ru

ским ростом страны и формированием стратегии по улучшению инвестиционного климата и торговых отношений и, как следствие, возникшей необходимостью активной дипломатии. РК стремилась отойти от имиджа «воинствующего рыцаря холодной войны, служащего региональным интересам США»¹. Важно было показать образ развивающегося государства, открытого миру и способного выразить свои собственные интересы, а также оказать содействие в продвижении региональных. В 1980-е годы страна начала выходить за пределы треугольника «США—Южная Корея—Япония», демонстрируя свою заинтересованность не только в региональной интеграции, но и в налаживании дипломатических и торгово-экономических отношений со странами всех континентов, включая государства коммунистического блока.

Внутриполитическая составляющая имиджа государства неразрывно связана с лидером страны, чей образ должен быть подкреплен реальными достижениями в ключевых сферах социально-политической и экономической жизни. В этой сфере президент V Республики столкнулся с наибольшим количеством проблем. С приходом к власти Чон Ду Хван провозгласил для Республики Корея начало «Новой эры». Он предпринимал активные попытки дистанцировать свою политику от режима Пак Чжон Хи, поэтому идеологические лозунги о «новой жизни», «новой стране», «новой стратегии» звучали постоянно. Стратегия власти в этот период была направлена на сохранение стабильности режима. Методы были весьма жесткими: ограничение политической деятельности, контроль над СМИ, реформа административного аппарата, формирование правящей партии и обеспечение ей максимума голосов в парламенте, устранение оппозиции, силовое подавление антиправительственного и антиамериканского движения. Вместе с тем были и некоторые послабления: амнистия политических заключенных, отмена Антикоммунистического закона (и внесение его пунктов в Закон о национальной безопасности), ослабление полицейского надзора в кампусах вузов.

Все вышеперечисленные меры, с одной стороны, демонстрируют стремление власти поддержать авторитарную политическую систему, а с другой — желание всеми силами сохранить политическую стабильность, которая позволила бы власти быть более маневренной в

других сферах. Общественность была настроена очень критично к режиму Чон Ду Хвана, а студенческие восстания были серьезной проблемой на протяжении всего срока его президентства. В 1980-х годах утверждение, популярное после Корейской войны, что «тот, кто не контролирует армию, не может быть политиком», уже потеряло актуальность, а авторитарные методы руководства подвергались критике.

В то же время экономическая стратегия власти была более последовательной. Придя к власти, Чон столкнулся с рядом экономических проблем, но достаточно последовательно начал выправлять ситуацию. Так, в 1975 г. валовой национальный продукт страны составлял 44,3 млрд долл., к 1983 г. он достиг 77,4 млрд долл., а в 1987 г. — 120 млрд долл.² Кроме того, в рамках выполнения задач «Новой эры» Чон Ду Хван приложил значительные усилия для выполнения Пятого пятилетнего плана экономического развития (1982—1986 гг.).

Особенно важной задачей для Южной Кореи стало формирование позитивного имиджа страны и ее лидера на международной арене: необходимо было обеспечить информационную поддержку для вхождения в мировые хозяйственные структуры, обретения новых рынков для своих товаров и услуг, формирования инвестиционной привлекательности. В связи с этим внешнеполитическая активность стала приоритетной для режима V Республики.

Первым шагом Чон Ду Хвана в этой сфере стала нормализация отношений с Вашингтоном. В период IV Республики между РК и США наблюдалось напряжение: администрация Картера обвиняла Пак Чжон Хи в ущемлении прав человека и формировании авторитарного режима. В ходе визита в США в феврале 1981 г. Чон Ду Хван добился осуществления двух целей: признания своих властных полномочий и получения гарантий по вопросам безопасности РК. Результатом встречи Чона и Рейгана стало совместное коммюнике, в котором президент США уверил южнокорейскую сторону в том, что «США не планируют вывод войск из Кореи», а также подтвердил, что Вашингтон «готов к продаже РК необходимого оружия и систем ПВО для сдерживания внешней агрессии»³. Коммюнике также гарантировало немедленное упразднение ряда консультативных правительственных органов, учрежденных президентом Картером для контроля за соблюдением гражданских прав в Южной Кореи.

Другим наиболее важным аспектом внешнеполитической деятельности РК было урегулирование отношений с Японией. В первую очередь, южнокорейская администрация преследовала экономические цели. Переговоры между сторонами прошли несколько этапов. В мае 1981 г. Чон Ду Хван дал интервью, в котором выразил надежду в ближайшее время встретиться с премьер-министром Японии Д. Сузуки. Однако Япония перенесла сроки встречи министров иностранных дел двух стран, связав это с тем, что Токио не был готов выделить требуемый РК заем в 6 млрд долл.

В то же время экономическое сближение становилось очевидным: в феврале 1981 г. была создана Корейско-японская экономическая ассоциация, в рамках деятельности которой ведущие японские предприниматели посетили Южную Корею. В ходе переговоров между южнокорейскими и японскими бизнесменами были найдены точки соприкосновения, а также отмечены некоторые несоответствия в понимании термина «экономическая кооперация»⁴.

В 1983 г. премьер-министр Японии Я. Накасоне посетил Сеул. Оба лидера согласились начать «новую эру дружбы и сотрудничества как истинные партнеры».⁵ Премьер согласился, что безопасность РК является приоритетной для Токио, и подчеркнул важность отношений с США. Кроме того, он гарантировал 4-миллиардный заем Южной Корее на семилетний период. Это было меньше, чем просили корейцы, однако сумма была значительной и должна была помочь в осуществлении Пятого плана экономического развития.

Одним из важнейших событий стал беспрецедентный визит президента Чон Ду Хвана в Японию в 1984 г. В ходе трехдневной сентябрьской поездки Чон встретился с императором Хирокито, который вззошел на престол за 24 года до окончания колониального периода в Корее. На официальном ужине император заявил, что он «очень сожалеет о наличии неприятного прошлого между двумя странами и верит, что будущее исправит все недопонимания»⁶. В свою очередь, японский премьер-министр Я. Накасоне признал, что «Корея перенесла тяжелые страдания из-за Японии», «правительство и граждане Японии испытывают раскаяние и сожаления по поводу всех горестей, которые были принесены корейским гражданам». Президент Чон и премьер Накасоне согласились сотрудничать

ради «общих идеалов свободы, мира и демократии» и выразили надежду построить «теплые соседские отношения».

Безусловно, визит Чона носил не только практический, но и символический характер — это была попытка расширить горизонты экономического сотрудничества и начать новую историю южнокорейско-японских отношений. Одним из итогов визита было обещание премьера Японии стать посредником в нормализации отношений РК с СССР и КНР и поддержать инициативу южнокорейского президента по ведению прямых переговоров с КНДР.

Внешнеполитический курс V Республики также предполагал ряд шагов по урегулированию межкорейских отношений. 1980-е годы стали периодом ряда инициатив со стороны РК и КНДР, однако диалог был сопряжен со многими трудностями.

Так, в 1984 г. КНДР предложила провести трехстороннюю конференцию с участием США и двух Корей. Инициатива была направлена на подписание мирного договора, соглашения о взаимном ненападении между Севером и Югом, планирование встреч на высшем уровне. В ответ Южная Корея выдвинула идею встречи сразу на уровне глав государств, где КНДР признала бы ответственность за инцидент в Рангуне (взрыв бомбы в 1983 г., убившей 21 человека, включая членов правительства Южной Кореи). Кроме того, Южная Корея не возражала против предложенных Рейганом четырехсторонних переговоров с присутствием КНР. Однако стороны так и не пришли к консенсусу по поводу переговоров и состава участников и, тем более, не приняли предложение Японии о проведении шестисторонних переговоров, включив в состав участников Японию и СССР.

Другой инициативой было создать совместную олимпийскую команду для участия в Олимпиаде в Лос-Анжелесе, в связи с чем олимпийские комитеты Юга и Севера встретились в Панмунджоме в апреле 1984 г. Однако Южная Корея с целью «начала мирных и конструктивных переговоров по спортивной тематике» вновь потребовала от КНДР извинений за инцидент в Рангуне, в связи с чем северокорейская сторона покинула место переговоров.

Нормализация политического климата на Корейском полуострове могла способствовать созданию более благоприятной ситуации для привлечения иностранных инвестиций и новых торговых парт-

неров. Параллельно с этим «северная угроза» играла на руку внутриполитическому имиджу самого Чон Ду Хвана, оправдывая авторитарные проявления режима. Таким образом, наличие диалога и мирных инициатив со стороны Южной Кореи были важны «как процесс» и демонстрация «доброй воли» в тактическом плане, в то время как результаты отнесены к долгосрочным стратегическим целям.

Внешнеполитическая активность РК была направлена также и на коммунистический блок — КНР, СССР, Восточную Европу. Тем не менее долгое время никаких конкретных откликов с их стороны не наблюдалось. Южная Корея получила возможность сдвинуть с мертвой точки отношения с Китаем в мае 1983 г., когда шесть вооруженных китайских граждан угнали самолет «Трайидент» со 105 пассажирами и членами экипажа во время полета из Шеньяна в Шанхай и посадили его на американской базе в Южной Корее. Китайцы направили в Сеул команду переговорщиков из 33 человек (возглавил ее Шен Ту, руководитель Главного управления гражданской авиации Китая). Беспрецедентным явилось то, что делегаты китайского правительства вступили в прямые дипломатические переговоры с Южной Кореей, сторону которой возглавил помощник министра иностранных дел Кон Ро Мен. Итогом стал меморандум из 9 пунктов от 10 мая 1983 г. Тот факт, что документ был подписан представителем властных структур Республики Корея, подразумевал, что де-факто Китай признал власть Южной Кореи. РК позволила пассажирам и экипажу вернуться в КНР, а китайские представители выразили благодарность за «своевременные и соответствующие меры»⁷.

Переговоры между Шеном и Коном стали первым шагом на пути преодоления взаимного бойкота двух стран. В августе того же года впервые Китай выдал визу южнокорейскому чиновнику, который посетил месячный семинар, проводимый под эгидой Программы развития ООН. Пекин дал понять, что и в дальнейшем корейцы могут принимать участие в международных конференциях в КНР, организованных ООН. Прорыв был небольшим, однако РК стала надеяться, что Китай не откажется от участия в Азиатских играх в 1986 г. и Сеульской олимпиаде 1988 г.

В отличие от подвижек в отношениях с Пекином, РК еще более усложнила отношения с СССР в сентябре 1983 г., когда самолет Ко-

рейских авиалиний (рейс 007) на пути из Анкориджа в Сеул вошел в советское воздушное пространство и был сбит советским истребителем. На экстренном заседании СБ ООН южнокорейский посол Ким Кен Вон обратился к Москве с пятью требованиями: сделать полный отчет об инциденте, принести извинения, возместить полностью ущерб и выплатить компенсацию семьям погибших, наказать всех, кто виновен в трагедии, гарантировать свободный доступ к месту крушения представителям международных организаций, в том числе представителям Корейских авиалиний и правительства РК, гарантировать, что подобные инциденты больше не повторятся. Ни один из пунктов не был приемлемым для СССР — он воспользовался правом вето.

У Южной Кореи не было иных рычагов, кроме как апеллировать к мировому общественному мнению. В РК и за рубежом начались массовые антисоветские движения. Этот инцидент дал повод Рейгану получить согласие конгресса на увеличение расходов на оборону, а Чону искать поддержки у южнокорейских граждан стратегии строительства «сильного государства».

Необходимость урегулирования отношений со странами коммунистического блока объяснялась, кроме всего прочего, спортивной дипломатией Сеула в преддверии Азиатских игр 1986 г. и Олимпийских игр 1988 г. в Сеуле. Чон Ду Хван предполагал, что оба события могли бы нормализовать внутривнутриполитическую ситуацию и благоприятно отразиться на реализации внешнеполитических интересов Южной Кореи. Министерство спорта заявляло, что Корея не только получит несомненную выгоду от Олимпийских игр, но и побьет Японию по количеству медалей. Были и те, кто скептически относился к тратам на организацию игр. Они критиковали олимпийскую лихорадку, говорили, что РК деградирует и превращается в «Спортивную республику».

В преддверии Олимпиады РК использовала все возможности для улучшения отношений с СССР, чтобы предотвратить бойкот Олимпийских игр в Сеуле. Пусть в весьма ограниченном объеме, но две страны осуществляли неполитические контакты. Корейцы надеялись привлечь спортсменов СССР для участия в церемонии открытия спортивного комплекса в Сеуле, однако получили отказ.

В отличие от СССР, КНР наметила конкретный курс на нормализацию отношений с РК. В марте 1984 г. состоялась первая встреча между южнокорейскими и китайскими теннисистами — Кубок Девиса в Кунмине (КНР). Через месяц первые китайские спортсмены прилетели в Сеул для участия в соревнованиях по плаванию и баскетболу. В сентябре китайская делегация из 12 человек посетила встречу Азиатского олимпийского совета в Сеуле, где стало ясно, что КНР «примет участие в Олимпийских играх в Сеуле, когда бы они ни проводились»⁸.

За период своего президентства Чон Ду Хван в 1981 г. предпринял визит в Юго-Восточную Азию, в 1982 г. — в Африку и Северную Америку. В апреле 1986 г. Чон совершил турне по европейским странам — Великобритании, Западной Германии, Франции, Бельгии. Это был первый визит главы РК в эти страны. По мнению современников, РК стремилась уменьшить экономическую зависимость от США и Японии, в связи с чем «пыталась разыграть европейскую карту»⁹.

Одновременно в приоритетах Чона была реализация планов по региональной интеграции. В 1982 г. он объявил о начале «великой тихоокеанской эры» и выступил с предложением провести в 1983 или 1984 г. совещание на высшем уровне государств Тихоокеанского бассейна¹⁰. Для новых индустриальных стран (НИС) за пределами АСЕАН, таких как Южная Корея, вопрос экономического сотрудничества и координации в Азиатско-Тихоокеанском регионе имел первостепенное значение для обеспечения постоянного экономического роста. Наряду с другими НИС, Республика Корея ожидала, что новая региональная договоренность будет способствовать созданию устойчивой и открытой среды для торговли и финансов, увеличению экспортно-импортных объемов с другими странами в регионе, усилению позиции РК на многосторонних торговых переговорах и получению устойчивого доступа к источникам природных ресурсов. Вместе с тем Южная Корея была заинтересована в сохранении присутствия Соединенных Штатов в СВА и ЮВА как в силу экономических и политических причин, так и ввиду вопросов безопасности.

Чон Ду Хван пытался связать вопросы экономического сотрудничества между Южной Кореей и странами АСЕАН с существующими

щими военно-политическими проблемами в регионе. Так, во время турне лидера РК в 1981 г. по четырем странам АСЕАН из пяти (кроме Сингапура) по его инициативе в текст коммюнике были включены фразы о связи безопасности на Корейском полуострове и в ЮВА. Один из официальных южнокорейских представителей заявил в Бангкоке: «АСЕАН — это наше общее связующее звено обороны против коммунизма, и это звено простирается от Владивостока через Корею к Малаккскому проливу»¹¹.

Интерес Южной Кореи к региональному сотрудничеству не в последнюю очередь был связан со стремлением укрепить позиции на внешнеполитической арене. Сеул считал, что через тихоокеанское сотрудничество сможет расширить свою региональную роль, улучшить международный имидж, а также преодолеть дипломатические проблемы, связанные с напряженной ситуацией на Корейском полуострове¹².

Таким образом, в 1980-х годах Южная Корея начала формировать новую модель внешнего имиджа. Став одним из четырех «азиатских тигров» за счет быстро развивающейся экономики, РК активизировала свою деятельность в международной политике. Укрепив отношения в рамках традиционного альянса «Вашингтон—Сеул—Токио», она интенсифицировала свои политические и торгово-экономические отношения с другими странами. В рамках региона это проявилось в попытке создания «тихоокеанского сообщества», преодоления бойкота коммунистических соседей, ведения диалога с Севером. В общемировых масштабах Сеул стремился диверсифицировать отношения со странами Европы, Азии, Африки, Ближнего Востока. Привлечению внимания мировой общественности в значительной степени способствовали Азиатские игры и Олимпийские игры в Сеуле.

Очевидно, что в условиях «холодной войны», экономической, политической и военной зависимости от США, потенциальной угрозы с Севера и внутривнутриполитической нестабильности внешнеполитические инициативы РК были ограничены и часто напрямую продиктованы интересами Вашингтона. Тем не менее Чон Ду Хван попытался «играть в свою игру» на подконтрольных Соединенным Штатам «площадках», не идя при этом на открытую и жесткую кон-

фронтацию с Вашингтоном. Так президент V Республики старался внести свой вклад как в укрепление международного авторитета и внешнего имиджа Южной Кореи, так и в закладку базы для обеспечения внутренней социально-политической стабильности и устойчивого экономического роста страны.

Примечания

¹ Moritz, Frederic A. South Korea builds diplomatic bridges to third world. URL: <http://www.csmonitor.com/1982/0929/092949.html>

² Manheim, Jarol B. The 1988 Seoul Olympics as Public Diplomacy // The Western Political Quarterly. 1990. Vol. 43. № 2. P. 281.

³ Han, Sung-joo. The Korean-American relations during the Post-World War II period // Korea journal. 1982. Vol. 22. № 12. P.16.

⁴ Suh, Dae-Sook. South Korea in 1981: The First Year of the Fifth Republic // Asian Survey. 1982. Vol. 22. № 1. P. 111.

⁵ Lee, Cha-Jin. South Korea in 1983: Crisis management and Political Legitimacy // Asian Survey. 1984. Vol. 24. № 1. P. 134.

⁶ Lee, Chay-Jin. South Korea in 1984: Seeking Peace and Prosperity // Asian Survey. 1984. Vol. 25. № 1. P. 87.

⁷ Lee, Cha-Jin. South Korea in 1983: Crisis management and Political Legitimacy // Asian Survey. 1984. Vol. 24. № 1. P. 114.

⁸ Lee, Chay-Jin. South Korea in 1984: Seeking Peace and Prosperity // Asian Survey. 1984. Vol. 25. № 1. P. 85.

⁹ Kim, Eugene C.I. South Korea in 1986: Preparing for Power Transition // Asian Survey. 1984. Vol. 27. № 1. P. 72.

¹⁰ Денисов, В.И. Корейская проблема: пути урегулирования 70—80-е годы. М.: Международные отношения, 1988. С. 93.

¹¹ Сеульский режим. URL: <http://bluepack.org>

¹² Han, Sung-Joo. The Politics of Pacific Cooperation // Asian Survey. 1983. Vol. 23. № 12. P. 1287.

М.А. Бакланова*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СЕВЕРНОЙ КОРЕИ В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО КУРСА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ (1945—2008 ГГ.).

Любой политический режим нуждается в легитимации своего существования, своих идеологических установок. Важным инструментом легитимации является система массового школьного образования, прежде всего по гуманитарным дисциплинам, посредством которой правящая элита формирует в обществе необходимую ей систему ценностей и установок. Важность содержания гуманитарных дисциплин осознается не только на уровне правящих кругов, но и на уровне общественности, что отчасти выражается в активных общественных дискуссиях вокруг новых школьных учебников по истории, литературе и т. д.

В 1970-х годах американский психолог Д. Мак-Клеланд проанализировал школьные учебники по чтению на предмет выраженности в них «мотивации достижения» и, сопоставив эти индикаторы с экономическими показателями стран с промежутком в 25 лет, устано-

* Бакланова Мария Алексеевна, преподаватель отделения востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: marial84@mail.ru

вил, что данные индикаторы мотивации достижений действительно предсказывали динамику экономического развития данных стран¹. Мы также полагаем, что ценностное содержание школьной программы оказывает существенное влияние на систему установок и норм, определяющих облик данного общества. Отсюда интерес к учебникам как к объекту изучения социальных и исторических наук.

В качестве объекта анализа в рамках данной работы были выбраны южнокорейские учебники по этике, которая преподается на всех ступенях школьной программы и является обязательной дисциплиной. Традиции этического воспитания в Корее уходят в глубь веков: уже в Когурё (37 г. до н. э. — 668 г. н.э.) действовали государственные школы, в которых преподавали конфуцианский канон, уделявший исключительное внимание морально-нравственному облику человека. Большое значение нравственному воспитанию придают в Корее и сейчас. Так, министр образования РК Пэк Нак Чжун (05.1950—10.1952 г.) в своей речи отмечал: «Если цель образования — воспитание достойного человека, то нравственные знания должны стать центром такого обучения. <...> Мы должны признать, что <...> нравственная составляющая должна являться ядром воспитательного процесса»².

Предметом исследования была выбрана Северная Корея, а точнее — система этнополитических взглядов и установок в отношении Северной Кореи в том виде, в каком они представлены в южнокорейских школьных учебниках по этическому воспитанию. Отношения с КНДР на протяжении многих лет являлись одним из ключевых направлений политики южнокорейских властей, влияя на внутреннюю политику Юга и определяя необходимость принятия тех или иных мер в области национальной безопасности, идеологии и культуры.

В результате данной работы предполагается сделать вывод о том, какой именно образ северного соседа формировался в сознании южнокорейских школьников и как он менялся в зависимости от политического курса и идеологических установок правящей элиты Республики Корея.

После образования на севере и на юге двух независимых государств в 1948 г. и их военного противостояния в 1950—1953 гг. в те-

чение более полувека Корейский полуостров находится в состоянии постоянной конфронтации, периодически то несколько ослабевающей, то обостряющейся. Именно объединение расколотой нации и противостояние с Севером были определяющими положениями национальной идеи Южной Кореи на протяжении почти полувека. Идеологическим обоснованием идеи объединения Севера и Юга стала концепция этнонационализма, сформулированная в рамках национально-освободительного движения первой половины XX в. и онтологизирующая корейскую нацию как этническую общность, которой присущи культурная гомогенность и единая судьба. При этом нация объявляется высшей ценностью, главным актором социального и политического действия.

Данные положения легли в основу общего политического курса *ильминджууй* («один народ»), объявленного первым президентом РК Ли Сын Маном. Глава южнокорейского государства с самого начала заявил, что корейцы как Севера, так и Юга образуют единый народ (этнонацию, *минджок*). В 1949 г. Ли Сын Ман писал: «Как единая нация (танъиль минджок. — *Прим. авт.*) с долгой историей, мы всегда были одним, не двумя. Как один народ, мы должны всегда быть едины»³. Такой тезис предполагал, что территориальное разделение — противоестественное и временное явление, так как никакое органическое тело, каким являлся, по мысли южнокорейских идеологов, корейский этнос, не может существовать в расчлененном состоянии.

Именно на основании этого правящий режим Северной Кореи был объявлен «антинациональным», т. е. предающим интересы нации, а единственным легитимным представителем корейского народа становилось, соответственно, демократическое правительство Республики Корея. В русле такой оппозиции Север рассматривался лишь как северная часть территории, подлежащая возвращению⁴. Стоит также отметить, что при этом «национальным предателем» считался только коммунистический режим Ким Ир Сена, но не население Северной Кореи. Граждане КНДР представлялись невинными жертвами. Корейская война 1950—1953 гг., ставшая попыткой силового объединения нации, была истолкована пропагандой Южной Кореи лишь как очередное и наиболее очевидное доказа-

тельство «антинациональности» северного коммунистического режима.

В итоге основой политического курса южнокорейского правительства стала идея необходимости восстановления национального единства корейского народа, оформленная в теорию объединения через поглощение Севера (кор. — *пукчин тхоньиллон*).

Формально точкой отсчета в истории нравственного образования в Южной Корее можно считать 1955 г., когда был разработан и принят первый общенациональный учебный план для 12-летней школы. Какое же отражение в учебной программе нашли обозначенные выше идеологические принципы — установка на объединение Севера и Юга и антикоммунизм — и соответствовало ли вообще содержание учебников того времени данным установкам?

Во-первых, уже в предисловии к первому учебному плану одним из главных принципов образования было заявлено «соответствие содержания образования требованиям времени и геополитической обстановке»⁵. Такая формулировка подразумевала антикоммунистическую направленность учебников по общественным дисциплинам. Однако, например, в учебнике для старших классов по граждановедению, одобренном Министерством образования РК в 1956 г., коммунистической идеологии и проблеме национального объединения уделяется всего два небольших — в сравнении с общим объемом пособия — раздела (соответственно 15 и 14 из 258 страниц).⁶ Более того, в заголовках не фигурирует слово «антикоммунизм», а заявлена всего лишь «критика коммунизма». И само содержание данного раздела скорее тяготеет к научной критике коммунистической идеологии, чем к откровенным нападкам на политический режим КНДР или тем более северокорейское население. Многие исследователи сходятся во мнении, что враждебное отношение южнокорейского населения к Северной Корее, развязавшей, как считалось, братоубийственную войну, было столь очевидным фактом для политической элиты, что необходимость в какой-либо дополнительной пропаганде просто отпадала.

Апофеозом «политизации» нравственного воспитания многими исследователями считается период нахождения у власти Пак Чжон Хи (1961—1979 гг.). Новый учебный план, составленный в 1963 г. и

исправленный в 1969 г., предполагал преподавание этики в средней и старшей школах 2 часа в неделю, и один из них отводился на «Антикоммунистическое воспитание» (кор. — *пангон кёюк*). Задача данного курса формулировалась следующим образом: «Укрепление веры в демократические идеалы, победа над агрессором — коммунистическим режимом Севера — и объединение нации, поддержание мира и сближение со свободными государствами». Специально для этого были даже выпущены отдельные учебники. Показательно уже само название учебника для средней школы — «Путь к объединению через победу над коммунизмом» (кор. — *сынгон тхоньил киль*). Исследователи сходятся во мнении, что именно при Пак Чжон Хи антисеверокорейская риторика в рамках нравственного воспитания достигает апогея и отличается наибольшей степенью непримиримости и враждебности в отношении КНДР⁷.

Так, например, в учебнике по гражданской этике (кор. — *кунмин юлли*) 1966 г. издания в рассказе о земельной реформе в КНДР северокорейское правительство прямо называется «жестоким и бесщедным», реформа — грабительской, лишившей крестьян последнего, а Северная Корея — «местом, не пригодным для жизни людей», где главное занятие политиков — подготовка к войне. В учебнике есть и глава, написанная как бы от лица северокорейского шпиона, который, попав в Сеул, убеждается в том, как глубоко он заблуждался относительно положения дел на Юге. Текст изобилует сравнениями, которые, разумеется, оказываются не в пользу Северной Кореи: «показалось, что я попал в США», «лица у прохожих радостные, все улыбаются», «все спокойно обсуждают правительство», «в ресторанах можно заказывать рис в любых количествах бесплатно» и т. д. Естественно, в КНДР ситуация прямо противоположная: «на улицах почти не видно людей», «осуждающих правительство тут же арестуют».

В разделах, посвященных социалистической и коммунистической идеологии, КНДР, как и другие страны соцлагеря, предстает также в непривлекательном виде. По мнению авторов учебника, в таких государствах жизнь и права человека ни во что не ставятся, человек там не более чем производственная сила. Авторы сравнивают социалистические государства с режимами фашистской Италии

и нацистской Германии, отмечая, что по своей жестокости в каких-то областях они даже «обогнали» Италию и Германию. В целом коммунистическая идеология в плане этических норм и установок предстает как полная противоположность демократии: все, что считается человеческим, правильным, нравственным в странах с демократическими режимами, в государствах социализма расценивается, соответственно, как бесчеловечное, неправильное и безнравственное. Насколько сильной должна была быть неприязнь у южнокорейских школьников, воспитываемых в конфуцианских моральных категориях сыновней почтительности, к странам с социалистической идеологией, можно представить, посмотрев на фотографию памятника Павлику Морозову, приведенную в учебнике и сопровождаемую подписью: «Мальчик, сдавший отца и ставший героем».

Иллюстрации на страницах, посвященных Северной Корее, изображают страшные картины угнетения, репрессий: рабочие, отправляющиеся на принудительные работы, бедные жилища и т. п. Много фотографий, где изображены северокорейские военные, оружие или военные парады в КНДР. Приводятся северокорейские плакаты, на которых огромная толпа людей единодушно голосует, что создает образ бездушной, слепо следующей за вождем массы, лишенной какой-либо собственной воли.

Таким образом, учебники по нравственному воспитанию эпохи Пак Чжон Хи рисуют крайне мрачный образ Северной Кореи, который не может не вызывать отторжения. КНДР предстает тоталитарным государством, где насаждается культ вождя, власть которого безгранична. С точки зрения авторов учебников, КНДР не только не оставила планы завоевать Юг, но и активно готовится к войне. Северокорейское общество также описывается преимущественно в черных тонах: тотальный контроль властей над всеми сферами общественной жизни, безграничная преданность северокорейских граждан партии, вождю, доходящая до абсурда. Акцентируются глубокие различия в менталитете, культурном развитии, отношении к традиционным ценностям в Южной Корее и на Севере.

Говоря об эпохе Пак Чжон Хи, следует упомянуть также популярный детский мультфильм «Генерал Тори», вышедший на экраны в 1978 г. и транслировавшийся по телевидению каждый год

вплоть до середины 1980-х годов. Главному герою, генералу Тори, приходится сражаться с войском волков, олицетворяющих северокорейскую армию, возглавляемым свиньей в красном одеянии, в образе которой изображен Ким Ир Сен. И волк и свинья имеют негативные коннотации в сознании корейцев, что подтверждается различными пословицами и поговорками. Так в глазах южнокорейских школьников северокорейское население и его вождь карикатуризируются, превращаются в недолудей, зверей. Сюжет и видеоряд этого мультфильма можно назвать квинтэссенцией «антикоммунистической» пропаганды и демонизации северокорейского режима.

В 1980-е годы принимаются новые учебные планы — четвертый (1982—1987 гг.) и пятый (1988—1992 гг.) соответственно. В целом в отношении северокорейской проблемы в содержательном плане пятый этап отмечен некоторым смягчением антисеверокорейской риторики и смещением акцента на демократические ценности.

1990-е годы обозначили новые тенденции в межкорейских отношениях. Подписав ряд документов в 1991 г., стороны впервые официально заявили о признании существующих друг у друга систем, взяли обязательства не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не предпринимать шагов для свержения режима другой стороны, прекратить конфронтацию на международной арене.

Качественно новым этапом сближения КНДР и РК стало провозглашение президентом РК Ким Дэ Чжуном в 1998 г. «политики солнечного тепла». Главной задачей было объявлено сосуществование двух государств через установление мира на Корейском полуострове. Приоритетной задачей правительства Ким Дэ Чжуна было объявлено сотрудничество в общественной, культурной и экономической сферах, которое должно способствовать сближению граждан двух государств и формированию у них единого самосознания⁸. Следующий президент РК Но Му Хен (2003—2008) продолжил курс своего предшественника. Таким образом, характеризуя в целом этнополитические стратегии южнокорейского правительства в данный период, можно сказать, что приоритетной задачей стало все-таки не объединение Севера и Юга, а мирное сосуществование двух корейских государств.

Трансформация политического курса южнокорейского правительства в отношении своего северного соседа отразилась и на содержании нового учебного плана, вступившего в силу с 1998 г. *Во-первых*, на данном этапе значительно сократился объем материала, посвященного Северной Корее и проблеме объединения: в учебниках для средней школы — 30 страниц из почти 300, в учебниках для старшей школы эта часть занимает больший объем — около 50 страниц. Если же взять учебники для старшей школы по предмету «гражданская этика», то северокорейский блок окажется еще меньше — всего порядка 7 страниц из 267. *Во-вторых*, сам этот блок включен в раздел «Процветание национального сообщества и объединение», в котором главный акцент поставлен вовсе не на отношении с Северной Кореей, а в целом на корейское национальное сообщество, включая зарубежных корейцев, и на стратегии взаимодействия с зарубежной диаспорой.

Надо отметить, что пафос текстов об объединении в данных учебниках так же, как и на предыдущих этапах, все-таки заключается в обосновании его необходимости для процветания корейской нации. И главным доводом является этнокультурное единство населения Северной и Южной Кореи. Однако есть ряд принципиально важных новых тенденций в освещении данной проблемы. Так, различия в культуре, идеологии, различия в политических режимах хотя и упоминаются, но не конкретизируются, как раньше, авторы учебников более не оценивают то, что происходит на Севере. Главы, посвященные КНДР, содержат информацию о политическом строе, особенностях экономики, культуры Северной Кореи, но из текста убрана вся пейоративная лексика, которой пестрели страницы учебников в предыдущие периоды. Еще более заметны изменения визуальных образов: превалируют иллюстрации, изображающие повседневную жизнь северокорейского населения (дети, идущие в школу; женщины в магазине; люди на улицах, спешащие на работу; промышленные районы — свидетельства экономического развития), а не сцены политической жизни, военных мероприятий и т. п. Подобные тенденции — нейтрализация описаний и очеловечивание визуального образа страны — свидетельствуют о смещении акцентов: от изображения КНДР как врага к нейтрализации образа и воспитанию

терпимого и, можно даже сказать, позитивного отношения к северному соседу.

Необходимо добавить, что изменения в пропаганде в отношении Северной Кореи произошли не только в учебниках, но и в официальных средствах массовой информации. Так, например, на канале KBS1 долгое время транслировались передачи «Окно на Юг и Север» и «Репортаж о Северной Корее», которые освещали положение дел в КНДР, развитие межкорейских отношений, транслировали новостные сюжеты, передаваемые по северокорейскому телевидению.

Как отмечают обозреватели, после подписания Совместной декларации Севера и Юга 15 июня 2000 г. содержание данных передач разительно изменилось. *Во-первых*, из видеоряда исчезли кадры, связанные с войной и армией, в то время как ранее часто транслировались военные парады и сюжеты, посвященные военным учениям, проходящим в КНДР. *Во-вторых*, изменился также характер репортажей, а именно гораздо меньше стало комментариев специалистов, оценивавших события на Севере, как правило, с точки зрения превосходства Юга или вовсе прямо осуждавших происходящее в КНДР. В целом, сюжеты стали нейтральными. *В-третьих*, возрос интерес к культуре КНДР, культурным мероприятиям, в освещении которых в новом формате градус критики также был значительно снижен. В некоторых выпусках даже демонстрировались северокорейские мультфильмы. То есть происходила гуманизация образа северокорейского общества — он становился менее военизированным, менее механистическим, менее идеологизированным и, наоборот, гораздо более живым, человечным.

Из всего вышесказанного можно вывести несколько особенностей нравственного воспитания в Южной Корее в целом и, в частности, в отношении освещения северокорейского вопроса и проблемы объединения в учебниках по этике.

Во-первых, показательным является тот факт, что северокорейский вопрос вообще включен в курс нравственного воспитания, т. е. с точки зрения южнокорейских властей политические убеждения индивида возводятся в ранг этических принципов, которым должна была следовать нравственная личность. Высокая степень политизации этической сферы объясняет то, что практически с самого начала

школьный курс нравственного воспитания включал компоненты, не связанные собственно с областью морали в ее традиционном понимании, а именно: антикоммунизм, политические аспекты объединения корейской нации и др.

Во-вторых, идеологизация образования выражается и в том, что смена господствующей идеологии и этнополитических установок правящего режима самым непосредственным образом влияла на корректировку содержания школьной программы, и освещение северокорейской проблемы — самый яркий тому пример. Пока национальную идею Южной Кореи определяла идея воссоединения расколотою нации и противостояние Севера и Юга, антикоммунизм и критика северокорейского строя были главным содержательным наполнением курса по нравственному воспитанию в освещении межкорейских отношений. Особенность южнокорейской пропаганды на том этапе состояла в том, что она создавала отрицательный образ Северной Кореи, воспитывала открытую к ней ненависть. Затем главной задачей было объявлено сосуществование двух государств через установление мира на Корейском полуострове, и этнополитические установки южнокорейского общества в отношении межкорейского взаимодействия определяются уже не идеей «одна нация — одно государство», а уступают место идее сосуществования двух независимых государств на базе одного корейского этноса. Соответственно, мы видим, что в учебниках исчезает оценочность в описаниях, образ Северной Кореи, который формируется у школьников, становится более положительным, человечным и по меньшей мере не вызывающим отторжения.

Необходимо учитывать, что курс нравственного воспитания является обязательной дисциплиной на всех ступенях школьного образования, а учебные материалы для этого предмета выпускаются непосредственно Министерством образования⁹. Исходя из этого можно предположить, что транслируемая через школьную программу система этнополитических ценностей и установок оказывает значительное влияние на формирование в южнокорейском обществе стереотипов в отношении северокорейского государства, которые определяют и внутри- и внешнеполитические стратегии и перспективы развития Южной Кореи.

Примечания

¹ McClelland D.C. The achieving society. Princeton. N.J.: Van Nostrand, 1961. Цит. по: Окольская Л. Ценностно-нормативный образ труда в учебниках по чтению для начальной школы // Социология образования: беседы, технологии, методы: Труды по социологии образования / под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО. С. 53—82.

² Цит. по: Пэ Сок Вон. Хангук тодок, юлли кёюгый хёнсонква кучжо (Формирование и структура нравственного образования в Корее) / Хангук тодок, юлли кёюк пэксо (Белая книга по нравственному воспитанию в Корее). Отв. ред. Хон Юн Ги. Сеул, 2001. С. 232.

³ Цит. по: Shin Gi-Wook. Ethnic nationalism in Korea: genealogy, politics, and legacy. Stanford, California: Stanford University Press, 2006. P. 101.

⁴ Официальное название РК — Тэханмингук (Республика Хан); при этом южане называют Север — пукхан, т.е. Северная Хан. В Конституции РК также прописано, что территория Республики Корея — весь Корейский полуостров. URL: <http://www.lawnb.com/>

⁵ Цит. по: Хангук тодок, юлли кёюк пэксо (Белая книга по нравственному воспитанию в Корее). Отв. ред. Хон Юн Ги. Сеул, 2001. С. 268.

⁶ Ю Чин О. Кодынхаккё сахвеква. Чончхива сахве. Конмин 1 (Обществознание для старшей школы. Политика и общество. Граждановедение 1). Сеул, 1956.

⁷ Хангук тодок, юлли кёюк пэксо, 2001. С. 299.

⁸ Ли Сонгу. Ким Дэ Чжун чонбуый хэтпётчончэк кванхан ёнгу (Исследование политики «солнечного тепла» правительства Ким Дэ Чжуна) // Инмун квахак. 2004. № 12. С. 105.

⁹ Непосредственно Министерством образования выпускаются учебники по всем предметам для младшей школы и по корейскому языку, корейской истории и нравственному воспитанию также для средней и старшей школы. По остальным предметам для средней и старшей школы учебные пособия могут готовиться частными издательствами, но должны получить одобрение Министерства образования.

Глава 5

НЕПРЕХОДЯЩАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОШЛОГО

О.В. Дьякова

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРОЕКТ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Северо-восточный проект как научное направление, щедро финансируемое правительством Китая, возник не на пустом месте. История северных государств — Когурё (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.), Бохай (698—926 гг. н.э.) для стран Дальнего Востока, в первую очередь для Китая, с момента их возникновения являлась проблемой политической, прямо выходящей на принципиальные для любого государства аспекты: пограничные вопросы, иерархический статус северных государств относительно Китая, происхождение государств, их этническая составляющая, этногенез населения и, естественно, этническая принадлежность правящей верхушки этих государств. Истоки этой проблемы уходят в раннее средневековье. Названная проблема то на время, в силу различных обстоятельств, затухала, то, из-за возникших осложнений, молниеносно активизировалась, но никогда не выпускалась из поля зрения политиков дальневосточных стран. Свидетельством этому служат научные симпозиумы и их тематика. Так, в Китае в 1998, 2000 гг. Государственное управление артефактов дважды созывало симпозиумы-коллоквиумы с когурёской и бохайской тематиками¹. В ноябре 2000 г. в Токио состоялся симпозиум по древней истории Кореи, в котором участвовали более 500

специалистов из Японии, Республики Корея и Северной Кореи, докладывавших об археологических раскопках памятников Когурё, Бохая, об обнаружении фактов, подтверждающих происхождение государства Пэкче от Когурё².

В начале 2000-х годов проблема вновь приобрела актуальность и была выведена Китаем на государственный уровень. В феврале 2002 г. правительство КНР в Институте археологии Академии общественных наук создало центр по изучению приграничных культур. В этот центр из провинций были привлечены специалисты по северо-восточным, граничащим с Россией, Кореей, северным и северо-западным, граничащим с Монголией, юго-западным, граничащим с Вьетнамом, территориям.

Особое внимание было уделено северо-восточным территориям, что проявилось в выделении правительством Китая крупного финансирования на осуществление пятилетнего проекта, известного под названием «северо-восточный». Проект был направлен на проведение археологических изысканий и раскопок памятников государства Когурё, и в первую очередь некрополей с фресками. Конечной целью северо-восточного проекта являлось укрепление Китая на международном уровне посредством ЮНЕСКО в качестве мировых культурных ценностей реестра когурёских памятников, расположенных на его северо-восточных территориях. Это позволяло КНР квалифицировать Когурё как вассальное государство. Но процедура регистрации когурёских гробниц в ЮНЕСКО тянулась достаточно долго, хотя и постоянно контролировалась Пекином. Известна заявка КНР от декабря 2003 г. в Комитет всемирного культурного наследия ЮНЕСКО о регистрации фресок когурёских гробниц пров. Цзилинь.

Это событие заметили все приграничные с Китаем страны, но особенно активную контрпозицию заняли Республика Корея, Корейская Народно-Демократическая Республика и Япония, поскольку усмотрели в этом акте притязание Китая посредством археологических памятников на включение государства Когурё в свою историю. Основания для подозрений подобного рода имелись. Об этом свидетельствует вся древняя и средневековая китайская историография, где северо-восточные государства всегда рассматривались как

зависимые от Поднебесной. Квинтэссенция взглядов китайских специалистов на проблему северо-восточных государств четко выражена в приведенной ниже цитате из книги Цзоу Лан: «Государство Бохай династии Тан было государственным образованием меньшинств — мохэских племен, в первую очередь сумо, а также других этнических групп северо-востока Древнего Китая. Его правитель постоянно получал от Танской династии почетные титулы, такие как “великий вождь, командующий левым флангом конницы”, “Бохайский”, “военный правитель провинции Хухан”, “советник с золотой печатью и лиловой лентой”, “почетный инспектор-командующий”, “властелин Бохая” и т. п. Следовательно, государство Бохай было локальным феодальным режимом в подчинении Танской династии»³.

На эти действия мгновенно среагировала Южная Корея. В СМИ появились агрессивно-негативные отклики на подобный шаг Китая. Причем в этом принимали участие не только специалисты, но в первую очередь широкая общественность — школьники, студенты, бизнесмены. В интернете и в печати появились многочисленные статьи, главным лозунгом выступлений было то, что Когурё — это исконно корейское государство.

Реакция КНДР на этот шаг Китая была вполне «симметричной». Дело в том, что в идеологическом плане проблема Когурё для КНДР являлась важной и принципиальной, поскольку это государство интерпретировалось не только как наследник Древнего Чосона, но и считалось главным среди четырех средневековых корейских государств — Когурё, Силла, Кая, Пэкче, сыгравшим основную роль в формировании корейского этноса и истории страны. Кроме того, всегда подчеркивалось, что Когурё, после его разгрома Китаем в 668 г., послужило платформой для создания государства Бохай (кор. — Пархэ), которое тоже пытаются вписать в китайскую историю. Поэтому логично, что Северная Корея, со своей стороны, начала осуществлять параллельные действия: каталогизировать памятники Когурё на Корейском полуострове и пытаться тоже зарегистрировать их через ЮНЕСКО в качестве всемирных культурных ценностей Северной Кореи.

Следует отметить, что если в Китае до этого момента систематических исследований памятников Когурё не велось, то в Северной

Корее исследования когурёских крепостей, некрополей, поселений, впрочем как и вся археология, являлись государственной прерогативой и были прямо связаны начиная со второй половины прошлого века с идеологией «чучхе». Тогда же началось искусственное удревление археологических артефактов Кореи. По сути дела, «чучхеизацией» заразился весь Дальневосточный регион. Ярким примером тому служит Япония со скандальной историей некоего Фудзимурэ и профессора Кадзивары, когда археологические памятники Японии ежегодно удрежнялись на 100—200 тыс. лет за счет закапывания в раскоп артефактов. Надо отдать должное японским специалистам: они сами разоблачили подобные «открытия» и установили, что древнее 20—30 тыс. лет археологических объектов на Японских островах нет⁴.

В КНДР этого не произошло. Поэтому к северокорейским памятникам при регистрации в ЮНЕСКО специалисты предъявили ряд претензий. В том числе А. Перрин, специалистка факультета восточных и азиатских исследований Лондонского университета, являвшаяся членом экспертной комиссии ЮНЕСКО, после посещения КНДР в августе 2000 г. заявила, что отдельные захоронения, например могилы Короля Тонмёна (основателя династии Когурё) и Короля Вангона (основателя династии Корё), чрезмерно реставрированы и что политические постулаты стали побудительным мотивом для фабрикации новых археологических артефактов, в частности гробницы мифического основателя корейской нации Тангуна. Однако при этом она отметила, что северокорейскими специалистами за довольно короткий период подготовлена вся рабочая документация и что реставрация памятников открывает доступ к множеству исторических мест в КНДР гостям из Южной Кореи и других стран⁵.

В результате ЮНЕСКО отклонил на 27-й сессии Комитета всемирного наследия просьбу КНДР (30 июня — 5 июля 2003 г.) по «техническим причинам».

Но Северная Корея получила весомую поддержку со стороны японского художника и посла доброй воли ЮНЕСКО Хираяма Икуо. Именно он помог Пхеньяну сначала ратифицировать в июле 1998 г. Конвенцию о всемирном культурном наследии, а затем, будучи главой экспертной комиссии ЮНЕСКО, посетил в 2003 г. семь захоро-

нений с фресками, проверил степень их сохранности, однозначно поддержал регистрацию когурёских гробниц и, кроме того, оказал разностороннюю материальную поддержку, считая регистрацию гробниц активным вкладом в дело мира. Он заявил, что «следующее заседание Комитета по всемирному культурному наследию состоится в июне 2004 г. в Китае. КНР дружески относится к КНДР и будет председательствовать на этом заседании. Поэтому я надеюсь, что все сложится хорошо»⁶. Действительно, когурёские гробницы с фресками были зарегистрированы в 2004 г. на сессии Комитета в г. Сучжоу. В список вошли пять захоронений, расположенных на территории КНР (округ Хуанжень, пров. Ляонин, и г. Цзиань, пров. Цзилинь), и 12 памятников Северной Кореи (г. Пхеньян, пров. Южный Пхёнан, и г. Нампхо, пров. Южный Хванхэ).

Таким образом, включение в реестр всемирного культурного наследия когурёских памятников Китая и Северной Кореи произошло одновременно, но с явным количественным преимуществом КНДР. Ведь только вблизи Пхеньяна было обнаружено 70 когурёских гробниц, а общее их число вместе с памятниками КНР в провинциях Ляонин и Цзилинь достигло 90 единиц. К тому же серьезным минусом для Китая было то, что на указанной территории отсутствовали китайские погребальные некрополи. Сам же процесс регистрации КНДР в ЮНЕСКО фресок когурёских гробниц длился с 2001 по 2004 г.

Помимо умелого противодействия в этом деле Китая, затаенность регистрации северокорейских археологических памятников усугублялась спецификой бюрократической системы этой страны и недофинансированием своих скромных делегаций на международные форумы и конференции. Так, на сессии Комитета по всемирному наследию в Париже (июнь—июль 2003 г.) голоса двух постоянных представителей КНДР в ЮНЕСКО против 25 голосов китайских делегатов, представлявших все слои правительственных и научных кругов КНР, просто потерялись. Но даже в таких стесненных обстоятельствах КНДР искала сторонников и планомерно закрепляла идею, что Когурё было центром древней цивилизации корейского народа. С этой целью Пхеньян начал награждать зарубежных историков, поддерживавших официальную доктрину КНДР,

научными степенями. Так, в январе 2004 г. докторскую степень по истории получил преподаватель исторического факультета Яньбяньского университета Юн Хёнчоль, исследовавший и систематизировавший историю государства Бохай (Пархэ). «Основываясь на принципе приверженности исторической правде, он научно установил, что Пархэ являлось преемником Когурё, а история Пархэ — это важная часть истории корейского народа», — заявило Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК)⁷. Естественно, что на регистрации в ЮНЕСКО памятников Когурё северо-восточный проект не закончился. В настоящее время с той же целью идет активное изучение бохайских археологических объектов и исторических документов, и к этому процессу приковано внимание не только Пхеньяна, но и Сеула с Токио.

Примечания

¹ Лю Сяодун. Бохай вэньхуа яньцзю: и каогу фасянь вэй шицзю (Исследование культуры Бохая: с точки зрения археологических открытий). Харбин: изд-во Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. 348 с. (на кит. яз.).

² Петров Л.А. Современная историография КНДР и древнее государство Когурё. URL: <http://www.Korusforum.org.PHP/stv>

³ Цзоу Лан. Хэйлунцзян хэган дицзюй гудай вэньхуа ицзунь (Памятники древних культур в районе Хэган Хэйлунцзяна). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. С. 121 (на кит. яз.).

⁴ URL: <http://frauds.ru/glavnaya/95-raskopki-arxeologa-siniti-fudzimury.html>. См. след. цит.: «...Ранее считалось, что первые люди пришли в Японию с территории современной Кореи 30 тысяч лет назад. Фудзимура нашел свидетельства того, что человек разумный строил примитивные жилища в Стране восходящего солнца еще 600 тысяч (!) лет назад. Причем японские доисторические люди были гораздо умнее, чем их современники из других регионов мира. Словом, Фудзимура переписывал историю человеческой эволюции... Позже Фудзимура признался, что занимался подлогом еще с начала 1980-х и всего сфальсифицировал 42 раскопа из 180, в которых принимал участие. Среди фальшивых находок оказался и артефакт, который, как утверждал Фудзимура, является древнейшим в мире орудием труда, сделанным руками человека. Скандал попал на первые страницы газет всего мира. Признание археолога повергло в шок нацию и вызвало гнев коллег. Под угрозой оказалась вся древняя история Японии. Нужны были новые доказательства в поддержку той теории, что на территории Японии люди

жили в эпоху раннего и среднего палеолита. Прежние доказательства основывались на артефактах, найденных Фудзимурой. Как саркастически заметил один из западных журналистов, «Япония потеряла миллионы лет своей истории». Комиссия изучала обстоятельства дела в течение двух с половиной лет и в мае 2003 г. опубликовала доклад, в котором было признано, что деятельность Фудзимурой носила мошеннический характер. Так что учебники пришлось все же переписать».

⁵ Perrin A. Heritage Protection in the DPRK // The Korea Foundation Newsletter, 2000. Vol. 9, No. 5; URL: <http://www.kf.or.kr/newsletter/english/contents.asp>; Scofield D. Northeast Asia's Intra-Mural Wars // The Asia Times. 23.12. 2003.

⁶ The People's Korea, 2003.

⁷ Петров Л.А. Современная историография КНДР и древнее государство Кorye. URL: <http://www.Korusforum.org.PHP/stv.;> KNCA, 2004.

В.С. Акуленко*

ВЛИЯНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ 2012 Г. В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ НА ПОНИМАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В 1979 г. в Южной Корее в местечке Чонгок-ри, далеко на восток от так называемой линии Мовиуса, впервые были найдены каменные орудия ашёльского типа. Вскоре после этого бифасы были найдены в соседнем Китае и на юге Монголии¹, однако именно находка каменных орудий ашёльского типа в Южной Корее породила в начале 1980-х настоящую научную сенсацию, ведь с 1948 г. официальная наука считала, что в древности мир делился на ашёльский Запад и олдувайский Восток.

Если брать за точку отсчета начала крупномасштабных археологических изысканий в Корее 60-е годы прошлого века, то за 50 с небольшим лет развития южно- и северо-корейской археологии было сделано немало интересных и важных открытий. Но именно находку в Чонгок-ри можно назвать настоящим хитом, известным за пределами корееведческих кругов. И вот спустя три десятка лет Корея вновь удивляет мировую археологическую общественность. Всего за

* Акуленко Вадим Сергеевич, ассистент кафедры корееведения ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: vakulenco@mail.ru

один археологический сезон 2012 г. в Южной Корее были сделаны сразу два открытия, которые могут значительно повлиять не только на восприятие древней истории Корейского полуострова и Восточной Азии, но, быть может, и всего мира.

Мы хотели бы сосредоточиться на описании и анализе этих открытий, ставших настоящей сенсацией в научном мире и породивших целую волну публикаций и репортажей в южнокорейских и других зарубежных СМИ. Главной находкой летнего археологического сезона по праву можно считать открытие самого древнего из известных науке в Восточной Азии суходольного поля, которое было обнаружено на стоянке Мунам-ри в уезде Косон пров. Канвон (рис. 1). Изучение небольшого участка земли на юго-западном склоне невысокого холма, который в период неолита либо являлся морским побережьем, либо располагался очень близко от него, привело к интереснейшим открытиям, которые могут перевернуть наше представление о том, каким образом на Корейском полуострове происходил переход от присваивающего хозяйства к производящему.

Стоянка Мунам-ри была впервые обнаружена в ходе археологического поиска останков древней культуры Кореи на территории

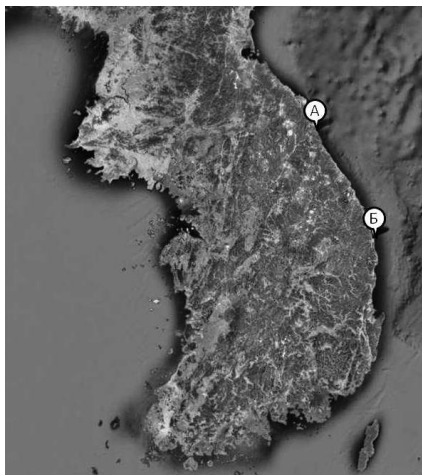

Рис. 1. А — стоянка Мунам-ри; Б — стоянка Чукпён-ри

пров. Канвон в 1998 г. Тогда на территории стоянки были обнаружены следы двух жилищ и других построек, а также осколки керамических сосудов, рыболовные крючки и другие артефакты. Убедившись в ценности стоянки для изучения древнейшей истории Кореи и присвоив ей № 426, ученые приостановили раскопки. Возобновились они в 2002 г. для изучения нижних культурных слоев стоянки. В результате были обнаружены следы еще трех жилищ и новые артефакты.

Однако раскопки, которые привели к обнаружению древнейшего в Восточной Азии суходольного поля, были проведены в 2011 и 2012 гг. экспедицией Государственного института культурного наследия РК. Общая площадь обследованного участка составила более 10,5 тыс. м². В 2011 г. была обследована восточная часть стоянки, а в 2012 г. — северная и южная части, в результате чего и были получены наиболее интересные результаты — обнаружены два суходольных поля, которые южнокорейские археологи отнесли к среднему неолиту и раннему бронзовому веку².

Поля располагаются в разных археологических слоях одно под другим. Верхнее поле находится на высоте 2,71—2,89 м над уровнем моря, его раскопанная площадь составляет 1,26 тыс. м². Между грядками обнаружены останки культивируемых растений, а также артефакты, позволяющие предположить, что поле можно приблизительно датировать началом бронзового века. Средняя длина грядки — около 9,7 м, ширина рядка — 38—88 см, ширина борозды — 40—90 см, а ее глубина — 15—17 см. Поле располагается в восточной, западной и южной частях памятника. Точные его размеры во время указанных раскопок установить не удалось. В северной части поля расположена круглой формы яма³.

Нижнее поле располагается прямо под верхним на высоте 2,61—2,63 м над уровнем моря, и его раскопанная площадь составляет около 1000 м². Ширина рядка — 45—150 см, ширина борозды — 40—87 см, а ее глубина — 13—15 см. В северной части грядки находится довольно крупный камень прямоугольной формы, назначение которого южнокорейским археологам пока непонятно.

Грядки нижнего поля имеют более разнообразный вид и форму, чем грядки верхнего поля, на основании чего южнокорейские уче-

ные сделали вывод о сравнительном разнообразии выращиваемых на нем растений⁴.

Как уже было сказано выше, проанализировав собранный во время раскопок 2011—2012 гг. материал, южнокорейские исследователи сделали вывод о том, что нижнее поле можно отнести к среднему неолиту, что и стало настоящей сенсацией, так как до сих пор в соседних Китае и Японии ничего подобного обнаружено не было. Что касается верхнего поля, то, исходя из его морфологии и найденного на нем археологического материала, его можно отнести к раннему бронзовому веку, когда культура земледелия уже находилась на сравнительно высоком уровне. Более-менее одинаковая ширина грядок может, по мнению южнокорейских археологов, говорить, *во-первых*, о возросшем уровне мастерства земледельцев, а *во-вторых*, о выращивании какой-то одной сельскохозяйственной культуры.

На нижнем поле, в отличие от верхнего, обнаружены более разнообразные виды грядок, что, по мнению южнокорейских ученых, может говорить о большем разнообразии растений, которые на нем выращивались, с одной стороны, и о сравнительно небольшом и неразвитом характере земледелия — с другой. Археологические артефакты, найденные на поле — каменный наконечник и глиняные черепки, а также неолитические жилища, обнаруженные в том же культурном слое, что и поле, — позволили южнокорейским ученым примерно датировать нижнее поле 3600—3000 гг. до н.э.⁵

По мнению южнокорейских ученых, неолитическое суходольное поле на стоянке Мунам-ри является прямым доказательством того, что земледелие появилось на Корейском полуострове еще в период неолита. Дальнейшее изучение останков растений и артефактов, найденных на стоянке в 2012 г., сможет пролить свет на характер сельского хозяйства неолитических жителей восточного побережья Кореи, а также более точно определить датировку культурных слоев стоянки. Кроме того, южнокорейские ученые считают, что стоянка способна стать важным источником для оценки развития сельскохозяйственной культуры в Восточной Азии.

По нашему мнению, найденное южнокорейскими археологами суходольное поле действительно может оказаться древнейшим из

ныне найденных в Восточной Азии, а также одним из самых древних в мире, а следовательно, вполне способно изменить многие представления современных археологов не только о древнейшей истории Корейского полуострова, но и всей Восточной Азии, а быть может, и всего мира.

Стоит отметить, что, в отличие от сенсационной находки «древнейшего в мире domesticiрованного риса» на стоянке Соро-ри в пров. Северная Чхунчхон, широко растиражированной южнокорейскими СМИ в 2003 г.,⁶ доклад о находке неолитического суходольного поля на стоянке Мунам-ри не был раскритикован зарубежными археологами и был спокойно воспринят специалистами, занимающимися изучением древней истории Корейского полуострова.

Во многом это связано с тем, что в последние годы был сделан ряд замечательных открытий, позволяющих говорить о том, что ко времени перехода основной части населения Корейского полуострова к производящей сельскохозяйственной экономике в бронзовом веке жители полуострова подошли со значительным багажом одомашненных растений, что в итоге и привело к логичному переходу к оседлому земледелию.

Другая археологическая сенсация случилась в Южной Корее в конце августа 2012 г. Команда исследователей из Института культурных ценностей Самхан обнаружила фрагменты деревянной рыбацкой лодки, весло и рыболовное снаряжение, возраст которых южнокорейские археологи оценивают в 8 тыс. лет. Находки были обнаружены в слое почвы, взятом сотрудниками института в 2010 г. на стоянке Чукпён-ри в уезде Ульчжин пров. Северная Кёнсан (рис. 1)⁷.

Хотя ранее экспедицией Государственного музея Кимхэ на стоянке Пибон-ри были обнаружены останки двух других неолитических лодок, лодка из Ульчжина может оказаться древнейшей из ныне найденных не только в Южной Корее, но и (если датировка верна) — во всем мире. Поэтому ее обнаружение привлекло пристальное внимание не только специалистов-корееведов, но и ученых, изучающих древнюю историю других регионов мира.

История находки начинается в мае 2010 г., когда экспедиция Института культурных ценностей Самхан проводила археологиче-

скую разведку в районе строительства новой дороги в уезде Ульчжин пров. Северная Кёнсан и обнаружила там ранненеолитическую стоянку. Ради сохранения культурных ценностей, найденных на стоянке, часть культурного слоя законсервировали и перевезли в лабораторию института. Именно в пластах земли, привезенных из уезда Ульчжин, два года спустя и были обнаружены сенсационные находки⁸.

По мнению южнокорейских ученых, найденный фрагмент деревянной лодки, размером 64×50 см и толщиной 2,3 см, был сделан из прочной и жесткой древесины камфорного дерева (*Cinnamomum camphora*), которое сейчас можно встретить в Китае, на Тайване, а также на юге Японии и на о. Чечжудо.

Весло, найденное вместе с фрагментом лодки, имеет длину 170 см, ширину 10 см и толщину 2,1 см. Широкая часть весла имеет трапециевидную форму, в то время как ручка — прямоугольную. Археологи полагают, что весло было сделано из дуба⁹.

В отличие от неолитических лодок, обнаруженных ранее на стоянке Пибон-ри и сделанных при помощи технологии выдалбливания и выжигания древесины из целого бревна, лодка из Ульчжина, по мнению южнокорейских специалистов, была собрана из досок, т. е. с использованием более сложной технологии, что предполагает довольно высокий уровень мастерства работы по дереву неолитических жителей Корейского полуострова.

Несмотря на плохое состояние находки, она, как и суходольное поле стоянки Мунам-ри, может многое сказать об экономической и социальной жизни неолитических жителей полуострова. Вместе с лодкой был найден многочисленный рыболовный инвентарь, позволяющий с уверенностью говорить о том, что лодка использовалась именно для рыболовства¹⁰.

Последние 10 лет как российские, так и зарубежные кореееды выступали за переосмысление истории неолита Корейского полуострова, ставя под сомнение тезис об условном разделении неолитической культуры и культуры бронзового века на культуру охотников-собираателей и культуру земледельцев. Такое восприятие древней истории Кореи порождало представление о резком переходе на границе эпох от присваивающего хозяйства к производящему, тогда

как большой круг находок косвенно свидетельствовал в пользу плавного эволюционного перехода.

Современная историческая наука вообще начинает понимать сельское хозяйство намного шире, чем раньше. Сельское хозяйство не всегда означает domestикацию растений, это скорее динамическое взаимодействие между человеком и определенными видами растений или животных. Доместикация — это результат подобного взаимодействия в течение достаточно длительного периода времени. Не осознанной селекции, проводимой пытливым умом человека, а скорее естественной эволюции¹¹. Таким образом, domestикация вида больше не является главным свидетельством в пользу присутствия земледелия в той или иной культуре, а является логичным его следствием.

Археологический сезон 2012 г. оказался весьма богат на научные открытия, проливающие свет на социальную и экономическую жизнь неолитических жителей Корейского полуострова и соседних с ним регионов. Находка суходольного поля в неолитическом слое стоянки Мунам-ри может стать одним из доказательств, подтверждающих эволюционный переход жителей Корейского полуострова от присваивающего хозяйства к производящему. А находка самой древней в мире лодки, сделанной из досок камфорного дерева, говорит о высоком уровне технологии обработки дерева, которой обладали ранненеолитические жители полуострова, что позволяет переосмыслить их строительные и транспортные возможности. Безусловно, эти находки в перспективе способны перевернуть наши представления о том, как жил человек в Восточной Азии в древности.

Примечания

¹ Nelson S.M. The archaeology of Korea. Cambridge: Cambridge University Press. 1993. P. 41—42.

² Сообщение о найденном на древней стоянке Мунам-ри в уезде Косонь пров. Канвон суходольном поле эпохи неолита (강원 고성 문암리 유적에서 신석기시대경작유구(밭) 발굴). Управление культурного наследия РК. 13.01.2013. URL: http://www.cha.go.kr/unisearch/imagefiles/newsfile/b_sec_1/20120626070914442000.0.hwp

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Акуленко В. С. К вопросу о «доместикации» риса на Корейском полуострове // Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика: XIII всерос. науч. конф. молодых ученых (с международным. Владивосток, 2012 г. С. 67—68.

⁷ World's oldest boat remains found. 13.01.2013. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2012/08/117_118319.html

⁸ Древнейшая в мире лодка раннего неолита найдена в Корее. 13.01.2013. URL: <http://neolitica.ru/article.php?id=265>

⁹ Discovery of a Neolithic-Period Wooden Boat and Oar Dating to 8,000 Years Ago. 13.01.2013. URL: <http://www.fas.harvard.edu/~ekp/news/20120827-Ulchin-Boat.html>

¹⁰ Там же.

¹¹ Lee G. A. Transition from foraging to farming in prehistoric Korea // Current Anthropology. 2011. № 52. P. 307.

Ю.А. Ковальчук*

КОРЕЯ В ОПИСАНИЯХ КАТОЛИЧЕСКИХ МИССИОНЕРОВ XVI—XVII ВВ.

Национальные образы, сформировавшись в далеком прошлом, застывают в статичной форме и передаются в виде стереотипа на протяжении долгого времени, оказывая влияние на внешнеполитические и экономические связи между странами. Корея до недавнего времени была практически неизвестна западной общественности, оставаясь в тени соседних Китая и Японии. Чтобы объяснить причины этой ситуации, необходимо обратиться к ее истокам, т. е. к ранним европейским источникам, познакомившим европейскую публику с Кореей и вынесшим определенные суждения о ней.

Труды католических миссионеров, служивших в Японии и Китае в XVI—XVII вв., являются важным массивом текстов, позволяющих проанализировать начальный этап формирования образа Кореи в европейской литературе. Данные сочинения неоднократно привлекали внимание историков, специализирующихся на истории и историографии отношений между западными странами и Кореей¹ и деятельности католических проповедников на Дальнем Востоке².

* Ковальчук Юлия Андреевна, ассистент кафедры китайской, корейской и японской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. E-mail: yulaukr@bigmir.net

Однако нами не обнаружено научных работ, рассматривающих эти тексты с позиций литературоведения либо содержащих попытки проанализировать происхождение и структуру корейских образов в них. Таким образом, цель нашей статьи состоит в применении методов литературной имагологии для выявления путей зарождения образов Кореи и корейцев в сочинениях европейских миссионеров XVI—XVII вв.

Первые сообщения о Корее и корейцах появились в Европе в середине XIII в. в отчетах П. Карпини и Г. Рубрика о путешествиях ко двору монгольского хана, в которых корейский народ фигурирует под этнонимом «соланги». Беглое упоминание Кореи под именем «Каоли» содержится также в «Книге о разнообразии мира» М. Поло конца XIII в. Из-за несовпадения в употреблении этнонимов земля солангов и Каоли не могла восприниматься как одна и та же страна. К тому же вследствие перемен в мировой политической ситуации отношения между Европой и Дальним Востоком прервались, и на следующие более чем три столетия после первых сообщений Корея исчезла со страниц европейских книг. Только в эпоху Великих географических открытий европейцы вновь появились на Дальнем Востоке, и конструирование образа Кореи началось с чистого листа благодаря миссионерам, прибывшим в Японию и Китай и собиравшим сведения о соседней стране — Корее.

С 1549 г. Франциск Ксавье и его братья по ордену иезуитов начали проповедь христианства на японской земле. Письма, в которых они отчитывались перед Европой о своей деятельности, служат подтверждением того, что уже в начальный период работы миссии им стало известно о существовании Кореи, и они даже имели надежды понести туда Слово Божие. Этим планам так и не суждено было осуществиться. Ситуация, благоприятная для миссионерской работы, резко изменилась с 1587 г., когда Тоётоми Хидэёси начал гонения на христиан и приказал иезуитам покинуть Японию. После этого иезуиты могли узнавать о Корее только из письменных источников, от японских информаторов или корейских пленников, захваченных во время Имчжинской войны (1592—1598 гг.). Исход этой войны мог повлиять на судьбу миссии, потому с самого начала японского вторжения внимание иезуитов было приковано к его ходу и прогнозам о

его завершении. Совокупность этих факторов объясняет, почему в их сочинениях Корее отведено довольно мало места.

Первое лаконичное упоминание Кореи среди европейских миссионеров принадлежит Косме де Торресу и Николао Ланцилотто (около 1548 г.): «Японцы также торгуют с другим народом, живущим дальше за Китаем, на востоке, который называется Корея. Оттуда привозят серебро и соболий мех»³. В 1571 г. Гаспар Вилела написал такие строки: «В трех днях морского пути от Японии лежит земля, которую мы издавна называли Тартарией и в которой находится еще одно большое королевство под названием Корея. Эта страна простирается севернее очень большой Китайской земли, и, как я слышал, край этой земли с противоположной стороны достигает земли под названием Великая Алемания. У тамошних людей белая кожа, они искусны в битвах и прекрасные наездники. Они сражаются верхом на лошадях луками, копьями и саблями. У них красивые длинные бороды, и они очень искусно охотятся на львов и тигров. Они охотятся на диких зверей точно так же, как мы охотимся на оленей и зайцев. Я слышал рассказы о королевстве Корея, но говорят, что на пути туда начались войны, потому мне не удалось совершить попытку попасть туда»⁴. В другом письме, датированном тем же годом, Г. Вилела добавляет, что язык корейцев «... не японский и не китайский. Они пишут китайскими иероглифами, и таким образом китайцы легко их понимают», и несколько расширяет географическое описание Кореи: «Это королевство простирается до каких-то очень высоких гор, а за этими горами живут люди белой расы, с которыми, однако, оно не имеет отношений из-за большого количества опасных диких зверей, живущих в этих горах»⁵.

Вилела не только конкретизировал географическое описание Корейского полуострова (хотя и наивно предположил, что Корея соединяется на севере с Алеманией, т. е. с Германией), но и сделал, очевидно, первую в европейской литературе попытку раскрыть национальный характер корейцев, изобразив их как народ необычайно храбрых и умелых воинов и охотников. В его описаниях Корея представлена читателю страной, отделенной высоким горным хребтом от соседей, живущей обособленной жизнью, поддерживая контакты только с ближайшими соседями. Отзывы Вилелы о Корее передают

его восхищение и уважение к мастерству корейцев во владении оружием и к отваге в охоте на хищных зверей.

Следующее по хронологии сообщение принадлежит перу отца Антонино Пренестино. Впечатления этого автора резко контрастируют с позитивной оценкой Г. Вилелы. В письме от 1578 г. А. Пренестино рассказывает о своем путешествии из Макао в Японию, когда по вине тайфуна корабль отнесло к берегам Кореи. Пассажиры и команда впали в панику, поскольку припомнили слух о другом европейском судне, недавно оказавшемся в аналогичной ситуации. Тогда местные будто бы захватили корабль и намеревались поубивать чужаков. «Корейцы, варварский и негостеприимный народ, не желают иметь сношений ни с какими другими народами. Говорят, что в прошлом португальская джонка хотела причалить там, но эти злые люди захватили судно и всех, кто был на нем, и те были счастливы, что им удалось убраться отсюда, не будучи сожженными заживо»⁶. Присутствие черных красок в описании А. Пренестино можно объяснить тем, что к стрессовому состоянию автора, который еще не успел прийти в себя после пережитого страшного тайфуна, добавился еще и ужас, навеянный слухами о жестокости не известного ему народа.

Многие из европейских проповедников не исполнили приказ Тоётоми Хидэёси о том, что они должны покинуть Японию, и продолжали свою деятельность втайне, пользуясь поддержкой местных феодалов. Один из таких миссионеров по имени Грегорио Сеспедес стал первым выходцем из западного мира, оставившим письменные свидетельства о своем визите в Корею.

Г. Сеспедес прибыл в Корею в конце 1593 г., во время Имчжинской войны. Он сопровождал одного из главнокомандующих японской армии — Кониси Юкинага, который был католиком. О своем пребывании в Корее Сеспедес написал несколько писем, но его впечатления от страны ограничиваются лишь упоминанием о чрезвычайно холодной погоде: «Холод в Корее очень суровый и не идет ни в какое сравнение с Японией. Целыми днями мои руки и ноги наполовину онемевшие, а по утрам я едва могу пошевелить руками, чтобы служить мессу...»⁷. Война лишила его шансов контактировать с местным населением и познавать местные реалии, ведь отец при-

был в Корею с агрессорами и не мог свободно перемещаться по стране.

Наиболее полное описание Кореи и характера корейского народа находим в труде Луиса Фройса⁸ «История Японии»⁹. Написание этой книги стало делом всей его жизни и продолжалось приблизительно в 1583—1595 гг. Объемное произведение включает разнообразные сведения, касающиеся многих аспектов японской жизни, успехов и проблем миссионеров в Японии. Ценность «Истории Японии» как исторического источника состоит в огромном объеме сведений об обычаях и политике дальневосточных стран, собранных западным составителем. Нельзя обойти вниманием и выдающиеся литературные качества этого произведения. В главах, посвященных Имчжинской войне, наряду с географическими описаниями Кореи присутствуют эмоционально и художественно выписанные повествования о битвах и их участниках.

В книге Л. Фройса сообщается, что Корея состоит из восьми провинций, что она платит дань Китаю и пользуется китайской письменностью, религией и моралью (при этом отмечается, что китайцы побаиваются корейцев), а с северными народами ведет частые войны, в которых одерживает победу. Количество японских купцов, которым дозволяется прибывать на материк, строго ограничено, и их не допускают в глубь страны. Корея богата продуктами сельского хозяйства, такими как рис и пшеница, различные фрукты, мед, рабочий скот, шелк и хлопок. Писатель похвально отзывается о совершенстве корейских ремесленных изделий, в частности плетенных из соломы циновок, а особенно — мастерски сшитой одежды¹⁰.

В сочинении Л. Фройса складывается образ страны-отшельницы, намеренно избегающей контактов с внешним миром, кроме ограниченных связей с Китаем и Японией. Положение про добровольное отчуждение корейского народа от остального мира он иллюстрирует примером, позаимствованным из письма А. Пренестино про агрессивность корейцев к чужеземцам¹¹. Чувствуется удивление автора таким положением вещей, ведь он был осведомлен о том, что Корея богата ресурсами и изделиями высшего качества, т. е. имеет незаурядный потенциал для успешной международной коммерции.

Некоторые другие подробности Л. Фройс тоже мог позаимствовать из сведений, накопленных коллегами-миссионерами. Так, сообщение о чрезвычайном холоде отсылает нас к письму Г. Сеспедеса, который жаловался на корейские морозы. Описание национальных черт корейцев у Л. Фройса («У людей белая кожа, они активны, много едят и очень сильны»), упоминания об успехах в военном деле и охоте на тигров¹² совпадают с характеристикой Г. Вилелы. Такая деталь, как белый цвет кожи, встречающаяся у обоих авторов, помогает в некотором смысле приблизить корейцев к европейцам, избежать подчеркивания расовых и культурных отличий, настраивая читателя на доброжелательное отношение к Корее как к равноправному субъекту, а не как к стране язычников-дикарей.

Главы об Имчжинской войне иллюстрируют характеристику корейского народа конкретными примерами из жизни.

По Э. Гуссерлю, «чужое» мыслится человеком как аналог или модификация своего собственного¹³. Встреча с непознанным объектом вызывает необходимость классифицировать новое с помощью привычных категорий, таким образом уменьшая чужеродность этого объекта. Проведение аналогий с собственным опытом и менталитетом позволяет облегчить восприятие чужой культуры.

На наш взгляд, главам из «Истории Японии», посвященным войне, присущи некоторые примечательные черты европейского рыцарского романа, т. е. вспомогательным инструментом для вынесения суждений о корейцах Л. Фройсу послужила категория рыцарских идеалов, игравшая в европейской культуре важную роль.

Основные рыцарские добродетели состояли в мужестве, чувстве чести, преданности правителю (сеньору), желании бороться со злом, соблюдении обетов и правдивости¹⁴. Л. Фройс приводит следующие примеры, в которых легко прослеживается большинство из перечисленных признаков рыцарского поведения.

Чтобы избежать обвинения в трусости, достойные корейские воины сознательно подвергают себя риску, защищая государство и собственную честь: «Заметив, что японские солдаты настойчиво лезут по крепостным стенам, часть корейцев, стоявших на стенах сверху, спрыгнули вниз в ров, чтобы не пустить нападающих. ... Выдающиеся командиры и рядовые корейские солдаты с необычайной вер-

ностью своему королю почти все сражались насмерть, и только немногие выжили и попали в плен. Первым среди корейских солдат погиб в бою их главнокомандующий»¹⁵. В другом случае захваченный в плен корейский командир высокого ранга категорически не соглашался навредить своей чести и знаками просил японцев как можно быстрее отрубить ему голову. Его желание было исполнено¹⁶. Эпизоды о показном принесении жизни в жертву призваны возвысить доблесть корейских военных в глазах читателя.

Корейские аристократки не уступают мужчинам в ревностной заботе о своей чести в оккупированных крепостях и в плену, проявляя при этом незаурядную изобретательность: чтобы скрыть свою красоту, они пачкают лица сажей и одеваются в лохмотья. Молодую вдову, племянницу корейского короля, взяли в плен. На пути в Японию она неустанно сопротивлялась, а когда ее доставили к Тоётоми Хидэёси, начала настолько горько плакать, что вызвала у сурового правителя сочувствие. Он приказал отправить женщину домой. «...корейские женщины известны своей чистотой, верностью и осторожностью», — подчеркивает Л. Фройс¹⁷.

Однако прославление принципиальности и храбрости корейцев у автора ограничивается исключительно примерами людей из элитарных групп. Как и в типичных рыцарских романах, в «Истории Японии» нет персонажей низкого социального статуса, которые совершали бы подвиги. В парадигме мышления того времени честь, слава и высокие моральные стандарты рассматривались как привилегии аристократии. Крестьяне, как считалось, жили ради труда и служения господам и были не способны проявлять героизм¹⁸. Простой народ руководствуется низкими личными интересами, а не понятиями благородной гордости, потому трусость и даже склонность к предательству у рядовых солдат и крестьян условно признаются допустимыми чертами.

В критической ситуации напуганные солдаты пускаются наутек и предпочитают утопиться в реке, а не сражаться с врагом. Жители столицы радушно принимают завоевателей, предлагая им продукты и свои услуги¹⁹. Л. Фройс оправдывает поступок столичных жителей тем, что корейский король, отправляясь в эвакуацию, приказал сжечь все продуктовые склады, чтобы припасы не попали в руки

врагов. Обреченные вскоре умереть от голода люди надеялись получить спасение от японской армии.

В описаниях Кореи католических миссионеров, пребывавших в Японии в XVI в., можно выделить два ключевых аспекта. Страноведческий план повествования состоит в попытках точнее определить расположение Кореи на карте мира, охарактеризовать ее отношения с соседями и перечислить имеющиеся там ресурсы, что могло послужить для прагматической оценки перспективности освоения этой страны европейцами. С другой стороны, авторы рисуют национальный портрет корейского народа, оперируя понятиями многовековой европейской традиции рыцарства. При этом они приходят к выводу, что среди корейской элиты немало достойных уважения людей, и таким образом создают в целом привлекательный образ Кореи, подкрепленный высокой оценкой военной силы корейцев, которым удалось победить японских завоевателей, и похвалами в адрес ремесленников. Вероятно, что иезуиты были заинтересованы в конструировании позитивного образа Кореи в сознании европейцев, чтобы обеспечить в будущем поддержку миссионерской работы в этой стране от папы и европейских правителей.

Письма иезуитов, несмотря на свой характер официальных документов, публиковались в специальных сборниках, выходивших на нескольких европейских языках. Кроме того, корреспонденции, в которых упоминается Корея, были использованы в качестве материала при составлении таких популярных в свое время трактатов, как «Выдающиеся морские путешествия» Ричарда Хаклюйта, «История миссий» Луиса де Гусмана, «Путешествия Перчаса» Самюэла Перчаса²⁰. Благодаря этим изданиям знания о Корее распространялись среди европейских интеллектуалов, однако мы можем предположить, что обрывочные сообщения о Корее в этих книгах терялись из виду среди огромного объема другой более актуальной информации. Монументальная «История Японии» Л. Фройса вообще не была известна современникам, поскольку даже не попала в Европу, а хранилась в Макао до середины XVIII в., но публикация книги состоялась только в XX в.

Итак, миссионеры, служившие в Японии в XVI в., были заинтересованы в изучении Кореи и преимущественно доброжелатель-

но настроены к ней. Но, к сожалению, нельзя сказать, что их сочинения оказали существенное влияние на формирование мнения о Корее в Европе, в отличие от трудов их коллег, пребывавших в Китае.

Деятельность иезуитов в Китае, развернутая Маттео Риччи в конце XVI в., открыла Европе широкие возможности для аккумуляции знаний о Дальнем Востоке. Миссионеры оставили весомое научно-литературное наследие, в котором представили современникам не только Китай, но и его периферийных соседей, в том числе Корею. Однако позиция, с которой они подходили к Корее, существенно отличалась от точки зрения авторов, рассмотренных выше. Работая в Китае, иезуитские миссионеры руководствовались принципами так называемой политики аккомодации, состоявшей в максимальном их погружении в китайскую культуру. Они прикладывали немало усилий для того, чтобы выглядеть и рассуждать, как китайцы, намереваясь разрушить барьер между собой и китайцами и упростить процесс передачи своей религии. Выдающиеся представители миссии, овладев местным языком, получали доступ к китайским философским и историческим произведениям и приближались к китайскому взгляду на мир²¹.

В трактате М. Риччи «История христианских экспедиций в Китай, совершенных Обществом Иисуса»²², впервые опубликованном под редакцией и с дополнениями Николя Триго в 1615 г., Корея изображена как слабая в военном отношении страна, не способная обороняться от японских агрессоров собственными силами и потому вынужденная ожидать военной помощи от своего сюзерена. При этом заслуга победы в Имчжинской войне полностью приписывается Китаю. Для защиты Кореи от захватчиков китайский император собирает огромные армию и флот, из-за чего государственная казна оказывается полностью разоренной²³. Свидетельством культурной неполноценности Кореи, по мнению этих авторов, является, в частности, использование корейцами иероглифики²⁴.

В «Китайской империи» Алвару Семеду²⁵, «Тартарских войнах» и «Новом атласе Китая» Мартино Мартини²⁶ уделяется пристальное внимание драматическим перипетиям первой половины XVII в., когда власть переходила от китайской династии Мин к маньчжурской

династии Цин, и на этом фоне помещены упоминания о маньчжурских вторжениях в Корею в 1627 и 1636 гг.

А. Семеду несколько раз вскользь говорит о Корее, сообщая, что тамошние похоронные обряды и суеверия схожи с китайскими. Он показывает Корею как незначительное малое государство, которое в прошлом не справилось собственными силами с нападением японцев, а теперь оказалось между двумя могущественными державами и не может определиться, кого из них ей выгоднее поддерживать, и потому платит дань одновременно и Мин и Цин²⁷.

Наиболее основательно Корея представлена в трудах М. Мартини. Он подкрепляет тезис о несамостоятельности Кореи, приводя в «Новом атласе Китая» исторический очерк, излагающий китайскую версию об основании древнего корейского государства Чосон Ци-цзы, родственником полумифического китайского императора Чжао. Поэтому, утверждает М. Мартини, с древнейших времен Корея находилась под контролем Китая, и корейские правители обязаны были просить у китайского императора благословения перед вступлением на трон²⁸.

«Тартарские войны» содержат дополнительную интересную деталь: корейское государство признало себя вассалом маньчжуров при условии, что те не будут принуждать корейских мужчин носить прически по маньчжурскому обычаю (т. е. брить голову, оставляя сзади длинные волосы, которые заплетали в косу). Вскоре, когда завоеватели нарушили свое обещание и стали настаивать на бритье голов, в Корее началось большое восстание, послужившее поводом для повторного вторжения²⁹. Мы склоняемся к мысли, что этим эпизодом М. Мартини намеревался проиллюстрировать не стремление корейского народа отстаивать свою национальную честь, а его преданность своему сюзеру — китайской династии Мин. Корея, вынужденная формально признать себя данником Цин, тем не менее требует права сохранять внешние признаки принадлежности к китайской цивилизации.

В «Новом атласе Китая» М. Мартини, единственный автор среди миссионеров в Китае, приводит обстоятельное страноведческое описание Кореи, в некоторых пунктах идентичное с данными Л. Фройса. Корея в труде показана как плодородная страна, где в

изобилии растут рис и пшеница, а также женьшень и разные фрукты, а особенно груши. Там находят золотые жилы. Как и Фройс, он свидетельствует, что корейские ремесленные изделия (бумага и кисти для письма) очень хорошего качества, за что высоко ценятся в Китае. Корея густо населена, в ней множество городов. Но, несмотря на все это, она не желает иметь отношения с иностранцами, кроме китайцев и японцев.

М. Мартини не забывал и о том, что, хотя во многих аспектах Корея копировала китайский стиль жизни, существовали и отличия между двумя странами. Например, он отмечает, что корейские женщины наделены относительной свободой передвижения и поведения, в отличие от китайских женщин, обреченных на отшельничество внутри дома, а также объясняет некоторые особенности брачных и похоронных обрядов³⁰.

Безусловно, описание Кореи М. Мартини не совсем точное, ведь автор, как и остальные католические писатели (за исключением Г. Сеспедеса), не бывал в Корее лично и не изучал оригинальные корейские источники. Однако именно этот отрывок из «Нового атласа Китая» стал наиболее широко распространенным источником информации о стране среди всех иезуитских материалов. Данный фрагмент брали за основу или дословно переводили многие авторитетные научные деятели: Иоганн Нейгоф, Николай Спафарий, Николаас Витсен, Христиан Николай фон Винцгейм, Жан-Батист Дюгальд, Уильям Уинтерботам³¹. Можно утверждать, что не кто иной как М. Мартини определил основные черты образа Кореи на следующие два столетия вплоть до ее открытия западными державами во второй половине XIX в.

Образ Кореи в текстах иезуитов в Китае в основном является копией образа, смоделированного китайскими авторами. Упоминаниям Кореи в их работах недостает личных впечатлений и субъективных оценок, в них также никак не проявляется влияние западного менталитета. Проживая в Китае, иезуитские авторы принимали Китаецентрическую точку зрения и изображали Корею как подчиненное периферийное государство, не имеющее собственной национальной идентичности и во всем ориентирующееся на китайскую цивилизацию.

Сочинения иезуитов в Китае выдерживали множество изданий на разных языках, что объясняется постоянным возрастанием интереса к Китаю в Европе, и в русле этого процесса в западный мир попадала информация о Корее, хотя и сильно ограниченная, добытая опосредованным путем и выставленная в свете синоцентрической идеологии. Хотя Корея была непосредственной участницей войн с маньчжурами, взгляды писателей были прикованы к Китаю, который считался главным действующим лицом на исторической сцене. Потому Корея, сателлит и вассал Китая, упоминалась только коротких упоминаний вскользь и не становилась предметом специальных исследований.

Примечания

¹ Cory R. M. Some Notes on Father Gregorio de Cespedes, Korea's First European Visitor // Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. XXVII. 1937; Gompertz G. St. G. M. Some Notes on the Earliest Western Contacts with Korea // Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. XXXIII. 1957; Lach D. F. Asia in the Making of Europe, Volume I: The Century of Discovery. Book 2. Chicago, 1994; Cheong Sung-hwa, Lee Kihan. A Study of 16th-Century Western Books on Korea: The Birth of an Image // Korea Journal. Vol. 40. No.3. 2000; 오인동. 꼬레아, 코리아: 서양인이 부른 우리나라 국호의 역사. 서울, 2008; Cheong Sung-hwa. Accounts on Korea by Jesuit Missionaries in China during the First Half of the 17th Century. — URL: <http://cheongsunghwa.blogspot.com/2010/06/accounts-on-korea-by-jesuit.html>; 김학준. 서양인들이 관찰한 후기 조선. 서울, 2010.

² Medina J. G. R. de. The Catholic Church in Korea: its origins, 1566—1784. Rome, 1991; 정하미. 세스페데스 신부의 행적과 준관구 일본 - 서양인의 地理認識과 異域 // 일본근대학연구. 19권 2008.

³ Цит. по: Medina. 1991. P. 58.

⁴ Цит. по: 정하미. 2008. P. 14.

⁵ Цит. по: Medina. 1991. P. 200.

⁶ Цит. по: Medina. 1991. P. 39.

⁷ Цит. по: Cory. 1937. P. 44.

⁸ Прим. ред.: в русской транскрипции этот автор часто фигурирует как Луиш Фроиш.

⁹ Frois L. Historia de Japan.

¹⁰ 프로이스 루이스. 임진난의 기록. 루이스 프로이스가 본 임진왜란. 파주, 2008. P. 38, 45—48.

¹¹ 프로이스. 2008. P. 47.

¹² 프로이스. 2008. P. 46—47.

¹³ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 65.

¹⁴ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. М., 1987; Руа Ж. Ж., Мишо Ж. Ф. История рыцарства. М., 2007.

¹⁵ 프로이스. 2008. P. 54—55.

¹⁶ 프로이스. 2008. P. 67.

¹⁷ 프로이스. 2008. P. 55.

¹⁸ Хёйзинга Й. Осень Средневековья: Соч. в 3-х тт. Т.1. М., 1995. С. 66.

¹⁹ 프로이스. 2008. P. 67—69.

²⁰ Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques and the discoveries of the English nation, made by sea or over-land, to the remote and farthest distant quarters of the earth, at any time within the compasse of these 1600 years. London, 1598—1600; Guzman L. Historia de las misiones que han hecho los religiosos de la Compania de Jesus: para predicar el sancto Evangelio en la India oriental y en los reynos de la China y Japon. Alcalá, 1601; Purchas S. Hakluytus posthumus or Purchas his Pilgrimes: containing a history of the world in sea voyages and lande travells by Englishmen and others. London, 1625.

²¹ Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Матео Риччи и другие (1552—1775 гг.). М., 2000.

²² Ricci M., Trigault N. De Christiana expeditione apud Sinas suscepta ab Societate Jesu. 1615.

²³ Ricci M., Trigault N., Riquebourg-Trigault D. F. Histoire de l'expedition chrestienne au royaume de la Chine. De Rache, 1617. P. 243, 286, 299, 321.

²⁴ Ricci, Trigault, Riquebourg-Trigault. Op. cit. P. 22.

²⁵ Semedo A. Imperio de la China. 1642.

²⁶ Martini M. Bellum Tartaricum. 1654; Martini M. Novus Atlas Sinensis. 1655.

²⁷ Semedo A. The history of that great and renowned monarchy of China. London, 1655. P. 76, 93, 97, 105.

²⁸ Martini M. Novus Atlas Sinensis. URL: <http://www.hendrick-hamel.henny-sa-venije.pe.kr/Martinoe.htm>

²⁹ Martini M. Bellum Tartaricum // The history of that great and renowned monarchy of China. London, 1655. P. 298.

³⁰ Martini M. Novus Atlas Sinensis. URL: <http://www.hendrick-hamel.henny-savenije.pe.kr/Martinoe.htm>

³¹ Nieuhof J. Het gezantschap der Neerlandtsche Oost-Indische Compagnie aan den grooten Tartarischen Cham, den tegenwoordigen keizer van China. 1665; Спафарий Н. Описание первой части Вселенной, иже именуемой Азией, в ней же состоит китайское государство с прочими его городами и провинциями; Witsen N. Noord en oost Tartarye. Amsterdam, 1705; Винсгейм Х. Н. Краткая политическая география. СПб., 1745; Du Halde J.-B. Description géographique, historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise. 1736; Winterbotham W. An historical, geographical, and philosophical view of the Chinese Empire. London, 1795.

А.И. Шарафетдинова *

ПОДПИСАНИЕ АМЕРИКАНО-КОРЕЙСКОГО ДОГОВОРА 1882 ГОДА И УРОКИ ДЛЯ КОРЕИ

США с середины XIX в. вступили в борьбу капиталистических держав за получение колониальных концессий и расширение сфер своего влияния в Азии, в первую очередь за счет Кореи, используя принцип «наиболее благоприятствуемой нации», равнозначный «политике открытых дверей».

Документальные источники свидетельствуют, что Соединенные Штаты строили планы по открытию корейских портов уже в первой половине XIX в. Нам удалось установить, что еще в 1834 г. дипломат Эдмунд Робертс высказал предположение, что одним из преимуществ установления торговых связей с Японией является возможность установления торговых связей с Кореей¹.

Приблизительно десятилетие спустя, 15 февраля 1845 г. конгрессмен, председатель комитета палаты представителей по военным делам Зэдок Пратт выступил с докладом, в котором содержалась рекомендация принять немедленные меры к установлению тор-

* Шарафетдинова Алина Исмаиловна, аспирантка Института востоковедения РАН. E-mail: alin5sep@hotmail.com

говых отношений с Японией и Кореей. В докладе были представлены статистические данные, собранные во время американской экспедиции в Китай². В 1866 г. госсекретарь США У. Сьюард получил от американского представителя в Пекине А. Бэрлингэма важное донесение о том, что Китай объявил Корею независимой во внутренних и внешних делах. Именно тогда, как считают американские историки, сформировались благоприятные условия для рассмотрения вопроса о заключении договора³. Этому способствовало и то обстоятельство, что американские торговые суда уже подходили к восточному побережью Кореи в 1855 и 1865 гг., и тогда они были доброжелательно встречены местным населением⁴.

Инциденты, связанные с уничтожением в 1866 г. американской шхуны *General Sherman* и с военно-морской экспедицией в 1871 г., обратили пристальное внимание держав на Корейский полуостров. Опасаясь ответственности за поведение корейцев, пекинское правительство в то время поспешно отказалось подтвердить свой сюзеренитет над Кореей. На требование о компенсации за казнь французских миссионеров представителю Франции в 1866 г., а впоследствии — и посланнику Соединенных Штатов, был дан ответ, что корейское государство совершенно самостоятельно во всем, что касается внутреннего управления и сношений с иностранцами, и «связь между обеими странами не выходит за рамки церемоний»⁵.

Под влиянием грозившего в 1880 г. Китаю столкновения с Россией (когда, не согласившись с условиями Ливадийского договора о возвращении Илийского края, Китай призвал к войне с Россией, на что в ответ русское правительство увеличило сухопутные силы у его западных границ)⁶ взгляды китайского правительства в отношении вассального статуса Кореи значительно изменились. Поняв важное стратегическое положение Кореи и желая обеспечить будущее сопредельной с ней Маньчжурии, китайцы пришли к убеждению, что вступление Кореи в сношения с иностранцами станет гарантией неприкосновенности полуострова, увеличит заинтересованность западноевропейских держав в сохранении независимости Кореи. Стало очевидно, что Китай желает поставить себя в такое положение, чтобы, смотря по обстоятельствам, воспользоваться своими верхов-

ными правами и в то же время снять с себя ответственность (за действия Кореи)⁷.

Американско-корейский договор 1882 г. был подписан при содействии Китая, пытавшегося использовать США в качестве противовеса Японии в Корее. Политика Китая вызвала отрицательную реакцию российского правительства, отношения которого с Кореей имели давнюю историю: по свидетельству «Пекинских дневников» корейских посланников, первые русско-корейские контакты в Пекине состоялись уже в первой половине XVIII в.⁸ Однако Россия предпочитала не входить в официальные отношения с Кореей до того, как это сделают другие державы, и считала для себя выгоднее, чтобы та оставалась «замкнутой страной», так как установление Кореей дипломатических и торговых отношений с западными державами только усилит их проникновение в страну, но не положит конец видам на нее Японии.

Контр-адмирал Роберт У. Шуфельдт (R. W. Shufeldt), подписавший американско-корейский договор 1882 г. со стороны США, впервые увидел Корею в 1867 г., когда, командуя американским военным судном «Вачусет», был отправлен туда для расследования гибели «Генерала Шермана». Поездка не принесла результатов, и в 1871 г. была предпринята военная экспедиция, цель которой состояла в том, чтобы добиться наказания виновных и заключить с Кореей дружественный договор либо соглашение об оказании помощи американским подданным, потерпевшим кораблекрушение у корейских берегов. Экспедиция, в которой участвовало пять военных судов, кончилась разрушением трех фортов в устье Хангана.

Командуя в 1880 г. в чине коммодора фрегатом «Тайкондерога», Шуфельдт два раза посетил порт Пусан, где он, при посредстве японского консула, старался вступить в сношения с местными властями с целью узнать, насколько местное правительство расположено заключить договор и открыть страну для иностранной торговли. Однако корейцы уклонялись от подобных переговоров, и письмо, написанное Шуфельдтом королю Кореи, не было принято. Достоверно известно, что японцы, первыми заключив договор с Кореей в 1876 г., предприняли все меры, чтобы помешать ее контактам с дру-

гими иностранными державами, и что Шуфельдт был вызван Ли Хунчжаном, чтобы заключить американский договор с Кореей и тем самым нейтрализовать исключительное японское влияние⁹. В 1881 г. Шуфельдт приехал в Пекин и при содействии Ли Хунчжана вступил с приехавшими из Кореи сановниками в переговоры, которые в итоге в мае 1882 г. привели к заключению договора¹⁰.

Договор о мире, дружбе, торговле и навигации между Соединенными Штатами Америки и Королевством Корея из 14 статей был подписан Р. Шуфельдтом и двумя корейскими представителями — Ким Юн Сиком и О Юн Джуном 12 мая 1882 г. в Чемульпо (нынешний Инчхон) и ратифицирован 19 мая 1883 г.

В современной американской историографии этот договор принято называть «договор Шуфельдта», или «договор Чемульпо», тем самым преуменьшая его значение как межгосударственного акта. Согласно документам госдепартамента, США заключили договор с Кореей, не имея там особых интересов, за исключением необходимости обеспечения жизни и имущества потерпевших кораблекрушение моряков и заодно открытия корейских портов для американской торговли.

В интерпретации американского историка Т. Деннета, договор «отражал общую политику американского правительства» и являлся всего лишь «инструментом, затянувшим Корею в океан интриг», самим же американцам было «не под силу контролировать ситуацию на полуострове»¹¹. Стоит принять во внимание подробное изложение обстоятельств подписания договора Ч. О. Поллином в статье «Открытие Кореи» на основе документов Военно-морского департамента Соединенных Штатов, согласно которому госсекретарь США Ф. Фрелингаузен предписывал Шуфельдту подписать конвенцию о кораблекрушениях, предостерегая от «достижений более значимых успехов»¹². К тому же к моменту подписания документа Шуфельдт не имел официальных инструкций и, не дожидаясь указаний правительства, действовал, как сказали бы в наши дни, согласно сложившимся обстоятельствам.

Шуфельдт не только достиг поставленной задачи, но и добился у корейского правительства новых уступок. Договор носил неравноправный характер, включая статьи об экстерриториальности и кон-

сульской юрисдикции. США получали права наиболее благоприятного государства. Тем не менее он не был односторонним и содержал некоторые выгодные для Кореи статьи, прежде всего о разрешении подданным Кореи, выезжающим в США, находиться там, арендовать помещения, покупать землю или строить резиденции и склады во всех частях страны (ст. VI), о запрете ввоза опиума в страну (ст. VII), торговле женьшенем и об установлении временного запрета на экспорт риса и других злаков, «когда правительство Чосен будет иметь основание опасаться недостатка продуктов питания в пределах королевства». Полностью запрещался вывоз риса и злаков через порт Инчхон (ст. VIII). Студентам, выезжающим в США для изучения языка, литературы, законов, искусств, должна была оказываться всевозможная помощь и защита (ст. XI)¹³.

Согласно договору, ввозные пошлины на американские товары устанавливались на уровне 10—30 %, что в будущем могло позволить Корее защитить свою промышленность от иностранной конкуренции. Данное условие не удалось включить в следующий англо-корейский договор (1883 г.), так как торговавшие со странами Дальнего Востока британские торговые фирмы заявили решительный протест, предупреждая, что выгодные для Кореи тарифы на импорт могут создать прецедент, которым воспользуется впоследствии и Китай в утверждении протекционистских таможенных пошлин. В договоре с основным экспортером промышленных товаров на Дальний Восток — Великобританией — были установлены тарифы на ввоз британской продукции в размере 5—20 %. Это означало провал попыток Кореи проводить протекционистскую политику в отношении собственной промышленности¹⁴.

В тексте договора отсутствовало упоминание о какой-либо форме зависимости Кореи от Китая, что позволило в дальнейшем американским дипломатам оказывать противодействие китайским претензиям.

В отчете Шуфельдта, помещенном в первом номере «Кориэн рипозитори», сообщалось, что в 1880 г. он при содействии тогдашнего госсекретаря Дж. Блэйна был назначен военно-морским атташе в американское посольство в Китае для исполнения секретного поручения заключить договор с Кореей¹⁵. Проект договора готовил-

ся полгода. Камнем преткновения стало то, что по первоначальному проекту китайцы хотели поместить в договоре статью о вассальных отношениях Кореи по отношению к Китаю, но вследствие решительного отказа американского уполномоченного статья не была включена. В качестве компромиссного решения адмиралу, а впоследствии — и уполномоченным других держав, была вручена бумага, в которой указывалось, что Корея находится в зависимости от Китая¹⁶.

Военно-морской атташе Дж. Фулк в своем докладе 7 декабря 1884 г. отмечал важную роль в подписании договора прокитайски настроенного правящего корейского фамильного клана Мин. С его слов, король и прогрессивно настроенные корейцы смотрели на американский договор как на первый клин в отношениях между Кореей и Китаем, который, по крайней мере в политических вопросах, освободил Корею от подавляющего влияния Китая и был воспринят ими с большой радостью. Зная, как новый статус Кореи будет воспринят за рубежом, в стране опасались, что американский договор никогда не будет ратифицирован. Не случайно приводятся слова о том, что «король танцевал с радостью, когда прибыл первый американский дипломат»¹⁷.

Позднее, в 1888 г., не решенный в полной мере при подписании договора вопрос о независимости Кореи от Китая станет предметом прений в американском сенате. Поводом послужил так называемый меморандум Денни, переданный сенатору Митчеллу. Описывая политическое положение Кореи по отношению к Китаю и другим иностранным державам, заключившим с корейским правительством дружественные договоры на правах равенства, и приведя все факты, подтверждающие, что на основании принятых всеми цивилизованными народами принципов международного права Корея есть государство самостоятельное, американский дипломат О.Н. Денни (в 1886 г. он был назначен советником короля Кочжона именно по рекомендации Ли Хунчжана, но, вопреки воле последнего, не всегда был проводником интересов Китая во внешней политике Кореи)¹⁸ высказывал опасение, что в результате вмешательства Китая может совершиться поглощение им Кореи. Целью меморандума Денни являлось привлечение внимания к действиям Юаня и пекинского пра-

вительства, не отозвавшего своего представителя из Сеула даже после того, как он был уличен в заговоре против короля¹⁹.

Интересно, что в 1888 г. министр иностранных дел России Н.К. Гирс в письме Поверенному в делах и Генеральному консулу в Сеуле К.И. Веберу выражал сомнение насчет готовности правительства Соединенных Штатов оказать Корею действительную помощь, если бы последняя очутилась в затруднительном положении²⁰. Он отмечал, что, дорожа своими торговыми интересами в Китае, западные державы не решатся встать в этом вопросе в явное противоречие с китайским правительством лишь из-за того, чтобы угодить Корею, которая при своей бедности представляется мало привлекательной для европейских промышленников, ищущих выгодные рынки. Со слов министра, «если вашингтонский кабинет в 1887 г. и взглянул иначе на настоящее дело и поручил посланнику своему в Пекине заявить министрам богдохана о том, что федеральное правительство признает за Кореей право иметь собственных дипломатических представителей, то из хода дел следует, что заявление это осталось без всякого влияния на образ действий китайского правительства и несколько не ослабило его противодействия». Гирс в сообщении Веберу выражал уверенность, что в деле защиты права Кореи на ее собственное представительство «вашингтонский кабинет не пойдет далее декларации представлений, к каковым Китай относился с полным равнодушием»²¹. Правда его суждений впоследствии подтвердится.

Последовавшее в результате японо-китайской войны усиление японского влияния на Корейском полуострове отвечало американским внешнеполитическим интересам в Тихоокеанском регионе, которые противоречили интересам Китая и России. Корейское правительство до момента полной утраты страной независимости рассчитывало на поддержку со стороны Соединенных Штатов, расценивая договор Шуфельдта как свидетельство готовности американского правительства прийти на помощь. В период с сентября 1904 г. по декабрь 1905 г. корейское правительство направило в администрацию Рузвельта шесть обращений о предоставлении по договору «добрых услуг», но они не встретили отклика²².

Соединенные Штаты, первые установившие дипломатические отношения с Кореей, первыми закрыли свою дипломатическую

миссию в Сеуле в 1905 г. Позднее Т. Рузвельт заявил: «Корея абсолютно принадлежала Японии. Корея сама не была способна настаивать на исполнении договора. Более того, договор основывался на ошибочном предположении, что Корея способна управлять собой»²³.

Таким образом, корейский суверенитет, подтвержденный первым американо-корейским договором, станет «разменной монетой» в дальневосточной политике американской дипломатии. Попытки американских историков в оправдание действий своего правительства в отношении Кореи поставить в вину корейским властям неверное истолкование юридических понятий «добрые услуги» и «вмешательство» не представляются убедительными.

Дисбаланс между ожиданиями корейской стороны и интересами США привел к диспропорции в американо-корейских отношениях. Урок подписания американо-корейского договора состоит в том, что руководству нынешней Кореи в интересах сохранения собственной безопасности следует стремиться, прежде всего, к усилению собственного экономического и внешнеполитического положения для поддержания более симметричных отношений с другими государствами в регионе.

Примечания

¹ Griffis, W.M. Elliot D.D. Edmund Roberts, our first envoy to Japan. // New York Times. — Aug. 6, 1905. — P. 22.

² Capen Nahum Biography of Zadock Pratt, of Prattsville, NY. NY, 1852. P.183. [Electronic resource] / The New York public library. Mode of access : URL: <http://archive.org/details/biographyofzadoc00cape>

³ Lee, Yur-Bok A Korean View of Korean-American Relations, 1866—1910 / Yur-Bok Lee and Wayne Patterson, eds. Korean-American Relations 1866—1997. Albany, NY: State University of New York Press, 1999. P. 14.

⁴ Kang, Woong Joe The Korean Struggle for International Identity in the Foreground of the Shufeldt Negotiation, 1866—1882. Lanham, MD: University Press of America, 2005. P. 6.

⁵ Nelson, M.F. Korea and the old orders in Eastern Asia. Baton Rouge: Louisiana State University, 1945. P. 130.

⁶ Широкопад А. Б. Конфликт на стыке трех империй / А.Б. Широкопад // Россия — Англия: неизвестная война, 1857—1907. М., 2003. С. 111.

⁷ Донесение временного поверенного в делах в Пекине Ладыженского министру иностранных дел Гирсу. 26 мая 1886 г. // АВПРИ. Ф. Яп. стол. Оп. 493. Д.1. Л. 93—94.

⁸ Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 2004. С. 41.

⁹ Донесение управляющего русской миссией в Сеуле П. А. Дмитриевского товарищу министра иностранных дел Н. П. Шишкину. 11 (23) декабря 1892 г. // АВПРИ. Ф. Яп. стол. Оп. 493. Д. 3. Л. 158.

¹⁰ Донесение российского поверенного в делах в Сеуле Вебера директору Азиатского департамента МИД Зиновьеву. Сеул, 22 января 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д.1. Л. 195.

¹¹ Dennett, Tyler. Americans in Eastern Asia: a critical study of the policy of the United States with reference to China, Japan and Korea in the Nineteenth century. NY, 1922. P. 461—462.

¹² Paullin, C.O. The Opening of Korea by Commodore Shufeldt // Political Science Quarterly. Sep., 1910. Vol. 25. No. 3. P. 470—499.

¹³ С полным текстом американо-корейского договора можно ознакомиться в «Описании Кореи» (сокращ. переизд. под ред. И. С. Казакевича. М., 1960. С. 502—506).

¹⁴ Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи. Том 1. С древнейших времен до 1904 года. М., 2011. С. 396.

¹⁵ Appenzeller, H. G. The opening of Korea // The Korean repository. Jan.-Dec., 1892. Vol. 1. P. 57.

¹⁶ Донесение поверенного в делах в Сеуле Вебера министру иностранных дел Гирсу. 21 сентября 1887 г. // АВПРИ. Ф. Яп. стол. Оп. 493. Д. 1. Л. 334.

¹⁷ Foulk, George C. Report of information relative to the revolutionary attempt in Seoul, Corea, December 4—7, 1888. [Electronic resource] / Foreign Relations of the United States (FRUS). Corea. 1885—1886. P. 335—340. Mode of access : URL: <http://history.state.gov>

¹⁸ Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: ИВ РАН, 2004. С. 31.

¹⁹ Донесение Вебера Гирсу, 3 августа 1888 г. // АВПРИ. Ф. Яп. стол. Оп. 493. 1892 г. Л. 101—102.

²⁰ Копия с весьма секретной депеши министра иностранных дел Поверенному в делах и Генеральному консулу в Сеуле, 25 июля 1888 г. // АВПРИ. Ф. Яп. стол. Оп. 493. 1892 г. Л. 95.

²¹ Там же. Л. 96.

²² Patterson, Wayne. Duality and Dominance: A Century of Korean-American Relations / Yur-Bok Lee, Wayne Patterson, eds. One Hundred Years of Korean-American Relations, 1882—1982. Mobile, AL: The University of Alabama Press, 1986. P. 21.

²³ Brown, Arthur Judson. The mastery of the Far East. NY, 1919. P. 201.

А.М. Пастухов*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАЧАЛА ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В КОРЕЮ ЛЕТОМ 1894 Г.

Географическое положение стран Корейского полуострова делает их постоянным заложником текущей геополитической ситуации. Не секрет, что ключом к этой нестабильности является политическое влияние на правительства КНДР и Республики Корея со стороны окружающих полуостровов сильных держав, а также присутствие иностранных войск на территории полуострова. Эта тенденция ярко прослеживается на протяжении последних 150 лет: за это время борьба внешних сил за доминирование на полуострове, не брезговавших прямой интервенцией и размещением своих вооруженных сил на территории суверенной Кореи, привела к целому ряду вооруженных конфликтов и спровоцировала три войны, существенно изменившие ход мировой истории — японо-китайскую 1894—1895 гг., русско-японскую 1904—1905 гг. и Корейскую 1950—1953 гг.

Корейский полуостров был и остается постоянным очагом напряженности на Дальнем Востоке. Сложная внутривосточная ситуация в КНДР, размещение на территории Республики Корея американских войск, постоянные попытки КНДР влиять на развитие событий на полуострове до определенной степени повторяют собы-

* *Пастухов Алексей Михайлович*, независимый эксперт. E-mail: chinese warfare@inbox.ru

тия 120-летней давности, когда социально-экономический кризис и бесцеремонное вмешательство соседей спровоцировали восстание *тонхак* 1893—1895 гг.

Восстание *тонхак* ознаменовало конец периода скрытой борьбы империалистических держав за сферы влияния в Корее и их переход к открытым военным столкновениям, что в результате привело к аннексии Кореи Японией в 1910 г. Отечественные исследования этого вопроса Г.Д. Тягай были выполнены без привлечения китайских и корейских хроник и документов. Однако качество исследования и, соответственно, возможность применения его результатов для анализа и прогнозирования зависят в первую очередь от качества использованных источников.

В связи с этим представляется актуальным продолжить изучение данной темы, вводя в научный оборот данные новых источников: «Цин ши гао» Чжао Эрсюня, сочинений цинских историков конца XIX в. Яо Сигуана «Дунфан бинши цзилюэ» и Цай Эркана «Чжун-Дун чжаньцзи бэньмо», дневников коммодора Фан Боцяня и бригадного генерала Не Шичэна, сообщений христианских миссионеров и европейских военных агентов, рапортов японского командования, неофициальных корейских исторических сочинений «Кабо саги», «Оха кимун» и «Мэчхон ярок», телеграмм командования корейских карательных войск, документов королевской канцелярии и данных официальной хроники «Чосон ванджо силлок». Это позволяет более разносторонне и полно осветить ход восстания.

Настоящая статья ставит своей целью описать поход *чхотхоса*¹ Хон Ге Хуна против восставших от момента получения карателями приказа о выступлении до подписания перемирия в Чонджу и события, связанные с началом иностранной интервенции в Корею.

8 февраля 1894 г. в уезде Кобу пров. Чолла началось выступление крестьян, возглавленное сторонником учения *тонхак* Чон Бон Чжуном, вызвавшее беспокойство столичной администрации. Однако вместо того чтобы разобраться в причинах волнений и принять адекватные меры по умиротворению населения, на подавление восстания было решено бросить войска.

6 мая того же года командиру *Чанвиён*² Хон Ге Хуну было приказано срочно принять командование над карательной экспедицией и

немедленно выдвинуться в район восстания. Сановники Нэмубу³ запросили у государя Кочджона санкции на предельно жестокое подавление восстания: «Считаем, [что надо] подавлять и покорять, давить и убивать в тех землях, какова будет [высочайшая воля]?». Разрешение было дано.

7 мая Хон Ге Хун отобрал 5 рот из состава *Чанвиён* и начал погрузку войск и снаряжения в Инчхоне на корабли. Туда же по приказу цинского представителя в Корее Юань Шикая подошел цинский броненосец «Пиньюань» под командованием Ли Хэ. Корейские корабли «Ханьян» и «Чханнён» не могли вместить всех солдат, их вооружение и снаряжение, поэтому Ли Хэ должен был помочь в переброске карательного отряда к месту назначения и при необходимости прикрыть высадку войск огнем своей артиллерии.

8 мая войска были погружены. Вместо громоздкого провианта Хон Ге Хун получил деньги из расчета 100 *мун*⁴ за каждый день похода на одного солдата. Ровно через сутки отряд из трех кораблей уже был в бухте Кунсан. Высадка была отложена до следующего дня.

Тем временем провинциальные войска численностью около 3 тыс. человек, включая приданных им *побусанов*⁵, под командованием Ли Гён Хо вступили в бой с повстанческой армией Чон Бон Чжуна, располагавшейся лагерем у горы Пэксан. В рядах повстанцев находилось более 8 тыс. человек, вооруженных пиками и фитильными ружьями.

Ли Гён Хо расплыл свои силы, решив окружить лагерь повстанцев. Ранним утром *тонхак* атаковали противника, умело воспользовавшись численным преимуществом и фактором внезапности. Каратели в панике бежали. В суматохе погиб Ли Гён Хо, несколько десятков человек были убиты и ранены. Потери повстанцев были незначительными. Одержав победу, Чон Бон Чжун захватил арсенал и зернохранилище в уезде Пуан, после чего повстанцы встали лагерем у горы Тогёсан в уезде Кобу⁶. Победа у Пэксан укрепила позиции повстанцев, одновременно деморализовав правительственные провинциальные войска.

10 мая высадившиеся в Кунсане войска Хон Ге Хуна двинулись на Чонджу. Вместе с корейцами следовали 17 цинских военных моряков, которые должны были обучить корейских артиллеристов стрель-

бе из 37-миллиметровых пушек Гочкиса, снятых с броненосца по приказу Ли Хэ. Для охраны Кунсана было оставлено более 100 солдат.

Тем временем 9 мая около 1600 солдат провинциальных войск под командованием Ли Гон Яна выступили из Чонджу навстречу повстанцам, рассчитывая успеть подавить восстание до прибытия Хон Ге Хуна. Скорее всего, Ли Гон Яном двигали чувство ревности к столичным войскам, стремление оправдаться за поражение провинциальных войск у горы Пэксан и желание получить награду за разгром мятежников.

Вечером 10 мая Ли Гон Ян прибыл к Хвантхоён, где находился лагерь повстанцев. В ночь с 10 на 11 мая 1894 г. он приказал обстрелять расположение противника. Солдаты открыли пальбу из ружей, повстанцы не отвечали. Ободренный их молчанием, Ли приказал атаковать. Когда солдаты ворвались в лагерь противника, их боевой порыв сменило замешательство: среди шалашей и палаток никого не было. В это время повстанцы нанесли удар из засады. Ли Гон Ян пал в битве, более 750 человек из его отряда были убиты и ранены. Воспользовавшись моментом, повстанцы дошли до г. Чоньп, захватили там арсенал и зернохранилище, после чего вновь отошли в уезд Кобу, к деревне Самгори. Сражение при Хвантхоён поставило правительственные силы в Чолла и Чхунчхон на грань катастрофы⁷. Вся надежда была теперь только на прибытие войск Хон Ге Хуна.

11 мая Хон Ге Хун вошел с войсками в Чонджу и приступил к укреплению города. Туда же прибыл и Ли Хэ, чтобы помочь в создании оборонительных рубежей. Таким образом, еще до официального обращения Кореи к Китаю за помощью цинские военные моряки уже приняли участие в военных действиях в качестве инструкторов и советников.

12 мая отряд *тонхак* снова вошел в Кобу и разграбил его, перебив всех тех, кто не разделял взгляды повстанцев⁸. Это известие заставило Хон Ге Хуна срочно выступить из Чонджу, чтобы предотвратить разорение других городов. Защищать центр провинции остались немногочисленные солдаты провинциальных войск. Но уже 13 мая 1894 г. произошла резня жителей г. Муджан. Окрестное население бежало в горы при одном слухе о приближении вооружен-

ных отрядов⁹. Началась бесплодная гонка Хон Ге Хуна за основными силами повстанцев. Разорив Муджан, *тонхак* остановились в Хампхёне, а затем перебрались в Наджу.

Тяжелые дорожные условия изматывали солдат, обремененных артиллерией, отсутствие населения в городах и селах делало бесполезными деньги для закупки провианта. Голодные солдаты начали дезертировать¹⁰. Об этом Хон Ге Хун сообщил в Сеул, где 16 мая 1894 г. были спешно подготовлены к отправке на фронт 500 солдат управления *Тхонвиён*¹¹ и 2 роты солдат *Чанвиён* с 75-миллиметровым орудием Круппа и 1000 снарядов¹².

19 мая поредевший отряд Хон Ге Хуна прибыл в Муджан, отставая от повстанцев на 6 дней. Вечером 20 мая 1894 г. каратели добрались до Хампхён.

В это время часть повстанческого войска укрепились на берегу р. Хваннёнчхон у деревни Вольпхён. Войска Чон Бон Чжуну серьезно уступали солдатам Хон Ге Хуна в отношении огневой мощи и выучки. Лишь моральная подавленность карателей и их измотанность длительным тяжелым маршем позволяла Чон Бон Чжуну надеяться на победу в столкновении.

Тем временем с большим опозданием в правительстве начинают осознавать бесперспективность исключительно силовых действий по подавлению восстания: 22 мая 1894 г. *камса* Чонджу Ким Мун Хён получает предписание изыскать способы к умиротворению народа и выяснить причины восстания.

23 мая Хон Ге Хун посылает депешу в Сеул: «Без помощи иностранных войск не обойтись». Одновременно он приказывает Ли Хак Сыну отобрать 300 наиболее сильных солдат, взять одно орудие Круппа и одну картечную Гатлинга и продолжить преследование *тонхаков*. 25 мая 1894 г. Ли обнаружил их лагерь, в котором насчитывалось не менее 3 тыс. мятежников.

27 мая около 13 ч столичные солдаты под прикрытием артиллерийского огня перешли р. Хваннёнчхон. Однако численное превосходство повстанцев позволило Чон Бон Чжуну выдержать первый натиск карателей и произвести контратаку с холодным оружием. Солдаты бежали, бросив артиллерию. Ли Хак Сын был убит, погибли 4 младших командира и несколько десятков солдат. Однако и

тонхак понесли огромные потери: современное оружие карателей прорывало в рядах атакующих зияющие бреши. Лишь превосходство морального духа повстанцев позволило им решить исход битвы в короткой рукопашной схватке. Остатки правительственных войск были полностью деморализованы. В руки повстанцев попало большое количество современного оружия со значительным количеством боеприпасов. Не опасаясь остатков отряда Хон Ге Хуна, *тонхак* через перевал Норён двинулись на Чонджу. 28 мая 1894 г. повстанцы подошли к городу. Узнав об этом, *камса* Ким Мун Хён бежал в Сеул, деморализовав тем самым немногочисленный гарнизон. Присутствие духа сохранил только местный судья, спрятавший королевский архив и портреты предков королевской семьи в горной крепости Вибон.

31 мая повстанцы вошли в Чонджу. Гарнизон бежал. По подсчетам современных историков, войско Чон Бон Чжун насчитывало до 6 тыс. человек. Авторы «Кабо саги» сообщают, что в эти дни «пугающее могущество мятежников достигло пика своего величия».

Тем временем Хон Ге Хун привел в порядок свои войска, к нему подошли подкрепления, и общая численность его отряда достигла примерно 1,5 тыс. человек с артиллерией.

1 июня цинское правительство, получив телеграмму Кочжона, приняло решение оказать военную помощь Корее, для чего отозвало из инспекционной поездки по Маньчжурии бригадного генерала Не Шичэна¹³. В тот же самый день в Корее каратели подошли к Чонджу, но атаковать город не решились: памятуя фанатичность и численное превосходство *тонхак*, Хон Ге Хун решил действовать наверняка. Он занял позиции на горах Тагасан и Вансан к западу и югу от города соответственно, устроив свой командный пункт в беседке Хванхактэ на горе Вансан.

Весь день 2 июня солдаты строили укрепления и батареи, а затем начали обстрел Чонджу. *Тонхак* оказались в ловушке. Не имея обученных стрельбе из современных орудий артиллеристов, они не могли подавить артиллерию карателей, а оставаться в городе стало чрезвычайно опасно. Чон Бон Чжун решил атаковать врага и навязать рукопашный бой: только так повстанцы могли нивелировать техническое превосходство правительственных войск. По словам

Мэчхона, *тонхак* вышли из города через северные ворота и, обойдя город с востока, атаковали позиции карателей у беседки Хванхактэ. Только массированный огонь из картечных позволил солдатам отразить нападение. Потеряв более 100 человек убитыми и ранеными, *тонхак* отступили в крепость. Успех воодушевил власти. Первый бой за Чонджу произошел, по южнокорейским данным, 4 июня 1894 г.¹⁴, в то время как северокорейские историки указывают 3 июня 1894 г.¹⁵

Для повстанцев уничтожение артиллерийских позиций противника на горе Вансан стало жизненно необходимым условием для успешной обороны крепости. Тем временем правительственные войска не прекращали бомбардировку города. Хон Ге Хун принял единственное правильное решение — тревожить противника постоянными обстрелами и вынуждать совершать лобовые атаки на укрепленные позиции правительственных войск.

6 июня Чон Бон Чжун решил на повторную атаку с участием более 5 тыс. человек. Повстанцы выбили карателей с горы Тагасан, но командный пункт у Хванхактэ и батареи удержались. Картечники Гатлинга наносили повстанцам ужасающие потери. Среди павших военачальников *тонхак* были Ли Бо Гён, Сон Пхан Гиль и др. Сам Чон Бон Чжун был ранен в ногу и в голову. Огонь карателей выкосил передние ряды повстанцев, пали их знаменосцы. Военачальник *тонхак* Ким Сун Мён был схвачен и обезглавлен солдатами Хон Ге Хуна, его голову подвесили на отбитое у *тонхак* желтое знамя¹⁶. Деморализованные потерями, *тонхак* дрогнули и, преследуемые правительственными войсками, бежали в город, где заперли ворота и стойко отбивали все попытки солдат взять город штурмом. На поле боя пали более 500 повстанцев, еще столько же попали в плен и были обезглавлены на виду защитников Чонджу¹⁷.

Сложилась патовая ситуация: обе стороны оказались не способными нанести противнику решительное поражение. В связи с этим между повстанцами и правительством начались переговоры. Согласно «Кабо саги», 7 июня 1894 г. о переговорах просили руководители повстанцев, и Хон Ге Хун, испытывая жалость к простому народу, принял решение заключить перемирие. Однако, по всей видимости, причины начала переговоров были иными — бессилие корейского

правительства и невозможность развить достигнутый на поле боя успех. Для участия в переговорах из Сеула срочно выехал королевский эмиссар Ом Се Ён.

9 июня в Асане высадился авангард цинских войск. Этот факт был использован Ом Се Ёном для давления на повстанцев: в королевском воззвании указывалось, что в ближайшее время ожидается большое столкновение между цинскими и японскими войсками, уже прибывшими в страну¹⁸. В результате было достигнуто соглашение о прекращении огня. Условия повстанцев были приняты правительством, со своей стороны *тонхак* обязывались распустить армию и покинуть Чонджу.

11 июня около 9 ч утра войска Хон Ге Хуна вошли в Чонджу¹⁹. Город был сильно опустошен, Не Шичэн лично роздал 900 пострадавшим семьям 1806 серебряных *юаней* на восстановление жилищ. Он также отметил, что значительная часть разрушений приходится на юго-западную часть города, в которой происходили бои²⁰. Разрушениям подверглись дворец Кёнгиджон, здания казарм и правительственных учреждений²¹. Часть населения разбежалась. Каратели захватили в городе все утраченные ими в боях современные артиллерийские орудия, а также 24 пушки старого образца, более 1000 ружей и копий, большое количество боеприпасов и разных предметов вооружения²².

В середине июня столичным войскам было предписано вернуться к месту постоянного расквартирования. 29 июня 1894 г. карательный поход был завершен докладом Хон Ге Хуна на аудиенции у Кочжона²³.

С военной точки зрения экспедиция Хон Ге Хуна является примером маневренной войны в условиях горной местности. Сложные условия театра военных действий, недостаток продовольствия, отсутствие поддержки со стороны значительной части местного населения, недостаточная квалификация офицеров привели к фактическому провалу военных целей экспедиции. Малочисленная и небоеспособная армия²⁴ не позволила корейскому правительству разгромить *тонхак*. Государь Кочжон был вынужден сначала просить сюзерена — цинский Китай — о военной помощи, а затем вступить в переговоры с повстанцами.

3 июня 1894 г. в Сеуле прошла встреча между цинским и японским послами относительно переброски войск в Корею²⁵. 7 июня цинский посол в Токио известил министра иностранных дел Японии Муцу Мунэмицу об отправке в Корею цинского экспедиционного корпуса²⁶. Уже 9 июня цинские войска прибыли в Корею²⁷. В соответствии с условиями Тяньцзиньского договора 1885 г. Япония также получила право на отправку в Корею своих войск. В тот же день японцы ввели отряд военных моряков в Сеул, а уже 11 июня в Инчхоне началась ускоренная высадка 10-тысячного японского десанта²⁸.

Это обстоятельство наводит на мысль, что японское командование готовилось к высадке заранее и лишь ждало удобного момента. Так, лейтенант Идзита Косукэ был направлен в Корею 20 мая 1894 г. Ему предписывалось «выяснить положение [в Корее] в момент внутреннего мятежа». Он действовал при помощи консула в Пусане Мурота Ёсифуми, находившегося в Пусане полковника Ватанабэ Ёсисиге и временного посла Японии в Корее Сугимура Фукаси, что свидетельствует о заблаговременной подготовке японской стороной конкретных действий по вмешательству во внутренние дела Кореи. 14 июня 1894 г. делегация японского общества «Гэньёся»²⁹ во главе с Утида Рёхэем и Ёсикура Осэем посетила ставку *тонхаков* в Сунчхоне, однако успехом этот визит не увенчался³⁰. Тем не менее повстанческое движение в Корее объективно действовало на руку милитаристским кругам Японии и, волей или неволей, сыграло огромную роль в начале японо-китайской войны.

Так провал военной экспедиции Хон Ге Хуна привел к новой, полной драматизма странице истории Кореи, послужив началу масштабной интервенции японских войск, радикально изменившей карту Дальнего Востока в течение всего 15 лет. Эти отдаленные от наших дней события дают нам наглядный пример того, как складывавшаяся в течение долгого времени система политических противоборств на Корейском полуострове³¹ может быть в одночасье разрушена путем грубого иностранного вмешательства на фоне неспособности самих корейцев справиться с развитием, казалось бы, сугубо внутреннего конфликта.

Примечания

- ¹ Правительственный полномочный комиссар по усмирению восстания.
- ² Чанвиён — Управление по обучению войск, основанное в 1888 г. Насчитывало 349 лиц начальствующего состава и чиновников, 2250 солдат и 1960 человек обслуживающего персонала.
- ³ Название корейского министерства внутренних дел с 1885 по 1894 г.
- ⁴ Корейская литая медная монета с квадратным отверстием. 1000 медных мун равнялись 1 ян.
- ⁵ Корейские бродячие купцы гильдии побусан, делившиеся на пусан, носивших в «козлах» — чиге за спиной крупногабаритные и относительно дешёвые товары, и посан, носивших в узлах из ткани более дорогие товары. В 1894 г. правительство мобилизовало более 1000 побусанов для содействия провинциальным войскам в подавлении восстания тонхаков в качестве носильщиков, проводников и разведчиков.
- ⁶ См.: «Ханминджок чонджэнса чхоннон». Сеул, 1987. С. 267.
- ⁷ Там же. С. 268.
- ⁸ См.: «Кабо саги». Сеул, 1989. О жестокостях повстанцев и маскирующихся под них бандитов упоминают и другие источники — например, миссионер У. Джанкин.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ К моменту подхода отряда к Чонджу в его составе оставались только 470 человек. См.: «Ханминджок чонджэнса чхоннон». С. 269.
- ¹¹ Столичное управление старой корейской армии, учрежденное в апреле 1888 г. и представлявшее собой базу для развертывания центральной дивизии. Состояло из тылового и правого батальонов, а также батальона береговой охраны. Упразднено в ходе реформ 1894 г., инспирированных японскими оккупантами.
- ¹² См.: «Янхо чонги», телеграмма от 12-го дня 4-го лунного месяца 1894 г. (16.05.1894).
- ¹³ См.: Не Шичэн. «Дунчжэн жицзи». Шанхай, 1956. С. 1.
- ¹⁴ См.: «Ханминджок чонджэнса чхоннон». С. 271.
- ¹⁵ См.: «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». М., 1953. С. 120.
- ¹⁶ См.: «Коджон силлок», квон 31, запись за 10-й день 5-го лунного месяца 1894 г.
- ¹⁷ См.: «Янхо чхотхо тынрок», телеграмма за 5-й день 5-го лунного месяца 1894 г.

- ¹⁸ См.: «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». С. 121.
- ¹⁹ См.: «Коджон силлок», квон 31, запись за 10-й день 5-го лунного месяца 1894 г.
- ²⁰ См.: Не Шичэн «Дунчжэн жицзи». С. 6.
- ²¹ См.: «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». С. 120.
- ²² См.: «Коджон силлок», квон 31, запись за 10-й день 5-го лунного месяца 1894 г.
- ²³ См.: «Коджон силлок», квон 31, 2-я запись за 26-й день 5-го лунного месяца 1894 г.
- ²⁴ Японские войска продемонстрировали в Корее бóльшую боеспособность, нежели столичные корейские войска, а японские офицеры — бóльший профессионализм. Так, действовавший против повстанцев вместе с корейскими правительственными войсками в ноябре 1894 г. лейтенант 19-го резервного отдельного пехотного батальона Минами Косиро, командуя всего 200 японскими и корейскими солдатами, разгромил пятикратно превосходящие силы повстанцев в бою у Сесонсан 08.11.1894, нанеся им огромные потери убитыми и ранеными. См. «Ханминджок чонджэнса чхоннон». С. 272—273.
- ²⁵ См.: Пак Б.Б. «Российская дипломатия и Корея». М., 2004. С. 67.
- ²⁶ Там же. С. 68.
- ²⁷ См.: Не Шичэн «Дунчжэн жицзи». С. 2.
- ²⁸ См.: Тягай Г. Д. «Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг.». С. 99.
- ²⁹ Японское националистическое общество, созданное в 1881 г. в Фукуока. В поисках союзников для расширения японской колониальной экспансии на материке пыталось контактировать с представителями корейской и китайской оппозиции, в том числе с членами тайных обществ.
- ³⁰ См.: Тягай Г. Д. «Народное движение в Корее во второй половине XIX века». М., 1958. С. 68.
- ³¹ По состоянию на 1894 г. система политического равновесия в регионе состояла в номинальном сюзеренитете Китая над Кореей, причем эти отношения прошли сложную и длительную трансформацию начиная с 1637 г. События лета 1894 г. разрушили традиционную систему обеспечения безопасности Кореи и привели к началу бесконтрольного распространения японской экспансии в АТР.

Глава 6

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ XX ВЕКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

С.О. Курбанов*

ИСТОРИЯ РК И КНДР НАЧАЛА XXI В.: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

1. Описание событий последних десятилетий в корейской историографии

С начала XXI в. уже прошло более 10 лет — срок немалый, в особенности для современного стремительно меняющегося мира, когда несколько лет могут принести в экономическую, политическую, социально-культурную сферы человеческой деятельности поистине революционные изменения. Именно таким, революционным, по сути, стало для двух корейских государств начало XXI в.

Однако как в Южной, так и в Северной Корее события и исторические процессы, характеризовавшие развитие двух государств, не

* Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор СПбГУ. E-mail: sokspb@inbox.ru

** Настоящая работа выполнена при поддержке Академии корееведения Республики Корея в 2011—2012 гг. (AKS-2011-CAA-2101).

отражены в достаточной степени в корейской (КНДР и РК) исторической литературе. В качестве примера, доступного российскому читателю, можно привести русский перевод книги южнокорейского исследователя Хан Ёнгу «История Кореи. Новый взгляд», изданной в Москве в 2010 г.¹ Новейшей истории 1998 г. — 2000-х годов в указанной монографии отведено только 19 страниц, при этом описывается *только* Южная Корея, в то время как история КНДР вообще не затрагивается. Аналогичным по сути примером может послужить раздел «Новый взгляд на новейшую историю Кореи (1945—1992)» Кан Мангиля в русском издании книги «История Кореи»².

Подобное чрезмерно краткое изложение событий последних десятилетий «родной» (т. е. корейской) истории отчасти связано с традицией не давать подробного описания и оценок тем событиям, участники которых еще живы. Насколько нам известно, в западной историографии подробного описания истории двух корейских государств начала XXI в. также нет.

Таким образом, перед российскими корееведами-историками стоит задача самостоятельного написания истории РК и КНДР 2000—2013 (и т. д.) годов. Актуальность указанной задачи не подлежит сомнению: ни понимание современных событий, происходящих в государствах Корейского полуострова, ни тем более профессиональная выработка внешней политики в отношении РК и КНДР невозможны без знания и осмысления событий, произошедших на Корейском полуострове в последние 10—20 лет.

2. Новейшая история Кореи в современной российской историографии

По состоянию российской корееведческой историографии на начало XXI в. можно говорить о том, что российские ученые *уже* начали работу по профессиональному отбору и интерпретации событий, произошедших в РК и КНДР в конце XX — начале XXI в.

Так, в книге А.В. Торкунова, В.И. Денисова, Вл. Ф. Ли «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории», изданной в 2008 г.³, история КНДР и РК с 1945 по 2008 г. излагается относительно подробно, при этом если говорить об истории стран Корей-

ского полуострова начала XXI в., то большее внимание, что вполне объяснимо доступностью информации, уделено Республике Корея. В частности, хорошо описана ее политическая система, финансово-экономический кризис 1997—1998 гг., демократический процесс при президентах Ким Дэ Чжунге (1998—2003) и Но Му Хёне (2003—2008). Проблема заключается только в степени подробности изложения материала: на всю ее внутреннюю историю отведено не более 20 страниц текста книги. Для изложения событий истории Северной Кореи начала XXI в. отведено еще меньше места.

С.О. Курбанов в своей монографии «История Кореи с древности до начала XXI века» (СПб., 2009) одним из первых в отечественной историографии чуть более подробно изложил историю Кореи с 2000 по 2005 г. (78 с.). Однако в этом случае основная историографическая проблема заключается в некоторой односторонности подбора материала, который представляет следующие аспекты в истории двух корейских государств начала XXI в.⁴:

- Республика Корея: внутривнутриполитические события; внешняя политика; экономическая ситуация; Интернет-революция; Интернет-экономика;
- КНДР: внутривнутриполитические события; ядерная проблема КНДР, внешняя политика;
- в отдельный раздел книги вынесены межкорейские отношения.

Однако и здесь, как и в случае с другими корееведческими изданиями, указанными в настоящей статье, остаются две основные проблемы: неопианность периода последних 6—7 лет; неполное определение основных тенденций исторического развития двух корейских государств (что, в свою очередь, не позволяет иметь ориентиры для дальнейшего подбора фактов при написании общих работ по истории РК и КНДР).

Кроме монографических исследований, история Республики Корея и КНДР так или иначе затрагивается в различных статьях российских корееведов, посвященных «современным» событиям, которые по прошествии времени становятся «историческими». А это означает, что анализ «современных» событий, представленный в отечественной научной корееведческой литературе, также яв-

ляется одной из основ (фактологических и теоретических) для написания исторических трудов по новейшей истории корейских государств.

Итак, рассмотрим, какие вопросы более всего интересуют российских корееведов, изучающих «современность» и публикующих результаты своих исследований в научных статьях.

Что касается Корейской Народно-Демократической Республики, то здесь основные интересы российских исследователей лежат в следующих сферах:

- характер современной политической власти Северной Кореи («режим Ким Чен Ира», «режим Ким Чен Ына»);
- ядерная проблема КНДР (и Корейского полуострова в целом);
- межкорейские отношения, где особое место занимает анализ ситуации в Кэсонской промышленной зоне;
- отношения между КНДР и Китайской Народной Республикой;
- отношения между КНДР и Российской Федерацией;
- современная идеология Северной Кореи (идеи *чучхе*; идеи, политика и философия *сонгун* («приоритета армии»));
- культура КНДР.

Несмотря на то что указанные выше проблемы развития современной Северной Кореи являются достаточно актуальными как для самой КНДР, так и для окружающих ее стран, нельзя не заметить некоторую однобокость в рассмотрении ситуации в «современной КНДР», т. е. ее истории последних лет.

С другой стороны, практически не рассматриваются процесс трансформации государственной власти в Северной Корее⁵, экономические реформы в комплексе (на протяжении длительного периода времени, начиная с 1990-х годов), развитие транспорта (инфраструктуры в целом), изменения в системе образования, культурное развитие КНДР и т. п.

Республика Корея в статьях российских корееведов, описывающих ее «современное» положение, представлена также несколько однобоко. Наиболее часто встречающиеся сюжеты, описывающие южнокорейские события последних лет, сводятся к следующему:

- экономическое развитие Республики Корея;

- ее экономические отношения с внешним миром: с США, Японией, КНР, Евросоюзом;
- политика Южной Кореи по отношению к Северной;
- миграционные процессы в Республике Корея;
- южнокорейско-американские отношения (политические, военные);
- южнокорейско-российские отношения;
- вопросы развития демократии в Республике Корея⁶;
- социальная политика;
- законодательство.

Таким образом, и здесь, как и в случае с монографическими трудами, главным оказывается вопрос относительной узости описываемых проблем и выпускание из поля зрения ряда общественно-исторических тенденций.

Попробуем разобраться в том, каковы могут быть критерии для отбора информации, на основе которой в дальнейшем будут составляться труды по истории Кореи.

3. Принципы отбора фактов для написания работ по новейшей истории Кореи

Итак, первым этапом для создания общего сочинения по истории Кореи является подбор фактов, соответствующих основным тенденциям развития двух корейских государств.

Еще несколько лет тому назад задача подбора фактов, по крайней мере по истории Южной Кореи, была облегчена наличием соответствующих южнокорейских периодических изданий, как, например, Korea Now. Biweekly Magazine или Korea News World. Первое прекратило свое существование в середине первого десятилетия XXI в., прежде всего по причинам экономического характера (отсутствие необходимого числа подписчиков). Второе также перестало публиковаться.

Классические издания, как, например, «Хронологическая таблица по истории Республики Корея: 1948—2008»⁷ могут помочь в подборе необходимых фактов, но требуют большой систематической работы, поскольку не все факты, обозначенные в издании, яв-

ляются действительно тенденцеобразующими. К тому же период с 2008 по 2013 г. в нем не охвачен, а об издании дополнительного тома таблицы автору настоящей статьи ничего не известно.

Таким образом, всякому исследователю, намеревающемуся составлять историю корейских государств последних лет, следует заниматься регулярным отбором фактов самостоятельно.

Какими же могут быть критерии отбора «будущих исторических фактов» из текущих событий «современности»?

Во-первых, можно указать на важность фиксации тех событий, которые широко освещаются в СМИ, как, например, вооруженные столкновения, выборы руководителей государства, принятие основных законов, экономические кризисы и т. п.

Приведем примеры недавних событий указанного типа:

- ядерные испытания, проведенные КНДР 9 октября 2006 г., 25 мая 2009 г. и 12 февраля 2013 г.;
- подрыв южнокорейского корвета «Чхонан» 26 марта 2010 г.;
- вооруженный конфликт между КНДР и Республикой Корея у южнокорейских островов Ёнпхёндо 23 ноября 2010 г.;
- смерть лидера КНДР Ким Чен Ира 17 декабря 2011 г.;
- победа на президентских выборах в Республике Корея 19 декабря 2012 г. кандидата от правящей партии «Сэнури».

Уже «беглый» просмотр указанных выше «громких» событий показывает, что принадлежат они к различным тенденциям / аспектам истории двух корейских государств: внутривнутриполитическая история КНДР; проблема наследования / передачи власти в КНДР; внутриполитическая история РК; межкорейские отношения; ядерная проблема Корейского полуострова.

Таким образом, предварительное осмысление только «громких фактов» уже позволяет выделить основные аспекты в «историческом бытии»⁸ двух государств, которые помогут определить второй принцип подбора исторических фактов.

Во-вторых, отбирать и фиксировать факты, которые отражают основные тенденции исторического бытия двух корейских государств.

В-третьих, следует отбирать те факты в «текущей истории» двух государств, которые отражают проявление объективных зако-

нов исторического развития, как, например, закона исторической инерции⁹.

В-четвертых, вне связи с указанными выше пунктами, также полезно выделять в отдельную группу события, связанные с жизнью исторических личностей (т. е. тех, кто, предположительно, станет таковой, ибо «окончательную оценку» деятельности той или иной личности возможно дать лишь по прошествии значительного промежутка времени)¹⁰. К примеру, уже по состоянию на «нынешний» момент понятно, что для будущего исторического сочинения по «новейшей» истории Кореи *полезно* собирать информацию о таких личностях, как Ким Чен Ир и Ким Чен Ын (лидеры КНДР), Ли Мён Бак и Пак Кын Хе (президенты Республики Корея), Ким Ги Док (южнокорейский режиссер), Ким Хён А (южнокорейская фигуристка) и т. п.

В-пятых, это — факты, связанные с проявлением в обществе так называемых «тенденцеобразующих социальных модулей» (или «трендов»).

«Социальные модули могут быть различными по размерам. Размер модулей непостоянен. Модули могут расти, трансформироваться и создавать новые, сложные многомодульные структуры; могут сокращаться и исчезать.

Модули могут быть “ординарными”, то есть составляющими обычные структуры разного порядка, а могут быть направляющими, “тенденцеобразующими”.

“Тенденцеобразующий” модуль, несмотря на то, что в момент зарождения тенденции может “выглядеть” небольшим и маловажным (“ординарным”), в конечном итоге может стать определяющим в развитии (или деградации) общества или его части»¹¹.

4. Примеры отбора фактов для написания работ по новейшей истории Кореи

Выше мы уже приводили примеры фактов, широко освещавшихся в СМИ и могущих стать фактами историческими, упоминание о которых, очевидно, станет обязательным в работах по общей истории корейских государств начала XXI в. (Как показал блиц-опрос, проведенный во время представления доклада на XVII научной

конференции корееведов России и стран СНГ, прошедшей в Москве 28—29 марта 2013 г., далеко не все из слушателей уверенно ориентировались в датах и событиях, бывших «на острие» всего год—два тому назад. Таким образом, уже указанный блиц-опрос подтверждает необходимость сбора и осмысления фактов «новейшей истории Кореи» в форме публикации общих работ по истории корейских государств.)

Однако далеко не все факты, влияющие на «историческое бытие» государств и даже отраженные в СМИ, оказываются яркими. Некоторые из них, будучи упомянутыми в СМИ один раз, могут быть «забытыми» или непонятыми, неосознанными в контексте их исторической роли, в то время как их фиксация может быть крайне полезной для осознания исторического процесса в государствах Корейского полуострова (и не только). При этом, учитывая все упомянутые выше принципы отбора фактов новейшей истории, в рамках указанных принципов общий отбор фактов логично производить по трем основным категориям:

- события в Республике Корея (включая внешнеполитические отношения);
- события в КНДР (включая внешнеполитические отношения);
- межкорейские отношения (включая внешнеполитический аспект).

Приведем отдельные примеры возможного отбора фактов для будущей «новейшей истории Кореи».

История КНДР:

Первый пример — 10—18 января 2006 г.: неофициальный визит лидера КНДР Ким Чен Ира в Китайскую Народную Республику, встреча с Председателем КНР Ху Цзиньтао. (Тренды: отношения КНДР и КНР; китайский опыт в реформировании КНДР; КНР как «щит» КНДР и т. п.)

Второй — 3—7 мая 2010 г.: неофициальный визит лидера КНДР Ким Чен Ира в Китайскую Народную Республику (тот же тренд, что и выше).

Третий — 31 мая 2006 г.: объявление КЕДО об отказе от проекта постройки АЭС в Кымхо и о завершении работы в КНДР. (Тренды:

энергетическая проблема КНДР; ядерная проблема КНДР; взаимодействие КНДР с мировым сообществом.)

Четвертый — 13 января 2009 г.: заявление МИД КНДР об условиях отказа от ядерной программы. (Тренды: ядерная проблема КНДР; отношения КНДР и США и т. п.)

Пятый — 30 ноября — 6 декабря 2009 г.: денежная реформа в КНДР (Тренд: экономические реформы, изменения в КНДР.)

Шестой — 15 апреля 2012 г.: первое официальное выступление Ким Чен Ына с речью на праздновании 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена. Провозглашение нового курса (Тренд: политическая, культурная трансформация в КНДР под властью Ким Чен Ына.)

Седьмой пример — 13 апреля 2012 г.: 5-я сессия ВНС 12-го созыва. Принятие решения о внесении поправок в Конституцию КНДР. Создание должности 1-го Председателя ГКО, избрание на указанную должность Ким Чен Ына. (Тренды: изменение государственного устройства КНДР после смерти Ким Чен Ира и прихода к власти Ким Чен Ына. Концентрация власти. Сакрализация высших лиц государства.)

Примеры подбора фактов новейшей истории РК начала XXI в.:

Первый пример — 22 ноября 2011 г.: ратификация Национальным Собранием Республики Корея Договора о свободной торговле между США и Республикой Корея. (Тренд: процессы глобализации южнокорейской экономики.)

Второй — 30 января 2013 г.: успешный запуск ракетносителя «Наро-хо». (Тренды: научно-техническое развитие РК; научно-техническое сотрудничество РК и РФ; политика РК, направленная на «вывод» РК в мировое пространство как развитого во всех отношениях государства, и т. п.)

Заключение

Необходимость регулярного сбора и анализа фактов новейшей истории РК и КНДР очевидна и необходима, в частности, для:

- осознания и описания фактов недавнего прошлого (написание работ в жанре «Новейшей истории Кореи»);

- определения трендов, учета трендов и законов исторического развития при подборе фактов;
- прогнозирования развития событий (трендов) на основе собранных фактов, применение законов исторического развития к интерпретации фактов.

Примечания

¹ Напр., русский перевод книги Хан Ёнью. История Кореи. Новый взгляд. М., 2010.

² Кан Мангиль. Новый взгляд на новейшую историю Кореи (1945—1992) // В.М. Тихонов, Кан Мангиль. История Кореи. Т.2. М., 2011. С. 246—438.

³ А.В. Торкунов, В.И. Денисов, Вл. Ф. Ли. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.

⁴ См. подробнее издания статей о Корее в сборниках докладов научных конференций корееведов России и СНГ Института Дальнего Востока РАН. М., 2003—2012 гг.

⁵ По состоянию на начало 2013 г. исключением из правила может быть статья С.О. Курбанова «Формирование новой политической системы КНДР в 2010—2012 гг.» (Вестник Центра корейского языка и культуры. № 14. 2012. С. 138—146).

⁶ В указанном вопросе ведущим российским специалистом является И.А. Толстокулаков. См., например, его монографию «Политическая модернизация Южной Кореи», Часть 1—2. Владивосток, 2007. Однако и здесь, несмотря на тщательное изложение событий политической истории Южной Кореи, временной фактор оказывается решающим: события после 2006 г. (6,5 лет истории) также оказываются никак незатронутыми, что и понятно: выпускать монографии по определенной тематике 1 раз в пять лет, имея в виду задачу постоянного пополнения информации, представляется практически невозможным.

⁷ 대한민국사 연표 (Хронологическая таблица по истории Республики Корея). Т. 1: 1948.8—1967.12; Т. 2: 1968.1—1987.12; Т. 3: 1988.1—2008.2. Сеул, Национальный институт корейской истории, 2008.

⁸ Автор намеренно использует в настоящей статье несколько непривычный термин «историческое бытие» вместо «исторического развития», имея в виду то, что существование социума во времени связано не только с процессами развития, но и с процессами деградации (о чем автор настоящей статьи уже писал в своих более ранних публикациях).

⁹ Курбанов С.О. Историческая инерция в межкорейских отношениях второй половины 2000-х годов. // *Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ*. Москва, 24—25 марта 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 73—81.

¹⁰ Курбанов С.О. Ким Гу и его судьба в контексте проблемы роли личности в истории Кореи // *Корейский полуостров: накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ*. Москва, 29—30 марта 2012 г. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 246—254.

¹¹ Подробнее см.: Курбанов С.О. О концепции эксперимента в исторической науке // *Вестник Центра корейского языка и культуры*, 2012. № 14. С. 12—13.

К.В. Иванов *

ОТЧЕТЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА СССР В СЕУЛЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА КОРЕИ

Разумеется, можно сказать, что колониальный период истории Кореи уже достаточно хорошо изучен в отечественной и зарубежной историографии. Однако и в наши дни проблемы, порожденные этим временем, периодически напоминают о себе во время очередного обострения японо-корейских отношений. Поэтому, на наш взгляд, все же стоит продолжать изучение колониального периода истории Кореи с привлечением различных источников. Здесь в качестве примера таких источников будут приведены документы генерального консульства СССР в Сеуле, которое действовало в период с 1925 по 1946 г.

Вышеупомянутые архивные материалы в настоящее время находятся в Архиве внешней политики Российской Федерации в Москве в ведении Министерства иностранных дел РФ. Большая часть из них до 1992 г. была засекречена по причине наличия в материалах информации, полученной агентурными путями. Однако в настоящее время эта информация, в основном касающаяся дислокации япон-

* *Иванов Константин Владимирович*, аспирант кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, г. Иркутск. E-mail: yangirk@gmail.com

ских войск в Корею и военных приготовлений, уже утратила актуальность.

Стоит отметить, что работники советского консульства, несмотря на противодействие со стороны японских властей, постоянно контактировали как с корейским, так и с японским населением полуострова, причем с корейцами зачастую удавалось устанавливать более доверительные отношения. Помимо этого, несмотря на обилие пограничных конфликтов между СССР и Японией, война так и не была объявлена. Более того, в апреле 1941 г. был заключен пакт о нейтралитете, который формально действовал до апреля, а фактически — до августа 1945 г. Это позволило работникам советского консульства наблюдать за Кореей и ее внутренним положением во время войны на Тихом океане.

Нужно сказать, что в материалах советского генконсульства в Сеуле содержится много данных, посвященных национально-освободительному движению, экономическому развитию Кореи, а также активности японской армии на ее территории. Однако эти вопросы уже достаточно хорошо освещены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Что же касается японской армии в Корею, то в данной статье она будет упоминаться лишь в контексте ее влияния на население Кореи, и какие-либо военные аспекты затрагиваться не будут.

В феврале 1925 г. СССР установил дипломатические отношения с Японией, и вскоре в Сеуле открылось Генеральное консульство СССР, консульский округ которого включал в себя Корею как часть Японской империи. Организационно генконсульство подчинялось послу СССР в Японии. На протяжении 20 лет работы генконсульства количество граждан СССР, проживавших в Корею, всегда оставалось невысоким: например, в 1945 г. их насчитывалось лишь 36 человек¹.

Для начала рассмотрим материал, озаглавленный «Политическое состояние Кореи» из фонда «Референтура по Японии» Архива внешней политики РФ. Этот документ, датированный 1924 г., является подборкой материалов, переведенных с корейского языка и освещающих внутриполитическое состояние Кореи после Первомартовского движения: развитие прояпонских организаций, ограниченные экономической, политической и религиозной деятельности

корейцев². Первые документы, связанные непосредственно с генконсульством в Сеуле, датируются июнем 1925 г.: заведующий отделом Дальнего Востока Мельников отправил первому генконсулу СССР в Сеуле Шарманову письмо с указанием задач, стоящих перед генконсульством³.

В апреле 1926 г. в связи со смертью бывшего императора Кореи Шарманов составил докладную записку, в которой указал, что японцы прилагали большие усилия для сохранения общественного порядка в Корею. Стоит отметить любопытную особенность: доклад был написан от руки. Сам Шарманов пояснял это тем, что он «не мог продиктовать доклад беспартийной машинистке из конспиративных соображений»⁴. Примерно в этот же период в руки Шарманова «агентурным путем» (по его словам) попали документы о деятельности Восточного колонизационного общества. Главным образом документы свидетельствовали о постепенном снижении активности деятельности общества по сравнению с предыдущим десятилетием (1910—1920 гг.)⁵.

Генконсульство постоянно отправляло в Токио, а затем в Москву сводки корейских и японских газет. Нужно сказать, в те годы цензура в Корею еще не была столь жесткой, и в результате советские дипломаты могли найти в прессе довольно любопытные сведения. Например, газета «Чосон ильбо» 22 февраля 1926 г. опубликовала материал, посвященный финансовым затратам Японии на Корею с момента проведения аннексии. Было указано, что за период с 1911 по 1924 г. Япония израсходовала около 1 млрд 258 млн иен, из них около 524 млн на промышленность, 136,5 млн на полицию и 18,5 млн — на образование⁶.

Еще один пример: 23 февраля того же года газета «Сидэ ильбо» написала о переговорах между корейскими рабочими в Японии и рабочими Кореи о создании объединенной организации — аналога профсоюза, — снабдив эту заметку фразой, что «полиция *напугана* этим»⁷. Подобные высказывания не очень вяжутся с устоявшейся картиной непрерывного полицейского гнета на протяжении почти 40 лет. Тем не менее в тех же сводках прессы сообщалось и о проблемах коммунистической и антирелигиозной деятельности в Корею. Проведение мероприятий в рамках подобной деятельности пресека-

лось и запрещалось полицией как действия, «нарушающие общественный порядок».

В 1927 г. на должность генерального консула в Сеуле был назначен Иван Андреевич Чичаев, который, как впоследствии стало известно, возглавил резидентуру внешней разведки ОГПУ в Корее⁸. Помимо ведения разведывательной деятельности, в том числе вербовки японских служащих генерал-губернаторства, в своих донесениях Чичаев критически высказывался об установленных в Корее порядках. Например, оценивая опубликованные официальные годовые отчеты генерал-губернаторства Кореи, он утверждал, что приведенные там цифры расходятся с реальностью до 20 %⁹.

В феврале 1928 г. в Сеуле завершился громкий полугодовой процесс над корейскими коммунистами. Чичаев писал: «Как и следовало ожидать, генерал-губернаторство оскандалилось в этом деле окончательно. Лицемерие суда и провокационные приемы полиции, подвергавшей пыткам подсудимых, обнаружились в самом неприкрытом виде»¹⁰. Чичаев неоднократно упоминает, что как корейцы, так и японцы воспринимали этот процесс как фарс. От его внимания не ускользает тот факт, что Восточное колониальное общество и Банк Кореи (Тёсэн-банк) перенесли свои головные отделения в Сеул, распространив при этом свою деятельность на территорию Квантунского полуострова и Маньчжурии¹¹. В этом он видел стремление Японии расширить свою зону влияния на континенте.

Стоит упомянуть о записке Чичаева, адресованной Всесоюзному обществу культурной связи с границей, попросившему его в середине 1928 г. написать заметку о корейской культуре. Приведем показательный отрывок из этой записки: «Благодаря колониальным условиям, всякое проявление корейской культурной деятельности находится под постоянным надзором полицейской системы. Принцип ассимиляции корейского народа с японским, положенный во главу угла политики японской администрации, привел к тому, что о современной корейской культуре можно говорить с большими оговорками»¹².

В начале 1929 г. Чичаев агентурным путем получил копию личного доклада генерал-губернатора Яманаси для японского правительства, озаглавленного «Современные проблемы в Корее и их раз-

решение». В докладе Яманаси критиковал антияпонскую деятельность корейской и японской (sic!) печати, призывал активнее поощрять прояпонские организации, конфуцианское обучение, препятствовать внесистемному образованию, а также изгнать с должностей в банках и на предприятиях «корейцев-японофобов» и поставить вместо них «корейцев-японофилов»¹³.

Комментируя обращение генерал-губернатора Сайто Макото о разработке плана автономии Кореи, Чичаев писал: «Политика террора и открытого грабежа, которой придерживалась японская администрация, объединила в ненависти к Японии почти все слои корейского населения. Ничтожная кучка корейских аристократов и чиновников, работающих с японцами, никакого авторитета в Корее не имеет, более того, их ненавидят больше японцев (в отличие от Индии, где местная аристократия еще пользуется доверием части населения). Поэтому если бы японское правительство решило создать органы самоуправления на основе широкого выборного начала, то первым актом таких органов могло бы быть требование о независимости Кореи»¹⁴.

Столь же резко Чичаев отзывался и о корейской системе образования: «Основная идея этой системы — воспитание лояльных и преданных подданных японского императора, т. е. внушение учащимся различной белеберды, вытравление «опасных мыслей», обучение японскому языку и подавление в корейцах всяких признаков национального самосознания»¹⁵.

В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию и наметила основные направления для продвижения на материке. Корея из японского плацдарма на материке превратилась в базу снабжения (на тот момент пока что лишь продовольствием, ресурсами и промышленной продукцией) японской экспансии. По словам генконсула Иткина, в преддверии возможной войны с СССР «одной из важнейших задач властей в Корее являлось еще больше, чем до начала маньчжурских событий, держать в полном повиновении миллионы корейцев, что достигалось путем беспощадного подавления и строгого наказания всех тех, кто пытался хотя бы словами протестовать против полицейского гнета и насилия»¹⁶. Показательно отношение полиции к арестованным корейцам: «Один полицейский ведет по улице 3—4 чело-

век, держа их за веревку, которая привязана к рукам всех арестованных. Лица их закрыты тряпками. Более варварского обращения с живыми людьми, которое происходит ежедневно на глазах у всех, трудно себе представить»¹⁷.

С иронией Иткин сообщал о постановлении городской управы Сеула о том, что с мая 1933 г. все учащиеся начальных школ должны были ходить босиком, так как, по словам отдела народного образования генерал-губернаторства, носить летом носки и резиновую обувь крайне негигиенично, вредно для здоровья и неэкономно¹⁸.

После начала войны с Китаем в 1937 г. Япония, в поисках дополнительных человеческих ресурсов, обратила свой взор на Корею. На заводах Японии место рабочих, ушедших в армию, частично стали занимать корейцы (при этом пятая часть из них вскоре бежала с заводов). В 1938 г. было объявлено о допуске корейцев к службе в японской армии. Однако лишь 30—40 % корейцев, явившихся на призывные пункты, были признаны годными к службе¹⁹. Основными причинами для отказа в призыве было плохое здоровье и ненадежность призывников.

С целью контроля над всеми ресурсами Кореи, в том числе трудовыми и подлежащими призыву, в июне 1938 г. был организован Всекорейский комитет всеобщей народной мобилизации. В октябре 1940 г. он был реорганизован и переименован в Корейский союз всех сил нации. Главой Союза был генерал-губернатор Кореи, который таким образом получил еще один рычаг давления на население. Под руководством Союза было создано около 1500 тренировочных площадок для будущих призывников, которые вступали в патриотические группы «Сэйнэндан», насчитывавшие, по официальным данным, 80 тыс. членов²⁰.

Генеральный консул Чижов, резюмируя свой политико-экономический обзор Кореи за 1940 г., писал: «Крушение расчетов на молниеносную войну в Китае привело страну к огромному напряжению. И нет никаких перспектив к улучшению этого положения. Не только потому, что немыслимо в условиях капиталистической системы, в условиях колонии, но и в силу современного политического положения Японии. И вероятно, скоро никакая политическая обработка не поможет и тыл японской военщины зашатается. Японским

империалистам потребовалось 30 лет для привития корейскому народу идеологии рабов. Идеи свободы и ненависть к угнетателям прививаются гораздо быстрее»²¹.

Вскоре после начала войны с США и ее союзниками как в Японии, так и в Корее стали проводиться мероприятия, направленные на экономию разного рода ресурсов, в первую очередь металла и продовольствия. Также активизировался вывоз корейских рабочих в Японию для работы на заводах. Генконсул А. Полянский в середине 1942 г. писал: «Япония продолжает выкачивать из Кореи рис, ввозя вместо этого бобы и просо из Маньчжурии. В продаже уже 4 года нет чистого риса, по карточкам он выдается на 3/4 смешанным с пшеном или ячменем. У арендаторов забирается до 60 % урожая»²².

В рамках политики японизации «Найсэн иттай» продолжалась кампания по замене корейских имен и фамилий японскими, насаждались японские обычаи и одежда, реорганизовалась система образования. Тем не менее, по заявлению самого генерал-губернатора Минами Дзиро в начале 1942 г., лишь 15 % корейцев говорили на японском языке. Еще в августе 1940 г. были закрыты последние независимые газеты на корейском языке — «Тона ильбо» и «Чосон ильбо». В мае 1942 г. было объявлено о введении в Корее с 1944 г. всеобщей воинской повинности, во многом потому, что система добровольчества себя не оправдала. В 1941 г. из 144 тыс. корейцев-добровольцев были приняты лишь 3,9 тыс. человек, а в 1942 г. из 250 тыс. добровольцев — 4,5 тыс. человек. По словам Полянского, «мотивом оттяжки введения всеобщей воинской повинности до 1944 г. является боязнь дать оружие в руки корейцев и недостаточное знание японского языка корейской молодежью, особенно деревенской»²³.

Назначенный в мае 1942 г. новый генерал-губернатор Кореи Коисо Куниаки заявил, что «нужно доказать корейцам, что их история это история Японии, и добиться, чтобы они хорошо поняли основной принцип государственного строя». В отношении тех, кто собирался помешать этому, Коисо намеревался «применить соответствующие меры». Полянский так прокомментировал это заявление: «Суть этого принципа состоит в том, чтобы они стали верными подданными японского императора. Их заставляют забыть свою исто-

рию, свою культуру, свой язык. Все воспитание и образование в Корее подчинено одному — полностью японизировать корейское население, воспитать в них верноподданнические чувства»²⁴.

Подобные меры генерал-губернаторства не вызвали у корейцев любви к Японии. В 1943 г. Полянский в беседе с послом СССР в Японии Маликом сообщил, что в Корее отмечается рост недовольства населения непрерывным ухудшением продовольственного положения в стране, а также «имеются факты, когда корейцы при встречах с работниками консульства интересовались положением дел на советско-германском фронте и говорили: “Не бойтесь японцев, если они начнут войну с вами, то мы вам поможем”»²⁵. По словам Полянского, ситуация с продовольствием была действительно очень серьезной. Даже генерал-губернаторство признавало, что «недостаток продуктов питания в Корее очень велик». Из бесед с местным населением Полянский выяснил, что в ряде районов Кореи население голодает. В апреле 1943 г. кореец по карточке мог получить максимум 58 г риса в день. При этом Союз всех сил нации проводил кампанию: жителям Кореи предлагали есть два раза в день — утром и вечером, объясняя это пользой для здоровья. Дело дошло даже до того, что генерал-губернаторство собиралось ввозить продовольствие из Японии в Корею²⁶.

Для усиления контроля над населением в качестве низовой организации Союза всех сил нации были организованы патриотические группы «Айкокухан», каждая из которых включала в себя 10 семей. Выборный начальник группы постоянно поддерживал связь с местной полицией и следил за соседями. Подобные группы — «Тонаригуми» — существовали и в Японии²⁷.

В июле 1944 г. генерал-губернатором Кореи был назначен Абэ Нобуюки, чьи задачи, по словам Полянского, сводились к «заигрыванию» с корейцами, дальнейшей японизации корейских масс и усилению мобилизационных мероприятий по выкачке из Кореи риса и рабочей силы для Японии²⁸. В рамках политики японизации продвигалась установка об отношениях между Японией и Кореей как отношениях между старшим и младшим братом. Исходя из данной конфуцианской установки, можно сделать вывод, что младший брат не должен претендовать на место и положение старшего, а

лишь безропотно выполнять его волю, осознавая свое положение. Здесь следует указать на заметное противоречие в японской ассимиляционной политике. Ведь пропаганда говорила о том, что в скором времени все корейцы станут японцами, частью японской нации, в то время как система отношений старший—младший подразумевает, что грань, разделяющая корейцев и японцев, будет существовать всегда.

В условиях тяжелой войны на Тихом океане и на континенте японской армии требовались новые солдаты. Поэтому с 1944 г. при поддержке членов Союза всех сил нации активно проводились призывные мероприятия. Зачастую призывников приходилось конвоировать до вокзала с полицейским эскортом. Как отмечал Полянский, описывая подобные сцены, «по-видимому, на фронте за их спиной будут стоять японские пулеметчики»²⁹.

Доля остальных корейцев тоже была нелегка: к середине 1944 г. около 2 млн корейцев работали на заводах в Японии. В Корее же их место занимали женщины и дети. В апреле—августе 1944 г. генерал-губернаторство объявило о трудовой мобилизации всех женщин от 12 до 40 лет, за исключением тех, у кого имелся ряд уважительных причин (например, смерть одного из родителей)³⁰.

Тем временем продовольственная ситуация в Корее, как и в Японии, все ухудшалась. В конце 1944 г. в Корее были серьезные проблемы не только с продуктами, но и с товарами широкого потребления, и даже с одеждой. Полянский писал: «Общий вид японца и корейца, идущего по улице, очень невзрачный. Во всем чувствуется отпечаток непосильной для Японии войны — и в заплатанных сзади брюках, и в рваных ботинках, и в худых носках, и на изможденных от недоедания лицах»³¹.

К сожалению, автору не удалось найти архивные данные за 1945 г. Возможно, их отсутствие связано с двухнедельным арестом персонала консульства во время русско-японской войны в августе того же года. Восполнить некоторые пробелы могут опубликованные мемуары Фани Исааковны Шабшиной, которая с 1940 г. работала машинисткой в генконсульстве и была женой вице-консула Шабшина. В этих мемуарах приведены цитаты из тогдашних газет, личные наблюдения, беседы с корейцами и японцами³².

Подводя итоги, хочется сказать, что существует немало материалов на японском и корейском языках, которые дублируют содержание документов советского генконсульства в Сеуле. Однако документы советских дипломатов позволяют нам взглянуть на ряд проблем колониальной Кореи со стороны. Взглянуть иначе, чем корейцы или японцы, на проблемы ассимиляции, сотрудничества корейцев с японцами и т. д. Колониальный период истории Кореи до сих пор остается большим вопросом как в отношениях между Кореей и Японией, так и внутри самой Кореи. И поэтому привлечение дополнительного массива источников, предлагающих порой иной взгляд на проблему, с нашей точки зрения, было бы очень кстати.

Примечания

¹ Clark, Donald N. *Vanished Exiles: The Prewar Russian Community in Korea // Korean Studies: New Pacific Currents* Pacific Association for Korean Studies (vol. 1). — Centre for Korean Studies, University of Hawaii, 1994. P. 41—57.

² Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 7. П. 108. Д. 16.

³ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 8. П. 110. Д. 10.

⁴ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 9. П. 122. Д. 51. Л. 20—30.

⁵ АВП РФ. Ф. 284, «Ген. консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 4. Д. 54. Л. 4—5.

⁶ АВП РФ. Ф. 284, «Ген. консульство СССР в Сеуле». Оп. 2. П. 2. Д. 19. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Чичаев Иван Андреевич / Служба внешней разведки Российской Федерации. URL: <http://svr.gov.ru/history/chi.htm> (09.02.2013).

⁹ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 10. П. 130. Д. 59. Л. 12.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 11. П. 136. Д. 49. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 228—230.

¹² Там же. Л. 165.

¹³ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 12. П. 138. Д. 7. Л. 35—54.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 13. П. 142. Д. 10. Л. 6—7.

¹⁵ Там же. Л. 1—2.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 16. П. 156. Д. 72. Л. 15.

¹⁷ Там же. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 58.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 21. П. 189. Д. 50. Л. 250—253.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 24. П. 237. Д. 101. Л. 5—6.

²¹ Там же. Л. 33.

²² АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 25. П. 244. Д. 75. Л. 5.

²³ Там же. Л. 6—7.

²⁴ Там же. Л. 251—252.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 26. П. 251. Д. 62. Л. 143—144.

²⁶ Там же. Л. 147—149.

²⁷ Там же. Л. 172—173.

²⁸ АВП РФ. Ф. 0146, «Референтура по Японии». Оп. 28. П. 262. Д. 64. Л. 134—135.

²⁹ Там же. Л. 140.

³⁰ Там же. Л. 144—145.

³¹ Там же. Л. 150.

³² Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940—1945): Записки и размышления очевидца / Ф.И. Шабшина, Ю.В. Ванин. М.: Наука, 1992. 287 с.

*Д.А. Садаков**

СОВЕТСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В КОРЕЕ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (1945—1948 ГГ.): ВОСПРИЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На сегодняшний день корейская проблема остается в центре внимания мирового сообщества. В связи с этим проблема раскола Кореи сохраняет актуальность. При этом действия современной КНДР западными странами нередко демонизируются, в отношении правящего режима фактически действует презумпция виновности. В контексте современного восприятия северокорейского режима интересно взглянуть на то, как более полувека тому назад американцы смотрели на деятельность советской военной администрации до официальной фиксации раскола Корейского полуострова на два государства в 1948 г. Эта тема не становилась в историографии предметом специального исследования.

8 августа 1945 г. СССР, исполняя союзнические обязательства, вступил в войну против Японской империи. Задачу по освобождению Кореи выполняла 25-я армия под командованием генерал-полковника И.М. Чистякова. К 24 августа ее подразделения вышли к 38-й параллели и остановились на ней. Отдельные части продвину-

* Садаков Денис Андреевич, магистрант I курса ВятГГУ. E-mail: rstk2005@gmail.com

лись несколько южнее, однако вскоре вернулись на линию 38-й параллели, соблюдая договоренности правительств СССР и США.

В ноябре 1945 г. была введена должность заместителя командующего 25-й армией по гражданским делам, которую занял генерал-майор А.А. Романенко. Впоследствии на основе его аппарата было создано Управление советской гражданской администрации в Северной Корее. Оно опиралось на самостоятельно сформированные корейцами органы местного самоуправления и концентрировало свое внимание на восстановлении экономики¹.

Американцы высадились в Корее 8 сентября. Контакты между двумя оккупационными зонами осуществлялись преимущественно на уровне командующих войсками СССР и США на полуострове генералами И. М. Чистяковым и Дж. Ходжем.

Оккупационные зоны изначально не являлись равными или самодостаточными. На Севере была сосредоточена большая часть промышленности и электроэнергетики, развита добыча полезных ископаемых. Юг, в свою очередь, многократно превосходил Север в производстве сельскохозяйственных продуктов и товаров народного потребления². В связи с этим американцы характеризовали сложившуюся ситуацию в Корее как «невозможную». Учитывая ярко выраженную экономическую специализацию Севера и Юга, представитель госдепартамента на полуострове политический советник М. Беннингхоф говорил о необходимости начала переговоров с советскими властями о налаживании поставок каменного угля в американскую зону как о деле, имеющем высший приоритет³.

Советская позиция по этому вопросу была однозначной. Командование 25-й армии заявляло о невозможности любых переговоров на уровне военных администраций до того, как правительствами обеих стран не будут приняты ключевые решения о послевоенном будущем Кореи⁴.

В связи с тем что советское командование заняло столь категоричную позицию, у американцев стали появляться вопросы о целесообразности присутствия советского генерального консульства в Сеуле, созданного вместе с приходом американских войск. По словам главы американской военной администрации генерала Дж. Ходжа, советские представители получили в южной части Кореи все

средства для наблюдения за ситуацией в стране и политической активности. Взамен же американцы, по его мнению, не получили ничего. Более того, генерал подозревал, что консульство пытается оказывать поддержку местному коммунистическому движению и стремится дискредитировать американскую военную администрацию в глазах корейцев⁵.

Негативные оценки советского присутствия в Корее звучали и до этого. К примеру, в отчете генерала Д. Макартура от 18 сентября 1945 г. со ссылкой на непосредственных свидетелей утверждалось, что советские войска якобы совершали грабежи на тех территориях к югу от 38-й параллели, на которые они успели продвинуться до прибытия американцев. В документе содержались и обвинения в адрес советского консула за его якобы «прокоммунистическую деятельность». В целом американцы приходили к выводу, что советские войска на полуострове стремятся распространить коммунизм, не считаясь с мнением местного населения, что делало крайне маловероятным достижение договоренности между советской и американской военными администрациями по любому из серьезных вопросов⁶. С этим тезисом соглашался и М. Беннингхоф⁷.

Еще одной важной для американцев проблемой являлось положение японских лагерей для британских и американских военнопленных, расположенных под Хамхыном — городом, находящимся в советской зоне оккупации⁸. Для решения этого вопроса командование войсками США предприняло попытку наладить связь с командованием 25-й армии. Однако дело продвигалось достаточно медленно. Одним из людей, по долгу службы посещающим эти лагеря, стал сотрудник австралийского министерства информации Л. Барсдел. Он подготовил подробный отчет как о бывших пленниках, так и о его более общих наблюдениях в советской зоне, который дошел и до президента США Г. Трумэна. По словам Барсдела, военнопленные были вынуждены организовать самоуправление в лагере и испытывали недостаток в снабжении продуктами питания. При этом советские власти не предпринимали никаких мер, направленных на скорейшую репатриацию американцев и англичан.

В это время, утверждал Л. Барсдел, солдаты 25-й армии были заняты конфискацией бывшей японской собственности, а также гра-

били и насиловали корейцев и японок. Более того, писал он, отношение к ним стало тем фактором, который за 40 лет впервые сумел примирить представителей этих двух народов между собой. Тысячи корейцев и японцев, утверждал он, были вынуждены покинуть свое место жительства и отправиться в американскую зону. Автор документа сообщал, что даже лично присоединился к одной из групп солдат Красной Армии, в составе которой был свидетелем реквизиции в одном из домов фотокамеры, двух кимоно, нескольких подушек, маленьких орнаментов с изображением гейш, а также молодой девушки, увезенной на грузовике в расположение части⁹.

Как бы то ни было, как отмечает американский сторик Б. Камингс, такая ситуация продлилась недолго. К январю 1946 г. на территорию полуострова были введены подразделения, выполняющие функции военной полиции, которые «расстреливали на месте» любого, замеченного в таких преступлениях, что привело к существенному повышению дисциплины. Поведение советских официальных лиц, по свидетельствам очевидцев, было очень корректно и до этого¹⁰. Однако эта позитивная информация не попадала в официальные отчеты американцев.

В целом в 1945 г. советская военная администрация на полуострове воспринималась американцами в отрицательном ключе. В отчетах должностных лиц США сообщалось о многочисленных противоправных действиях солдат и жестких методах коммунизации полуострова. По их мнению, отказ командования 25-й армии от переговоров не давал наладить нормальное межзонное взаимодействие и способствовал закреплению раскола страны.

Переломить наметившиеся негативные тенденции позволил успех, достигнутый советскими и американскими дипломатами на Московском совещании министров иностранных дел, которое состоялось в декабре 1945 г. СССР и США сумели прийти к принципиальной договоренности о механизме, призванном обеспечить создание единого и независимого корейского государства. Им стала Совместная советско-американская комиссия.

Именно ко времени достижения соглашения в Сеул из советской оккупационной зоны прибыли 2 вагона с химикатами, запрашиваемыми американцами еще в сентябре. Сопровождавший их ви-

це-консул Константинов заявил о том, что новые поставки вполне возможны. Выразил он и готовность сотрудничать по проблеме репатриации и перемещения беженцев из одной оккупационной зоны в другую¹¹.

В дальнейшем американцы концентрировали свое внимание на трех ключевых сферах деятельности советской администрации на Севере — политической, экономической и военной.

Самой однозначной с точки зрения Вашингтона являлась первая. Отчасти этому способствовали события, происходившие к северу от 38-й параллели. 12 февраля 1946 г. на территории Северной Кореи советскими властями создается Временный народный комитет с Ким Ир Сенем во главе. Большинство мест в нем заняли представители Демократической партии, а также местные и китайские коммунисты. Все посты их заместителей принадлежали бывшим партизанам или советским корейцам¹². Источники американцев отмечали, что советские власти фактически контролируют всю политическую жизнь на Севере.

На основании указанной информации генерал Ходж утверждал, что СССР хочет заставить американцев принять такой состав правительства, который позволил бы коммунистам получить контроль над всем объединенным временным правительством Кореи¹³. Американцы пришли к выводу, что на полуострове советские власти для получения контроля над правительством применяли такую же тактику, которая использовалась и в Восточной Европе.

В этих оценках важную роль начинали играть связанные с коммунизмом идеологические стереотипы, формирующиеся в сознании американского истеблишмента. Без достаточных оснований утверждалось о стремлении СССР захватить контроль над будущим независимым корейским государством. Подразумевалось, что для достижения своей цели советское правительство может пойти на самые решительные шаги. Это вынуждало США искать срочные меры противодействия растущему влиянию СССР. Единственный возможный противовес коммунистическому движению был найден в многочисленных группах правых националистов¹⁴.

На полуострове начала складываться атмосфера соперничества и взаимного недоверия. Администрации СССР и США смотрели друг

на друга через призму идеологической конфронтации, что существенно затрудняло конструктивный диалог и способствовало усугублению наметившегося раскола страны. Практически сразу же эти факторы сказались и на работе Совместной советско-американской комиссии, первое заседание которой состоялось 20 марта 1946 г. в Сеуле.

Долгий перерыв, а затем и окончательное прекращение ее работы в 1947 г. лишь укрепили противоборствующие стороны в своих стереотипах, делая малоуспешными все усилия по налаживанию межзонного взаимодействия, вплоть до самого вывода советских и американских войск и провозглашения двух корейских государств.

Стоит отметить, что практически сразу политическая составляющая американского восприятия советской администрации быстро становится в значительной мере связанной с составляющей экономической. Это ярко проявилось в ходе встречи представителей командования США и СССР, начавшейся 16 января 1946 г.¹⁵ На ней должны были рассматриваться вопросы, связанные с налаживанием экономического и транспортного взаимодействия между двумя зонами¹⁶. Вскоре выяснилось, что позиции США и СССР серьезно различаются. Американские представители стремились к заключению масштабного соглашения по обозначенным выше вопросам и фактическому уничтожению барьера по 38-й параллели. Советская делегация во главе с заместителем командующего войсками Приморского военного округа по политической части Т.Ф. Штыковым видела задачи встречи в налаживании взаимодействия между военными администрациями и определении условий товарообмена в рамках экономической специализации Севера и Юга¹⁷. В итоге были затронуты лишь вопросы о транспортировке угля и сельскохозяйственных продуктов через территорию советской оккупационной зоны, из Маньчжурии на Юг, установление единой финансовой системы, а также налаживание коммуникаций между головными офисами коммерческих организаций и их подразделениями в различных зонах. Большие разногласия на переговорах вызвал вопрос о взаимном обмене товарами. Проблема заключалась в том, что американцы решительно отказывались обменивать рис, в котором была большая потребность на Севере, на какие бы то ни

было промышленные товары. Позиция советской стороны, как отмечает историк Э. Ван Ри, выглядела, «как будто для русских был важен только рис»¹⁸.

После длительных обсуждений было принято компромиссное соглашение о порядке перемещения грузов и людей через 38-ю параллель, об обмене почтой, по радиочастотам, а также по ряду других спорных вопросов¹⁹. По снабжению электроэнергией, обмену товарами и взаиморасчетам по ним никаких решений достигнуто не было²⁰. Вскоре граница между Севером и Югом была фактически закрыта. Попытки наладить товарообмен продолжались в течение 1946 г., однако ситуация оставалась, по существу, прежней. Таким образом, противоречия между СССР и США проявились в самом подходе к основополагающим принципам управления оккупированным полуостровом. Советские власти были не готовы идти на любые серьезные межзональные интеграционные меры до принятия конкретных политических решений, что автоматически блокировало большинство американских инициатив в сфере экономики.

Однако традиционные экономические связи не могли не сказываться на планах политиков. По-прежнему одной из важнейших проблем, стоящих перед советской военной администрацией, оставалось обеспечение своей зоны продовольствием, в первую очередь рисом. Весной 1946 г. советское командование пообещало отключить подачу электроэнергии на Юг в случае, если на Север не начнутся поставки риса в счет погашения долга за уже поставленные 220 млн кВт·ч электроэнергии. Договоренность была достигнута после согласия советских властей на отправку в американскую оккупационную зону 10 т хлорина и 30 тыс. т удобрений.

Характерно, что американцы были склонны видеть причины недостатка риса в том, что, по некоторым сведениям, 25-й армией осуществлялись массовые реквизиции продуктов в северной части Кореи²¹. Стоит отметить, что эти данные вступали в противоречие с поступившей позднее информацией, согласно которой СССР готовился наладить импорт риса на Север, дабы «откормить» местное население²². Полноценное соглашение по поставкам электроэнергии было достигнуто лишь к 17 июня 1947 г. Расчет за нее должен был осуществляться материалами и оборудованием²³.

Однако и этому соглашению не суждено было проработать долго. 14 мая 1948 г., после того как американцы задержали отправку материалов в погашение долга, электроснабжение американской оккупационной зоны было прекращено. К 12 июня эти материалы были готовы к доставке на Север, однако советское командование отказалось «выполнять функции посредника между американским командованием и Народным комитетом Северной Кореи». Это вызвало протесты американцев, которые ссылались на соглашение 1947 г. и говорили об ответственности советской администрации за поставки электроэнергии, пока войска СССР находятся на полуострове²⁴. Однако это не повлияло на советскую позицию. Советом «обратиться к северокорейскому Народному комитету» окончилась и просьба американцев о заключении контракта на поставку удобрений на Юг²⁵.

Таким образом, реализация даже тех немногих договоренностей, что были достигнуты на предшествующих этапах, зачастую наткнулась на непроходимые препятствия в виде политических решений. При этом последние принимались во многом по идеологическим мотивам, делая невозможным конструктивный диалог между США, СССР и их союзниками даже по, казалось бы, наименее политизированным экономическим вопросам.

Третьей составляющей американской картины деятельности СССР на Корейском полуострове являлся военный аспект. Изначально он занимал явно третьестепенное положение и проявлялся только в эпизодических ситуациях. К примеру, 9 апреля 1946 г. самолет В-17 ВВС США, следуя с Окинавы в Корею, сбился с курса и оказался в районе Вонсана, где был принужден к посадке советскими истребителями. Экипаж был допрошен и задержан на один день, после чего американский бомбардировщик эскортировали на Юг²⁶.

Американцы обращали большое внимание и на масштабные учения, которые Советская Армия проводила в районе Пхеньяна²⁷.

По мере того как Совместная комиссия начинала испытывать в своей работе все больше и больше проблем, начинала расти и обеспокоенность американцев ситуацией, сложившейся на полуострове. 2 июля 1947 г. генерал Макартур в отчете госсекретарю Дж. Маршаллу указывал на то, что в Корею сложилась взрывоопасная обстановка. Сила сформированной при содействии СССР северокорей-

ской армии вкупе с активностью коммунистической «пятой колонны» на Юге заставляли правые силы чувствовать себя неуверенно. Генерал предполагал, что обе стороны могут прибегнуть к терроризму, а затем и развязать гражданскую войну²⁸.

Эта точка зрения находила и документальные подтверждения. В конце 1947 г. из «надежных источников» в руки американской администрации попал северокорейский план, подразумевающий вторжение на Юг в момент, когда ООН потребует роспуска северокорейской армии. Однако, как отмечал политический советник администрации США в Корее Дж. Джейкобс, данный вариант был осуществим только после вывода советских и американских войск с территории полуострова, и непосредственное участие СССР или его помощь в агрессии не была запланирована²⁹.

Естественно, реальное существование некоего плана северокорейского вторжения вызывает определенные сомнения. Однако тот факт, что сами американцы характеризовали источники, из которых поступил этот план, как надежные, говорит о том, что этот документ оказывал определенное влияние на их восприятие советской активности, а значит и на формирование внешней политики США.

Непосредственно перед выводом советских войск с полуострова ситуация продолжала оставаться достаточно напряженной. К примеру, 8 февраля 1948 г. произошла серия конфликтов (охарактеризованных словом «хулиганство») между американскими офицерами связи и северокорейскими гражданскими лицами и военнослужащими, оскорбившими армию США. В связи с этим генерал Ходж обращался к новому командующему 25-й армией генералу Г.П. Короткову с требованием разобраться в ситуации и наказать виновных. Характерно, что, по сообщениям американцев, свидетелями этих инцидентов являлись несколько советских офицеров, которые не сделали ничего, чтобы вмешаться в ситуацию³⁰.

В целом, за исключением небольшого количества описанных выше инцидентов, взаимодействие советской и американской администраций по военным вопросам оставалось минимальным вплоть до полного вывода иностранных войск с полуострова. Гораздо больший интерес вызывает то, что уже с 1946 г. американцы опасались вооруженного нападения с Севера, создавая для себя на основе не-

достоверных источников фактически несуществующие угрозы, которые вписывались в концепции, говорящие об агрессивности коммунизма. В результате военный аспект американского восприятия советской администрации оказался идеологизирован не в меньшей степени, чем экономический и политический, что еще более затрудняло нормальное межзонное взаимодействие.

Резюмируя, можно сказать, что на протяжении 1945—1948 гг. отношения между военными администрациями СССР и США были достаточно напряженными. Значимой проблемой, препятствовавшей их продуктивному сотрудничеству, являлось недостаточное взаимное доверие. Так, американцы подозревали советские власти в наличии планов «коммунизировать» Корею и установить на полуострове марионеточное правительство. Провал работы Совместной комиссии, ответственность за который американцы возлагали на Москву, проблемы с товарообменом, а также активность левых на Юге только усиливали подозрения, и Вашингтон не исключал возможности попытки силового варианта решения корейского вопроса. При этом американские должностные лица зачастую делали свои выводы на основании слухов и показаний беженцев, достоверность которых может вызывать сомнения. Угроза с Севера в глазах американцев приобретала реальные очертания по мере поступления данных о подготовке хорошо обученной и оснащенной современным вооружением северокорейской армии.

Однако на восприятие американцами советских действий влияли не только реальные факты и слухи. Взгляд на внешнюю политику СССР через призму идеологии заставлял американцев реагировать во многом на фантомные угрозы, что вносило свой вклад в нагнетание обстановки на полуострове. Их ошибки, вкупе с ошибками советской стороны, привели к провалу усилий по созданию единого и независимого корейского государства.

Американские военные и дипломаты зачастую руководствовались в своих суждениях логикой начинавшегося соперничества между великими державами. Растущая роль идеологии в формировании внешней политики проявилась в фактической демонизации Советского Союза. Естественно, что восприятие партнера по переговорам как агрессивного государства, ведущего активную подрывную дея-

тельность и всегда готового напасть, не могло способствовать развитию диалога. Не способствуют подобные явления эффективному переговорному процессу на Корейском полуострове и сейчас.

Примечания

¹ Торкунов А.В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории / А.В. Торкунов, В.Ф. Ли, В.И. Денисов. М. 2008. С. 54.

² Ki-baik Lee. A New History of Korea. Cambridge; L., 1984. P. 376.

³ Foreign Relations of United States (далее — FRUS). 1945. Vol. 6. P. 1051.

⁴ FRUS 1945. Vol. 6. P. 1071—1072.

⁵ Ibid. P. 1072—1073.

⁶ War Department Incoming Classified Message, September 18, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-15.pdf. P. 2.

⁷ War Department Incoming Classified Message, October 1, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-14.pdf. P. 1—2.

⁸ FRUS 1945. Vol. 6. P. 1055.

⁹ War Department Incoming Classified Message, September 28, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf, P. 2—3.

¹⁰ Cumings B. Origins of the Korean war. Vol. 1. Seoul, 2002. P. 389.

¹¹ FRUS 1945, Vol. 6, P. 1148—1149.

¹² Асмолов К.В. От Тэвонгуна до Сонгуна. Очерки социально-политической истории Кореи в новое и новейшее время. Часть 2. От освобождения — до вождей утверждения [Рукопись предоставлена автором]. Глава 4, С. 4.

¹³ FRUS 1946, Vol. 8. P. 641—642.

¹⁴ Ibid. P. 645—646.

¹⁵ Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства. М., 1946. С. 10—11.

¹⁶ FRUS. 1946, Vol. 8. P. 611—612.

¹⁷ Ibid. P. 634.

¹⁸ Rhee, E. V. Socialism in one zone: Stalin's policy in Korea. Amsterdam, 1988. P. 161—162.

¹⁹ Внешняя политика Советского Союза. 1946. С. 806—807.

²⁰ FRUS. 1946. Vol. 8. P. 634.

²¹ Ibid. P. 652.

²² Ibid. P. 741.

²³ FRUS 1948, Vol. 8. P. 1227.

²⁴ Ibid. P. 1228.

²⁵ Ibid. P. 1245.

²⁶ FRUS 1946. Vol. 8, P. 664.

²⁷ Ibid. P. 645—646.

²⁸ FRUS 1947, Vol. 6. P. 682—683.

²⁹ Ibid. P. 844—845.

³⁰ FRUS 1948, Vol. 8. P. 1117—1118.

*А.Д. Кураков**

К ВОПРОСУ О ВОССТАНИИ НА ОСТРОВЕ ЧЕЧЖУДО

В настоящее время южнокорейский остров Чечжудо, расположенный к югу от Корейского полуострова, является одним из наиболее популярных туристических направлений Южной Кореи. Он широко известен своими прекрасными пляжами и мягким климатом. Год назад швейцарская некоммерческая организация «Корпорация нового открытого мира» даже включила этот остров в свой список 7 новых чудес природы.

Сейчас в это трудно поверить, но всего 60 лет назад здесь разворачивалась одна из самых трагических страниц современной истории Кореи — восстание 1948 г., события, известные в южнокорейской историографии как «инцидент 3 апреля».

Волнения на Чечжудо представляют собой длительное антиправительственное партизанское движение, жестоко подавленное с помощью США.

Традиционно считалось, что восстание на Чечжудо началось 3 апреля 1948 г. и, по официальным данным, продолжалось немногим более полутора лет. Однако на сегодняшний день существуют

* *Кураков Антон Дмитриевич*, библиотекарь Центра восточной литературы Российской государственной библиотеки. E-mail: grumpykloik@gmail.com

дискуссии о хронологических рамках восстания. В соответствии с господствовавшей ранее точкой зрения восстание началось 3 апреля 1948 г., когда группа коммунистов атаковала полицейские участки. В 1990-е годы с началом демократических преобразований в Республике Корея появилась другая точка зрения, согласно которой старт последующим событиям был дан еще 1 марта 1947 г. Тогда местная полиция впервые открыла огонь по мирной многотысячной демонстрации. В результате 6 человек были убиты и еще 8 ранены. Этот инцидент привел к всеобщей забастовке на Чечжудо и последовавшим за ней столкновениям с местными властями. Согласно такой точке зрения, восстание 3 апреля 1948 г. стало одной из форм народного сопротивления американскому господству, продолжив дело участников первоапрельской демонстрации 1947 г.

Дата окончания восстания также была пересмотрена и, согласно последним докладам Комиссии по национальному примирению, последние относительно крупные очаги партизанского движения были подавлены в 1954 г. Таким образом, данный «инцидент» представляет собой серию восстаний в период с 1947 по 1954 г.

События 1948 г. имели значительные последствия как для местных жителей, так и частично для всего Корейского полуострова. Став самым крупным антиправительственным выступлением, восстание на о. Чечжудо взяло на себя роль локомотива левого движения в Южной Корее. По мнению зарубежных исследователей, именно активное сопротивление действовавшему правительству стало одной из трех основных причин для начала Корейской войны — без сомнения, самого трагического и значительного события в современной корейской истории.

Данная тема до недавнего времени мало освещалась в корейской, а тем более российской, историографии. На фоне «холодной войны» восстание рассматривалось лишь с коммунистической или антикоммунистической точки зрения. В обоих случаях постулировалось, что его инициаторами были коммунисты, тесно связанные с ТПК. Согласно данным трактовкам, оно фактически проходило под северокорейскими лозунгами и непосредственным патронажем Пхеньяна. Однако в последние 20 лет, благодаря появлению новой литературы о восстании на Чечжудо, публикации воспоминаний

участников, а также деятельности Комиссии по национальному примирению картина описываемых событий стала более полной, а ряд материалов стал доступным для изучения. Такие перемены дают возможность по-новому рассмотреть общепринятые трактовки.

Основываясь на указанной выше литературе, а также таких малоисследованных данных, как материалы АВПРФ и рассекреченные документы ряда американских военных ведомств, предпринята попытка рассмотрения событий 3 апреля 1948 г. с нового, ранее не исследованного в отечественной историографии ракурса. Основное внимание будет уделено социальным предпосылкам вооруженного столкновения. Также, основываясь на практически не использовавшихся в отечественной историографии данных, будет затронут вопрос потерь среди местного населения, что позволит судить о масштабах восстания и о том, насколько соответствовал правительственный ответ вызову со стороны местного населения.

Социальные предпосылки

По итогам Второй мировой войны Корейский полуостров был разделен на две части для принятия капитуляции японских вооруженных сил. В соответствии с союзническими договоренностями территории к северу от 38-й параллели были заняты советскими войсками, южные земли переходили под временный контроль США.

Однако еще до прибытия иностранного контингента по всей территории страны были образованы народные комитеты. Наиболее сильным влиянием комитеты пользовались именно на этом острове благодаря его удаленности от материковой части страны. Таким образом, активные меры по борьбе с органами самоуправления, принятые американской военной администрацией (АВА) в 1945 г. после прибытия в Корею, практически не коснулись Чечжудо.

Более того, согласно данным комиссии по расследованию событий 3 апреля, народные комитеты существовали при невмешательстве АВА, а затем сотрудничали с последней. Так, в марте 1946 г. местные органы самоуправления провели мирную демонстрацию в честь годовщины первоапрельского движения при непосредственном участии полиции и жандармских сил. В июне того же года военная ад-

министрация выделила снаряжение и припасы миротворческим отрядам народных комитетов (Peace protection squads) для борьбы с эпидемией холеры¹. Согласно воспоминаниям одного из руководителей такого отряда, в конце 1945 г. американское военное командование призывало к активному сотрудничеству в сфере охраны провианта и снабжения, оставшегося от японской армии, а также поддержания общественного спокойствия на острове².

Стоит отметить, что комитеты также активно участвовали в развитии социальной инфраструктуры. Так, за этот период времени на острове с тремя небольшими городами было построено 27 школ.

Период конца 1946 — начала 1947 г. к югу от 38-й параллели отмечен растущей нестабильностью, трансформацией разочарования в американской военной администрации в активное сопротивление, а также нарастающим идеологическим противостоянием. Антикоммунизм был избран в качестве основной идеологической базы правящих кругов корейской политической элиты во главе с будущим первым президентом РК Ли Сын Маном. В такой обстановке Чечжудо, на протяжении более чем 2 лет управлявшийся формально левыми народными комитетами, начал восприниматься как «Красный остров». Поводом для обострения ситуации стало кровавое подавление восстания 1 октября 1946 г. на материковой части Кореи, известное как «Восстание осеннего урожая». В том же году Чечжудо был выведен из состава пров. Чолла-намдо и был назначен новый губернатор.

Вместе с новым руководством пришла и полиция, лояльная АВА. Недовольство нашло выражение в массовой демонстрации 1 марта 1947 г. и последовавшей за ней забастовке. В тот же день местные жители предприняли попытку провести шествие от намсанской начальной школы в честь годовщины первоапрельского движения. По некоторым данным, общая численность демонстрантов составила более 50 тыс. человек, или около 1/6 всего населения Чечжудо³. Это привело к столкновениям между местными жителями и полицией. Итог составил 6 погибших, 8 раненных⁴.

В качестве ответных мер на остров было переброшено несколько сотен членов проправительственных праворадикальных вооруженных формирований, наделенных властью подавлять любую активность населения Чечжудо. Среди таких организаций в первую оче-

редь нужно выделить Северо-западную молодежную ассоциацию, состоящую в основном из перебежчиков с Севера. Не имея официальных зарплат, они обеспечивали себе жизнь нелегальной деятельностью, особенно убийствами, изнасилованиями и вымогательством. Причем незаконный отъем денег и продовольствия неумолимо возрастал.

Согласно современной западной историографии, в период с 1947 по 1948 г. отъем денег и продовольствия увеличился в 5 раз. Благодаря праворадикальным политическим взглядам и особому рвению в отношении «наведения порядка на “Красном острове”», как называли Чечжудо за верность народным комитетам, члены Северо-западной молодежной ассоциации смогли достаточно просто инкорпорироваться в структуру местной полиции, что давало им определенную защиту от справедливого наказания.

Согласно мемуарам Ким Ик Рёля, прикрытие полиции и страх местного населения перед местью за дачу показаний помогали преступникам избегать наказания со стороны генерал-губернатора и жандармского полка. Стоит упомянуть, что армия и предшествовавшие ей полицейские полки долгое время занимали нейтральную сторону и на раннем этапе конфликта старались учитывать интересы местного населения. Так, вышеупомянутый офицер Ким Ик Рёль был снят с поста командующего 9-м жандармским полком из-за попытки урегулировать конфликт «малой кровью» вместо применения тактики «выжженной земли». Таким образом, можно сказать, что проправительственный лагерь не был монолитным и не полностью состоял из сторонников Ли Сын Мана.

Ход событий

Согласно данным комиссии по расследованию восстания на Чечжудо, оно началось с вооруженного нападения на полицейские участки. В 2 ч утра около 350 человек атаковали 12 местных отделений полиции, а также дома основных членов правых организаций. В результате данной акции в первый день жертвы составили 4 человека со стороны полиции, 8 среди мирных жителей и 2 из числа нападавших. Примечательно, что восставшие были вооружены преимущественно

подручными средствами. Так, только половина из 500 людей имели при себе огнестрельное оружие, остальные же использовали бамбуковые копыя, серпы, мечи и другое подручное вооружение⁵.

Согласно газетам того времени, в течение первых недель масштаб восстания был достаточно скромным. Ссылаясь на выпуск газеты «Тона ильбо» от 14 апреля 1948 г., современные южнокорейские авторы приводят следующие данные о потерях повстанцев за первые пять дней столкновений: 22 человека убитых, 50 раненных (из которых 30 в тяжелом состоянии), 12 пропавших без вести. Также было разрушено или повреждено 17 домов и зафиксировано 7 случаев поджога. Со стороны полиции были зафиксированы следующие людские и имущественные потери: 4 убитых, 8 раненных (7 в тяжелом состоянии), 2 пропавших без вести; было разрушено или повреждено: 2 дома, дороги в девяти, телефонная линия в трех местах, а также зафиксировано 3 случая поджога⁶.

Такие относительно небольшие потери объясняются тем, что изначально инцидент представлял собой череду антиполицейских акций, а не полномасштабную партизанскую войну. В течение первого месяца бунтующие не только не проявляли агрессии по отношению к правительственным войскам, но стремились заручиться их поддержкой.

Согласно мемуарам Ким Ик Рёля, командира 9-го жандармского полка, ответственного за подавление восстания, к концу месяца было практически достигнута договоренность о прекращении огня, а большая часть лидеров сопротивления из числа членов местного отделения Трудовой партии Южной Кореи бежала на Север⁷. Однако из-за ошибочной политики военного командования в конце апреля руководство полком было передано подполковнику Пак Чжин Гену. Новый командир, стремясь заручиться поддержкой руководства, на официальной церемонии объявил о готовности пожертвовать жизнями всех 300 тыс. жителей острова.

Агрессивная политика нового руководства привела к резкому росту численности инсургентов. Брюс Камингс, ссылаясь на документы ЦРУ от 1948 г., указывает, что к лету численность партизан, называвших себя «народной (освободительной) армией», достигла 3—4 тыс. человек, или примерно 1 % населения Чечжудо. Относи-

тельно организационной структуры упоминается, что партизаны делились на группы по 80—100 человек и имели слабые связи друг с другом, хотя официально были разделены на 2 армии.

В дальнейшем, в связи с активным использованием тактики «выжженной земли» и террора в отношении партизан и мирных жителей, численность инсургентов начала заметно снижаться. Официально датой активного перехода к тактике «выжженной земли» является 15 ноября 1948 г. Однако на практике массовые убийства и пытки применялись силами подавления и ранее. Члены молодежных корпусов устраивали показательные казни, массовые расстрелы и т. д. Сжигались целые поселения и создавались стратегические деревни. По данным агентства АП, по состоянию на март 1949 г. в г. Чечжу было сосредоточено около трети населения острова, т. е. примерно 100 тыс. человек под защитой 1 полка солдат. Такая значительная концентрация людей влечет за собой очевидные проблемы со снабжением. В сообщении указанного агентства говорится следующее: «Католический миссионер Суини сообщил в письме к своему другу в Сеуле о том, что некоторые жители острова получают в день всего лишь по одной земляной груше и что нет никаких связей между городом и деревней»⁸. Учитывая общее неблагоприятное состояние продовольственной ситуации (осенью 1948 г. был объявлен закон о принудительной продаже излишков зерна государству), а также сбой в сельскохозяйственных циклах из-за партизанского движения на самом острове, можно говорить о том, что количество пострадавших от голода и лишений, связанных с повреждением инфраструктуры, составляет значительный процент от общего числа жертв.

Правительственные войска, наряду с карательными миссиями, обещали амнистии каждому, кто выдаст членов собственной группировки. Такие меры постепенно приносили свои плоды. Так, согласно рассекреченному докладу ЦРУ под названием «Возможности коммунистов в Южной Корее» от 21 февраля 1949 г., численность восставших составляла уже менее 1 тыс. человек⁹, а к марту того же года — около 500 «вооруженных агитаторов» и 15 тыс. активно сочувствующих¹⁰.

Таким образом, согласно официальной версии, восстание на Чечжудо завершилось уже весной 1949 г.: в марте остров с визитами

посетили министр внутренних дел Син Сон Мо, а также президент Ли Сын Ман, а уже 10 мая состоялась встреча последних солдат, вернувшихся с Чечжудо. С Ли Сын Маном. Однако представляется возможным говорить о том, что восстание продолжалось вплоть до 22 сентября 1954 г., когда был открыт для посещения район вулкана Халласан, где ранее прятались инсургенты.

Потери

На данный момент существует множество версий относительно количества жертв. Так, например, известный американский историк Брюс Камингс приводит следующие данные: ссылаясь на слова губернатора Чечжудо, воспроизведенные в докладе полковника Брауна (1950 г.), он говорит о 60 тыс. погибших и еще 40 тыс., бежавших в Японию (при численности населения, по его данным, в 400 тыс. человек). Однако данные цифры представляются маловероятными.

В 1948 г. население острова Чечжудо, по официальным данным, составляло немногим меньше 300 тыс. человек. Согласно материалам Комиссии по расследованию восстания на Чечжудо, в результате столкновений погибли и пропали без вести 14 373, т. е. около 5 % населения острова. Однако допускается увеличение количества жертв до 25—30 тыс. за счет незадокументированной информации (8 % и 10 % населения соответственно). Получается, что по самым скромным подсчетам на одного убитого партизана приходилось 3 мирных жителя. Отмечается, что 86 % убийств было совершено правительственными войсками, тогда как 13,9 % — партизанами¹¹. Такие данные полностью противоречат традиционной точке зрения, постулирующей, что абсолютное большинство жертв пало от рук восставших. В то же время видно, что население, вероятно, страдало от двоевластия, когда с заходом солнца власть переходила в руки инсургентов, нападавших на деревни в поисках пропитания и расправлявшихся с коллаборационистами.

Колоссальный урон был причинен и местной инфраструктуре: более 20 тыс. домов было разрушено. А из почти 400 деревень уничтожено было около 300.

Эти данные свидетельствуют о том, что карательные операции носили массовый характер и были направлены скорее против мирного населения, чем против самих партизан, скрывавшихся в горах.

Итоги

Проведенное исследование показало, что причины восстания выходят далеко за рамки схемы борьбы агентов КНДР против проамериканского режима. Событиям 3 апреля 1948 г. предшествовали длительные проблемы социального и экономического характера, которые, в свою очередь, и привели к активному вооруженному сопротивлению, оставившему кровавый след в современной истории Кореи.

Приведенные данные о жертвах среди населения Чечжудо позволяют говорить о беспрецедентной жестокости, проявленной правительственными войсками. Эти цифры ярко демонстрируют трагические последствия злоупотребления властью со стороны руководства Южной Кореи. Также можно говорить о том, что эти события отражают общий уровень социального напряжения, характерный для того времени.

Несмотря на то что с начала восстания прошло уже более 60 лет, память об этих трагических событиях до сих пор жива. Периодически проводятся демонстрации и поминальные службы в память о жертвах «инцидента 3 апреля». Однако для множества ежегодно приезжающих сюда туристов данные события останутся тайной этого прекрасного субтропического острова.

Примечания

¹ The architecture of ideology: the Confucian imprinting on Cheju. P. 154.

² Чжечжу 4.3. закон: чжинсан чжоса богосо (События в Чжечжудо 3 апреля: Доклад о результатах реального расследования событий». 2003).

³ Katsiaficas, George. Asia's Unknown Uprisings, Volume 1: South Korean Social Movements in the 20th century. Oakland, Thompson-shore, 2012. P. 92.

⁴ Чжечжу 4.3. закон: чжинсан чжоса богосо.

⁵ Deane, Hugh The Korean War: 1945—1953, San-Francisco: China books and periodicals, Inc. P. 55.

⁶ Тонь-а ильбо, апрель 14, 1948; цит по. «Чжечжу 4.3. закон: чжинсан чжоса богосо». С. 506.

⁷ Там же. С. 510.

⁸ АВПРФ: фонд 566, опись 16, папка 414, дело 231, лист 80.

⁹ Communist Capabilities in South Korea, Office of Reports and Estimates 32—48, February 21, 1949.

¹⁰ АВПРФ: фонд 566, опись 16, папка 414, дело 231, лист 80.

¹¹ The national committee for investigation of the Truth about the Jeju April 3 incident official website: URL: jeju43.go.kr/English/sub04.html

А.А. Курмызов*

ЮЖНОКОРЕЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1970-Х ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

С момента создания Республики Корея в 1948 г. отношения с США оставались и продолжают оставаться важнейшим внешнеполитическим приоритетом южнокорейских властей. США сыграли ключевую роль в создании государства на юге Корейского полуострова и фактически спасли его в годы Корейской войны 1950—1953 гг. Значительная финансовая, экономическая и военная помощь, предоставляемая США, также имела большое значение для развития Республики Корея. В свою очередь, заинтересованность Вашингтона в поддержке Южной Кореи и военном присутствии на Корейском полуострове диктовалась его геополитическими интересами в Восточной Азии. Несмотря на окончание «холодной войны», отношения между двумя странами продолжают носить союзнический характер и определяться важными стратегическими соображениями, что делает актуальным исследование динамики этих отношений на протяжении десятилетий, прошедших после окончания Корейской войны.

В советский период правящие элиты РК воспринимались в нашей стране как марионетки «американского империализма». Даже в

* Курмызов Александр Александрович, аспирант ИДВ РАН. E-mail: kurmyzov@mail.ru

наши дни в российском массовом сознании Республика Корея и, соответственно, ее лидеры воспринимаются как послушные «младшие партнеры» Вашингтона. Не отрицая значительное американское политическое и экономическое влияние на РК, особенно в первые десятилетия ее существования, следует обратить внимание на то, что отношения между двумя союзниками носили куда более драматичный характер, чем это принято считать, и не были лишены противоречий. В качестве примеров этих противоречий, относящихся к недавнему прошлому, можно вспомнить различие в подходах к КНДР администраций Дж. Буша-младшего и Но Му Хёна. Однако наиболее глубокий кризис в американо-южнокорейских отношениях имел место в 1970-х годах.

Пришедшие к власти в результате государственного переворота 16 мая 1961 г. военные провозгласили продолжение политики сотрудничества с США и противодействие коммунизму одним из приоритетных направлений своего политического курса. Новый лидер Южной Кореи Пак Чжон Хи придавал большое значение отношениям с США. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1960-е годы Пак совершил три официальных визита в США (1961, 1965 и 1969). Официальная риторика южнокорейских властей в эти годы носила вполне дружественный по отношению к США характер. В своем программном труде «Государство, революция и я» (кор. — *Кукка, хёнмён ква на*) Пак Чжон Хи писал: «Мы любим Америку за либеральную демократию. Они (т. е. американцы. — *Прим. авт.*) освободили нас, защитили от коммунистического вторжения и оказывали нам экономическую помощь. Но более всего мы любим Америку за то, что она не предъявляла к нам неразумных требований»¹.

Наиболее ярким проявлением сотрудничества нового южнокорейского руководства с США было участие южнокорейских войск в войне во Вьетнаме. По численности там воинского контингента РК уступала только США². За участие в войне Южной Кореи была предоставлена значительная финансовая помощь (до 1 млрд долл. в 1965—1972 гг.).

Начиная с 1970 годов отношения между РК и США стали постепенно ухудшаться, что было связано с определенными изменениями в американской внешней политике. Под влиянием неудач во Вьет-

наме президент США Ричард Никсон в июле 1969 г. провозгласил «Гуамскую доктрину», означавшую уменьшение военной вовлеченности Соединенных Штатов в азиатские дела. Америка соглашалась оказывать своим союзникам в Азии большую экономическую и военную помощь, но основное бремя противодействия «коммунистической угрозе» было возложено на нее.

В условиях происходившей тогда разрядки международных отношений США стремились наладить отношения с КНР, что привело к визиту президента Р. Никсона в Китай в 1972 г. Попытки улучшить отношения с могущественным коммунистическим государством, союзником КНДР, также вызывали беспокойство в Сеуле.

9 июля 1970 г. министр обороны США Мелвин Лэйрд объявил о плане вывода из Южной Кореи 7-й пехотной дивизии общей численностью в 20 тыс. человек. Южнокорейское руководство во главе с Пак Чжон Хи восприняло это заявление как сигнал того, что в случае нового вторжения КНДР Южной Корее придется полагаться исключительно на собственные силы. В ответ южнокорейское руководство потребовало от США оказания помощи в модернизации своих вооруженных сил, и 6 февраля 1971 г. Вашингтон согласился оказать помощь РК в осуществлении пятилетнего плана по модернизации ее вооруженных сил (1971—1975 гг.), выделив 1,5 млрд долл. Он включал в себя поставки значительного количества современной боевой техники, обучение южнокорейской армии обращению с ней, строительство завода по производству стрелкового оружия в Южной Корее. В конце марта 1971 г. 7-я пехотная дивизия Армии США покинула РК. Лэйрд также подписал план, предусматривавший вывод из страны еще одной дивизии — 2-й пехотной (за исключением одной бригады), но эта идея была отвергнута ввиду возможных непредсказуемых последствий.

Другим фактором, повлиявшим на изменения в американо-южнокорейских отношениях, стали внутривнутриполитические изменения, произошедшие в Южной Корее в 1972 г. 17 октября Пак Чжон Хи ввел в стране чрезвычайное положение и объявил о создании системы *Юсин*, что на практике означало ужесточение политического режима в РК.

США не предприняли никаких шагов против действий Пака. Однако усиление репрессий против оппозиции способствовало

ухудшению имиджа южнокорейского режима в США. Наиболее одиозной репрессивной акцией, предпринятой южнокорейскими властями и едва не вызвавшей скандал между странами, стало похищение оппозиционного политика Ким Дэ Чжуна. 8 августа 1973 г. он был вывезен агентами южнокорейского ЦРУ из отеля в Токио и доставлен на корабль. Лишь оперативные действия посла США в РК Ф. Хабиба спасли жизнь Ким Дэ Чжуну: он предупредил, что убийство Кима будет иметь печальные последствия для отношений США с Южной Кореей³. Через несколько дней Ким был освобожден.

Следует сказать, что вплоть до прихода в США к власти Джимми Картера в 1977 г. проблема прав человека в РК не была приоритетной для большей части американского истеблишмента. Однако критика авторитарного режима за репрессии против оппозиции раздавалась в США все чаще. В период пребывания на посту президента США Джеральда Форда (1974—1977 гг.) ситуация с правами человека в РК стала предметом обсуждения на слушаниях Конгресса США. Они состоялись 30 июля 1974 г. Критики режима *Юсин* обвиняли его в массовых арестах, продолжительном содержании людей под стражей, судебном произволе и постоянной слежке ЦРУ за диссидентами. Высказывались также соображения, что поддержка американцами авторитарного режима и его репрессивной политики может подорвать единство южнокорейского общества и сделать его уязвимым перед подрывной деятельностью северокорейских коммунистов. Свидетельством нарастающего недовольства ситуацией с правами человека в РК в американском конгрессе является тот факт, что сразу же после визита Форда в Сеул в ноябре 1974 г. конгресс постановил сократить военную помощь РК на 20 млн долл.⁴

С приходом в Белый дом демократа Джимми Картера значение проблемы прав человека в корейско-американских отношениях резко возросло. Сделав обещание защиты прав человека по всему миру краеугольным камнем своей политической платформы, Картер еще в октябре 1975 г. критиковал политику администрации Форда в этом вопросе.

Президент Пак Чжон Хи демонстрировал резко негативное отношение к политике Картера. Он не только считал ее вмешательством во внутренние дела Кореи, но и критиковал ее за игнорирование

проблемы безопасности РК. Сам Пак считал, что «защита и выживание 36 млн (южно-) корейцев (составляет) высшую (из возможных) форм (защиты) свободы, прав человека и демократии». Все же он сделал некоторые уступки американской администрации, освободив из тюрьмы 14 известных диссидентов в июле 1977 г. В начале следующего года были освобождены еще 10 человек, арестованных за публичные призывы к отмене системы *Юсин*⁵.

Другим камнем преткновения в отношениях администрации Картера и Пак Чжон Хи был вопрос сокращения американского контингента в Южной Корее. Как уже упоминалось выше, начало этому было положено администрацией Никсона, когда 7-я пехотная дивизия покинула Южную Корею. Сменивший Никсона Форд в условиях наступательных действий коммунистов в Южном Вьетнаме и Камбодже считал сокращение военного присутствия США на Корейском полуострове слишком рискованным. Во время визита в Сеул в совместном коммюнике двух лидеров от 22 ноября 1974 г. было заявлено о решимости США оказать немедленное и эффективное содействие для отражения нападения на Республику Корея в соответствии с двусторонним Договором об обороне 1953 г. Также Форд заверил южнокорейского президента в том, что США «не планируют сократить текущий уровень американских сил в Корее»⁶. Однако Картер еще в бытность кандидатом в президенты выступил с радикальной идеей вывода американских сухопутных войск из Южной Кореи. 26 января 1977 г., через шесть дней после вступления в должность президента США, он подтвердил свое предвыборное обещание.

В заявлении от 26 мая 1977 г. президент США мотивировал вывод американских войск с юга Корейского полуострова рядом соображений. *Во-первых*, он указывал на изменение в лучшую сторону отношений с СССР и КНР. Очевидно, предполагалось, что они не заинтересованы в возникновении военного конфликта на полуострове, а без их поддержки КНДР не сможет предпринять военные действия против южного соседа. *Во-вторых*, указывалось на то, что экономика РК достигла высокого уровня развития. *В-третьих*, обращалось внимание на то, что Южная Корея превосходит Северную по численности населения в два раза и к тому же имеет доступ к передовым западным технологиям⁷. На следующий день была выпущена

на Президентская директива № 12, согласно которой предполагалось вывести из Южной Кореи одну бригаду (6 тыс. солдат) к 1978 г. и другую — не позднее чем в июне 1980 г. Финальная стадия вывода сухопутных войск должна была быть согласована путем консультаций с конгрессом и союзниками США в Восточной Азии. Чтобы успокоить южнокорейскую сторону, США согласились предоставить 1,9 млрд долл. в качестве военной помощи⁸. Также не было речи о выводе флота и авиации США.

Учитывая падение южновьетнамского режима в 1975 г., Пак Чжон Хи с тревогой отнесся к решению Картера. Попытка южнокорейских властей создать южнокорейское лобби путем воздействия на конгрессменов и академическое сообщество с целью добиться поддержки режима привела к скандалу, получившему название «Кореягейт». Впервые информация об этом была опубликована в октябре 1976 г. в газете «Вашингтон пост».

Центральной фигурой скандала стал корейский бизнесмен Пак Тон Сон. Он активно занимался «организацией» досуга влиятельных лиц США и их подкупом. Другим известным фигурантом скандала стал посол РК в США Ким Дон Чжо, фактически в открытую раздававший конгрессменам конверты с долларами. Активно вовлечена в эту деятельность была и «Церковь объединения» Мун Сон Мена. Всего в получении взяток оказались замешаны 115 конгрессменов (в основном представителей Демократической партии).

Комитет Палаты представителей США («Комитет Фрэзера»), созданный для проведения расследования, опубликовал 29 декабря 1977 г. отчет. В ходе расследования выяснилось, что Пак начал организовывать лобби в Вашингтоне в 1970 г., как только Никсон объявил о выводе 7-й американской дивизии из Кореи. Целью его деятельности было остановить дальнейшее сокращение американского контингента в РК и добиться выделения средств на модернизацию южнокорейских вооруженных сил.

В 1977 г. Пак Тон Сону были предъявлены обвинения в подкупе, рэкете и т. д. Он бежал в Южную Корею, но в апреле 1978 г. пошел на сделку с правосудием и избежал уголовного преследования, дав подробные признательные показания. Вскоре о «Кореягейте» фактически забыли.

Планы Картера по выводу войск столкнулись с сильной оппозицией и со стороны конгресса. В июне 1977 г. большинством голосов в сенате была принята поправка, предложенная сенатором от демократов Ричардом Бердом, обязывавшая президента консультироваться с верхней палатой по вопросу вывода войск из Южной Кореи. 9 января 1978 г. сенаторы Джон Глейн и Губерт Хэмфри в своем докладе Комитету по международным отношениям утверждали, что решение президента вывести наземные войска из РК ослабляет эффективность сдерживания Северной Кореи. Даже ближайшие советники президента — министр обороны Гарольд Браун, госсекретарь Сайрус Вэнс, выступая в поддержку решения Картера, в частных разговорах выражали сомнение в правильности этой идеи.

В целом планы Картера по выводу войск из Кореи основывались на оптимистичных оценках как международной ситуации в целом, так и военных возможностей Юга в сравнении с КНДР. Однако разведчик-аналитик Джон Армстронг подготовил еще в декабре 1975 г. доклад, согласно данным которого северокорейская военная мощь оказалась значительно большей, чем считалось ранее. В январе 1978 г. Пентагон повторно приступил к изучению военных возможностей Северной Кореи. Военные аналитики, изучив все донесения разведки, фотографии и прочие источники, в том же году опубликовали эти данные в нескольких секретных отчетах. Согласно этим сведениям, численность сухопутных войск КНДР составила 680 тыс. человек, что было на 40 % выше предыдущей оценки в 485 тыс. В секретном докладе разведки, подготовленном в апреле 1978 г., утверждалось, что с 1970 г. число танков на вооружении КНДР увеличилось в три раза и вдвое превосходило аналогичный показатель Южной Кореи, число боевых самолетов выросло за тот же период на 25 % и было вдвое большим, чем у РК. ВМФ Северной Кореи также увеличился за это время вдвое⁹. В целом делался вывод, что северокорейские вооруженные силы превосходят по численности южнокорейские, несмотря на население в два раза меньше, чем на Юге.

В конце июня Картер совершил официальный визит в Южную Корею. 30 июня президенты США и РК встретились в Голубом доме. Пак Чжон Хи выступил с речью, в которой делал акцент на то, что вывод американских войск обострит военную угрозу Югу со сто-

роны Северной Кореи. По воспоминаниям очевидцев, Картер был взбешен. Уединившись в соседней комнате со своим южнокорейским коллегой, он задал ему вопрос, почему Южная Корея, обладая более мощной экономикой, чем Северная, не может сравниться с ней в военном отношении. Он также раскритиковал отношение южнокорейских властей к правам человека¹⁰. Как вспоминал тогдашний помощник госсекретаря США Ричард Холбрук, «это была настолько ужасная двусторонняя встреча между союзниками по договору, насколько это вообще возможно»¹¹.

После окончания встречи с Паком Картер на пути в резиденцию американского посла Глейстина спорил с сопровождавшими его Глейстином, Вэнсом и Брауном, возражавшими против вывода войск. Наконец Картер уступил. В итоге он согласился приостановить вывод войск в обмен на два условия. *Во-первых*, Пак обязался значительно увеличить расходы на оборону. *Во-вторых*, южнокорейские власти должны были уделять значительно больше внимания ситуации с правами человека.

Три недели спустя, 20 июля, советник по национальной безопасности Бжезинский объявил, что вывод войск из Кореи приостанавливается до 1981 г. Всего за два с половиной года действия программы по сокращению американских войск в Южной Корее было выведено не более 3 тыс. человек¹². С вводом советских войск в Афганистан все планы по сокращению американского военного присутствия на Корейском полуострове были окончательно свернуты.

Говоря о противоречиях между США и РК, следует упомянуть и южнокорейскую ядерную программу. В условиях сокращения американского военного присутствия, начатого при Никсоне, и предполагаемого военного превосходства КНДР над Югом Пак стал задумываться об обладании ядерным оружием.

Лидер РК поставил вопрос о создании ядерного оружия в беседе с О Вон Чхолом, одним из своих ближайших советников, отвечавшим за реализацию программ по развитию тяжелой, химической и военной промышленности в ноябре 1971 г.¹³. В условиях неопределенности ситуации с военными обязательствами США перед РК в будущем Пак Чжон Хи полагал, что обладание ядерным оружием или даже просто возможность производить его удержит КНДР от

вторжения на Юг. В условиях роста северокорейской военной мощи в 1970-е годы Пак считал, что только ядерное оружие сможет стать надежной гарантией безопасности Южной Кореи. В то же время опасение, что в таком случае произойдет нуклеаризация восточно-азиатского региона, вынуждало США относиться к намерениям Пака резко отрицательно.

История южнокорейской программы по созданию ядерного оружия имеет ряд параллелей с ядерной программой КНДР, являющейся предметом повышенного внимания в конце XX — начале XXI в. Стремление обоих корейских государств к обладанию ядерным оружием было реакцией на ситуацию, когда в результате изменений в международной обстановке и ослабления поддержки со стороны союзников усилилась угроза их безопасности и суверенитету. И в том и в другом случае обладание ядерным оружием или хотя бы возможность создать его рассматривались как гарантия предотвращения вражеского вторжения, средство сдерживания потенциально-агрессора. И в том и в другом случае интересы корейских государств находились в противоречии с интересами их союзников (соответственно США и Китая), вызывая их негативную реакцию.

По словам О Вон Чхоль, Пак Чжон Хи, выступивший безусловным инициатором южнокорейской ядерной программы, не планировал создавать атомную бомбу. Вместо этого предполагалось создать все технические возможности для того, чтобы в случае необходимости процесс изготовления ядерной бомбы занял бы не более нескольких месяцев.

В 1972 г., стремясь получить сырье и построить завод по обогащению плутония, Южная Корея начала сотрудничество с Францией. К 1974 г. был разработан проект по строительству завода, способного производить 20 кг плутония в год, что было бы достаточно для создания двух атомных бомб такой же мощности, какие были сброшены в 1945 г. на Хиросиму.

Американцы внимательно наблюдали за развитием южнокорейской военной ядерной программы. В ноябре 1974 г. посольство США в РК послало в Вашингтон секретное донесение разведки, в котором было сказано, что «Южная Корея находится на начальной стадии развития программы по созданию ядерного оружия». Под

давлением США Южная Корея в апреле 1975 г. ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия. США в лице посла Снейдера и министра обороны Шлезингера угрожали пересмотреть весь спектр отношений с Сеулом, если Пак продолжит программу создания ядерного оружия. По воспоминаниям дочери Пака и нынешнего президента РК Пак Кын Хе, лидер РК распорядился свернуть программу создания ядерного оружия, когда президент Форд подтвердил обязательства США по обеспечению безопасности Южной Кореи¹⁴. Но с приходом к власти Картера, выступавшего с идеей вывода американских сухопутных войск с Корейского полуострова, РК тайне возобновила свою программу. По некоторым данным, Пак Чжон Хи намеревался изготовить атомную бомбу к началу 1981 г. и продемонстрировать ее на военном параде в День вооруженных сил. О Вон Чхоль же уверяет, что Пак Чжон Хи стремился обеспечить технологические условия для создания ядерной бомбы, но не обладать ею как таковой. Как бы то ни было, но гибель Пак Чжон Хи в октябре 1979 г. привела к тому, что программа создания южнокорейской ядерной бомбы была свернута.

Анализ межгосударственных отношений США и Южной Кореи показывает, что сильной стороне далеко не всегда удается диктовать свои условия более слабой. Несмотря на несопоставимость политического, экономического и военного потенциалов двух стран, США нередко были вынуждены идти на уступки своему южнокорейскому союзнику. Защита прав человека оказалась для США (и даже в конечном итоге для администрации Картера) менее приоритетной задачей, чем обеспечение своих стратегических интересов в Восточной Азии. Важное место РК в геополитических планах Вашингтона и его интерес в сохранении политической стабильности в Южной Корее значительно ограничивали возможность американцев активно вмешиваться во внутренние дела этого государства. Единственной «победой» США в череде конфликтов с РК в 1970-х годы стал отказ Южной Кореи от создания собственного ядерного оружия.

Очевидно и то, что Пак Чжон Хи не был покорной американской марионеткой. В условиях, когда, с одной стороны, экономический потенциал РК значительно увеличился, а с другой — в Сеуле появились сомнения в готовности США защищать Южную Корею,

он предпринял ряд шагов, направленных на достижение большей ее самостоятельности во внешней политике, а официальная риторика сеульских властей стала носить более ярко выраженный националистический характер.

В то же время политика администрации Картера в отношении Южной Кореи также имела серьезные последствия для режима Пак Чжон Хи, так как способствовала активизации оппозиционной деятельности в РК и расколу внутри самой правящей элиты, итогом чего стали гибель президента Пака и крах системы *Юсин*.

Примечания

¹ Пак Чжон Хи. Кукка, хёнмён ква на (Государство, революция и я). Сеул, 1997. С. 229.

² Lee Min Yong. The Vietnam War: South Korea's Search for National Security // The Park Chung Hee Era. The Transformation of South Korea. Cambridge, Massachusetts, London, 2011. P. 404.

³ Oberdorfer D. The Two Koreas. A Contemporary History. Basic books. P. 43.

⁴ Kim Yong Jick. The Security, Political and Human Rights Conundrum, 1974—1979 // The Park Chung Hee Era... P. 464.

⁵ Ibid. P. 473.

⁶ Handbook on Korea-U.S Relations: Centennial Edition/ Ed. By Yim Yong Soon. New York, 1985. P. 58—59.

⁷ Ibid. P. 230.

⁸ Kim Yong Jick. Op. cit. P. 470.

⁹ Текст доклада см.: URL: <http://nsarchive.chadwyck.com/nsa/documents/KO/00251/all.pdf>

¹⁰ Подробнее см.: URL: <http://nsarchive.chadwyck.com/nsa/documents/KO/00317/all.pdf>

¹¹ Oberdorfer D. Op. cit. P. 106.

¹² Ibid. P. 108.

¹³ Hong Sung Gul. The Search for Deterrence: Park's Nuclear Option // The Park Chung Hee Era... P. 483.

¹⁴ Ibid. P. 508.

Глава 7

ЛИТЕРАТУРА: ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

*Ли Сан Юн**

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1990—2010 ГГ.)

Прежде чем говорить о новых тенденциях в современной корейской литературе, обозначим главные темы, волновавшие общество в предыдущие десятилетия, чтобы показать связь поколений. Самой популярной можно назвать тему войны 1950—1953 гг. и разделенной нации, которая не забыта и в наши дни. Каждый писатель, кого коснулась эта трагедия, считал своим долгом обратиться к этой теме. Корейские критики называют наиболее значимыми произведения таких известных писателей, как Ли Мун Ёль (род. 1948), Чо Чжон Нэ (род. 1943), Пак Кён Ни (1927—2008), Чхве Ин Хун (род. 1936), Ким Вон Иль (род. 1942), Пак Ван Со (1931—2011).

В своих романах авторы описывали события, свидетелями которых были сами, поэтому многие произведения содержат биографические данные. Некоторые из них можно даже назвать исповедью. Так, в романе одного из самых популярных прозаиков Южной Кореи Ли Мун Ёля «Героический период» (с 1982 по 1984 г. публиковался в ежеквартальном журнале «Мировая литература», «세계의 문·학») рас-

* Ли Сан Юн, кандидат филологических наук, доцент РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург. E-mail: sanyoun@gmail.com

сказывается о судьбе его семьи. В романе показан конфликт двух идеологий — Севера и Юга. В Южной Корее была запрещена коммунистическая идеология, поэтому писателю пришлось пережить много нападков со стороны противников «красных», подозрительное отношение со стороны властей, поскольку его отец, убежденный коммунист, во время войны перебрался на Север.

Писатель Чо Чжон Нэ, посвятивший большинство своих произведений теме войны и раскола нации, в своей исторической эпопее «Горы Тхэбэксан» (издавалась с 1983 по 1989 г.), которой зачитывались миллионы читателей, очень достоверно описал множество судеб людей, оказавшихся заложниками войны и борьбы противоположных идеологий. Чо Чжон Нэ «...отказался от антикоммунистической идеологии и описал ожесточенную классовую и антиимпериалистическую борьбу и процесс национального разделения так, что это получило отклик по всей стране»¹.

Пак Кён Ни, автор другой известной эпопеи «Земля», проводит героев своего романа «Рынок и поле боя» через страдания, голод и лишения во время гражданской войны. Писательница показывает, что люди не хотят воевать ни за какую идеологию, они просто хотят жить.

В творчестве Пак Ван Со тема войны и разделенной нации освещена во многих произведениях («Голое дерево», «Мамина опора», «Рядом с Буддой» и др.). Сюжеты для своих романов и рассказов писательница черпала из собственной жизни. Во время войны она пережила смерть брата, а после разделения страны ее родная деревня оказалась на территории Северной Кореи.

Трагическая тема Корейской войны проходит и через все творчество Ким Вон Иля (рассказ «Дух темноты», романы «Дом с глубоким двором», «Заря» и др.). В романе «Дом с глубоким двором» рассказывается о семье, в которой дети растут без отца. Война заставила героя романа после смерти отца повзрослеть раньше времени и стать главой семьи.

Но самым значимым произведением на эту тему считается роман Чхве Ин Хуна «Площадь» (1960 г.). В нем на уровне философских размышлений описана трагедия народа, пережившего братоубийственную войну. Главный герой произведения, разочаровавшись как в коммунистической, так и в капиталистической идеологии, хочет

найти свой путь в жизни в нейтральной стране, но понимает, что у него нет будущего.

В 1960—1980-е годы, названные «периодом индустриализации», появляются новые темы, продиктованные самой жизнью. Диктаторский режим Пак Чжон Хи способствовал развитию экономики, но политическое давление, антикоммунистическое движение, развернутое в стране, угнетало людей. В это время публикуются произведения, вызвавшие возрастающий интерес читателей открытостью поставленных проблем в обществе, в котором обострились противоречия между старыми порядками, веками существовавшими в Корее, и новыми веяниями, пришедшими с Запада, между богатыми и бедными, власть имущими и бесправными рабочими и крестьянами. В творчестве таких писателей, как Чо Се Хи (род. 1942), Хван Сок Ён (род. 1943), Ли Мун Гу (род. 1941), Чхве Ин Хо (род. 1945), Пак Ван Со рассматриваются данные темы, волновавшие все слои общества.

Наиболее ярким в этом ряду литераторов считается творчество Чо Се Хи. В своем цикле рассказов «Мячик, подброшенный карликом вверх» (1976 г.) писатель передает атмосферу 1970-х годов: нужда и лишения бедняков, их стремление к лучшей жизни на фоне обогащения других людей².

О жизни и переменах в корейской деревне этого периода рассказывает писатель Ли Мун Гу в своих произведениях «Наша деревня» и «Очерки о Кванчхоне». Воспоминания детства выросшего в деревне автора и рассказы уже ставших взрослыми его друзей легли в основу этих очерков. Кроме того, писатель касается проблемы отцов и детей, а также политических проблем.

Но наиболее «политизированным» писателем критики называют Хван Сок Ёна, использовавшего литературу как оружие против диктаторского правления Пак Чжон Хи и политических репрессий. Свои убеждения Хван Сок Ён выразил в историческом романе «Чан Гиль Сан», в романе «Чужбина», в рассказе «Дорога на Сампхо» и др.

О проблемах зарождающегося среднего класса в корейском обществе, о новом типе женщин, играющих в семье роль более важную, чем прежде, в своих многочисленных рассказах и романах пишет Пак Ван Со³.

За время, пока Южная Корея стремилась к индустриальному развитию, естественно, произошли изменения и в восприятии обществом моральных ценностей, в отношениях людей друг к другу, что не могло остаться незамеченным писателями. Тема одиночества и самоанализа является одной из главных в творчестве писателей Ким Сын Ока (род. 1941), Су Чон Ина (род. 1936), О Чон Хи (род. 1947), Ли Чхон Чуна (1939—2008).

Свое отношение к существующей действительности Ким Сын Ок выразил в рассказах «Путешествие в Мучжин», «Сеул, зима 1964 года».

Литературу периода индустриализации Южной Кореи называют литературой меланхолии, тоски и страстей. Человек, вовлеченный в общественный водоворот, стал терять свою индивидуальность и вместе с тем почувствовал себя одиноким в мире, в котором стремление к материальным благам заставило забыть о привязанности к близким, любви и доброте.

После 1987 г. в стране началось «Движение за демократизацию», оказавшее влияние на дальнейшее развитие современной литературы. В этот период социальные темы, связанные с последствиями, вызванными индустриализацией, политические темы, направленные на установление демократии, постепенно стали терять свою актуальность. В это время появились многочисленные произведения писателей-женщин, таких как Син Кён Сук (род. 1963), Ын Хи Гён (род. 1959), Чхве Юн (род. 1953), Кон Сон Ок, Чо Гён Нан (род. 1969), Ха Сон Нан (род. 1967), заставивших заговорить о новой «женской литературе», затмившей литературу, создаваемую мужчинами. Писательницы вспоминали свое детство, писали о своих пережитых женских проблемах и желаниях. Наряду с этим в их произведениях достаточно громко звучала и социальная тема.

Одной из самых известных писательниц 1990-х годов считается Чхве Юн. В своем дебютном произведении «Там, где бесшумно увядает лепесток» Чхве Юн описала трагические события в Кванчжу в 1980 г. В 1992 г. ее повесть «Серый снеговик» завоевала литературную премию имени Тон Ина. В повести можно усмотреть феминистические взгляды автора.

Чо Гён Нан — представительница «среднего поколения» литераторов, характеризуется как писательница, внимательно наблюдающая за внутренним миром современного человека, потерявшего духовное начало. В ее рассказе «Я купила шарики» (2008 г.) представлена героиня, страдающая симптомом панического расстройства от неустроенности и осознания своей ненужности. В конце повествования героиня и ее молодой человек пускают в небо шарики. Улетающие в небо разноцветные шары символизируют преодоление человеком страха, они словно наполнены надеждой на спокойную жизнь.

Этот эпизод напоминает отрывок из произведения Чо Се Хи «Мячик, сброшенный карликом вверх». Исследуя этот рассказ, И.В. Цой высказывает предположение, что мяч может символизировать земной шар. Подбрасывая его вверх, карлик как будто пытается освободиться от несправедливого мира, в котором живет. Возвращаясь назад, мяч наполняется чем-то новым, способным изменить существующие порядки⁴.

Между этими двумя произведениями более 30 лет. За этот период изменились проблемы, обсуждаемые в корейской литературе. Но само стремление человека к счастью, душевному спокойствию остается по-прежнему острым, и писатели не могут молчать об этом.

В конце 1990-х годов наметился новый поворот в развитии литературы. Этому способствовал процесс глобализации, в который была вовлечена и Южная Корея после экономического кризиса 1997 г. Отойдя от политических тем, затрагивающих интересы массы людей, каких-то определенных групп, писатели обратили свое внимание на жизнь отдельного человека, его внутренний мир, на проблемы, волнующие его, будь то проблемы брака и развода, отцов и детей, отношений между мужчиной и женщиной. Большой вклад в этот процесс, наряду с известными писателями, внесли новеллисты нового поколения, не связанные никакими политическими или этическими запретами. В наступившем новом веке заявили о себе такие писатели, как Чон И Хён (род. 1972), Ким Э Ран (род. 1980), Чон Сон Тхэ (род. 1969), Ким Ён Су (род. 1970), Пхён Хе Ён (род. 1972), Си Кён Сук (род. 1963).

Чон И Хён — одна из молодых писательниц, кто описывает реальную действительность без прикрас, откровенно и даже цинично.

Появившись стремительно, как комета, на литературном небосклоне Южной Кореи, она представила на суд зрителей свои произведения о жизни современной молодежи, чьи мечты связаны с Каннам, богатейшим районом Сеула. В рассказе «Романтическая любовь и общество» (2003 г.), за который она получила премию журнала «Современная литература», героиня дает понять, что романтическая любовь нереальна, и, познав суровые законы капитализма, надеется выгодно продать себя и через замужество подняться в высшее общество. В 2006 г. Чон получила премию «Сегодняшнему деятелю искусства». В романах «Ложь сегодня» и «Мой опрятный город» писательница показывает жизнь молодых людей в городе, их дружеские и любовные отношения, показывает, какое значение для девушки имеет замужество, как выбираются спутники жизни.

Сенсацией в корейской литературе оказалась совместная работа Чон И Хён с французским писателем Алленом де Боттоном. Они написали роман в двух книгах под общим названием «Основы любви». Первую часть под названием «Влюбленные» писала Чон. В ней писательница рассказывает историю любви простых людей, мужчины и женщины, которая заканчивается расставанием. Вторую часть, которая называется «Один мужчина», писал Аллен де Боттон. В ней описывается жизнь героев, вступивших в брак по любви и проживших вместе около 20 лет. Очевидно, что любовные свидания и жизнь под одной крышей — это совершенно разные понятия. Два писателя, мужчина и женщина, каждый под своим углом зрения рассматривают то, что называется любовью.

Что отличает молодых авторов 2000-х годов, так это смелость, с которой описываются самые откровенные сцены, мысли героев, их желания. Известная писательница Син Кён Сук, заявившая о себе в литературных кругах в 1980-х годах, тоже пишет о чувствах женщины, желании любить и быть любимой, но ее рассказы и романы раннего периода творчества можно назвать просто пуританскими по сравнению с произведениями молодых романистов последнего десятилетия. Ее роман «Пожалуйста, позаботься о маме», опубликованный в 2008 г., стал бестселлером не только в Южной Корее, его перевели на многие европейские языки, и на русский в том числе. В этом произведении автор призывает всех людей остановиться и

подумать о своей матери. Может быть, читатель услышит призыв писательницы и мир станет добрей. Для творчества Син Кён Сук характерно обращение к традиционным ценностям, истокам корейской литературы.

Пхён Хе Ён — одна из самых ярких талантов последних лет. Ее сборник рассказов «Аои гадын» (название жилого комплекса), роман «Пепел и красное» не могли не привлечь читателей своим порой шокирующим содержанием. Как говорит автор в интервью, ей интересно рассматривать двойственность человеческого характера. И она исследует души людей, оказавшихся в экстремальных ситуациях (землетрясение, эпидемии). Интересен тот факт, что действия рассказа или романа Пхён происходят не в Корее, что имена героев не корейские, а просто абстрактные. Возможно, писательница хочет сказать, что в наше время людей должны волновать проблемы не только «местного значения», но и всего человечества.

В другом мире живут героини произведений Чон Сон Тхэ. Несмотря на то что ступени социальной лестницы корейского общества довольно четко обозначены, никто не хочет находиться внизу, выполнять грязную работу, все стремятся подняться выше, хотя расстояние между богатыми и бедными все увеличивается. Писатель обращается к теме, связанной с ростом числа гастарбайтеров из соседних стран. Их, приезжающих на заработки из бедных государств, называют «другими». Кроме них «другие» — это беженцы из Северной Кореи. В своем романе «Волки» Чон попытался описать психологический портрет перебежчика из Северной Кореи — того, кто говорит на одном и том же корейском языке, но кого общество не считает своим. Писатель рассматривает и проблему браков, заключающихся между иностранками из развивающихся государств и мужчинами, живущими в деревне. Очевидно, что эти темы активно обсуждаются в обществе.

Новеллист Ким Ён Су также обращается к теме «другие», но в это слово вложено совсем иное понятие. В его романе «Ночь поёт песни» действия разворачиваются в Маньчжурии в период японской оккупации. Герои здесь «другие», потому что покинули родину, отправились в чужие края за лучшей долей, где и оказались под влиянием коммунистических идей. Сюжет связан с событиями, произошедшими в Маньчжурии в 1931 г.

Среди наиболее успешных молодых писательниц последних лет называют Ким Э Ран. Ее произведения появились в 2005 г. и привлекли внимание критики и читателей остротой проблем, возникших после кризиса 1997 г. Это проблемы, связанные с безработицей среди молодежи, особенно тех, кто покинул свой дом и, сдерживая слезы отчаяния, пытается найти свое счастье в мире, где балом правит капитал. Писательницу отличает особый стиль, чувство юмора и тонкое восприятие действительности. В 2013 г. Ким получила первый приз литературной премии имени Ли Сана за рассказ «Будущее молчания».

Таким образом, можно отметить, что литература Южной Кореи, как и литературы других стран, развивается вместе с изменениями, происходящими в обществе. Современные писатели весьма активны, они хотят быть успешными, сотрудничают с литераторами из других стран, путешествуют по всему миру в поисках новых тем, размещают свои романы во всемирной паутине.

Писатели пытаются освещать вопросы, которые ставит перед ними жизнь, и рассматривают проблемы внутреннего мира человека, «своего» и «чужого, другого». Вместе с тем они обращаются к трагическим событиям, связанным с историей своей страны, и это обращение к прошлому можно назвать традиционным.

Примечания

¹ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. 2-й том. Двадцатый век. М., 2011. С. 437.

² См.: Цой И. В. Южнокорейская литература в период индустриализации (на примере цикла рассказов Чо Сехи (род. 1942) «Мячик, подброшенный карликом вверх»//Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 14. СПб., 2012. С. 32—41.

³ См.: Ли Сан Юн. Женщины в рассказах Пак Вансо // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8. СПб, 2005. С. 52—67.

⁴ См.: Цой И.В. Указ. соч.

*А.В. Погадаева **

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ КОРЕЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ПХЁН ХЕ ЁН

В последнее время в творчестве корейских поэтов и писателей все чаще отражаются проблемы современного общества. Не являются исключением и произведения молодой писательницы Пхён Хе Ён (род. 1972). Она родилась в Сеуле и окончила факультет литературного творчества Сеульского университета искусств, а затем получила степень магистра по специальности литература Кореи в Университете Ханьян. Литературный дебют Пхён Хе Ён состоялся в 2000 г. Она выпустила три сборника рассказов «Аои гадын» (아오이가든), 2005¹, «В сторону питомника» (사육장 쪽으로), 2007², «Вечернее ухаживание» (저녁의 구애), 2012³, а также романы «Пепел и красное» (재와 빨강), 2010⁴ и «Поездка в западный лес» (서쪽 숲에 갔다), 2012⁵. Она является обладателем престижных литературных премий газеты «Хангук Ильбо» (2007) и Ли Хё Сока (2007).

В своих произведениях писательница размышляет о том, что ждет впереди человеческую цивилизацию. Ответ оказывается далеко не утешительным. Если люди не остановятся и не задумаются о по-

* Погадаева Анастасия Викторовна, преподаватель Института восточных культур и античности РГГУ. E-mail: ikanmanis@gmail.com

следствиях, они окажутся на месте героев ее произведений, теряющих индивидуальность, почти ничем не отличающихся от животных, живущих в темном беспросветном мире, полном отвратительных запахов, паразитов и болезней.

Все рассказы автора начинаются, как детективный фильм. Во многих из них с первых слов разворачивается загадочная история о пропавшем без вести или умершем человеке: «Первую находку, одежду школьницы, обнаружили в лесу за водохранилищем» («Водохранилище»). Читатель заинтригован, ему становится любопытно, что же произошло, чем закончится эта история. Но все предположения заходят в тупик, и читатель оказывается в иррациональном мистическом мире, погружаясь в страшный сон, описание которого Пхён доводит до крайнего предела. Перед нами картины конца света, ада. Долгое время невозможно понять, кем являются герои рассказов. У них нет имен: например, в рассказе «Водохранилище» сцена поисков девушки неожиданно прерывается, и читатель оказывается вовлеченным в диалог между некими людьми-сущностями, автор разделяет их на «Первый», «Второй» и «Третий». В истории «Люк» героями становятся некто «Я» и «С», в «Аои гадын» — «Я» и «Она», в рассказе «В сторону питомника» — «Он», в «Случайно» — «Женщина». Все они — странные, безмянные существа, но из-за такой безличности ими может оказаться любой человек, в том числе сам читатель. Перед нами эсхатологические картины, мы погружаемся в ад, по мнению критика Ли Гван Хо, так напоминающий описания Данте. Читателю сперва кажется, что мир в рассказе «где-то там, не здесь». Но мы с ужасом понимаем, что пространства, описанные в рассказах, могут оказаться рядом с нами или в ближайшем будущем места нашего обитания превратятся в такой же ад.

В этом аду люди деградируют до уровня животных, они превращаются в лягушек («Аои гадын»), ничем не отличаются от подопытных крыс, не способных переваривать белок («Волшебная дудочка»), уподобляются личинкам («Случайно») или оказываются препарированными на хирургическом столе лаборатории («Люк»). Существование индивида становится абсурдным, иррациональным. Великое человечество, создавшее цивилизацию, культуру, деградирует до уровня животных, насекомых, трупов. Оказывается, что про-

гресс и эволюция — это не более чем миф, идеология, созданная самим человечеством. В этом смысле произведения Пхён Хе Ён напоминают творчество Франца Кафки.

Что же это за пространство, где исчезают люди, обнаруживаются трупы и люди превращаются в животных? Автор не дает ему конкретного названия, не соотносит его с определенной страной. С одной стороны, это нереальное пространство, с другой — оно глобально и может оказаться в любой точке мира. Кроме того, эти места оказываются потерянными, расположенными в глуши, в стороне от города, как бы противопоставленными ему. Но городское и «варварское» пространства оказываются не так уж далеки друг от друга, последнее постоянно вторгается в обыденную жизнь людей. В этих местах расплывчата граница между живыми и мертвыми, людьми и животными.

Например, это может быть черный бездонный водоем («Водохранилище»), который символизирует абсурдный цивилизованный мир. Ни одна живая душа не знает, где его дно. Или лес рядом с водохранилищем, где постоянно происходят исчезновения людей. Водохранилище прежде было самым прекрасным местом в округе, а теперь оно превратилось в свалку. Рядом с ним стоит домик, где живут больные, грязные дети. Они точно знают, что в водохранилище живет огромное чудовище. Их мать отправилась в город на заработки, а брошенные дети голодают, их тела гниют, они обречены. В итоге их обнаруживают поисковики, которые ищут в водохранилище тело пропавшей девушки. Они пытались откачать воду из бездонной пропасти, но ничего не обнаружили. Этот мистический мир не становится яснее и понятнее, все здесь овеяно загадками и тайнами. А заполненное мусором водохранилище было до и будет после человеческой цивилизации.

В рассказе «Случайно» иррациональным пространством становится озеро, где обнаружен труп женщины. Это место находится неподалеку от пещеры, являющейся туристической достопримечательностью и местом работы главной героини. Пространство отрезано от внешнего мира, противопоставлено ему. Из-за странного запаха в пещере героиня думает, что это место как-то связано с убийством. Это пространство смерти, контрастирующее с миром людей. Муж женщины увлекался бегом, однажды он отправляется в 40-километровый забег и не появляется на финише, он пропал. В доме героини

кишмя кишат насекомые, их привлекает запах мертвых мышей, которых по всей квартире прячет живущая у женщины кошка. Финальная сцена рассказа: героиня ложится прямо в гущу личинок. Создается ощущение, что женщина уже мертва. В итоговом эпизоде она смотрит в зеркало, но в отражении нет ее лица. Кажется, что она и есть тот самый всплывший вначале труп. В рассказе напрямую говорится: «живые и мертвые живут одинаково». И пещера, и дом женщины — пространство, где живут мертвые.

Еще в одном рассказе «Трупы» в ущелье около города N «течет ручей с ледяной водой, колющей, словно лезвие ножа. Он такой прозрачный, что видно дно, но такой глубокий, что никто не знает его глубину». Это место, где, по слухам, живут духи, которые ловят и увлекают за собой людей. Герой едет в ущелье вместе с женой погулять и развеяться. Но жена исчезает, после чего муж обнаруживает части ее тела, сначала правую ногу, потом левую руку. Перед тем как пойти в полицию, он видит странную картину: части тела затягиваются удочкой в глубину ущелья. В итоге он сам падает, попадает на удочку и оказывается запутанным в сетях. Весь покрытый личинками, «он был погребен в ночной темноте». Ущелье — это также место смерти, которое щупальцей-удочкой утаскивает человеческие жизни.

Во всех этих рассказах пространство, где разворачивается действие, находится в отдаленном от города месте, противопоставлено ему. Это место смерти, чего-то первобытного. Складывается ощущение, что пространство живое, что непонятные и страшные происшествия вызваны непосредственно им самим. Оно ассоциируется с человеческой цивилизацией, которая своими руками губит себя и совершенно не осознает масштаб происходящего.

В вышеупомянутых историях события об исчезновении людей происходят в пространстве, контрастирующем с городом. В целом ряде других рассказов мистическим пространством становится сам город. Например, в рассказе «Аои гадын» действие происходит в спальном районе города с одноименным названием. Город объят эпидемией, его улицы завалены кучами мусора, на асфальт падают угольно-черные лягушки. Город гниет в кучах мусора и трупах животных, повсюду распространяется гнусный запах. Люди живут в страхе, в изнуряющей изоляции. Ходят слухи о девушке в красном

шарфе, распространяющей эпидемию, будто сама смерть ходит по городу. Главный герой рассказа — «Я», у него с детства деформированы и не растут кости ног. Он живет вместе с матерью, которую автор в рассказе называет «Она». Долгое время читатель не может понять, кто «Она», а кто «Я». Однажды к ним возвращается старшая сестра, которая, как оказывается, беременна. У них дома происходят странные вещи: «Она-мать» решает сама стерилизовать кошку, которая живет у них и то и дело уходит на улицу, после чего приносит очередное потомство; от матери и сестры исходит ужасный запах, сестра рождает красных лягушат, и мать выбрасывает их с балкона на улицу, за ними следом бросается вниз герой. Только так может закончиться страшный сон в этом абсолютно безнадежном городе, по которому распространяется не только болезнь, но и безжалостность вместе с животными инстинктами. Все это опять же превращает идею об эволюции человека в миф. В этом рассказе Пхён обращается к теме эпидемий, которые периодически захватывают нашу планету. Она размышляет о том, насколько они опасны для человечества, что мы о них знаем. А вдруг многое о том, что нам сообщают средства массовой информации, просто миф? С другой стороны, эпидемия становится символом распространения жестокости, животных чувств, которые, возможно, как и эпидемию не остановить.

В рассказе «Люк» пространство, где происходят события, также находится в городе, а вернее, под городом. Дети, брошенные родителями, живут и прячутся в лабиринтах труб под люками. Городские власти являются врагами детей, они пытаются поймать их, но не ради помощи, а просто, чтобы соблюсти формальности. Дети без будущего собирают мусор, кланчат еду или совершают преступления. Пространство под люками является заброшенным местом, обратной стороной города. В рассказе также появляется образ научно-исследовательского института, здание которого было уничтожено еще в прошлом веке и от которого остались одни руины. По слухам, в этом месте излучается радиация. Именно там встречается со своей девушкой «С» герой рассказа «Я». Этот институт представляет собой реальный мир современной науки, которая находится «в руинах». В итоге «Я» и беременная «С», у которой начались схватки, попадают в руки полиции. Герой сбегает из центра реабилитации и возвращается в ин-

ститут. Он заходит в одну из лабораторий и видит странную картину: на хирургическом столе препарируют неизвестных животных, из его девушки сделали чучело, а ее ребенок заспиртован в колбе.

В рассказе «Волшебная дудочка» лабораторная крыса «Руру» медленно и мучительно умирает, так как не может переваривать белок. Ее жизнь в лаборатории похожа на существование «Я» и младшего брата «Миа», которые умирают от нищеты и неполноценного питания. Они, как и крыса, не могут принимать белковую пищу. Их мать тем временем крутит роман с Паком, хозяином мясного магазина, поэтому каждый день ест мясо. Она надолго оставляет детей одних. Но ни одно живое существо не может жить без белка. Дети уходят из дома, и младший брат теряется. «Я» изо всех сил свистит на улицах ночного города, пытаясь найти брата, и его свист, словно волшебная дудочка, притягивает крыс со всего города. В этой сцене перед нами всплывает картинка из сказки про Нильса и диких гусей. «Я», его брат и крысы движутся к смерти. Тело Миа «становится все легче и легче, подобно ресничке». Им всем, которые не могут терпеть окружающие условия, ничего не остается, кроме как умереть. И город ничем не отличается от лаборатории, а судьба человека ничем не отличается от судьбы подопытной крысы.

Рассказы писательницы называют модернистскими. Конечно, отчасти это так, метод изображения действительности в ее рассказах далек от реалистических. Но, на наш взгляд, ее рассказы вписываются в традиционный жанр фантастического рассказа. Этот жанр был очень распространен в Китае, в Корее он представлен сборником Ким Си Сыпа (1435—1493) «Новые истории, написанные на горе Кымо». Герои повествования во сне попадают в иное пространство, противопоставленное миру людей, там герои обретают все, о чем мечтали. Но в конце каждой истории герой просыпается, понимая, что это был всего лишь сон, а реальная жизнь негармонична, во многом несправедлива и жестока, после чего герои покидают этот мир. В рассказах Пхён Хе Ён тоже сон, а вернее, весь рассказ — это и есть сон. Но в противоположность Ким Си Сыпу — кошмарный сон, который видит непосредственно сам читатель. У последнего герои, пробудившись, разочаровываются в окружающей действительности и покидают ее. Пхён хочет, чтобы читатель, увидев такой кошмар, про-

будился, четко осознал, куда идет человечество, и попытался что-то исправить. Это еще один традиционный прием — показать окружающий мир в гротескном, концентрированном виде, показать не просто обыденное, а именно самое низкое. В средневековой литературе к такому приему прибегали авторы пхэсоль, которые, руководствуясь неоконфуцианским принципом «исследования вещей», хотели показать пороки и недостатки читателю, чтобы он, в свою очередь, как в зеркале, увидел себя, прозрел и захотел что-то исправить⁶. Кроме того, даже за современной тематикой отчетливо проступают элементы, присущие корейской эпической традиции. Во всех рассказах перед нами картины дисгармонии, нарушение космоса и дисбаланса между женским и мужским началом — инь и ян. В повествованиях превалируют животные, предметы и цвета, обладающие хтоническими признаками (лягушки, кошки, личинки, пещера, водоемы). Таким образом, женское начало преобладает над мужским, заполняет собой все пространство, лишая мир возможности созидать.

Произведения Пхён Хе Ён кажутся слишком натуралистичными, полными неприятных, шокирующих деталей. Иногда они вызывают неприятие и отвращение, отталкивают своей безвыходностью. Но, на наш взгляд, те читатели, которые прозрели, увидев в этих произведениях неминуемую гибель человечества при условии дальнейшего бездействия, испытали катарсис, а значит, надежду, что все еще не поздно изменить.

Примечания

¹ 편혜영. 아오이가든, 서울, 2005.

² 편혜영. 사육장으로, 서울, 2007.

³ 편혜영. 저녁의 구애, 서울, 2012.

⁴ 편혜영. 재와 빨강, 서울, 2010

⁵ 편혜영. 서쪽 숲에 갔다, 서울, 2012.

⁶ Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб., 2004. С. 116.

Н.А. Чеснокова*

«ОПИСАНИЕ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ» («ТХЭННИДЖИ») В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО КОРЕЙЦА

В 2006 г. в свет вышла книга «Выдающиеся литературные памятники Чосона»¹ профессора университета Конгук Син Пён Джу, исследователя и знатока средневековых текстов. В ней автор представляет читателям 14 произведений периода Чосон, оказавших наибольшее влияние на науку и культуру. Восьмую главу профессор Син посвятил «великому труду по гуманистической географии, в которой человек и природа сосуществуют вместе»² — «Тхэнниджи» (擇里志, 1751). Это произведение, название которого можно перевести как «Описание избранных деревень», было создано опальным чиновником Ли Джун Хваном³ (李重煥, 1690—1756?) во время его странствий по провинциям Кореи. Несмотря на то что прошло уже почти три столетия со времени его написания, эта книга по-прежнему вызывает у читателя неподдельный интерес и формирует представление о родной стране.

Профессор Син так характеризует вклад «Тхэнниджи» в корейскую культуру: «Бестселлер XVIII в., описывающий нашу страну с

* Чеснокова Наталья Алексеевна, ассистент кафедры Истории и филологии Дальнего Востока ИВКА РГГУ. E-mail: chesnatalie@gmail.com

точки зрения гор и рек, ихунсу⁴ и человеческого менталитета. Садэбу⁵ передавали эту книгу из рук в руки, и с самого своего создания «Тхэнниджи» породила бум на изучение Кореи»⁶. Этот «бум», как называет его профессор Син, продолжается до сих пор. «Описание» входит в список книг, обязательных для изучения в школах; и на настоящий день уже десять авторов предложили свои переводы этого произведения. Не только в Корее, но и в других странах выдающиеся ученые высоко оценивают этот труд и мастерство его автора. Известный кореевед, специалист по картографии, профессор Колумбийского университета Гари Ледъярд считает «Тхэнниджи» одной из своих любимых книг. По его словам, «у него (Ли Джун Хвана. — Прим. авт.) было потрясающее чувство формы и энергетики ландшафта (хёнсе. — Прим. авт.)⁷, а также того, как они влияют на экономическую жизнь и другие аспекты корейской истории»⁸.

«Тхэнниджи» представляет собой подробное историко-географическое описание «восьми провинций», т. е. всей Кореи, с указанием их экономической специфики и значения в истории и культуре (включая упоминания в литературе и предубеждения против жителей некоторых провинций. Например, Ли Джун Хван пишет, что «в провинции Кёнсандо в левой части земля сухая, и люди бедные. Даже ученых, проживающих в бедности, много. В правой же части земля жирна, и народ богат и живет в достатке. Из-за этого люди ленивы...»⁹).

С момента своего создания «Описание избранных деревень» заинтересовало образованных людей, что подтверждают дошедшие до наших дней многочисленные рукописные копии этого труда. На настоящий момент обнаружено более 80 различных рукописей «Тхэнниджи», относящихся к периоду до XX в., отличающихся друг от друга деталями, порядком и количеством глав, датой и местом изготовления. Часть этих манускриптов сейчас хранится в библиотеке Кюджангак¹⁰ и некоторых других государственных архивах, другая находится в личном владении. Труд Ли Джун Хвана известен более чем под 20 названиями. Российские корееведы, как, например, Н.В. Кюнер¹¹, Г.Д. Тягай¹², М.В. Воробьев¹³, упоминают два из них: «Тхэнниджи» и «Чосон пхарёкчи» (朝鮮八域誌). Вместе с тем надо отметить, что подробного исследования «Тхэнниджи» до настоящего

го момента в России не проводилось, и на русский язык это произведение пока не переведено.

В настоящей статье автор на основе корейских и англоязычных исследований постарается ответить, в чем состоит особенность «Тхэнниджи», позволяющая ей уже почти три столетия оставаться «бестселлером» корейской литературы.

При написании данной статьи автор пользовалась переводом оригинального текста «Тхэнниджи» на *ханмуне* на современный корейский язык, выполненным Ли Ик Соном¹⁴.

XVIII в. — время расцвета географических сочинений в Китае, а вслед за ним — и в Корее: появляются многочисленные историко-географические и статистико-географические описания страны, отдельных провинций.

Увеличение в Корее в этот период количества географических сочинений и усложнение содержащихся в них концепций было связано не только с влиянием Китая, но и с развитием идейного движения *сирхак* — «за реальные знания». *Сирхакисты* уделяли внимание естественным наукам, прежде недооцененным, и считали необходимым заимствование и применение научно-технических достижений Китая и Запада. Большую роль в изучении географии родной страны сыграло также и правление вана Ёнджо (1694—1776, правление 1724—1776), известное как «период ренессанса королевской власти в Корее» и ориентированное на культурную и экономическую консолидацию общества¹⁵.

Среди корейских географических памятников XVIII в. особое место занимают такие труды, как: «Сочинения Сонхо»¹⁶ [«Сонхо са-солъ» (星湖僊說), 1720] выдающегося философа Ли Ика (李穡, 1681—1763)¹⁷; «Описание избранных деревень» [«Тхэнниджи» (擇里志), 1751] Ли Джун Хвана (李重煥), 1690—1756?]; а также «Географическое исследование» [«Ёджиго» (輿地考), 1770] и «Карта Кореи» [«Тонгук ёджидо» (東國輿地圖), около 1770] Син Кён Джуна (申景濬, 1712—1781) и др.

Для того чтобы понять, в чем именно состоит особенность «Тхэнниджи», выделившая этот труд среди других географических памятников XVIII в., мы считаем целесообразным обратиться к комментариям к «Тхэнниджи» двух известных ученых XVIII—XIX вв.

Современник Ли Джун Хвана Ли Ик (1681—1763)¹⁸ — сирхакист, крупнейший историк, литератор и философ позднего Чосона, — комментируя «Тхэнниджи»¹⁹, останавливается на том, что «еще Конфуций утверждал: нужно выбирать место, где будешь жить»²⁰. «Не выбирая, — говорит он, — не получишь хорошего образования, не станешь достойным человеком»²¹. В комментарии Ли Ик рассуждает об истории, культуре и событиях прошлого, связанных с географией и выбором места. Труд Ли Джун Хвана он характеризует как «речь в несколько тысяч слов о выборе места, подходящего *садэбу*, логично повествующая о горных грядках (山脈) и направлении водного потока (水勢), климате (風土), народе (民俗), товарах (財物), воде и земле (水陸), а также удаче (運數)²²». Ли Ик признает, что ничего, подобного «Тхэнниджи», ему еще не приходилось читать²³.

Крупнейший деятель *сирхак* Чон Ягён (丁若鏞, 1762—1836) — известный философ, поэт и государственный деятель, живший уже после создания «Тхэнниджи», — так оценивает значение этого произведения: «Написанное ученым Ли Джун Хваном “Тхэнниджи” повествует о плохих и хороших местах нашей страны, не принадлежащих *садэбу*. Также оно повествует о законах 理致, по которым человек живет. [В нем говорится, что] сперва надо исследовать воду и огонь, а затем пять знаков 五穀²⁴. После этого хорошо было бы [исследовать] ландшафт 景致, горы, реки 山川 и обычаи 風俗. Ведь если водные потоки и леса далеко, сил человеку придется больше тратить. Если [поле] пяти знаков не подготовить, то года часто неурожайные будут. Если обычаи не уважать, а только литературу почитать, то будет много трудностей. Если же уважать только силу, то будет много драк. Люди, занимающиеся только торговлей, склонны к обману, а те, кто только земледелием, — упрямы 固陋. Если реки плохи, а горы изломанной формы и слишком возвышаются над человеком, то и он будет мал, и его намерения 心志 будут нечисты. Об этом и идет речь»²⁵.

Таким образом, основной идеей «Тхэнниджи» и Ли Ик, и Чон Ягён считают выбор места, подходящего для благополучной жизни. На этот выбор влияет как природа (горы и реки, ландшафт, климат), так и обычаи, настроения, царящие в обществе.

Отдельно стоит сказать о том, что, как мы предполагаем, «Тхэнниджи» — одно из первых произведений, в котором формируется

представление о *Пэкту тэган* (白頭大幹) — «Пэктусанском большом стволе» — цепи наиболее значительных горных хребтов во главе с высочайшей горой на севере — Пэктусаном, — которые, как с древних времен считали корейцы, образуют «ствол», или «хребет полуострова». Кроме Пэктусана в состав *Пэкту тэган* также входят горные гряды Пхотхэсан, Турюсан, Чхоронсан, Чхугарён, Кымгансан, Чинбурён, Сораксан, Одэсан, Тэгваллён, Тутхасан, Тхэбэксан, Собэксан, Чуннён, Ихварён, Соннисан, Чхунхуннён, Хванхаксан, Самдобон, Тогюсан, Чирисан.

Представление о *Пэкту тэган* возникло еще в древности, однако литературное оформление концепции относится именно к XVIII в. — эпохе, предшествовавшей Новому времени. Несмотря на то что в тексте термин не упоминается, сама структура описания провинций соответствует прохождению *Пэкту тэган* с севера на юг Корейского полуострова. Поясним на примере. Ли Джун Хван описывает провинции в порядке от периферии к центру: Пхёнандо, Хамгёндо, Хванхэдо, Канвондо, Кёнсандо, Чолладо, Чхунчхондо, Кёнгидо. Перед описанием каждой провинции следует ее характеристика с точки зрения отношения к «Пэктусанскому большому стволу».

Чтобы понять, насколько важна концепция *Пэкту тэган*, а также определить место «Тхэнниджи» в XX—XXI вв., мы хотели бы перейти к следующей главе, посвященной современному периоду времени. Однако прежде чем идти дальше, подчеркнем еще раз три основные причины, по которым «Тхэнниджи» завоевало популярность в позднем периоде династии Чосон.

Во-первых, сама идея выбора места для благополучной жизни. Трудов на эту тему до создания «Тхэнниджи» не было. *Во-вторых*, эта книга охватывала географию всего Корейского полуострова. Как писал сам Ли Джун Хван, «я не видел лишь провинций Чолладо и Пхёнандо»²⁶. Тем не менее в «Тхэнниджи» и эти провинции описаны максимально подробно. Благодаря странствиям автор смог познакомиться с обычаями и особенностями жизни почти на всем Корейском полуострове. *В-третьих*, «Тхэнниджи» было одним из первых произведений, опиравшихся на корейскую концепцию *Пэкту тэган*, несмотря на то, что само понятие в тексте не встречалось.

«Тхэнниджи» было написано на *ханмуне* в 1751 г., в 1912 г. впервые переведено на современный корейский язык просветителем Чхве Нам Соном (1890—1957) и охарактеризовано как «первая корейская книга о гуманистической географии *инмун чирри* 人文地理»²⁷. Впоследствии этот труд на современный корейский язык переводили и другие авторы.

По мнению современного южнокорейского исследователя Чин Чон Хона, «ландшафт и его отражение в культуре сыграли отчетливую интегрирующую роль в формировании коллективной идентичности корейского народа, переработали и трансформировали его средневековое культурное сознание в представления, свойственные современной нации»²⁸. «Тхэнниджи» — это яркий пример литературного географического памятника, и не случайно, что первый перевод книги на современный корейский язык был сделан через два года после превращения Кореи в японскую колонию, когда нации необходима была коллективная идентичность, осознание себя единым народом.

Наибольшее количество переводов «Тхэнниджи» на современный корейский язык приходится на правление президента Республики Корея Пак Чжон Хи (1917—1979, правление 1963—1979). Мы полагаем, что это связано с политикой в области образования, преследовавшей в тот момент несколько целей, среди которых были «ликвидация наследия японского колониального правления» и укрепление образования в области национальной этики и истории»²⁹. Перевод этого географического памятника, повествующего о корейских провинциях в их единстве, способствовал, как мы полагаем, укреплению национального самосознания. Причина новой популярности была не в поиске благоприятного места, как это было в XVIII—XIX вв., но в желании глубже узнать свою историю, ощутить свою национальную идентичность.

Обращает на себя внимание, что один из последних переводов «Тхэнниджи» (Ким Хын Сик) ориентирован на молодежь. В книге подробно объяснены устаревшие термины, а сам текст, по сравнению, например, с переводом Ли Ик Соны, заметно проще. Это связано, в том числе, с тем, что произведение в настоящий момент входит в обязательную образовательную программу. Школьники знако-

мятся с текстом не в оригинале, а в переводе на современный корейский язык.

Стоит обратить внимание на тот факт, что выпускаются своеобразные «новые Тхэнниджи». Например, «Заново написанное Тхэнниджи: в поисках скрытых красот нашей земли» Син Чон Иля³⁰ или «Тхэнниджи: впечатляющее описание нашей страны» Пак Се Гёна³¹.

В частности, Син Чон Иля выпустил серию книг «Новое Тхэнниджи от Син Чон Иля»³², в которых он описывает современные провинции полуострова. В аннотации к одной из книг («Новое Тхэнниджи от Син Чон Иля: Канвондо») дается пояснение, что это «учебник географии Кореи, основанный на “Тхэнниджи” Ли Джун Хвана. Это “Тхэнниджи сегодняшнего дня”, написанное с точки зрения исторической и социальной географии. С тех пор как жил Ли Джун Хван, прошло много времени: многое в нашей стране изменилось, родились и умерли многие исторические деятели. Эта книга рассказывает об этом в контексте истории»³³. Таким образом, «Тхэнниджи» стало не только названием одного географического памятника, но также определением для направления в литературе. Несомненно, это свидетельствует о значимости этого труда для современных корейцев.

С другой стороны, изменилось отношение корейцев к «Тхэнниджи». Они стали выделять в нем то, что в XVIII в., возможно, казалось естественным. Как уже упоминалось выше, в этом труде отчетливо прослеживается следование идее *Пэкту тэган*. Однако ни в комментариях к «Тхэнниджи», ни в оригинале текста мы не находим на него прямых указаний. Тем не менее опора на *Пэкту тэган* — это одна из особенностей данного труда, которую видит современный исследователь.

Первым российским востоковедом, введшим понятие *Пэкту тэган* в науку, был Н.В. Кюнер. На основе японских материалов и «Тхэнниджи» он дал русскому читателю первое представление об этой важной части корейской географии. Однако для Н.В. Кюнера *Пэкту тэган* в первую очередь было культурно-географическим понятием, что подтверждают его слова: *Пэкту тэган* — это «система продольных (меридиональных) складок с общим направлением с севера на юг, от которого отдельные отроги и цепи системы отклоня-

ются к западу и востоку... Горные хребты, принадлежащие к этой системе, играют настолько значительную роль в устройстве поверхности и общем строении массы суши южной и даже северной Кореи, что ими обусловлена самая фигура Корейского полуострова»³⁴.

К настоящему моменту в российском корееведении наиболее подробно понятие *Пэкту тэган* исследовано доцентом РГГУ Т.М. Симбирцевой, несколько лет назад обратившейся к этой важной теме³⁵.

Роль, которую сейчас играет *Пэкту тэган* в корейской культуре и географии, невозможно переоценить. Особенно сейчас, когда в условиях сохраняющегося уже более 60 лет раскола страны только углубляется разрыв между Севером и Югом Корейского полуострова. Это касается и языка, и культуры, и экономики, и физических данных населения. В результате сегодня весьма трудно найти то, что объединяет корейцев по обе стороны демаркационной линии.

По мнению некоторых западных ученых [например, профессора университета Кёнхи Джона Эперхези (John Eperjesi)] и общественных деятелей [например — знатока гор, «горного дипломата» Роджера Шепарда (Roger Shepherd)], таким объединяющим всех корейцев понятием может стать представление о *Пэкту тэган*³⁶, так как «Пэктусанский большой ствол» проходит через весь полуостров и имеет большое значение для корейской истории и культуры.

Опираясь на Интернет-материалы (блоги) и проведенные нами опросы корейцев, мы можем сделать вывод, что в настоящее время «Тхэнниджи» — это в первую очередь географический памятник, дающий представление о географии, климате, истории. Кроме того, это ценный источник сведений о быте и обычаях корейского народа. Опрошенные нами корейцы также отмечали, что «Тхэнниджи» — это книга о корейском *пхунсу* (風水): в ней подробно описано, какие места подходят для жизни, а какие — нет; и ландшафт представлен с точки зрения правил и канонов *пхунсу*.

«Тхэнниджи», таким образом, — одно из значительных произведений корейской литературы. Различие в его оценке в XVIII—XIX и XX—XXI вв. существует, однако оно невелико. Можно утверждать, что с течением времени этот труд был переосмыслен и прочитан по-новому, повлияв на формирование национального самосоз-

нения. Также эта книга привнесла свой вклад и в современное корееведение, познакомив ученых с литературным оформлением идеи о *Пэкту тэган*.

В российском корееведении «Тхэнниджи» еще не становилось отдельным объектом изучения, однако обращение к нему, несомненно, поможет исследователю ориентироваться в корейском культурно-географическом пространстве с большей точностью.

Примечания

¹ Син Пёнджу. Чосон чхвего-ый мёндо-дыль (Выдающиеся литературные памятники Чосона). Сеул: Humanist, 2006.

² Цит. по материалам сайта: URL: <http://kyujanggak.snu.ac.kr/>

³ «Взрослое имя» Ли Джун Хвана — «ча» 字 — Хвиджо 輝組; литературный псевдоним «хо» 號 — Чхондам 淸潭, Чхонхва санин 靑華山人. Литературные псевдонимы можно перевести как «Зеленый берег» и «Седой отшельник под синим небом».

⁴ Пхунсу 風水 (пхунсу чирисоль 風水地理說) — идея о всеобъемлющей живой энергии ки 氣 и взаимоотношении всего сущего на земле.

⁵ Садэбу 士大夫 — «великие мужи на службе».

⁶ Цит. по материалам сайта: URL: <http://kyujanggak.snu.ac.kr/>

⁷ Хёнсе 形勢 — геомантическое понятие, связанное с толкованием облика гор и исходящей от них энергии.

⁸ Изучение Кореи на Западе: От первого лица. Сборник интервью и эссе. Пер. с английского. Под науч. ред. Т. М. Симбирцевой. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 49.

⁹ Ли Джун Хван. Тхэнниджи. Пер. Ли Ик Сона. Сеул: Ёрюмунхваса, 2006 (переиздание 1971 г.). С. 296—297.

¹⁰ Кюджангак 奎章閣 («Павильон королевского архива») — архив, основанный ваном Чонджо 正祖 1752—1800, правление 1776—1800. Сейчас это крупнейший архив и библиотека на территории Сеульского национального университета.

¹¹ Кюннер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Владивосток, 1912. С. 107.

¹² Тягай Г. Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 96.

¹³ Воробьев М. В. Очерки культуры Кореи. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 146—147.

¹⁴ Ли Джун Хван. Тхэнниджи. Пер. Ли Ик Сона. Сеул: Ёрюмунхваса, 2006 (переиздание 1971 г.).

¹⁵ Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. Москва: РГГУ, 2012. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 35). С. 59—61.

¹⁶ Сонхо 星湖 — псевдоним Ли Ика.

¹⁷ Воробьев М. В. Указ. соч. С. 146.

¹⁸ Предположительно Ли Джун Хван был двоюродным внуком Ли Ика. Yoon Inshil Choe. Yi Chung-hwan's T'aengniji: The Korean Classic for Choosing Settlements. С. 5.

¹⁹ Комментарий Ли Ика составляет часть предисловия к «Тхэнниджи».

²⁰ Ли Джун Хван. Указ. соч. С. 16.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 19.

²³ Там же.

²⁴ «Пять злаков» онок 五穀 — злаки, считающиеся священными: просо, ячмень, рис, фасоль, пшеница.

²⁵ Ли Джун Хван. Указ. соч. С. 234.

²⁶ Там же. С. 4.

²⁷ Ли Джун Хван. Тхэнниджи. Пер. Чхве Нам Сона. Сеул: Чосон Кванмунхо, 1912. Цит. по Yoon, Inshil Choe. 'The significance of geomancy in understanding T'aengniji', Global Korea: Old and New, Proceedings of the Sixth Biennial Conference of the Korean Studies Association of Australasia, The University of Sydney, 9—10 July 2009. С. 322—329.

²⁸ Jin Jong-Heon. The Role of Symbolic Landscape in the Construction of National Identity in Modern Korea. University of California at Los Angeles. x, 249p. DAI 66, no.2 (Aug. 2005): 709-A; UMI 3164274. Автор благодарит американского библиографа Ф. Шульмана за предоставленные сведения о данной диссертации.

²⁹ Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / Корея: 1905—1945 гг. (В. М. Тихонов); Южная Корея: 1945—1992 (Кан Мангиль) / Ред., перевод с корейского, индексы. Т. М. Симбирцевой; Под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41) М.: Наталис, 2011. С. 383.

³⁰ Син Чон Иль. Сэроссынын Тхэнниджи: сальго сипхын гот: сумгёджин ури таный арымдаумиль чхаджасо (Заново написанное Тхэнниджи: в поисках скрытых красот нашей земли). Таым сэнгак, 2012.

³¹ Пак Се Гён. Тхэнниджи: ури тәне тэхан камдонджогин погосо (Тхэнниджи: впечатляющее описание нашей страны). Пхаран чаджонго, 2012.

³² «Син Чониль-ый син Тхэнниджи».

³³ По материалам сайта: URL: <http://www.kyobobook.co.kr/>

³⁴ Кюнер. Н.В. Указ. соч. С. 117.

³⁵ Симбирцева Т. М. Указ. соч. С. 322—325.

³⁶ URL: http://www.huffingtonpost.com/john-r-eperjesi/mountain-hiking-in-no-rth-korea_b_2255530.html

И.И. Ну*

О ВОЗРОЖДЕНИИ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (ЖАНР СИДЖО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.)

Жанр *сиджо* возник из фольклора и стал развиваться благодаря созданию корейского национального письма *хангыль* (1446 г.). Наибольший расцвет жанр получил в эпоху Чосон (1392—1910). Лирическое стихотворение, состоящее из трех строк с цезурой (паузой) посередине, обладало емкостью образов и содержало второй скрытый план. «Корейская классическая поэзия в жанре *сиджо* — это поэзия конкретной чувственной детали»¹.

Во второй половине XX в. жанр обретает новую жизнь, поэты пытаются вновь его возродить. В современной поэзии РК очень многое осталось от традиционных *сиджо*, но в творчестве народных поэтов привычные образы приобрели иные оттенки значений². «Творческое следование традиции предполагает поиск живого в старом, его продолжение, а не механическое подражание иногда отмершему»³.

И в РК появилось немало поэтов, пишущих в этом жанре. Издательством *Мунхак кваджисоньса* был намечен проект: издать

* Ну Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИВ РАН. E-mail: natalianee@mail.ru

100 сборников современных *сиджо* начиная с 1906 г.⁴. Первыми двумя авторами в этом списке значатся Чхе Нам Сон и Ли Бён Ги. Ли Бён Ги — первый в РК собиратель и редактор антологии традиционных классических трехстиший. Завершает этот список О Се Ён, современный поэт и литературный критик Республики Корея.

Изучение современных *сиджо* также представляет интерес: так ли сильно изменилась картина мира в *сиджо*, и что нового привнесли его современные авторы в жанр? Как показывает время, интерес к *сиджо* не угасает и его возрождение все же состоялось.

В основе традиционного жанра была определенная мелодия. В новый и новейший периоды важным в *сиджо* является графический аспект, стала неактуальной музыкальность жанра, которая имела место в стихотворениях жанра эпохи Чосон. Но важным для его современных авторов является ритмообразующий фактор. Формирование звуковой инструментовки стиха происходило под влиянием просодического пения, оно основывалось на напевности жанра *сиджо*, его мелодий. О.И. Федотов при анализе русской народной песни обратил внимание на ее жанровую дифференцированность: «Жанр определяет стилистику, тональность, манеру исполнения и т. д. Жанр, как показывает конкретный анализ, определяет и роль, и качество рифмующих созвучий»⁵.

В некоторых сборниках современные стихотворения жанра записаны их авторами шестистишиями, а это уже отступление от правил, скорее всего, под влиянием переводов *сиджо* на европейские языки⁶.

Silky white fog lazily lifts

Early on an April day.

While drowsy morning hills
Raise silhouettes in gray.

Pink azaleas greet me with smile
Tossing bundles of fresh bouquets (p. 222).

3 4 3 4
Хвэн-пи-дан ан-гэ-чжанъ-мак // кот-ки-нын и-рын-са-воль

3 4 4 4
Ар-йон-хи пуг-ак-твэ-мйо // чжол-ли-нын-тыт а-чхим-он-док
3 4 3 2
Йон-бун-хынъ чин-дал-ле-ккот // у-сы-мйо пхи-нэ

Пелена тумана стелется ввысь
В ранний апрельский день.

В тумане видны очертанья
Сонных горных вершин.

Розовая азалия улыбается мне,
Кивая шапкой мохнатых цветов.

* * *

Men and animals and worms are
Boiling Good Earth to sizzle

Over desolate hillslopes
Misty rain turns into drizzle

Azaleas hold spring dreams tight
Lest they slip in a fizzle (p. 224).

3 3 4 4
Са-рам-дыль чим-сын-дыль // пол-ле-ды-ри сол-ле-нын ттанъ
3 4 4 4
Мэ-мар-ын вэ-джин-тонъ-сан // ан-кэ-би-га нэ-ри-нын-дэ
3 4 4 3
Пом-кку-ме чам-кйо-нын-га // йон-пун-хынъ-ый чин-дал-ле

Люди, звери и насекомые
Живут на бурлящей шумной земле.

На отдаленной бесплодной горе
Моросит мелкий дождь.

Дремлет ли в весеннем сне
Розовая азалия?

Пять стихотворений в жанре *сиджо* из цикла «Азалия» Ким Юн Сона (род. 1924). Перед нами переводы современных *сиджо* на английский язык, которые графически переданы их автором шестистишием.

В лирическом цикле «Силлачхо» в сборнике поэта Со Чон Джу мы также видим традиционную форму трехстрочных *сиджо*, хотя их не так и много (были отмечены два стихотворения жанра), в них присутствуют устаревшие глагольные формы, диалектизмы, характерные для той местности, где родился поэт (пров. Северная Чолла). Сочинять стихи в жанре *сиджо* чрезвычайно сложно, но поэт мастерски сумел использовать емкость жанра, привлекая немногочисленные языковые средства, с помощью которых достигается новизна в звуковой организации, например в двух рассматриваемых стихотворениях жанра.

올타릿가 감들은 붉은 물이 들었고
맨드라미 축귀(蜀葵)는 붉은 물이 들었다만
나는 이 가을날 무슨 물이 들었는고

4 4 4 3
Уль-тха-рит-ка кам-ты-рын // ттоль-бын му-ри ты-ро-кко
3 3 4 4
Мэн-ды-рами чхок-кю-нын // пуль-гын му-ри ты-ро-тта-ман
3 3 4 4
На-нын-и ка-ыль-наль // му-сын му-ри ты-ро-нын-ко

У плетня хурма налилась соком.
Гребень петуха и роза-шток налились алым цветом.
Что за воду влил в себя я в этот день осенний?

В *сиджо* высока звуковая организация, но, помимо уже знакомых нам лексических повторов и окончаний, здесь между собой рифмуются корневые основы глагола «**тырокко** — **тыроттаман** — **тыронынко**» в значении *входить, вливаться (наливаться спелым соком)*. Параллелизм грамматический соответствует параллелизму образов: хурма и роза-шток налились соком (созрели) — человек влил в себя (какую-то) воду. Так поэт юмористически обыгрывает глагольную форму *тыльда*, используя значение слова. В двух первых строках

природные свойства хурмы, розы и гребня петуха говорят о закономерных их качествах осенью. Напротив, в третьей строке глаголом *тыльда* (*наливать*) подчеркивается незакономерное, а как бы случайное действие: человек что-то в себя влил (а сам не знает что). Так в логической конструкции одна и та же словоформа в разных предложениях может выражать противоположные свойства.

Другое стихотворение также построено по схожей логической конструкции.

안해 박은 뜰 안에 큰 주먹처럼 놓고고
타래 박은 뜰 밖에 작은 주먹처럼 놓였지만
내 주먹은 어디다가 놓았으면 좋을꼬

4 3 5
Ан-хэ па-гын ттыль ан-е // кхын чу-мок чхё-рём но-и-го
4 3 4 6
Тха-рэ па-гын ттыль пакк-е // ча-гын чу-мок чхё-рём но-йё-га
4 3 4 3
Нэ чу-мог-ын оди(ы)-да-га // но-а-ссы-мйён чо-ыль-кко

Прошлогодняя тыква-горлянка лежит, как большущий кулак.
Ложь на дне черпака свернулась и лежит, как кулачок.
Было бы лучше и мне куда-нибудь деть (положить) свои кулаки!

Два стихотворения Со Чон Джу, скорее всего, являются исключением в его творчестве, так как поэт не писал стихи в данном жанре. Трехстишия — дань традиции. Здесь не соблюдено классическое правило третьей строки. Она по количеству слогов должна быть длиннее двух первых, так как в смысловом отношении самая значимая, в ней обычно содержится заключение-вывод.

Пак Дже Сам (род. 1933) — автор многих *сиджо*, который вместе с другими поэтами, пишущими в этом жанре, пытался возродить жанр в современной поэзии РК.

떨어진 꽃잎처럼 흘러 보낸 세월이라
어느 탐스런 여왕도 그리움이 멀어지면
저절로 눈물 고여라 아롱아롱 빛나라

3 4 4 4
Ттõ-рõ-джин ккот-ип чхо-ром // хыл-лйõ по-нэн се-вõр-и-ра
5 3 4 4
Õн-ы тхам-сы-рõн йõ-ванъ-до // кы-ри-у-ми мõр-õ-джи-мйõн
3 5 4 3
Чжõ-джõл-ло нун-муль ко-йõ-ра // а-ронъ-а-ронъ пит-на-ра

Уходящее время, как лепестки опавших цветов.
У одной прелестной королевы, когда милый в дальней дороге,
В глазах собираются слезы, что, искрясь, заблестают.

В стихотворении Пак Дже Сама «Золотая корона» также не соблюдено правило третьей строки, но параллелизм образов вполне очевиден. Для перевода *сиджо* на другие языки — это один из важных элементов трансформации образа в другую культуру.

Символическая метафора присутствует в стихотворении «На засушливом поле» Пён Хак Кю (1914—1988).

목숨의 논밭 파서 샘물 즐기 찾습니다.
새우 허리 펴며 펴며 별빛 울어 비웁니다.
모른 죄 씻어 주시고 아는 죄 가시옵소서.

3 4 4 4
Мок-сум-ый нон-пат пха-сõ // сэм-муль чуль-ги чхат-сым -ни-да
4 4 4 4
Сэ-у хо-ри пхйõ-мйõ пхйõ-мйõ // пйõль-пит у-рõ пи-ом-ни-да
3 5 3 5
Мо-рын чвэ сси-со чу-си-го // а-нын чвэ ка-си-оп-со-со

Прорвавшись сквозь дух поля, с ревом забил фонтан.
Креветка расправила спинку, и полился звездный дождь.
Он смывает грехи неизвестные, а известные всем, исчезают сами.

Звездный дождь — метафора очищения от греховного мира. Влияние христианства здесь очевидно в использовании синтаксических оборотов (*чвэ касиопосо*) и слова из христианской культуры *грех (чвэ)*. Как и в традиционных *сиджо*, рифмуются глагольные окон-

чания по вертикали в первых двух строках и деепричастные окончания по горизонтали в третьей строке.

В последнее время литературная критика Республики Корея ведет дискуссию по жанровой специфике *сиджо*, созданных в новый и новейший периоды. Все они утверждают о потере музыкальности жанра⁷, анализируя стихотворения авторов, начиная с Чхвэ Нам Сона.

Квон Ён Мин, литературный критик, указывает на тот факт, что не все трехстишия можно отнести к жанру *сиджо*, так как в них не соблюдена классическая форма в слоговом исчислении, и это влияние свободного стиха. Под его воздействием Чхвэ Нам Сон стал писать *сиджо* нового времени, надеясь на рост чудесных плодов, которые созреют на дереве. «Современные *сиджо* надо исследовать, что является важной задачей в нашей литературе», — отметил он в заключение статьи «Путь развития современных *сиджо*»⁸. Пак Чхоль Хи, литературный критик, профессор университета Соган, приводит слова Ём Сан Сопа⁹, который сказал: «Если исчезнет *сиджо*, что же тогда останется в литературном мире Кореи?». Анализируя *сиджо* в историческом развитии, он пишет о типах *сиджо*: помимо классических трехстиший, есть циклические *сиджо* (*ос-сиджо*) и длинные *сиджо* (*чан-сиджо*). Их влияние ощущается в поэзии многих современных корейских поэтов, которые верны традиции. Что же является основой для *сиджо* на нынешнем этапе? В чем единство формы и содержания? Форма *сиджо* должна содержать дух современности. «В поэзии Хан Ён Уна, Ким Ён Рана, Со Чон Джу, Ю Чхи Хвана, Ли Юк Са, Чо Джи Хуна, Пак Мок Воля, Пак Дже Сама и других мы можем найти много элементов от *сиджо*. Но все это носит скрытый характер, на каком-то бессознательном, метафизическом уровне»¹⁰.

На важное значение развития жанра указывал другой литературный критик — Ю Сонхо¹¹.

Таким образом, развитие жанра *сиджо* во второй половине XX в. рассматривается литературоведами РК как одна из важных эстетических задач в формировании самосознания народа.

На протяжении веков *сиджо* передавались в устной традиции, отсутствовали письменно зафиксированные теоретические законы жанра. В настоящее время литературными критиками и поэтами РК ведется работа по отбору стихотворений для антологий по *сиджо*

(об одном из проектов упоминалось в начале статьи), для чего проводятся различные конкурсы.

Примечания

¹ Пермяков Г. Л. О поэтической детали в корейской классической лирике (Научные заметки) // Проблемы востоковедения. М., 1959. № 4. С. 124.

² Ни Н. И. Поэзия Республики Корея во второй половине XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 29—48. (в тексте — 2011?).

³ Лихачёв Д.С. Природа других стран. // Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / Составление, подготовка текста и вступительная статья Д.Н. Бакуна. М.: Российский Фонд Культуры, 2006. С. 189.

⁴ Sijo in Our times: Poems of 100 Poets.

⁵ Федотов О.И. Вопросы теории и истории литературы. Казань, 1971. С. 38.

⁶ Жовтис А. Бамбук в снегу, М.: Наука, 1978; Classical Korean Poems (SIJO) / Selected and translated by Kim Unsong. Seoul (Korea), 1987.

⁷ В классических трехстрочных *сиджо* (*пхён-сиджо*) слова были воедино слиты с музыкой. Они не читались, а исполнялись в сопровождении музыкального инструмента. Поэтому все традиционные классификации *сиджо* построены либо по манере исполнения (четыре вида), либо по мелодии (три вида), либо по темпу музыки (15 разновидностей). (см.: Концевич Л. Корейская поэтика // Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. С. 163).

В циклических *сиджо* и повествовательных *сиджо* представляет интерес композиция, связь с музыкой менее выражена либо отсутствует вовсе.

⁸ 권영민. 2006. С. 18—20.

⁹ Ём Сансоп (염상섭, 1897—1963), корейский писатель-классик.

¹⁰ 철희. 2006. С. 22—37.

¹¹ 유성호. 2006. С. 38—47.

Глава 8 О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КНДР И РК

С.С. Суслина С.С.*

ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ ЭКОНОМИК СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕИ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ОСНОВА ИХ ВЗАИМНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1. Основные тенденции внутриэкономического развития КНДР и РК в 1990—2000-е годы

После раскола Кореи на две разные социально-экономические системы, считая с образования двух государств в 1948 г., прошло 65 лет. В настоящее время страны Корейского полуострова в совокупности представляют особый уникальный эксперимент по продолжительности соревнования двух частей одной трагически разделенной нации. Учитывая системное различие путей социально-экономического развития Северной и Южной Кореи, приходится все же при-

* Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: Suslina.SS@mail.ru

знать, что на современном этапе и на Корейском полуострове проявляются общемировые тенденции рыночной модернизации и глобализации. В этой глобальной системности мирового рынка лежит одновременно и вызов для северокорейской экономики, и возможность ее безальтернативного перерождения или социально-экономической модернизации. И это дает основания прогнозировать перспективы экономического и социального сближения двух стран. Хотя следует сделать некоторые оговорки.

Если для Республики Корея (третьего экономически мощного игрока в СВА) вектор дальнейшего социально-экономического развития проходит в направлении либерализации ее рыночной модели, инновационного прорыва в глобальную экономику, то для Северной Кореи основной ориентир — это реанимация экономики с использованием международных стратегий развития (в первую очередь, китайской и вьетнамской) с упором на сохранение государственного контроля при совмещении «больной», обремененной военными расходами экономической модели с вызовами и запросами системы глобального рынка.

Северокорейская экономика в 1990-е годы пережила период сокрушительного удара по ее устоям, вызванного объективными обстоятельствами распада мировой социалистической системы и сокращения материальной и финансовой поддержки ее чуждейской социально-экономической модели. Конец 1990 — начало 2000-х годов стали для КНДР не только периодом выживания, но и началом непонятного для международных экспертов северокорейского эксперимента перехода к допущению некоторых рыночных механизмов управления в экономике. Завершившийся в 2002 г. в целом неудачей этот эксперимент, начатый на официальном уровне, тем не менее породил определенные настроения на уровне простых граждан и в конечном счете вылился в некоторые послабления жесткого контроля государства в социально-экономической жизни страны. Эти отступления касались в основном форм государственного контроля и регулирования северокорейской экономики, но не затрагивали производственных отношений и передела форм собственности. Попытки руководства перехватить робкие инициативы низов, зародившиеся под влиянием объективных трудностей 1990-х годов,

не получили ожидаемых результатов, как, например, в КНР или во Вьетнаме.

Рассуждая, почему этого не произошло, можно выделить ряд причин и факторов. *Во-первых*, Северная Корея серьезно запоздала с реформированием своей экономики, переведя ее тяжелое состояние в хроническую и системную стадию развития. Кризис и сложность ситуации здесь гораздо глубже, чем в других странах постсоциалистического пространства. *Во-вторых*, проблема реформирования северокорейской экономики имеет по крайней мере три весьма существенные составляющие. Это взаимозависимость любых реформ экономики и социальной жизни страны и сохранения существующей элитарной власти. Это урегулирование северокорейской ядерной программы. Это разрешение, в конечном счете, так называемой корейской проблемы, т. е. создание предпосылок для дальнейшей хозяйственной и не только интеграции двух стран полуострова. Помимо этих составляющих, можно отметить и заинтересованность международного сообщества, и в первую очередь соседних государств, в обеспечении безопасности в СВА и развитии там взаимовыгодного экономического сотрудничества. Такая зависимость процесса необходимого реформирования Северной Кореи от совокупности выше-названных факторов обуславливает очень медленный характер его продвижения. Эксперты разных заинтересованных стран до сих пор не выработали действенных рекомендаций, предлагая в основном набор общих подходов развития начал рыночной демократии, не учитывая этого крайне сложного переплетения разнонаправленных факторов, оказывающих влияние на северокорейскую экономику.

В результате северокорейская модель развития, несмотря на периодически озвучиваемые руководством Северной Кореи задачи и лозунги (например, построения к 2012 г. *кансон кукка*, или «сильного и процветающего государства»), зашла в тупик и буксует. Хотя КНДР уже доказала мировой общественности свою «силу» ядерными испытаниями, «процветающим государством» она и сама себя еще не считает. Учитывая всю сложность, запущенность и опасность консервации текущего положения, а также его крайнюю невыгодность (долгосрочную потерю многомиллиардных прибылей) для мирового сообщества, представлялось бы желательным подойти к раз-

решению этой проблемы комплексно, начиная искать «развязки» одновременно на нескольких уровнях.

В первую очередь, искать взаимоприемлемое решение ядерной проблемы на уровне международного общения (в двустороннем, трехстороннем и многостороннем форматах), ведя к окончательному признанию всеми сторонами военно-политического порядка на полуострове и в регионе.

Во-вторых, признание КНДР руководством ряда ведущих государств мира, несомненно, послужило бы пересмотру Северной Кореей приоритетных векторов ее развития в сторону развития и модернизации ее гражданской экономики.

В-третьих, наличие поддержки экономически заинтересованных стран могло бы привести к доверию и большей решительности северокорейского руководства в переходе к более радикальным реформам. Как представляется, власти КНДР сами осознают необходимость внедрения новых методов управления экономикой, допущения коммерциализации и частной хозяйственной инициативы. Однако запуск этих процессов представляется им особенно опасным в условиях внешнего недружественного окружения. КНДР хотелось бы достигнуть оживления экономики и благополучия без сдачи своей ядерной программы.

В-четвертых, для вступления на путь реформ Северной Корее потребуется все возрастающий год от года объем дополнительного финансирования, который она может получить только из фондов извне. По подсчетам Сингапурского банка развития, затраты на воссоединение (на сближение уровней развития социально-экономических структур) составят до 1 трлн долл. и это не предел¹. Здесь есть разные опции, возможные при условии урегулирования вышеназванных внешнеполитических проблем. Это и двусторонние (инвестиции и помощь Южной Корее, России, КНР и других стран), и многосторонние финансовые фонды (АзБР, консорциумы банков разных стран и т. д.).

Современные тенденции развития южнокорейской экономики удивительным образом могут оказаться созвучными потребностям соседней КНДР. Как благоприятный внешний фон можно отметить приход к власти в Южной Корее нового президента — Пак Кын Хе,

призванной продолжить исторический эксперимент своего отца по превращению РК в региональную процветающую державу. Южнокорейская модель развития, сохранившая в своей основе замысел ее архитектора, сегодня также нуждается в реформировании. Одна из главных задач, как это было провозглашено на инаугурации 25 февраля этого года, — это счастье каждого южнокорейца. При этом необходимо расширить фундаментальные основы южнокорейской экономики, избавить ее от опасной и чрезмерной зависимости от внешнего рынка, повысив внутренний спрос и расширив позиции среднего и мелкого бизнеса. Мелкий и средний бизнес — это тот показатель, который в настоящее время в мировом сообществе символизирует экономическую стабильность и принят как индикатор процветания общества. Южная Корея по этому показателю находится на одном из последних мест среди наиболее развитых стран ОЭСР. Содействие мелкому и среднему бизнесу за счет некоторого наступления на позиции крупного и налаживание сотрудничества между ними — важная задача нового руководства РК.

Укрепление основ мелкого и среднего бизнеса Южной Кореи, кроме решения внутренних проблем страны, может стать действенным каналом межкорейской хозяйственной интеграции и сотрудничества, проявляясь, в частности, в расширении практики специальных зон в КНДР. Этот бизнес мог бы сыграть важную связующую роль в создании впоследствии единого экономического пространства на Корейском полуострове.

Далее, реформы по разукрупнению и сокращению роли госсобственности насущны как для Северной, так и для Южной Кореи. Для Южной Кореи — это закономерный шаг в сторону еще большей внутренней либерализации. Для Севера — это более болезненная реформа, так как переплетается с интересами авторитарного руководства и, по сути, представляет угрозу размывания социально-экономического базиса северокорейского общества. Однако уйти от решения этой проблемы властям КНДР не удастся. Вопрос лишь в том, как сделать это постепенно и с меньшими издержками. Совпадают и задачи по поиску выхода из односторонней внешнеэкономической зависимости от КНР. И здесь есть возможности для перевода части внешнеторгового потока в канал межкорейского обмена.

2. Общая характеристика изменений экономических структур Северной и Южной Кореи

Почти за семь десятков лет отдельного развития две страны создали разные экономические структуры, каждая из которых прошла свой путь индустриализации и интенсификации сельскохозяйственного производства. Северокорейская структура экономики, испытав объективные трудности сокращения из-за воздействия известных неблагоприятных внешних факторов, свелась к следующей: доля аграрного сектора в ВВП составляет 23,1 %, промышленности — 36,5 %, третичного сектора — 40,4 %².

Очевидно, что Северная Корея находится еще в стадии активной индустриализации, в то время как ее третичный сектор значительно отстает в своем развитии, поскольку именно в нем находятся отрасли инновационного развития (наука, образование, ИКТ, финансовый и банковский сектора, транспорт и связь, торговля, услуги и т. д.). Северная Корея отстает в этой сфере не случайно, так как ее развитие в свете современных мировых тенденций зависит от степени либерализации национальной экономики и ее включенности в мировой рынок. Общеизвестно, что при всех заявлениях руководства КНДР о стремлении развивать внешнеэкономическое сотрудничество с миром сохраняющийся в целом неблагоприятный имидж этой страны препятствует этим устремлениям, как и боязнь чрезмерного открытия страны со стороны самой Северной Кореи.

Современная структура экономики РК характеризует ее постиндустриальную направленность развития. В ВВП Южной Кореи явно доминируют отрасли сферы услуг, составляя 65,9 %, на промышленный сектор приходится 31,4 %, а на первичный сектор — всего 2,7 % производимого продукта.

Комплементарность по товарной специализации просматривается в следующих секторах и отраслях корейских экономик. Прежде всего, это первичный сектор, доминирующий в ВВП Северной Кореи и сведенный к минимуму в РК. Здесь можно отметить достаточно высокую степень взаимодополняемости. По вторичному сектору, если брать по его весомости, налицо частичная взаимодополняемость, так как и на Севере, и на Юге получили развитие достаточно

многоотраслевые промышленные комплексы. Однако по степени развитости и инновационности отдельных отраслей у двух Корей имеются серьезные различия. В свете последних событий можно признать, что гражданское промышленное производство в наибольшей степени развито на Юге, а военное, видимо, — на Севере.

Следует также отметить, по удельному весу обрабатывающая промышленность, и в частности тяжелая, превалирует в ВВП Южной Кореи, в то время как добывающая промышленность превалирует в ВВП Северной Кореи. Следует отметить небольшое различие двух стран в показателях энергоснабжения, что определяет их общую зависимость от внешнего фактора. Южная Корея значительно опережает КНДР по развитости сектора услуг, что свидетельствует о ее более зрелой фазе индустриализации и активном участии в глобальной экономике. В этой сфере КНДР потребуются самый большой объем капиталовложений, чтобы решить ее энергетические, транспортные, логистические и многие другие инфраструктурные проблемы. Таким образом, по секторам материального производства Северная и Южная Кореи уже сейчас обладают значительным потенциалом взаимодополняемого сотрудничества. Это первичный и промышленный сектора. Однако без подтягивания третичного сектора Северной Кореи сотрудничество двух стран не сможет выйти на оптимальный уровень. В этом большую помощь может оказать реализация международных проектов (транспортных, энергетических, логистических и т. д.).

Наиболее развитый сектор ВВП КНДР — промышленный — концентрируется в основном вокруг отраслей тяжелой промышленности (металлургической, машиностроительной, химической), в то время как ее сельскохозяйственное производство в значительной степени зависит от погодных условий.

Динамика развития отдельных секторов северокорейской экономики, по имеющимся оценкам, также свидетельствует о возможности преодолеть проблемы каждого корейского государства с помощью другого. Так, например, стагнирующее положение северокорейской обрабатывающей промышленности, и в частности легкой, могло бы быть компенсировано сотрудничеством с Южной Кореей, имеющей в этой области мировые конкурентные преимущества.

С другой стороны, сохранение и использование дешевой рабочей силы из КНДР еще более подкрепили бы позиции РК на мировом рынке, особенно перед лицом конкуренции аналогичной продукции из КНР. Интересно также отметить, что спад производства, который переживает в настоящее время южнокорейский строительный бизнес, контрастирует с динамичным развитием этой отрасли на Севере.

В промышленном секторе Южной Кореи в стагнирующем положении находится добывающая промышленность при нестабильном, но росте обрабатывающего производства. Отмечается спад в развитии отраслей легкой индустрии. Конечно, в этих тенденциях следует учитывать влияние последствий мирового кризиса 2008—2010 гг. Кроме того, не следует забывать и об относительной достоверности статистических данных южнокорейских источников, анализирующих экономическую ситуацию в КНДР. Тем не менее можно сделать общий вывод о сохраняющейся и пока еще воспроизводящейся взаимодополняемости экономик двух стран.

Мы рассмотрели комплементарность двух корейских экономик, отвлекаясь от разности их социально-экономических систем, подошли к этому вопросу с позиций совместимости их материального производства. Но эту же проблему следует рассматривать и с точки зрения природных и трудовых ресурсов, которыми обладают обе страны. При этом наиболее показательны тенденции развития демографической ситуации в каждой из Корей. Население Северной Кореи, по оценочным данным, составляет 24,5 млн человек, а Южной Кореи — 49,79 млн человек, при этом более 24 млн южнокорейцев — это экономически активное население. Следует отметить, что если Южная Корея завершила переход к современному типу воспроизводства населения (сравнительно высокая продолжительность жизни, но низкая рождаемость), в результате чего происходит старение населения, что утяжеляет демографическую нагрузку и вызывает необходимость притока мигрантов в страну, то Северная Корея находится еще в стадии перехода, когда сохраняется еще достаточно высокая рождаемость и повышается продолжительность жизни, вследствие чего страна имеет сравнительный избыток рабочих рук. Демографическая ситуация в КНДР является одной из лучших в ре-

гионе. В 2011 г. в стране проживали 24 589 122 человека, из которых 68,7 % — трудоспособное население в возрасте от 15 до 64 лет. Ежегодный прирост населения составляет примерно 0,5—0,8 %, что является достаточно хорошим показателем. В секторе промышленности и услуг занято 76,9 % экономически активного населения, в сельском хозяйстве — 23,1 %, что позволяет оценить экономику КНДР как индустриальную, лишь 29,4 % рабочей силы занято в сфере услуг³. В Южной Корее больше всего занятых в секторе услуг — 76,9 %, тогда как в промышленности — 17 % и в сельском хозяйстве — 6,1 %.⁴

Не вдаваясь в подробности анализа этой очень актуальной проблемы, можно отметить, что в перспективе Южная Корея могла бы возмещать нехватку рабочей силы за счет импорта ее из КНДР.

3. Основные направления внешнеэкономической политики обоих государств

Внешнеэкономическая стратегия РК нацелена на максимальное участие страны в процессах либерализации, глобализации и регионализации. В этом Южная Корея видит для себя перспективы стать седьмой экономикой мира, процветающим и социально справедливым государством. В 2011 г. весь ее товарооборот достиг 1,080 трлн долл., а внешнеторговая квота — около 100 % всего ВВП страны⁵. По итогам 2012 г. РК заняла 8-е место в мире по объему экспорта товаров и услуг.

Южная Корея поддерживает торговые и другие внешнеэкономические отношения с более чем 100 странами мира, но при этом основная часть ее хозяйственных связей приходится на КНР и развитые страны. По данным Корейского агентства по содействию торговле и инвестициям (КОТРА, РК), Северная Корея поддерживает торговые отношения с 70 странами, включая Южную Корею. При этом торговые представительства КНДР имеет в 38 государствах мира⁶.

В сопоставлении с показателем РК внешнеторговый объем КНДР в 2011 г. 8,03 млрд долл. против 1,080 трлн долл. составил 1/134 часть от товарооборота Южной Кореи⁷.

Основные партнеры КНДР — это КНР, Южная Корея и Россия. Степень открытости экономики в КНДР невелика. Экспортная квота в 2010 г. составила 11 %, если соотнести экспорт в 2,79 млрд долл. к номинальному ВВП КНДР в 26 млрд долл. А импортная квота — 14 % (импорт — 3,53 млрд долл.). Вся внешнеторговая квота не превышала 25 % ВВП⁸. Это свидетельствует о невысокой степени зависимости КНДР от внешнего рынка. Однако зависимость экономики страны от отдельных партнеров, в частности КНР, достаточно весомая (56,9 %). Особенно если сопоставлять ее торговлю с КНР и торговлю с РК (56,9:29,2). Таким образом, торговый оборот КНДР с РК почти вдвое уступает ее торговому обмену с КНР. Это может иметь своим последствием опасную привязку экономики Северной Кореи к рынкам двух стран (КНР и РК). В то же время такая тенденция доминирующего влияния КНР как на Северную, так и на Южную Корею сужает и замедляет перспективы взаимной интеграции двух стран, переориентируя товарные потоки из этих стран на емкий китайский рынок.

Для КНДР экономическое сотрудничество является важным источником сырья, промышленных и потребительских товаров, иностранной валюты, инвестиций и новых технологий. Однако в нынешних условиях, в связи с действующими против нее международными санкциями, а также нехваткой у Пхеньяна свободных валютных средств, объем этого сотрудничества весьма скромный.

Руководство КНДР стремится создавать имидж страны, привлекательной для иностранных инвестиций, открывая специализированные зоны и пытаясь распространить успешный опыт Кэсонской зоны и на сотрудничество с КНР. Однако пока в двух из трех совместных китайско-северокорейских СЭЗ (Вихвадо и Хвангымпхен) работа продвигается медленно. И хотя сотрудничество КНР с КНДР в другой зоне (Расон) выгодно Китаю (выход к Японскому морю, наличие конкуренции между РФ и КНДР за китайский транзит), Пекин не уверен, что когда будет им выстроена необходимая инфраструктура, КНДР не позовет в эти СЭЗ компании из России, Японии и США.

4. Внутрикорейское сотрудничество и его роль в восстановлении интеграционных связей двух Корей

Налаживание полноценного экономического сотрудничества двух Корей является остро насущной задачей стран Корейского полуострова. За годы политики «солнечного тепла» (2001—2007 гг.) объем межкорейской торговли вырос более чем в 4 раза — с 403 млн долл. до 1,79 млрд долл. Примечательно, что за эти годы доля РК во внешнеторговом обороте КНДР увеличилась с 15 до 38 %⁹. Объем межкорейской торговли, достигнув в 2008 г. 1,82 млрд долл. и 1,91 млрд долл. в 2010 г., упал к концу срока правления Ли Мен Бака до 1,71 млрд в 2011 г. На фоне стремительного роста китайско-северокорейской торговли доля РК во внешнем товарообороте КНДР к 2011 г. сократилась до 21 %¹⁰.

Как пишет в своей статье в «Проблемах Дальнего Востока» российский кореевед Л.В. Захарова, в общем объеме двустороннего товарооборота в 2009 г. 58,3 % пришлось на долю КПК, 24,3 % — на процессионную торговлю и 15,2 % — на обычную торговлю, а доля некоммерческой торговли в межкорейских обменах с 2007 по 2009 г. снизилась с 19,5 до 2,2 %¹¹. В годы проведения политики «солнечного тепла» между странами наметилась тенденция налаживания интеграционных связей и взаимодополняющего сотрудничества. Это стало проявляться в динамике взаимовыгодного обмена текстильной продукции, продукции сельского и морского хозяйства, полезных ископаемых, стали и металлопродуктов, электрической и электронной продукции КНДР на импорт из РК также текстильной продукции, электрической и электронной продукции, продукции химической промышленности и машиностроения, продукции сельского и морского хозяйства¹². При этом с 2008 г. товарообмен стал более выгоден для КНДР, создавая для нее профицит (в 2011 г. — 114 млн долл.).

В 2012 г., несмотря на сложный в политическом плане период, межкорейский товарооборот вырос на 15 % и составил 1,97 млрд долл., достигнув исторического максимума (положительное сальдо КНДР увеличилось до 174 млн долл.)¹³. При этом почти весь объем двусторонней торговли (более 99 %) пришелся на Кэсонский про-

мысленный комплекс, а рост товарооборота был обеспечен за счет увеличения объема выпущенной в нем продукции, стоимость которой в 2012 г. составила 470 млн долл., на 17,5 % превысив показатель предыдущего года¹⁴.

Подводя итог, можно отметить, что впечатляющий экономический результат Кэсонского комплекса еще раз подтверждает тезис о комплементарности экономик двух стран, свидетельствует о реальной заинтересованности северокорейской стороны и южнокорейского бизнеса в сотрудничестве, а также убедительно демонстрирует имеющийся потенциал межкорейских экономических связей.

5. Современный уровень «взаимозависимости» двух стран и перспективы дальнейшей интеграции

Современный уровень взаимодействия и взаимозависимости двух Корей невысок и нестабилен по известным политическим причинам. Он далеко не исчерпывает всех возможностей экономических потенциалов двух стран. В значительной мере политическим акселератором этого процесса могло бы стать достижение взаимоприемлемого решения корейской ядерной проблемы, а экономическим мотором — перевод северокорейской экономики на рыночные начала и расширение сотрудничества на мировом рынке. Коммерческое использование Северной Кореей своих конкурентных преимуществ (природных, трудовых, рекреационных ресурсов и т. д.) повысит к ней интерес со стороны КНР, РК, России, Японии и, может, даже других развитых стран. В этом же направлении будет действовать и реализация известных многосторонних экономических проектов в СВА.

Новое южнокорейское правительство могло бы воспользоваться шансом и упрочить свои позиции перед лицом формирующихся интеграционных группировок (КНР—Япония—РК или КНР—Япония—РК—Австралия—Новая Зеландия и АСЕАН). Но для этого необходимо и реальный шаг навстречу со стороны КНДР. По некоторым данным, Северная Корея готова «открыться» уже в этом году¹⁵. «Руководство КНДР намерено уже в этом году открыть свою страну для иностранных инвестиций, а также провести в стране широкомас-

штабные реформы по вьетнамскому образцу», — сообщает немецкая газета *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. По версии данной газеты, изучив известные модели реформирования социалистических экономик, Пхеньян остановил свой выбор на вьетнамском опыте. Это, конечно, только предположения аналитиков и журналистов, но показательно то, что руководство Северной Кореи, имея в своем арсенале разнообразный накопившийся опыт переходов к рыночной экономике, не стремится слепо следовать определенной его «кальке», даже если для кого-то он оказался очень успешным (например, китайский вариант). Можно предположить, что КНДР возьмет на вооружение отдельные наиболее приемлемые для себя (с учетом специфики своей внешней и внутренней ситуации) аспекты разных стратегий социально-экономического развития, например отдавая предпочтение вьетнамской модели в области привлечения иностранных инвестиций (реципиенты — конкретные назначаемые компании), а не китайской модели, ориентированной на создание свободных экономических зон. Реализация такого подхода потребует больше времени, но может впоследствии окупиться меньшими социально-экономическими издержками. Для Южной Кореи важно не упустить открывающиеся возможности содействия всеми имеющимися средствами этой социально-экономической эволюции КНДР, воспользоваться потенциалом комплементарности экономик для реализации корейской мечты в наиболее приемлемом для обеих стран варианте — постепенного экономического сближения и реинтеграции.

Примечания

¹ KBS WORLD. 16.02.2012.

² Oxford Economics. Country Economic Forecast: 17 November 2011; The Bank of Korea.. Gross Domestic Product Estimates for North Korea for 2011. News Release. 2012. 07.09.

³ Factbook 2012. Данные Книги фактов ЦРУ на 2011 г.

⁴ Рассчитано по данным: National Statistics Office. Ministry for Food, Agriculture, Forestry and Fisheries. 2012.

⁵ Корейская ассоциация международной торговли. Февраль 2012 г.

⁶ URL: http://www.rfa.org/korean/in_focus/trade-01082013155843.html

⁷ The Bank of Korea. Gross Domestic Product Estimates for North Korea for 2011. News Release. 2012. 07.09. P. 5. Import/export By Country. 2011. [Electronic resource] // Korea Customs service [Official Site].

URL: <http://english.customs.go.kr/kcshome/trade/TradeCountryList.do> (дата обращения: 13.07.2012). И Федеральная таможенная служба Российской Федерации. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран. 08.02.2012. [Электронный ресурс] Федеральная таможенная служба Российской Федерации [Официальный сайт].

URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=15604:-----2011--&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976 (дата обращения: 03.08.2012).

⁸ Рассчитано по данным: The Bank of Korea.. Gross Domestic Product Estimates for North Korea for 2011. News Release. 07.09.2012.

⁹ Захарова Л.В. Внешнеэкономические связи КНДР в 21 веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4.

¹⁰ Yonhap. 09.02.2013. По данным Таможенной службы Республики Корея.

¹¹ Захарова Л.В. Указ. соч.

¹² South Korea's Trade with North Korea Falls into the Red. — 2010-02-25 (NK Brief No. 10-2-25-2) // URL: <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=347&GoP=1>

¹³ Yonhap. 09.02.2013. По данным Таможенной службы Республики Корея.

¹⁴ Yonhap. 10.01.2013. По данным Таможенной службы Республики Корея.

¹⁵ Российская газета. URL: www.rg.ru КНДР начнет экономические реформы при помощи немцев. URL: <http://rg.ru/2013/01/05/reformi-site-anons.html> — comments#comments

Л.В. Захарова*

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КНДР

Последние несколько лет ознаменовались повышением интереса иностранного бизнеса к Северной Корее, руководство которой пытается сделать ставку на привлечение иностранного капитала для модернизации экономики. Аналитиков, высказывающих свои мнения по вопросу перспектив инвестирования в КНДР, в целом можно разделить на два лагеря — негативно настроенных пессимистов и осторожных оптимистов. Первые доказывают, что вкладывать в Северную Корею смысла нет из-за высоких рисков и непредсказуемости режима, а вторые видят в КНДР потенциально выгодные сферы для бизнеса и подчеркивают позитивный настрой властей на сотрудничество с иностранными инвесторами. От предпринимателей, имеющих опыт работы в КНДР, часто можно услышать позитивные отзывы о достигнутых результатах, хотя есть и те, кто по тем или иным причинам понес в Северной Корее серьезные убытки.

Законодательная база, регулирующая вопросы притока прямых иностранных инвестиций в КНДР, начала формироваться с приня-

* Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

тия в 1984 г. Закона о совместных предприятиях. В 1992 г. был принят Закон об иностранных инвестициях, расширивший формы участия зарубежного капитала в экономике страны. В дальнейшем было одобрено еще несколько десятков законов, регулирующих различные аспекты деятельности иностранных инвесторов. При этом правительство КНДР периодически пересматривает и дополняет законодательные акты в этой сфере, стараясь в целом идти по пути ускорения бюрократических процедур, а также расширения прав, льгот и гарантий для иностранных инвесторов. В то же время достаточно частые пересмотры законодательства (например, Закон о ТЭЗ Расон с 1993 г. пересматривался 6 раз) и местных правил не способствуют формированию стабильного инвестиционного климата и предсказуемой бизнес-среды для иностранных партнеров. Кроме того, периодически в КНДР меняются государственные органы, ответственные за привлечение в страну иностранных инвестиций. Например, недавно в результате очередной реорганизации в качестве основного органа в этой сфере на смену контролировавшейся военными международной инвестиционной группе «Тэпхун» пришла контролируемая кабинетом министров Комиссия по совместным предприятиям и инвестициям.

Насколько реальны гарантии для инвесторов в КНДР, говорить достаточно сложно, однако, учитывая растущий общий объем поступающих инвестиций, нельзя не отметить определенный позитивный эффект от усилий руководства по созданию благоприятного инвестиционного климата в стране. По оценкам ЮНКТАД, в 2010 г. объемом накопленных прямых иностранных инвестиций в КНДР составил 1,475 млрд долл. (в 2000 г. — 1,044 млрд долл.)¹, что свидетельствует о выраженной положительной динамике последних 10 лет.

Согласно местным законам, иностранный бизнес может осуществлять коммерческую деятельность в Северной Корее только посредством создания корпоративных организаций, зарегистрированных в КНДР в качестве юридических лиц. Они могут быть учреждены в форме совместного предприятия (СП), одной из сторон которого должно быть государственное учреждение, предприятие или организация КНДР, или предприятия, полностью принадлежащего иностранному капиталу (ПППИК). Закон КНДР выделяет два

типа СП — совместные акционерные предприятия и совместные предприятия по контракту. Управление первыми осуществляется совместно по соглашению между акционерами, а прибыль распределяется пропорционально объемам инвестиций каждой из сторон. Управление совместными предприятиями по контракту осуществляет северокорейский партнер, а иностранный инвестор получает, в зависимости от условий контракта, частичное или полное возмещение своих инвестиций или причитающуюся ему часть прибыли. В случае с ПППИК иностранный инвестор на свое усмотрение осуществляет инвестирование и управление предприятием. Согласно Закону об иностранных инвестициях, иностранным инвесторам разрешено создавать СП на всей территории КНДР, а ПППИК могут быть открыты только в специально установленных зонах.

Законодательство КНДР фактически подразделяет потенциальные сферы для иностранных инвестиций на поощряемые, разрешенные, ограничиваемые и запрещенные сектора. Инвестиции в «поощряемые сектора» (высокие технологии, производство конкурентоспособных на мировом рынке товаров, разработка природных ресурсов, строительство инфраструктуры, научные исследования и развитие технологий) могут пользоваться преференциальными налоговыми тарифами, более выгодными условиями аренды земли и льготными банковскими кредитами. Кроме того, дополнительными преференциальными тарифами и налоговыми ставками могут пользоваться предприятия, созданные в ТЭЗ Расон².

В целом, по мнению группы западных экспертов, занимавшихся изучением юридической базы для осуществления прямых иностранных инвестиций в КНДР и представивших свой доклад в середине 2011 г., северокорейские законы в этой сфере во многом схожи с китайскими, однако пока менее проработаны³.

Одной из наиболее чувствительных тем для иностранных бизнесменов является *механизм разрешения споров* в Северной Корее. Законом предусмотрено, что все споры, возникающие по поводу иностранных инвестиций, должны быть урегулированы посредством консультаций, а в случае невозможности достичь договоренности — через арбитраж или судебные процедуры КНДР, или же спор может быть вынесен на арбитражное урегулирование в третьей стране.

Учитывая зависимость судебных органов КНДР от правительства и их ограниченный опыт рассмотрения сложных коммерческих споров, надежды на справедливое решение в пользу иностранного инвестора внутри Северной Кореи пока что мало. Пока не известно ни об одном из случаев рассмотрения споров между северокорейскими организациями и иностранными инвесторами ни в КНДР, ни с использованием арбитражного механизма третьей страны. Поэтому главный совет инвесторам, который дают как теоретики, так и практики, — принимать все меры по минимизации возможного ущерба в случае спора с северокорейской стороной.

Представляется, что наиболее действенным способом урегулирования коммерческого конфликта в КНДР в современных условиях является поднятие вопроса на уровне высшего политического руководства. Этот тезис подтверждается примером крупной китайской компании Wanxiang Group, с 2007 г. инвестирующей в добычу меди на Хэсанском руднике северокорейской провинции Рянган. В 2009 г. бизнес китайских инвесторов в КНДР оказался под угрозой экспроприации. Однако глава корпорации вовремя успел активизировать связи на высшем уровне китайского руководства, вынудив северокорейскую сторону пойти на попятную. Не сумев использовать те же рычаги, другая крупная добывающая компания Xiyang Group, вложившая в проект по добыче концентрированной магниевой руды в КНДР почти 40 млн долл., при весьма туманных обстоятельствах в 2011 г. была вытеснена северными корейцами с шахты без каких-либо компенсаций. В ответ на публичные обвинения пекинский офис Комиссии по совместным предприятиям и инвестициям КНДР заявил, что китайская компания сама не выполнила своих обязательств, не обеспечив половину обещанных инвестиций в проект⁴. По мнению большинства аналитиков, пытавшихся разобраться в деталях произошедшего, главной ошибкой китайского инвестора стал неверный выбор северокорейского партнера, с которым был подписан контракт в 2007 г., и отсутствие налаженных связей с местными властями.

Важной частью внешнеэкономической стратегии КНДР является *создание внутри страны специальных экономических зон*, на территории которых в определенных секторах экономики обеспечиваются

более выгодные условия для ведения бизнеса. В 1993 г. КНДР приняла закон о создании специальной торгово-экономической зоны Раджин—Сонбон, в 2002 г. были образованы особый административный район в Синьиджу, особый промышленный комплекс в Кэсоне и особая туристическая зона в Кымгансане, в 2011 г. создана экономическая зона на островах Хвангымпхен и Вихва (вблизи Синьиджу), а также внесены поправки в Закон о ТЭЗ Расон.

В целом можно констатировать, что КНДР идет по пути законодательного закрепления и рекламирования все более выгодных условий для осуществления иностранных инвестиций, особенно на территории СЭЗ и в приоритетных секторах экономики. Очень важной задачей для властей КНДР остается убедить потенциальных инвесторов в том, что эти законы соблюдаются на практике и не будут пересмотрены к худшему, а также выработать действенные способы уменьшения инвестиционных рисков, прежде всего в части создания эффективного и прозрачного механизма разрешения споров.

Если рассматривать Северную Корею с точки зрения *состояния ее экономики* (инфраструктуры и производственных мощностей, обеспеченности электроэнергией и сырьем), то КНДР, очевидно, не является идеальным объектом для иностранных инвестиций. Командно-административная система хозяйствования, ограничения на передвижение и общение с местными жителями для большинства иностранцев, а также распространенная коррупция еще больше осложняют бизнес-среду для потенциальных инвесторов.

Как показывает практика, при осуществлении крупных инвестиций в реальный сектор экономики КНДР иностранному бизнесу приходится заниматься вопросами обеспечения предприятий электроэнергией, линиями связи, строительством и модернизацией дорог и других объектов инфраструктуры, решением финансовых вопросов. Электроэнергия в Кэсонский промышленный комплекс, например, поставляется из РК, а в Кымгансане основной инвестор в лице компании «Хёндэ Асан» использовал собственные электрогенераторы. Для развития этих двух совместных проектов РК проделала существенную работу по соединению автомобильных и железных дорог двух стран, в том числе предоставив КНДР материалы и обо-

рудование (в виде льготных долгосрочных кредитов) для строительства северокорейских участков дорог.

Что касается Расона, то последние годы ознаменовались видимым улучшением местной инфраструктуры, там идет активное строительство новой недвижимости и фабрик с участием иностранных инвесторов. В 2012 г. китайцы заасфальтировали необходимую им транспортную артерию — автомобильную дорогу от Вонджона до Раджина. В 2011 г. российская компания РЖД завершила восстановление участка железной дороги от Раджина до российской границы. Одновременно КНР и РФ ведут работы по модернизации и строительству новых терминалов в порту Раджин. В 2012 г. в Китае был согласован проект по обеспечению ТЭЗ электроэнергией, который предполагает прокладку линии электропередачи от китайского г. Хунчунь до Расона и строительство трансформаторной подстанции в Расоне.

Таким образом, крупные инвестиционные проекты в КНДР, реализуемые совместно с правительствами соседних стран и связанные с их национальными планами по развитию приграничных территорий, неизбежно требуют вложений в базовую инфраструктуру Северной Кореи, что, в свою очередь, помогает КНДР улучшать условия для других потенциальных инвесторов на соответствующих территориях. Китайские бизнесмены, в частности, отмечают стабильное улучшение условий работы в Расоне. Со своей стороны, северокорейское руководство идет навстречу там, где это для него приемлемо. Например, в 2013 г. иностранцам было разрешено пользоваться мобильными телефонами, что обозначило существенный шаг вперед по устранению проблем связи, на которые жаловались многие бизнесмены.

Другим важным фактором, который приходится учитывать при рассмотрении возможностей открытия бизнеса в КНДР, являются *международные санкции, введенные СБ ООН в отношении Северной Кореи*, а также односторонние экономические санкции США, Японии, РК и ряда других стран.

Принятые в последние годы резолюции СБ ООН, формально направленные на противодействие ракетно-ядерной программе КНДР, имеют достаточно широкие формулировки и фактически

выливаются в изоляцию Северной Кореи от мировой финансовой системы и создание трудностей для ее внешнеторговых операций. Особенно актуален вопрос санкций для крупных международных компаний, имеющих подразделения в США. Под американские санкции рискуют попасть любые компании, ведущие бизнес с КНДР, и это грозит им лишением доступа к банковской системе и рынку США. Все это, безусловно, осложняет условия для потенциальных инвесторов в КНДР.

Что же привлекает иностранных бизнесменов в Северную Корею? Прежде всего, это сферы, связанные с использованием двух базовых ресурсов производства — природных и трудовых, которые имеются в КНДР в сравнительном изобилии и не находят полного применения в национальной экономике.

Стоимость северокорейских минеральных ресурсов (среди которых богатые запасы угля антрацита, железной руды, меди, золота, цинка, никеля, молибдена, магнетита, известняка, редкоземельных металлов) оценивается от 2 трлн долл.⁵ до 6 трлн долл.⁶ Однако у самой Северной Кореи не хватает капитала и технологий для развития добывающей промышленности, и поэтому северяне предлагают всем потенциальным инвесторам сотрудничество по схеме «инвестиции в обмен на минеральные ресурсы». Соглашаясь на такой тип сотрудничества, иностранные компании обычно предоставляют КНДР оборудование и технологии, необходимые для добычи, а взамен получают оговоренный объем полезных ископаемых или права на определенную долю добываемого сырья в течение установленного периода времени. При этом, по закону, доля иностранного инвестора в СП по добыче полезных ископаемых не может превышать 70 %.

Учитывая территориальную близость и растущие потребности китайской экономики, основными инвесторами в совместные предприятия по добыче минеральных ресурсов (прежде всего, угля, железной руды, меди и золота) в КНДР являются крупные компании из Китая. В 2010 г. 70 % из 29 млн долл. инвестиций КНР в Северную Корею было вложено именно в добычу полезных ископаемых⁷. Известно также о нескольких случаях инвестиций европейских компаний в добычу меди, золота, магнетита в КНДР.

Многие эксперты утверждают, что вложения в северокорейские полезные ископаемые особенно прибыльны, поскольку инвесторы могут получать нужное им минеральное сырье по выгодным ценам, пользуясь изолированностью страны от мировых рынков и ее растущими потребностями в иностранной валюте.

По мнению голландской консалтинговой фирмы GPI Consultancy среди перспективных отраслей для инвестиций в природные ресурсы КНДР иностранным предпринимателям стоит также присмотреться к сельскому и морскому хозяйству, а также сфере возобновляемых источников энергии.

В последние годы растет спрос и на рекреационные ресурсы КНДР. Активно поощряемые местными властями, иностранные инвесторы вкладывают в туристические проекты в Северной Корее. Наиболее активны на этом направлении компании из КНР, с каждым годом отправляющие в КНДР все больше туристов и инвестирующие в местную туристическую инфраструктуру (отели, магазины, круизные лайнеры и т. д.).

Помимо природных ресурсов, КНДР обладает сравнительно дешевыми и квалифицированными трудовыми ресурсами. Минимальный размер заработной платы в ТЭЗ Расон составляет около 80 долл. в месяц, в Кэсонском промышленном комплексе — около 68 долл. (это минимум в 2—3 раза ниже, чем средняя зарплата китайских рабочих в соседних провинциях КНР). За счет переноса производств в КНДР, где стоимость открытия фабрики сравнительно невысока, малые и средние предприятия других стран (прежде всего из отраслей легкой промышленности, сборки продукции машиностроения и электроники) имеют возможность повысить свою рентабельность, снижая производственные затраты. В XXI в. наиболее активно эту модель сотрудничества с Северной Кореей развивают Южная Корея и Китай.

Самым успешным проектом РК в КНДР стал Кэсонский промышленный комплекс (КПК), располагающийся в 60 км от Сеула и представляющий собой промышленную зону для производства трудоемких товаров с использованием с южнокорейской стороны капитала и новейших технологий в управлении и технике, а с северокорейской — качественной дешевой рабочей силы и земли. КПК начал функционировать в 2004 г., и к началу 2013 г. на предприятиях 123

южнокорейских компаний там было занято более 53 тыс. северокорейских рабочих, а стоимость выпущенной в нем продукции⁸ в 2012 г. составила 470 млн долл.⁹

По количеству китайских предприятий в Северной Корее отрасли легкой промышленности твердо занимают 2-е место после добычи полезных ископаемых. Из 138 совместных предприятий, легально созданных китайцами в КНДР между 1997 и 2010 гг., более 50 было зарегистрировано именно в области легкой промышленности¹⁰.

Не только соседи, но и европейцы, видя потенциал КНДР для пошива текстильной продукции, успели там вложиться в производство одежды. Среди известных примеров европейских инвесторов можно назвать такие крупные компании, как C&A (Нидерланды) и Gerry Weber (Германия), а также небольшое совместное предприятие по пошиву джинсов Noko Jeans (с участием шведского капитала).

Помимо дисциплинированных и усердных работников в трудоемких отраслях промышленности, КНДР богата и высокопрофессиональными компьютерными специалистами, которых в стране насчитывается около 10 тыс. В связи с этим еще одним привлекательным направлением для иностранных инвестиций в КНДР является аутсорсинг услуг в области информационных технологий. Известно о нескольких совместных предприятиях с участием китайского капитала, а также европейских инвесторов (в частности, Nosotek — с участием немецкого бизнесмена, Hana Electronics — с британским капиталом)¹¹. Северокорейские программисты могут похвастаться своими продуктами в самых разных сферах — от своего варианта Linux (под названием Red Star), переводческих программ, программного обеспечения и игр для мобильных телефонов до специализированных управленческих программ для предприятий и банков, приложений для электронной торговли и различных технологий обеспечения информационной безопасности. На фоне изобилия компьютерных специалистов в других азиатских странах уникальным преимуществом КНДР являются сравнительно низкие затраты на оплату труда, что позволяет иностранным инвесторам нанимать опытных программистов всего лишь за несколько сот долларов в месяц. Та же ситуация наблюдается и в сфере анимации, где в рамках совместных предприятий иностранные инвесторы пользо-

вались услугами северокорейских специалистов для производства мультфильмов для западных киностудий.

В 2000-е годы в условиях повышения покупательной способности населения КНДР и растущих потребностей экономики страны иностранцы стали все больший интерес проявлять к инвестированию в местную торговлю, общепит, оказание различного вида услуг, а также организацию местного производства продаваемых товаров.

В сфере торговли вполне логично преуспели китайские бизнесмены, заполнившие северокорейские магазины и рынки своей продукцией. Для получения доступа на местный потребительский рынок, например, в 2004 г. Шеньянская муниципальная ассоциация содействия торговли открыла в Пхеньяне Дандунский рынок, а китайская Zhongxu Group подписала с КНДР 10-летний контракт на управление пхеньянским Универмагом № 1¹². В январе 2012 г. в Пхеньяне был открыт один из крупнейших торговых центров, которым совместно управляют китайцы и северные корейцы (у китайской стороны — 65 % акций)¹³.

Среди ярких примеров вложений из более далеких стран — RyongSu Pharmaceuticals, совместное предприятие европейских инвесторов и северокорейского партнера. В 2005 г. его возглавил швейцарский предприниматель Феликс Абт, сумевший наладить успешный бизнес по производству и продаже лекарств. Маркетинговая стратегия Абта мало отличалась от тех, что применяются в других странах. Проведя исследование местного рынка и предложения, он использовал электронные технологии (ответы врача на вопросы потребителей через сайт компании в северокорейском Интернете) для достижения узнаваемости бренда. Кроме того, ему удалось наладить связи с местными властями и получить доступ напрямую к северокорейским предпринимателям и клиентам, что в конечном итоге помогло ему выстроить успешный бизнес.

Один из наиболее известных примеров прибыльных инвестиций иностранных компаний в КНДР — это вложения телекоммуникационного подразделения египетского многопрофильного холдинга «Ораском» в создание сети мобильной связи на территории Северной Кореи. В 2008 г. «Ораском Телеком» и северокорейская компания КРТС, подконтрольная Министерству почтовой связи и теле-

коммуникаций КНДР, создали совместное предприятие «Корёлинк» по предоставлению услуг мобильной связи стандарта 3G. По американским данным, с 2008 по 2012 г. «Ораском» инвестировал в этот проект около 150 млн долл.¹⁴ Предприятие оказалось достаточно успешным, и к 2013 г. в КНДР насчитывалось более 1,7 млн пользователей мобильной связи. Ожидаемый доход компании за 2012 г. владелец «Ораском Телеком» оценил в 145 млн долл.¹⁵ Секретом такого успеха во многом является монополизм «Корёлинк» на рынке мобильных услуг КНДР, который позволяет компании извлекать сверхприбыль из высоких тарифов. Изначально эта компания получила эксклюзивные права на развитие мобильного бизнеса в КНДР сроком до 2012 г., а недавно этот период был продлен до 2015 г., что позволит компании укрепить свои позиции и лучше подготовиться к появлению конкурентов в будущем.

Сектор финансовых услуг КНДР мог бы стать еще одной выгодной нишей для иностранных инвесторов. В Северной Корее уже существует несколько банков с участием иностранного капитала, среди которых, например, Daedong Credit Bank¹⁶ и египетский Oga Bank, однако открытия новых банков с иностранными инвестициями в ближайшем будущем вряд ли можно ожидать в связи с последними санкциями СБ ООН.

Еще одним конкурентным преимуществом КНДР является ее территориальное расположение. В условиях постоянно возрастающего объема грузоперевозок как внутри региона, так и по направлению Азия—Европа транзитный потенциал Северной Кореи становится все более востребованным (для Китая, РК, Монголии, России), что делает транспортную инфраструктуру КНДР привлекательной для иностранных инвесторов. Как уже было упомянуто, в строительство и модернизацию транспортных путей к порту Раджин и возведение там терминалов вкладывают китайские компании и российская компания РЖД. Кроме того, инвесторы из КНР проявляют интерес и к другим портам на восточном побережье КНДР.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

1. В последние годы КНДР интенсивно работает над улучшением условий для привлечения иностранных инвестиций, утверждая

законы, близкие к законам Китая в этой сфере. Кроме того, Северная Корея как никогда активно проявляет инициативу по выдвиганию предложений для потенциальных инвесторов. Опыта сотрудничества по рыночным принципам у КНДР пока не хватает, однако взаимный интерес северокорейских властей и иностранного бизнеса, а также накапливаемый опыт постепенно улучшают местную бизнес-среду. Уязвимым местом инвестиционного климата Северной Кореи все еще является фактическое отсутствие реальных гарантий для иностранных инвесторов на случай изменения законов или спорных ситуаций.

2. Существует достаточно много факторов, сужающих возможности для иностранных инвестиций в КНДР: от отсутствия базовой инфраструктуры и перебоев с электричеством до международных экономических санкций и высоких политических рисков. При этом в Северной Корее, с ее обильными природными и трудовыми ресурсами, а также 24-миллионным населением, есть весьма перспективные сферы для иностранного бизнеса, вынужденного искать способы сокращения производственных издержек и новые рынки для своих товаров и услуг.

3. Основываясь на данных открытых источников, можно утверждать, что есть примеры позитивного опыта иностранных инвесторов в КНДР и успешно функционирующих там совместных предприятий. Есть и негативные примеры, на которых можно учиться, максимально просчитывая заранее все возможные риски и способы разрешения потенциальных проблем.

Примечания

¹ UNCTAD. World Investment Report 2011.

² Закон КНДР об иностранных инвестициях. Ст. 7, 8.

³ Peter Morley. Legal Framework for Foreign Direct Investment in the Democratic People's Republic of Korea. // Choson Exchange. Public Report, July 2011.

⁴ URL: http://www.nytimes.com/2012/10/21/world/asia/china-korea-tensions-rise-after-failed-venture.html?pagewanted=all&_r=0

⁵ URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/06/11/AR2009061102323.html>

⁶ URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/02/18/north-korea-s-minerals-sector-chinas-gain-south-koreas-loss/>

⁷ URL: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=2012042200011&cid=1202>

⁸ Основная доля выпускаемых в КПК товаров представлена продукцией текстильной промышленности, а также машиностроения и электроники.

⁹ Yonhap. 10.01.2013.

¹⁰ Drew Thompson. Silent Partners: Chinese Joint Ventures in North Korea // A U.S.-Korea Institute at SAIS Report. February 2011. P. 4.

¹¹ P.Tija. Inside the Hermit Kingdom: IT and Outsourcing in North Korea // Communications of the ACM. August 2012. Vol. 55. No. 8. P. 22.

¹² Jae Cheol Kim. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea // The Asian Survey. Vol. 46. Issue 6, November/December 2006. P. 901, 909.

¹³ Xinhua. 06.01.2012.

¹⁴ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=30256

¹⁵ URL: <http://www.forbes.com/sites/simonmontlake/2012/11/18/pyongyang-calling-for-egyptian-telecoms-tycoon-naguib-sawiris/>

¹⁶ Kevin Sheppard. Buying into the Hermit Kingdom: FDI in the DPRK. KEI Academic Paper Series. November 2010. Vol. 5. No. 11. P. 5.

*М.П. Кукла**

РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Экономическое сотрудничество Республики Корея и Дальнего Востока России определяется общими тенденциями российско-южнокорейского экономического взаимодействия и характеризуется в основном положительной динамикой, за исключением негативных тенденций, вызванных влиянием кризисов конца 1990-х и 2008—2009 гг. Сотрудничество Республики Корея и Дальневосточных регионов России в основном представлено торговым обменом и инвестиционным взаимодействием.

Дальневосточный федеральный округ включает девять субъектов Российской Федерации и занимает 36,08 % площади всей страны. Начиная с 2008 г. основные экономические показатели Дальнего Востока — валовой региональный продукт (ВРП), товарооборот, инвестиции в основной капитал — постоянно растут, опережая средние данные по стране.

Если проанализировать статистику внешней торговли субъектов ДВФО с зарубежными странами, то характерными главным образом

* *Кукла Марина Петровна*, кандидат экономических наук, доцент кафедры корееведения ШРМИ ДВФУ. E-mail: mpkukla@gmail.com

представляются две тенденции. *Во-первых*, на страны Азии приходится 80 % внешней торговли ДВФО. *Во-вторых*, очевиден значительный торговый профицит, обеспеченный прежде всего подавляющим (более чем в 10 раз) превосходством экспорта над импортом Сахалинской области. В 2012 г. на ее долю пришлось 64 % экспорта всего ДВФО. Наряду с Сахалинской областью активно участвуют во внешнеторговой деятельности Республика Саха, Хабаровский и Приморский края, в то время как Камчатский край, ЕАО, Амурская область, Чукотский АО пока слабо вовлечены в этот процесс¹ (табл. 1).

Таблица 1. Торговля России и субъектов ДВФО с Республикой Корея (в скобках — доля, приходящаяся на РК в торговле субъекта), тыс. долл., %

	2010		2011		2012	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Российская Федерация	10 439 100 (2,63)	7 287 300 (3,18)	13 359 900 (2,58)	11 582 200 (3,79)	13 894 300 (2,65)	10 968 100 (3,51)
ДВФО	5 350 349,99 (28,8)	884 738,55 (11,6)	8 462 405,96 (33,8)	1 312 160,08 (14,4)	8 368 197,25 (32,4)	1 892 599,55 (17,9)
Амурская область	2553,86 (1,6)	4928,54 (1,8)	1940,59 (0,8)	20 178,19 (3,8)	4511,96 (1,2)	16 302,07 (2,1)
Еврейская АО	0,00	30,02 (0,1)	0,00	478,45 (0,8)	0,00	36,86 (0,1)
Камчатский край	236 276,04 (37,5)	22 634,91 (33,6)	277 821,34 (45,7)	24 167,85 (22,5)	314 998,55 (44,5)	21 112,95 (21,1)
Магаданская область	81 074,47 (75,3)	7183,77 (5,6)	88 134,19 (44,7)	11 672,53 (8,2)	74 564,00 (40,0)	8067,54 (4,3)
Приморский край	430 973,6 (30,7)	637 568,24 (12,7)	531 409,83 (31,7)	1 057 958,88 (18,5)	575 875,84 (29)	1 346 198,93 (20,0)
Республика Саха	0,00	5253,59 (5,8)	3181,07 (0,1)	9636,93 (5,1)	91 683,47 (2,0)	10 566,85 (8,3)

Окончание табл. 1

	2010		2011		2012	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Сахалинская область	4 381 155,942 (37,2)	45 370,80 (4,7)	7 268 831,64 (45,4)	69 314,14 (6,1)	6 935 168,60 (42,4)	360 362,80 (26,5)
Хабаровский край	190 341,86 (15,6)	161 287,91 (17,2)	263 578,52 (16)	118 433,86 (10,8)	343 325,00 (22,6)	129 495,33 (12,0)
Чукотский АО	27 974,22 (71,2)	480,77 (0,4)	27 508,77 (60,4)	319,26 (0,2)	28 087,83 (58,7)	456,22 (0,3)

Составлено по данным Дальневосточного таможенного управления (URL: <http://www.dvfu.customs.ru>), Федеральной Таможенной службы (URL: <http://www.customs.ru>).

Вплоть до 2008 г. российско-южнокорейская торговля поступательно росла, но из-за начавшегося мирового финансового кризиса объемы ее резко упали, достигнув уровня 2006 г., и только в 2010 г. товарооборот продолжил расти. В 2011 г. Республика Корея вошла в десятку основных экспортеров в Россию с показателем 3,8 % (на Китай приходится 15,8 % российского импорта). В российском экспорте доля РК меньше — всего 2,6 %. В торговле с РК сохраняется положительное сальдо российского торгового баланса.

В торговле Дальневосточного федерального округа на Республику Корея в 2012 г. приходилось 28,2 % его товарооборота (32,4 % экспорта и 17,9 % импорта). Два года подряд (2011 и 2012 гг.) РК является крупнейшим импортером ДВФО, опережая Японию и Китай. В последние годы РК удерживает 2-е после Китая место в списке торговых партнеров ДВФО. Если смотреть по субъектам округа, то на РК приходится почти 40 % экспорта Магаданской области, около 30 % экспорта и 20 % импорта Приморского края, более 40 % экспорта Сахалинской области, 60 % экспорта Чукотского АО². Сами корейцы с гордостью воспринимают положительные тенденции роста торговли, особенно тот факт, что по ряду позиций они опережают Китай.

За 20 лет активных взаимоотношений между странами товарная структура торговли принципиально не изменилась. Более того, основой экспорта и импорта остается небольшая группа товаров. Ведущим экспортным товаром Республики Корея в Россию являются легковые автомобили и пассажирские автобусы (начиная с 2004 г. именно они занимают 1-е место). Вслед за ростом экспорта автомобилей растет и экспорт деталей и запасных частей, с 2005 г. они занимают 2-е место в экспорте РК в Россию³.

Импорт РК из России состоит преимущественно из сырьевых товаров: углеводороды, алюминий, лом черных металлов. ДВФО добавляет к списку основных экспортных товаров рыбу и морепродукты.

Изменения в товарной структуре торговли Республики Корея с Дальним Востоком произошли в середине 2000-х годов. До 2004 г. в экспорте значительную долю занимали товары повседневного спроса, которые постепенно были вытеснены товарами китайского производства. С другой стороны, продукция химической промышленности, на которую в 1993 г. приходилось всего 1,1 % корейского экспорта, в 2008 г. занимает почти четверть последнего (24,3 %). За исключением нескольких лет, наибольшую долю в экспорте РК занимают средства транспорта и промышленное оборудование (41,9 % в 2008 г.)⁴. До 2007 г. большая часть южнокорейского импорта из ДВР приходилась на рыбу и морепродукты, но после того как в 2007 г. активно заработали добывающие и перерабатывающие мощности в Сахалинской области, импорт переключился на углеводороды.

Инвестиционное сотрудничество Республики Корея и России на протяжении нескольких десятилетий своего существования принципиально не меняется: РК является нетто-экспортером капитала. Динамика притока инвестиций остается нестабильной. Существенный спад притока капитала наблюдался на рубеже 1990—2000-х годов и был связан с последствиями кризиса в РК. Вплоть до 2009 г. инвестиции резко росли, в 2011—2012 гг. опять наблюдается снижение объема их притока (табл. 2).

В начале 2000-х годов началось перераспределение южнокорейских инвестиций в пользу Европейской части России: стали созда-

Таблица 2. Динамика притока инвестиций Республики Корея в экономику РФ, тыс. долл.

	2001	2003	2006	2009	2010	2011	2012
Объем инвестиций	6889	24 998	113 638	427 873	333 990	97 672	69 579
Число новых предприятий	38	43	80	264	171	103	72

Составлено по данным Экспортно-импортного Банка Кореи. URL: www.koreaexim.go.kr

ваться ориентированные на емкий потребительский рынок предприятия, производящие электробытовую технику, автомобили, продукты питания, услуги. На Дальнем Востоке России остались предприятия с инвестициями РК в ресурсодобывающих отраслях.

Предприятия с корейскими инвестициями на Дальнем Востоке не только вносят значительный вклад в рост его основных экономических показателей, но и создают дополнительные позитивные эффекты, связанные с повышением профессиональных навыков работников, социальными эффектами от создания объектов инфраструктуры, выходом на рынок (пусть и в небольших объемах) с качественными товарами и услугами.

В табл. 3 представлены крупнейшие реализованные и перспективные проекты с участием южнокорейских инвесторов на территории ДВФО.

Вступление России в ВТО, председательствование в АТЭС, третий срок президентства Путина — пока не успели оказать принципиального влияния на систему взаимоотношений России и РК. Однако южнокорейской стороной сами эти события воспринимаются как положительные факторы дальнейшего развития двусторонних отношений.

Потенциальное влияние вступления России в ВТО на систему двусторонних отношений отражено в табл. 4.

Корейцы позитивно воспринимают В.В. Путина как инициатора крупномасштабных проектов на Дальнем Востоке. Южнокорейские аналитики считают, что его возвращение на пост президента улучшит инвестиционный климат в России, что крайне важно для

Таблица 3. Крупнейшие проекты с южнокорейскими инвестициями на территории ДВФО

Субъект ДВФО	Реализованные проекты	Перспективные направления
Амурская область	Сборка светодиодных ламп. Производство грузовых автомобилей. Мусороперерабатывающий завод	Лесоперерабатывающая промышленность. Пищевая (переработка сои). Производство стройматериалов. Разработка месторождений полезных ископаемых
Республика Саха	Создание представительства компании LG International Group. Разработка угольных месторождений	Освоение месторождений угля, нефти, природного газа и железных руд. Развитие инфраструктуры
Хабаровский край	Жилищное строительство (компания «Керенг»). Создание филиала компании «Когаз» — «Когаз Восток (Ковос)». Создание международного аэропорта «Хабаровск — Новый»	Производство экологически чистого топлива для грузового транспорта (диметилэфир и метанол) (компания «Когаз»). Строительство угольного терминала и модернизация порта Ванино. Разработка угольных и рудных месторождений. Металлургический комбинат (компания POSCO)
Приморский край	Отель «Хёндэ». Автосборочное предприятие Sollers. Судостроительный завод «Звезда». Контейнерные терминалы в г. Находке. Сельское хозяйство (растениеводство)	Модернизация порта Посыет. Строительство угольного терминала. Создание завода по производству, высоковольтных прерывателей (Hyundai Heavies). Совместное НИИ с РАО ЕЭС (Hyundai Heavies)
Камчатская обл.	Разведка угле- и газоносных месторождений	Разработка природных ресурсов. Инфраструктурные проекты
Сахалинская обл.	Разработка месторождений угля в Углегорске. Завод по сжижению природного газа	Переработка природных ресурсов

Окончание табл. 3

Субъект ДВФО	Реализованные проекты	Перспективные направления
Магаданская обл.	Производство смазывающих материалов и специальных жидкостей для использования в климатических условиях Севера (Kukdong Jeuyeon)	Добыча и переработка каменного и бурого угля, золота, металлов. Рыболовство и рыбоводство. Транспортная инфраструктура

Таблица 4. Влияние событий 2000-х гг. на систему российско-корейских взаимоотношений

	Положительные факторы	Отрицательные факторы
Экспорт РК в Россию	Возможность диверсификации товарной структуры экспорта РК. Снижение пошлин на импорт металлов, медицинского оборудования, компьютеров, телевизоров и других потребительских и промышленных товаров. Упрощение таможенных процедур	Усиление протекционистских мер со стороны России, в частности требований к местному компоненту. Рост конкуренции за российский рынок со странами АТР. Заключение ССТ с Евросоюзом и рост конкуренции за российский рынок
Инвестиции РК в Россию	Отмена ограничений на иностранное участие в сфере услуг: страхование, банковская деятельность, оптовая и розничная торговля. Снижение инвестиционных рисков. Увеличение прозрачности инвестиционных процессов. Финансовые гарантии. Активизация инвестиций в России малых и средних предприятий	Усиление конкуренции. Рост расходов (в том числе маркетинговых) уже существующих предприятий с корейскими инвестициями

корейских предприятий. Способствовать этому призвано недавнее постановление о снижении налога на прибыль⁵. Ожидаются также новые меры российского правительства по поддержке инновационных отраслей: космических технологий, медицины, информационных технологий, энергетики.

Проведение во Владивостоке форума АТЭС предоставляло России реальную возможность заявить всем странам — членам этой влиятельной организации о своем желании и возможностях вхождения в экономическое пространство не просто как экспортера углеводородов. Крупные строительные проекты во Владивостоке (три моста, модернизация аэропорта, создание кампуса ДВФУ, соответствующего современным мировым стандартам) изменили облик города, решили ряд инфраструктурных проблем, положительно отразились на экономических показателях 2012 г. В то же время принципиального воздействия на систему двустороннего сотрудничества с Республикой Корея это событие пока не оказало.

Как известно, основная стратегия АТЭС — создание зоны свободной торговли к 2020 г., к этому постепенно идут развитые государства, заключая между собой двусторонние соглашения. Россия пока стоит в стороне от этого процесса, хотя со вступлением в ВТО возможностей для этого стало больше. Вхождение России в эту организацию подготовило правовое поле для заключения соглашений о свободной торговле. Республика Корея, обладающая значительным опытом ведения переговорного процесса по вопросам ССТ, осознающая сложности, связанные с ростом конкуренции среди экспортеров в Россию, уже в 2000-е годы поднимала вопрос о заключении ССТ с РФ. Учитывая уже ратифицированное ССТ между РК и США и проводимые между КНР и Республикой Корея переговоры, в ближайшем будущем возможно создание крупнейшего в мировой экономике регионального блока свободной торговли, которое окажет серьезное влияние на мировую экономику.

Пока вступление России в ВТО не породило спорных ситуаций с Республикой Корея. Ключевая проблема, по которой у России имеются споры с иностранными партнерами — импорт мяса и скота — к торговле с РК никакого отношения не имеет. Однако необходимость анализа возможных последствий для каждого отдельного

сектора регионов страны является крайне актуальной. Здесь необходимо максимально задействовать административно-организационный потенциал каждого региона в отдельности.

На сегодняшний день сотрудничество ДВФО и Республики Корея в инвестиционной сфере обусловлено следующими направлениями, которые и в ближайшей перспективе будут играть определяющую роль:

1. Обеспечение стран АТР сырьевыми ресурсами на стабильной основе.

2. Обеспечение потребностей в логистических услугах, что связано с необходимостью транспортировки природных ресурсов.

В связи с этим особую необходимость приобретает анализ ресурсных потребностей контрагентов и возможностей расширить торговлю мерами экономической дипломатии, в частности в рамках интеграционных процессов в АТР.

Наряду с этим в ближайшей перспективе можно ожидать появления относительно новых направлений, связанных с формированием высокотехнологичных отраслей производства и сферы услуг. Одним из активно развивающихся направлений сотрудничества между Республикой Корея и ДВФО являются медицинские услуги, спрос на которые постоянно растет.

Кроме того, в 2011 г. Республику Корея посетили 162 тыс. российских граждан, из них 75 тыс. — с туристическими целями. Туризм, особенно медицинский — одно из наиболее активно развивающихся популярных направлений двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке. Потенциал РК, учитывая растущий рынок и возможности поставки высококачественных медицинских услуг, дефицит которых налицо в регионе, не ограничивается приемом медицинских туристов, а простирается дальше — к поставке медицинского оборудования и создания специализированных медицинских центров на территории России.

Угольная промышленность, которая временно отошла на второй план, вновь становится актуальной. Спрос на уголь во всем мире растет, и Россия в лице Минэнерго приоритетным направлением экспорта угля считает именно восточное — Китай, Корея, Япония. С учетом того что уголь обычно поставляется через порты, а последние в ДВФО

представлены широко, эти возможности только увеличиваются. Однако наряду с торговлей важным социально-экономическим моментом является инвестирование в восстановление и развитие шахт, разведку новых месторождений. Шахты, как известно, еще со времен СССР были важными градообразующими предприятиями, положительно влияли на социально-экономическую обстановку в регионах.

Масштабным проектом является строительство третьей очереди Угольного комплекса в порту «Восточный». Общая пропускная способность ОАО «Восточный Порт» после его реализации в полномасштабном варианте составит до 35 млн т сыпучих грузов в год. Ведется проработка возможности размещения нового терминала в бухте Врангеля. Проектируется усиление ближних железнодорожных подходов к транспортному узлу Находка—Восточный.

Одна из главных инфраструктурных проблем Дальнего Востока — синхронизация строительства и развития морских терминалов с развитием железнодорожной инфраструктуры. На сегодняшний день очевиден дефицит пропускной способности железных дорог относительно роста мощностей портов. По расчетам аналитиков, дефицит пропускной способности железных дорог в направлении порта Восточный составит 40 млн т в год к 2020 г.⁶

Учитывая, что сырьевая направленность экспорта ДВФО в Республику Корея сохранится в ближайшем будущем без возможностей ее радикального изменения, существующая структура торговли и инвестиций не изменится. Однако российская сторона может рассчитывать на рост объемов сотрудничества и положительный косвенный эффект, связанный прежде всего с созданием предприятий на периферийных территориях.

Примечания

¹ Статистическая информация о внешней торговле за 2011—2012 гг. Дальневосточное таможенное управление. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://dvtu.customs.ru/attachments/article/10698/ДВ%20динамика.xls>

² Внешняя торговля России. Федеральная служба государственной статистики. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/26-01.htm

³ 이재영. 한-러 극동지역 경제협력 20년: 새로운 비전과 실현방안 (Ли Джэён и др. 20летие экономического сотрудничество России и Кореи на Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы) / 이재영, 파벨 미나키르, 이철원, 황지영// KIEP. 대외경제정책연구원. P. 238.

⁴ Ibid. P. 239.

⁵ Президент пообещал Дальнему Востоку льготы по налогам и точки роста. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://top.rbc.ru/economics/29/11/2012/834186.shtml>

⁶ Чернов В. Уголь без швов. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.rosugol.ru/news/news_company.php?ELEMENT_ID=14041

С.В. Царева *

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ БИЗНЕСА

Согласно аналитическому докладу «Сценарий развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года», выполненного под руководством А.А. Кокошина, существует три сценария развития: «От инерции к стагнации», «Падение в пропасть» и «Новые возможности»¹. Позитивный сценарий «Новые возможности» предполагает комплексный и системный подход, требующий совместных усилий государства и бизнеса, а также более интенсивного процесса интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в экономическом плане. В последние десятилетия в странах АТР наблюдается устойчивый спрос на энергоносители и сырье, при этом только 15 % всего российского экспорта приходится на долю стран этого региона. Именно АТР в ближайшие десятилетия станет ключевым регионом роста. Это открывает для

* Царева Светлана Викторовна, аспирантка Дипломатической академии МИД России. E-mail: wonderwho@yandex.ru

России новые уникальные возможности, которые связаны в первую очередь с развитием Сибири и Дальнего Востока и их полноценной экономической интеграцией в АТР.

На страны Азии приходится более трети мирового потребления энергии, до половины потребления металлов, две трети мирового импорта железной руды. Как указывает в своих работах С.С. Суслина², для того чтобы России «максимально эффективно вписаться в экономику региона», необходимо максимально учитывать интеграционные тенденции таких стран, как КНР, Япония и Республика Корея. Эти страны объявили о создании зоны свободной торговли на основе соглашения о взаимном продвижении и защите инвестиций в силу взаимодополняющего характера своих экономик. Участие России в интеграционных процессах в АТР может способствовать как политической стабильности на Корейском полуострове, так и предоставит дополнительные возможности для модернизации экономики Сибири и Дальнего Востока.

Наибольший интерес для России с точки зрения модернизации экономики страны представляет опыт экономического развития Республики Корея, которая из отсталой аграрной страны «третьего мира» за последние 60 лет превратилась в «быстро развивающегося промышленного крепыша»³. Российско-корейские отношения насчитывают уже три столетия. В конце XVII в. российские первопроходцы вышли к берегам Тихого океана и начали осваивать земли и вступать в экономические отношения с народами Дальнего Востока, в том числе и с корейцами. Надо отметить, что Россия была первой европейской державой, наладившей отношения с корейцами, так как французы и англичане стали осваивать эту территорию на 100 лет позже. В 2004 г. исполнилось 120 лет со дня установления официальных отношений между Российской империей и Королевском Корея и 140 лет с начала переселения корейцев на российскую территорию. Современные отношения, в том числе торгово-экономические, сложились после установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея в 1990 г.

В настоящее время Россия занимает 13-е место среди торговых партнеров Республики Корея, а Республика Корея занимает 3-е ме-

сто среди партнеров России в Восточной Азии. По итогам 2012 г. внешнеторговый оборот наших стран составил 24 млн долл.

Взаимодействие двух стран активно расширяется по таким основным направлениям, как топливно-энергетический комплекс, транспорт, наука и технологии, исследования океана, космическая промышленность, освоение природных ресурсов, наука и техника, информационные технологии, связь, рыболовство, региональное сотрудничество.

В экономическом плане отношения между Республикой Корея и Россией характеризуются отчетливой взаимодополняемостью. Россия обладает богатыми запасами топливно-энергетических, различных минеральных и неминеральных ресурсов, в том числе и тех, которые являются основным сырьем для новейших отраслей промышленности. Республика Корея добилась высокой конкурентоспособности мирового уровня в создании инфраструктуры, в обрабатывающей промышленности, в области нефтехимии, в развитии информационных технологий и ряде других отраслей. Россия известна мировым уровнем развития фундаментальных наук и технологий создания новых материалов и оптики, а Республика Корея обладает передовыми технологиями и опытом коммерциализации, высоко профессиональными кадрами в таких областях, как производство полупроводников, информатика и связь. Однако следует отметить, что потенциал Республики Корея как стратегического партнера России далеко не исчерпан.

Республика Корея — относительно бедная полезными ископаемыми страна. Ее энергетические ресурсы включают небольшие запасы каменного угля, урана и гидроресурсов. На протяжении последних трех десятилетий потребление энергии в стране постоянно растет. Основными источниками энергии являются нефть (40 %), природный газ (15 %), каменный уголь (26 %), атомная энергия (14 %), гидроэлектростанции (0,5 %), возобновляемые источники энергии (2,5 %). Основные поставщики нефти — страны Ближнего Востока, Юго-Восточной и Средней Азии, Африки и Центральной Америки. Основные поставщики газа — Катар, Малайзия, Оман, Индонезия, Бруней, Австралия. Каменный уголь импортируется из Австралии, Индонезии, Канады, Южной Африки, России, США,

Китая и Малайзии. Спрос на него растет. В стране растет спрос на алюминий и композитные материалы из него. Основные поставщики алюминия в РК: Австралия (250 тыс. т), Россия (160 тыс. т), ОАЭ (110 тыс. т), Индия (68 тыс. т), Оман (64 тыс. т). Небольшое количество поступает из Казахстана (43 тыс. т), Канады (28 тыс. т), Таджикистана (27 тыс. т), Китая (26 тыс. т) и Новой Зеландии (18 тыс. т). По всем указанным позициям Россия могла бы занять лидирующие позиции как поставщик ресурсов для энергетической промышленности Республики Корея, пользуясь богатыми возможностями Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Прямые инвестиции РК в Россию в 2011 г. составили 73 млн долл., а объем российских прямых инвестиций в РК составил 8,8 млн долл. За 20 лет российско-корейского сотрудничества объем корейских прямых инвестиций в Россию составляет 3 млрд долл. К примеру, только за прошедшие 10 лет Республика Корея инвестировала во Вьетнам 25 млрд долл.

Торгово-экономическое сотрудничество с Республикой Корея крайне важно для России с точки зрения мобилизации финансовых и технологических ресурсов для модернизации экономики Сибири и Дальнего Востока.

Однако глубокие цивилизационные различия порождают ряд проблем во взаимодействии представителей российской деловой элиты и деловых кругов Республики Корея, что препятствует эффективным торгово-экономическим отношениям.

Россию традиционно относят к европейской цивилизации, а Республику Корея — к конфуцианской цивилизации, наряду с Китаем и другими странами АТР.

А. Кребером и К. Клакхоном дается следующее определение культуры: «Культура состоит из выраженных и скрытых схем мышления и поведения, являющихся специфическим, обособляющим достижением человеческих общностей, воплощенных в символах, при помощи которых они воспринимаются и передаются от человека к человеку и от поколения к поколению. Ядром любой культуры является набор “правил игры”, принятых в процессе коллективного существования»⁴. Именно эти правила игры определяют закономерности и особенности не только частного, но и делового общения.

Учение Конфуция о социальной стратификации, о принципах правильного правления, о роли в обществе политической элиты, о кодексе совершенного человека сыграли огромную роль в истории не только Китая, но и ряда сопредельных государств, к которым относится и Корея. Идеи Конфуция об идеальном государстве были высказаны в V в. до н.э., но и в настоящее время они определяют основные коммуникации в государствах АТР. Согласно Конфуцию, государство должно строиться по аналогии с хорошей семьей, где правитель, как отец, заботится о подданных, а подданные почитают его и любят друг друга, как братья. Государство необходимо для справедливого и достойного существования людей, которые разделены на чиновников и простолюдинов, занимающихся соответственно умственным и физическим трудом. Искусство управления заключается «в исправлении имен», т. е. в том, чтобы каждого поставить на должность, где он способен приносить наибольшую пользу государству. Одним из главных правил Конфуция в управлении — это правило «золотой середины», т. е. избегание крайностей в деятельности и поведении. Благородный муж строго придерживается середины и не склоняется ни в одну ни в другую сторону, что является символом его силы.

Знаменитый русский востоковед И. Коростовец писал: «Совершенный человек Конфуция должен обладать следующими добродетелями: он должен быть скромным, почтителен к старшим, добр к народу и справедлив в управлении им, он должен избегать ссор, и если это случится, то он должен сдерживаться и должен высказывать неудовольствие лишь к тем, поведение коих достойно презрения. Он не любит тех, кто говорит о недостатках других, а также тех, кто находясь в низшем состоянии, поносит высших. Он не любит тех, кто обладает доблестью, но неуравновешенной пристойностью»⁵. Свое учение об идеальном государстве Конфуций создавал в полемике с социальной школой законников, которые считали, что залог благосостояния и могущества государства кроется в хороших законах. Возражая им, Конфуций говорил, что хорошие законы без добродетелей у членов общества не приведут к социальной гармонии, так как население будет уклоняться от их исполнения, а высокий уровень нравственности будет гарантировать процветание государ-

ства без наличия строгих законов. Следует отметить, что в европейской цивилизации большое значение придается «хорошим законам» и свободе личности.

Наиболее устойчивыми элементами социокультурной системы цивилизации являются религия, мораль, традиции, верования, обычаи, этикет. К наиболее динамичным элементам социокультурной системы относятся право, формы государственного устройства, технические и экономические стандарты. Все эти элементы воздействуют на сознание, поведение и деятельность людей, создают определенный порядок общественных связей, предотвращают хаос и произвол. В связи с этим эффективное взаимодействие государств, принадлежащих к различным социокультурным системам, предполагает глубокое изучение особенностей этих систем и учет их в процессе экономической и политической коммуникации.

На эту проблему межкультурной коммуникации российских и корейских деловых элит указывают работы Ли Сан Юн⁶ и Б.С. Ли⁷. Б.С. Ли пишет о необходимости практических курсов для деловых людей по обучению общению с иностранными партнерами с учетом специфики их культуры. Ли Сан Юн подчеркивает, что «сыновья почтительность» является одной из основных категорий традиционной конфуцианской культуры, регулирующей общественные отношения в странах Дальневосточного региона, в частности в Республике Корея. Моральный долг, правильное поведение, почтительное служение родителям, отношения отца и сына, государя и подданных являются основой гармонии в социуме и государстве.

Современные трансформации государств как Востока, так и Запада связаны с поиском адекватных путей экономического, политического и социального развития при сохранении культурной самобытности и самоидентичности, несмотря на процессы глобализации. Понимание цивилизационной специфики политической, культурной, экономической инфраструктуры и социальных отношений западных и восточных обществ позволяет создавать благоприятные условия для установления взаимовыгодных и конструктивных отношений государств разного типа. Методом структурированного интервью можно проанализировать причины, препятствующие представителям деловой элиты Республики Корея вести эффектив-

ное сотрудничество с российскими партнерами. Приведенные ниже выводы сделаны на основе личного трехлетнего участия и организации российско-корейских деловых переговоров, а также информации, полученной от представителей деловых кругов Республики Корея, взаимодействующих с российскими бизнесменами. Следует рассмотреть объективные и субъективные факторы, затрудняющие эффективное взаимодействие.

Объективные причины, мешающие корейским компаниям устанавливать долгосрочные отношения с российскими партнерами и вести активную инвестиционную деятельность, особенно в регионе Сибири и Дальнего Востока, следующие.

Первая — несовершенство законодательства РФ и отсутствие гарантий получения прибыли. Она вызвана действием следующих факторов:

- неясность и непонятность законов, их противоречие друг другу. В случае возникновения проблем и обращения в суд законы никогда не будут истолкованы в пользу инвестора;
- коррупция на всех уровнях;
- безнаказанные и незаконные действия чиновников в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (меньше законности по сравнению с Центральным регионом России);
- проблемы с таможенным оформлением, с временным ввозом/вывозом товара;
- арбитражные проблемы;
- трудности с лицензированием;
- трудности в получении льгот и преференций;
- непонятная система налогообложения;
- слабое законодательство по охране интеллектуальной собственности.

Вторая причина — это трудности в области транспорта и логистики, что определяется:

- сложностью перевозок грузов железной дорогой;
- отсутствием перевалочных пунктов;
- небольшими по размерам портами на Дальнем Востоке;
- старой инфраструктурой в портах;
- пробками на дорогах.

Третья причина состоит в затрудненности использования рабочей силы и слабо развитой инфраструктуре жизнеобеспечения, которая включает:

- неясность с годовой квотой на использование иностранных инженерных кадров, иностранной рабочей силы (в частности, нередко возникают ситуации, когда представители корейского бизнеса вынуждены месяцами ждать соответствующих разрешений);
- проблему со школами для иностранных детей, медицинским обслуживанием (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке);
- сложную процедуру получения российских виз, разрешений на работу, регистрации пребывания;
- непонятную и запутанную процедуру назначения финансовых директоров компании;
- отсутствие мест для проведения досуга (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке). Например, любимое увлечение корейских бизнесменов — игра в гольф.

И, наконец, *одна из самых главных причин* — неудачные примеры других иностранных компаний инвестирования в Россию и потеря ими больших денежных средств.

Следующий ряд причин носит субъективный характер и связан с особенностью коммуникации. Как отмечалось ранее, в основе деловой культуры и повседневной жизни Кореи лежат *принципы конфуцианской философии*. Основных принципов пять:

- соблюдение неравенства во взаимоотношениях, так как стабильность общества базируется на неравенстве между людьми: младшие подчиняются старшим, а старшие защищают и помогают младшим; поэтому важны учтивость и высокие стандарты вежливости в деловых отношениях;
- любой человек — представитель прежде всего какой-то группы (семья, организация, сообщество), а потом — личность;
- по отношению к другим нужно вести себя добродетельно, чтобы каждый мог «сохранить свое лицо» и достичь гармонии;
- образование и упорный труд должны вознаграждаться, поэтому важными ценностями являются практичность и деловой успех;

- следует быть умеренным во всем, избегать крайностей, сохранять спокойствие и быть терпеливым.

В соответствии с этими принципами корейские бизнесмены уделяют большое внимание следующим аспектам в коммуникации, на основе чего составляют соответствующий имидж партнера:

1. Пунктуальность

Корейцы негативно относятся к опозданию партнера на встречу. В Корею опоздание на деловую встречу даже на несколько минут расценивается как неуважение. Как правило, сами корейцы предпочитают приходить на встречу заранее, что расценивается как учтивость и уважение к партнеру.

2. Подготовленность к переговорам

Корейцы придают большое значение подготовленности партнера к переговорам. Как отмечают корейские бизнесмены, российская сторона склонна вести разговор на общие темы, не обсуждая детально все нюансы вопроса. Корейская же сторона предпочитает обсудить все детали, для чего тщательно готовится к переговорам, выясняя заранее у собеседника вопросы, которые предполагается затронуть. Корейцы положительно относятся к тому, если перед началом беседы будут розданы печатные материалы по теме переговоров. Четкое изложение своей позиции вызывает у них позитивное впечатление. Если в ходе встречи невозможно ответить на какой-либо вопрос корейских партнеров, очень важно уточнить его и сообщить позже (корейцы отмечают, что партнеры обещают так сделать, но редко выполняют обещание).

3. Темп переговоров

Обычно корейские мужчины говорят медленно, в силу этого часто складывается ситуация, когда иностранный партнер начинает говорить, не дослушав мысль корейского собеседника. Это очень обижает корейцев. Поэтому необходимо дать достаточно времени корейским партнерам для изложения своих соображений и после этого спросить, закончили ли они излагать свою мысль. Также корейцы как недостаток отмечают многословие российских партнеров.

У корейцев «кольцевая модель» времени (прошлое так же важно, как будущее) и длительный процесс принятия решений, включающий два этапа: на первом устанавливается гармония и более тесное

знакомство с характером и особенностями партнера, на втором осуществляется планирование деловых отношений, уточняются детали долгосрочных взаимоотношений.

4. *Поддержание контакта*

Корейцы обращают большое внимание на ответную реакцию партнера на их обращение, поэтому необходимо сразу подтверждать получение новых сообщений и просить время для обдумывания ответа. Это важный сигнал уважения и серьезности намерений.

Для корейских бизнесменов также очень важно поддержание постоянного контакта с потенциальным партнером, даже если в данный момент не ведется конкретного сотрудничества. Это может быть как поздравление с главными корейскими праздниками (Чхусок, Лунный Новый год) и днем рождения, так и выражение своих комментариев по поводу значимых событий, происходящих в Корее. Жители Кореи, с одной стороны, являясь представителями маленького разделенного полуостровного государства, с другой стороны, обладающие высоким уровнем национального самосознания и уверенные в величии своей нации, расценят весьма позитивно такие жесты со стороны представителей самой большой страны — России.

5. *Язык общения*

Необходимо заранее уточнить уровень владения английским языком главы корейской делегации. Как правило, корейцы свободно пишут и понимают письменную английскую речь, но плохо говорят по-английски и понимают на его слух. В разговоре корейцы часто кивают и поддакивают, что в реальности не означает понимания сказанного. Исключения составляют только те, кто учился в американских вузах и долго работал за рубежом в англоязычной стране.

Важно отметить, что корейские переводчики часто не точно понимают смысл сказанного и при переводе искажают информацию.

Корейские предприниматели обижаются, когда иностранные партнеры во время встречи переговариваются между собой на незнакомом языке.

6. *Численность участников переговоров*

Число участников переговоров должно соответствовать корейской стороне. С точки зрения корейцев, большее число участников со стороны партнера является символом солидности и внушает доверие.

7. *Посредники*

Традиционно корейцы считаются одними из самых трудных деловых партнеров. Они высоко ценят непосредственное общение и личные контакты, поэтому без них в Корее невозможно решить ни одной серьезной проблемы. Большое значение имеют неформальные связи и наличие посредников в деловых переговорах. Интерес представляют предложения самих корейских предпринимателей по решению некоторых проблем, которые, по их мнению, мешают более активному российско-южнокорейскому сотрудничеству. К их числу относятся следующие пожелания:

1. Содействовать продвижению имиджа РК и корейского языка в России и имиджа России и русского языка в РК.

2. Ввести безвизовый режим сроком до 90 дней (если не для всех, то хотя бы для бизнесменов).

3. Ответить на инициативу РК заключить соглашение на подобие соглашения о свободной торговле. В рамках соглашения договориться ввозить в РК энергоресурсы без или по минимальным пошлинам; корейцам, в свою очередь, отдать часть рынка бытовых товаров. Это позволило бы сделать РК более зависимой от России по поставкам энергоресурсов и, как следствие, более «популярной» и «сговорчивой».

4. Предлагать корейским компаниям создавать совместные предприятия для снижения рисков.

5. Рассмотреть возможность строительства альтернативной железной дороги с Дальнего Востока в Центральную часть России. Пригласить к участию в проекте по строительству корейские компании.

6. Необходимо четкое объяснение корейским предпринимателям российских законов, налогов и т. п. Для этих целей необходимо организовывать в РК регулярные семинары для представителей корейского бизнеса. Следует учитывать, что не все корейские бизнесмены хорошо знают английский язык, поэтому было бы полезным перевести на корейский язык основные российские законы, регулирующие инвестиционную деятельность.

Более активному подключению корейских компаний к реализации взаимовыгодных проектов, направленных на модернизацию и

инновационное развитие экономик двух стран, будет способствовать, с одной стороны, проведение российско-корейских деловых мероприятий, в рамках которых можно согласовать «правила игры», несмотря на разницу в цивилизационных картинах мира, а с другой стороны — представителям российских деловых кругов нужно с большим пониманием и терпением относиться к особенностям деловой коммуникации корейских партнеров.

Примечания

¹ Сценарий развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года: Аналитический доклад / Научный руководитель А.А. Кокошин. М.: Едиториал УРСС, 2011.

² Суслина С.С. Новое интеграционное трио в мировой экономике. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=459#top

³ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Корейские зарисовки. М.: Восток—Запад, 2010.

⁴ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

⁵ Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1999.

⁶ Ли Сан Юн. К вопросу о категории «сыновья почтительность» хё в корейской литературе (традиции и современность) в сборнике Корейский полуостров: накануне перемен. Доклады, представленные на XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2012.

⁷ Ли Б.С. Культура в бизнесе и экономике (опыт коммуникации с корейцами). Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2011.

Глава 9 ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

*Д.В. Гордиенко**

ВЛИЯНИЕ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНОЙ КОРЕИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Перемены в мире, связанные с глобализацией¹, обуславливают необходимость принятия высшим политическим руководством России оперативных и адекватных решений по нейтрализации, локализации и/или устранению вызовов и угроз национальной безопасности, которые возникают и непрерывно трансформируются в процессе эволюции всей системы современных международных отношений. В связи с этим представляет интерес рассмотрение мер обеспечения экономической безопасности², принятых в разных странах, в частности в Южной Корее и других государствах Северо-Восточной Азии.

* *Гордиенко Дмитрий Владимирович*, доктор военных наук, профессор, действительный член (академик) Академии военных наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

1. Формы обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации

Анализ современного состояния обеспечения экономической безопасности ряда ведущих государств мира позволил выявить ряд тенденций, которые по характеру своего проявления можно разделить на *две группы*: группу тенденций развития форм и группу тенденций развития способов обеспечения экономической безопасности государства. Рассмотрение перечисленных тенденций через механизм действия основных законов и закономерностей развития сложных нелинейных открытых экономических систем позволило определить в качестве **основных форм** обеспечения экономической безопасности государства:

во-первых, экономический патронат, который обеспечивает внутреннюю безопасность систем экономического назначения;

во-вторых, экономическую кооперацию, которая обеспечивает экономическую безопасность государства при взаимодействии экономики страны с другими экономическими системами;

а также, *в-третьих, экономическое противоборство*, которое является основной формой обеспечения экономической безопасности государства в конкурентной борьбе противостоящих сторон.

2. Экономический патронат Южной Кореи

Экономический патронат в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию (соблюдение) различных норм, касающихся функционирования национального хозяйства на экономической территории государства при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Очевидно, что эффективность обеспечения экономической безопасности в условиях глобализации может быть рассмотрена на примере мирового финансово-экономического кризиса, который продолжает оказывать влияние на уровень экономической безопасности Южной Кореи, России и других государств мира³. В связи с этим представляет определенный научный интерес изучение антикризисных мер Южной Кореи в 2008—2011 гг. и оценка влияния их реализации на поддержание необходимого уровня экономической безопасности этой страны.

Антикризисные меры Южной Кореи включали: **меры по стабилизации финансового сектора** страны, которые стали первой серьезной реакцией правительства и Банка Южной Кореи на кризис⁴; **меры денежно-кредитной политики** Центрального банка Южной Кореи, которые свелись прежде всего к снижению ставки рефинансирования⁵; **меры поддержки реального сектора экономики**, которые были сосредоточены на недопущении значительного снижения объемов отечественного производства в период финансово-экономического кризиса⁶; **меры повышения социальной защиты населения**, которые включали прежде всего мероприятия по предотвращению роста безработицы и выплате материальной помощи гражданам, потерявшим работу⁷; **налоговые меры**⁸; а также **бюджетные меры**, которые в рамках антикризисной программы Южной Кореи предполагали значительное изменение структуры бюджетов страны⁹.

Оценка влияния реализации антикризисных мер на поддержание необходимого уровня экономической безопасности Южной Кореи. Финансово-экономический кризис внес коррективы в перспективы экономического развития РК, а также в изменение уровня экономической безопасности этой страны в ближайшее десятилетие¹⁰. Кризис понизил общий уровень экономической безопасности РК, а также внес коррективы в перспективы ее экономического развития в ближайшее десятилетие¹¹ (табл. 1).

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности Южной Кореи и государств Северо-Восточной Азии, реализованного в рамках экономического патроната, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны, расчетная формула которого может иметь вид¹²:

$$Y_{ЭБ(ЭПатронат),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \quad 0,01 \leq \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100,$$

где $Y_{ЭБ(ЭПатронат),j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономического патроната;

Таблица 1. Значения показателей экономической безопасности Южной Кореи, характеризующих экономический патронат со стороны Правительства РК и Банка Южной Кореи

Частные показатели экономической безопасности (фактические значения и прогноз 2007 г./ фактические значения и прогноз 2011 г.)	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Объем ВВП	1,60	1,70	1,80	1,95	2,10	2,37	2,88
		1,63	1,67	1,72	1,99	2,17	2,83
Валовой сбор зерновых	1,18	1,18	1,18	1,18	1,18	1,18	1,19
		1,18	1,18	1,18	1,18	1,18	1,19
Инвестиции в основной капитал	1,59	1,62	1,63	1,64	1,66	1,69	1,74
		1,59	1,60	1,61	1,62	1,64	1,70
Уровень безработицы	2,35	2,54	2,61	2,68	2,80	2,86	3,08
		2,50	2,58	2,58	2,70	2,86	3,08
Уровень монетизации	5,42	5,52	5,64	5,76	6,00	6,40	7,20
		5,48	5,58	5,64	5,80	6,00	6,80
Внешний долг	22,22	24,00	25,00	26,67	29,00	33,33	40,00
		4,04	1,16	1,14	1,23	1,33	1,60
Расходы на оборону	1,45	1,47	1,48	1,50	1,50	1,50	1,50
		1,45	1,45	1,50	1,50	1,50	1,50
Расходы на «гражданскую» науку	1,93	1,95	1,97	2,00	2,04	2,07	2,13
		1,93	1,93	1,93	1,96	2,00	2,07
Инновационная продукция	5,34	5,38	5,41	5,44	5,60	5,71	6,00
		5,36	5,39	5,43	5,50	5,69	5,97
Уровень инфляции	4,46	4,40	4,35	4,31	4,30	4,17	4,10
		5,32	4,90	4,39	4,30	4,24	4,24
Объем золотовалютных резервов	6,59	7,40	8,10	8,80	11,00	12,00	13,33
		6,35	6,11	8,00	9,00	10,67	12,00
Выплаты по внешнему долгу	16,67	16,67	16,67	16,67	16,73	17,86	17,86
		16,67	16,67	16,67	16,73	17,86	17,86

Окончание табл. 1

Частные показатели экономической безопасности (фактические значения и прогноз 2007 г./ фактические значения и прогноз 2011 г.)	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Внутренний долг	1,95	1,90	1,80	1,76	1,60	1,50	1,30
		1,23	1,43	1,50	1,45	1,30	1,20
Расходы на обслуживание государственного долга	4,26	4,26	4,26	4,17	4,14	4,08	4,00
		4,26	4,26	4,17	4,14	4,08	4,00
Дефицит федерального бюджета	1,88	1,88	1,75	1,67	1,83	2,00	2,31
		1,88	1,76	1,67	1,83	2,00	2,31
Машиностроение и металлообработка в промышленном производстве	1,07	1,08	1,08	1,08	1,12	1,16	1,24
		1,07	1,08	1,08	1,12	1,16	1,24
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума	1,17	1,18	1,20	1,21	1,23	1,25	1,30
		1,07	1,08	1,08	1,12	1,16	1,24
Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	1,05	1,06	1,07	1,08	1,09	1,11	1,14
		1,07	1,08	1,08	1,09	1,11	1,14
Доля продовольствия, поступившего по импорту	0,34	0,35	0,36	0,36	0,37	0,43	0,50
		0,34	0,35	0,36	0,37	0,43	0,50
Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономический патронат (фактические значения и прогноз 2007 г./ фактические значения и прогноз 2011 г.)	4,3×10 ⁷	6,3×10 ⁷	7,3×10 ⁷	8,8×10 ⁷	1,7×10 ⁸	3,5×10 ⁸	1,1×10 ⁹
		4,2×10 ⁶	1,3×10 ⁶	1,7×10 ⁶	2,7×10 ⁶	5,4×10 ⁶	1,4×10 ⁷

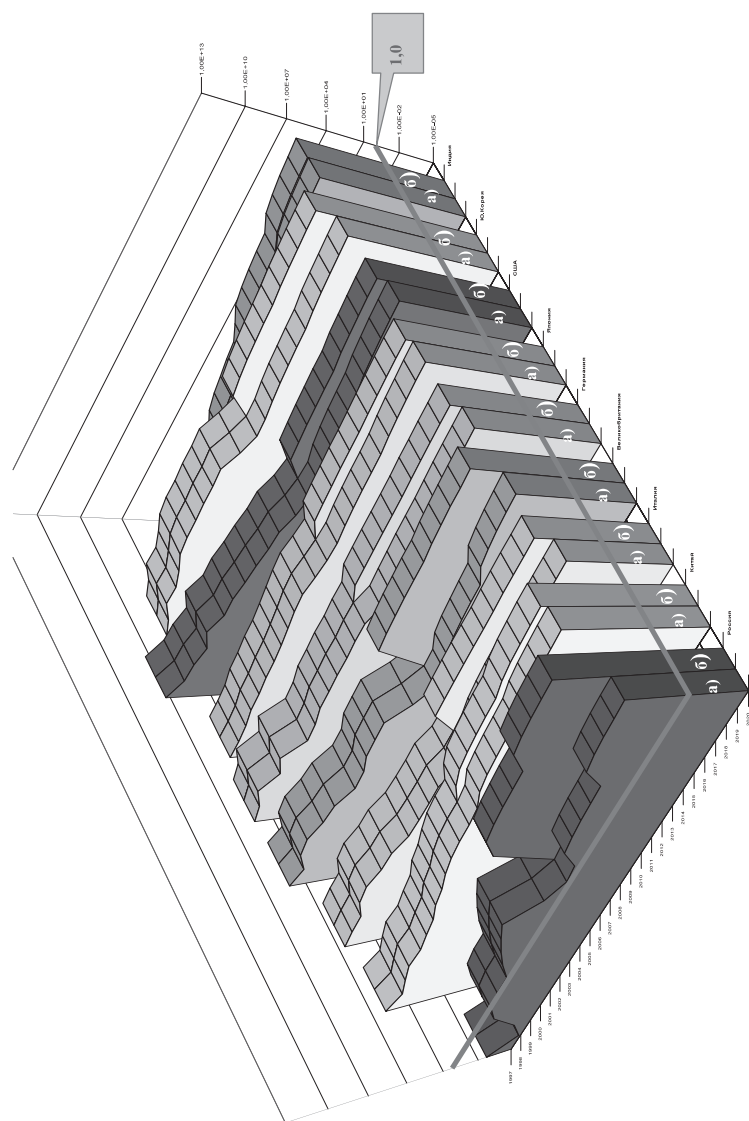

Рис. 1. Сравнительная оценка динамики изменения значений показателей экономической безопасности государств мира, характеризующих патронат со стороны их правительств и центральных банков, без учета (а) и с учетом (б) влияния мирового финансово-экономического кризиса

$\alpha_{i,j}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства;

$\beta_{i,j}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства¹³.

Результаты расчетов значений общих (интегральных) показателей экономической безопасности Южной Кореи, России, США, Японии и КНР в период 1997—2011 гг. и в перспективе до 2020 г. без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса и с учетом такого влияния представлены на рис. 1¹⁴.

Оценка эффективности реализованных (реализуемых) в рамках экономического патроната антикризисных мер каждого государства может базироваться на расчетах действенности этих мер по минимизации падения соответствующего уровня экономической безопасности относительно прогнозируемого до начала кризиса значения:

$$\mathcal{E}_{\text{ЭПатронат},j} = (Y_{\text{ЭБ(ЭПатронат)},j,\text{расч.}} / Y_{\text{ЭБ(ЭПатронат)},j,\text{прогн.}}) \times 100 \%,$$

где $Y_{\text{ЭБ(ЭПатронат)},j,\text{расч.}}$ — общий нормированный показатель уровня экономической безопасности j -го государства, реализованный в рамках экономического патроната, рассчитанный по фактическим статистическим значениям частных показателей защищенности соответствующего национального хозяйства;

$Y_{\text{ЭБ(ЭПатронат)},j,\text{прогн.}}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономического патроната, рассчитанный по прогнозным (данным до начала кризиса в 2007—2008 гг.) значениям частных показателей.

Сравнительный анализ этих значений позволяет отнести реализованные в Южной Корее, Китае и Японии в 2008—2011 гг. антикризисные меры к одним из самых действенных в период самой острой фазы мирового финансово-экономического кризиса (табл. 2 и рис. 2).

Таблица 2. Эффективность принятия правительствами и центральными банками государств Северо-Восточной Азии в период мирового финансово-экономического кризиса антикризисных мер

Страны мира	Значения интегральных показателей экономической безопасности государств мира	2008	2009	2010	2011
Россия	Прогноз 2008 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	42 000	450 000	2 500 000	21 000 000
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	50,0	4,00	11,0	78,0
	Эффективность антикризисных мер. %	0,119	0,00089	0,00044	0,00037
США	Прогноз 2008 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	400 000	620 000	1 100 000	1 700 000
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	150 000	84 000	74 000	210 000
	Эффективность антикризисных мер. %	37,5	13,55	6,73	12,35
Япония	Прогноз 2008 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	4 500 000	5 200 000	6 100 000	8 400 000
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	380 000	260 000	220 000	300 000
	Эффективность антикризисных мер. %	8,44	5,00	3,61	3,57
Южная Корея	Прогноз 2008 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	63 000 000	73 000 000	88 000 000	170 000 000
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	4 200 000	1 300 000	1 700 000	2 700 000
	Эффективность антикризисных мер. %	6,67	1,78	1,93	1,59
КНР	Прогноз 2008 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	4 500 000	9 000 000	8 600 000	24 000 000
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	440 000	300 000	520 000	1 800 000
	Эффективность антикризисных мер. %	9,78	3,33	6,05	7,50

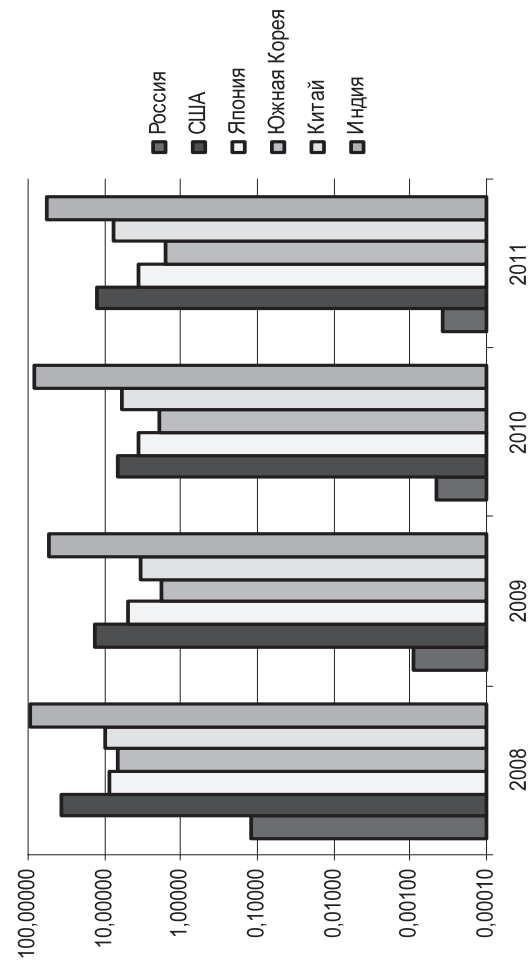

Рис. 2. Сравнительная оценка значений эффективности принятых в период мирового финансово-экономического кризиса антикризисных мер в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона

3. Экономическая кооперация Южной Кореи со странами Северо-Восточной Азии

Экономическая кооперация как форма обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации определяет прежде всего реализацию различных мер экономического сотрудничества (экономической интеграции) государства с другими странами при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Социально-политические преобразования в Южной Корее укрепили ее интеграционные экономические связи с другими государствами, в том числе и с государствами Северо-Восточной Азии, превратив ее в часть мирового хозяйства. При этом показателями взаимовлияния экономики Южной Кореи и других национальных хозяйств могут стать: внешнеторговый товарооборот; объем иностранных инвестиций; структура золотовалютных резервов и пр. Значения объемов внешнеторгового товарооборота и других показателей экономической кооперации могут стать основой для определения α_k — весов экономической интеграции Южной Кореи с государствами Северо-Восточной Азии и взаимозависимости их экономик в условиях глобализации.

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности Южной Кореи, реализованного в рамках экономической кооперации может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства:

$$Y_{ЭБ(ЭКооперация),j} = \prod_{\substack{k=1 \\ k \neq j}}^K \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \times \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\alpha_k},$$

$$0,01 \leq \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \times \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\alpha_k} \leq 100,$$

где $Y_{ЭБ(ЭКооперация),j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономической кооперации;

$\alpha_{i,j}$ ($\alpha_{i,k}$) — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (k -го) государства;

α_k — вес взаимодействия j -го государства с k -м государством в условиях глобализации и взаимозависимости экономики j -го государства от национального хозяйства k -го государства;

$\beta_{i,j}$ ($\beta_{i,k}$) — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (k -го) государства;

K — количество рассматриваемых государств мира.

Экономическая кооперация между Южной Кореей и Россией на сегодняшний день носит характер конструктивного взаимодополняющего партнерства.

Экономическая кооперация между Южной Кореей и Китаем продолжает динамично развиваться, несмотря на такой осложняющий фактор, как стратегическое партнерство Южной Кореи с США¹⁵.

Экономическая кооперация между Южной Кореей и Японией имеет значительный потенциал роста¹⁶. Кроме того, большое значение для экономики Южной Кореи имеют отношения в треугольнике Корея—Япония—КНР¹⁷.

Экономическая кооперация между Южной Кореей и США. США являются одним из главных экономических партнеров Южной Кореи¹⁸. В 2011 г. объем южнокорейско-американской торговли составил около 100 млрд долл.

Таким образом, экономическая кооперация Южной Кореи со странами Северо-Восточной Азии может быть представлена в виде частных показателей, каждый из которых является коэффициентом эластичности для результатов взаимодействия экономик РК и США с экономиками стран СВА (табл. 3).

Таблица 3. Значения показателей экономической безопасности Южной Кореи, характеризующих ее экономическую кооперацию со странами Северо-Восточной Азии

Частные показатели экономической безопасности	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Кооперация Южной Кореи с Китаем	1,0627	1,0814	1,0919	1,1194	1,1482	1,2589	1,5849
Кооперация Южной Кореи с США	1,0410	1,0375	1,0333	1,0376	1,0423	1,0715	1,1482

Окончание табл. 3

Частные показатели экономической безопасности	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Кооперация Южной Кореи с Японией	1,0356	1,0361	1,0376	1,0471	1,0568	1,1169	1,3183
Кооперация Южной Кореи с Россией	1,0069	1,0046	1,0049	1,0070	1,0093	1,0280	1,0568
...
Кооперация Южной Кореи с Индией	1,0055	1,0060	1,0069	1,0082	1,0102	1,0139	1,0209
Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономическую кооперацию со странами Северо-Восточной Азии и Индией	1,16	1,17	1,18	1,23	1,29	1,57	2,25

Оценка прироста эффективности реализованных (реализуемых) в рамках экономической кооперации мер обеспечения экономической безопасности базируется на расчетах прироста действенности этих мер при сочетании экономической кооперации и экономического патроната:

$$\Delta \mathcal{E}_{\text{Экооп.}+\text{ЭПатр.}j} = \left(\frac{Y_{\text{ЭБ}(\text{Экооп.})j} \times Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.})j} - Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.})j}}{Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.})j}} \right) \times 100\%,$$

где $Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.})j}$ — общий нормированный показатель уровня экономической безопасности j -го государства, реализованный в рамках экономического патроната, рассчитанный по фактическим статистическим значениям частных показателей защищенности соответствующего национального хозяйства;

$Y_{\text{ЭБ}(\text{Экооп.})j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономической кооперации, рассчитанный по фактиче-

Таблица 4. Прирост эффективности принятия в государствах Северо-Восточной Азии в период мирового финансово-экономического кризиса мер экономической кооперации

Страны мира	2008	2009	2010	2011	
Россия	Значения интегральных показателей экономической безопасности мира Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным с учетом экономической кооперации со странами США и Индии (для 2011 г. – оценка)	52,0	4,20	11,7	85,0
	Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	50,0	4,00	11,0	78,0
США	Прирост эффективности мер обеспечения экономической безопасности, % Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным с учетом экономической кооперации со странами США и Индии (для 2011 г. – оценка)	4,0	4,0	6,0	9,0
	Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	199 500	112 560	101 380	300 300
Япония	Прирост эффективности мер обеспечения экономической безопасности, % Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным с учетом экономической кооперации со странами США и Индии (для 2011 г. – оценка)	33,0	34,0	37,0	43,0
	Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	490 200	340 600	294 800	411 000
Южная Корея	Прирост эффективности мер обеспечения экономической безопасности, % Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным с учетом экономической кооперации со странами США и Индии (для 2011 г. – оценка)	29,0	31,0	34,0	37,0
	Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	4 914 000	1 534 000	2 091 000	3 483 000
КНР	Прирост эффективности мер обеспечения экономической безопасности, % Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным с учетом экономической кооперации со странами США и Индии (для 2011 г. – оценка)	17,0	18,0	23,0	29,0
	Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	651 200	474 000	889 200	2 592 000
	Расчет по фактическим имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	440 000	300 000	520 000	1 800 000
	Прирост эффективности мер обеспечения экономической безопасности, %	48,0	58,0	71,0	44,0

ским статистическим значениям частных показателей защищенности соответствующего национального хозяйства.

Сравнительный анализ значений прироста эффективности реализованных в 2008—2011 гг. в рамках экономической кооперации мер обеспечения экономической безопасности государств Северо-Восточной Азии позволяет отнести реализованные в Китае, США и Японии меры экономической кооперации со странами СВА к одним из самых действенных (табл. 4).

4. Экономическое противоборство Южной Кореи со странами Северо-Восточной Азии

Экономическое противоборство как форма обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации определяет прежде всего реализацию различных мер экономического противостояния (экономической борьбы) государства с другими странами при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Показателями экономического противоборства национальных хозяйств в Северо-Восточной Азии могут стать: нерезализованный внешнеторговый товарооборот; объем причиненного экономического ущерба и пр. Значения объемов нерезализованного внешнеторгового товарооборота и других показателей экономического противоборства могут стать основой для определения α_l — весов экономического противоборства государств Северо-Восточной Азии с другими странами мира и экономического ущерба от негативного влияния со стороны других государств в условиях глобализации.

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности Южной Кореи, реализованного в рамках экономического противоборства, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства:

$$Y_{ЭБ(ЭПротивоборство),j} = \prod_{\substack{l=1 \\ l \neq j}}^L \left(\frac{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}}{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}}} \right)^{\alpha_l}, \quad 0,01 \leq \left(\frac{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}}{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}}} \right)^{\alpha_l} \leq 100,$$

где $Y_{ЭБ(ЭПротивоборство),j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономического противоборства;

$\alpha_{i,j}$ ($\alpha_{i,l}$) — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (l -го) государства;

α_l — вес экономического противоборства j -го государства с l -м государством в условиях глобализации и экономического ущерба экономики j -го государства от воздействия со стороны национального хозяйства l -го государства;

$\beta_{i,j}$ ($\beta_{i,l}$) — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (l -го) государства;

L — количество рассматриваемых государств мира.

Экономическое противоборство между:

Южной Кореей и Россией в настоящее время обусловлено рядом политических и экономических факторов¹⁹ и проявляется в большинстве случаев в форме конкуренции;

Южной Кореей и Китаем на современном этапе обуславливается наличием ряда взаимных политических требований и территориальных споров²⁰;

Южной Кореей и Японией в значительной мере является следствием взаимных территориальных претензий двух стран²¹;

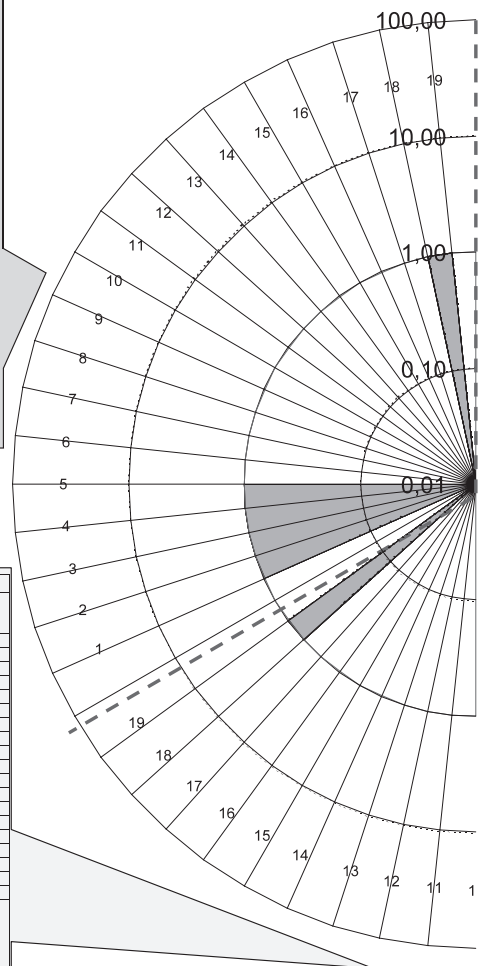
Южной Кореей и США не выходит за рамки экономической конкуренции. Наибольшие разногласия вызывают правила импорта говядины и доступ на рынки сельскохозяйственной продукции и автомобилей.

Таким образом, экономическое противоборство Южной Кореи со странами Северо-Восточной Азии может быть представлено в виде частных показателей, каждый из которых является коэффициентом эластичности для результатов противостояния экономик США и Южной Кореи с национальными хозяйствами соответствующих стран (рис. 3, табл. 5).

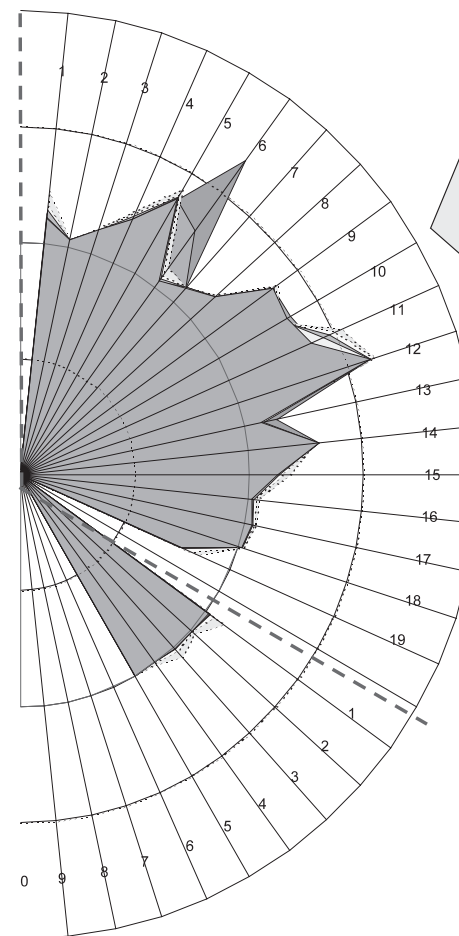
Оценка прироста эффективности реализованных (реализуемых) в рамках экономического противоборства мер обеспечения экономической безопасности может базироваться на расчетах прироста дейст-

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО				
Частные показатели экономической безопасности	2010	2015	2020	
1 Ю.Корея-Китай	1,0002	1,0003	1,0003	
2 Ю.Корея-США	1,0002	1,0002	1,0003	
3 Ю.Корея-Япония	1,0002	1,0002	1,0002	
4 Ю.Корея-Россия	1,0000	1,0000	1,0000	
5 ...				
6				
7				
8				
9				
10				
11				
12				
13				
14				
15				
16				
17				
18 ...				
19 Ю.Корея-Индия	1,0000	1,0000	1,0000	
Значение общего показателя экономической безопасности, реализованное в рамках экономического противоборства	1,0006	1,0007	1,0008	

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ				
Частные показатели экономической безопасности	2010	2015	2020	
1 Ю.Корея-Китай	1,1194	1,2589	1,5849	
2 Ю.Корея-США	1,0376	1,0715	1,1482	
3 Ю.Корея-Япония	1,0471	1,1169	1,3183	
4 Ю.Корея-Россия	1,0070	1,0280	1,0568	
5 ...				
6				
7				
8				
9				
10				
11				
12				
13				
14				
15				
16				
17				
18 ...				
19 Ю.Корея-Индия	1,0082	1,0139	1,0209	
Значение общего показателя экономической безопасности, реализованное в рамках экономической кооперации	1,2348	1,5704	2,5882	

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАТРОНАТ				
Частные показатели экономической безопасности	2010	2015	2020	
1 Объем ВВП	1,72	2,17	2,83	
2 Валовой сбор зерновых	1,18	1,18	1,19	
3 Инвестиции в основной капитал	1,61	1,64	1,70	
4 Уровень безработицы	2,58	2,86	3,08	
5 Уровень монетизации	5,64	6,00	6,80	
6 Внешний долг	1,14	1,33	1,60	
7 Расходы на оборону	1,50	1,50	1,50	
8 Расходы на "гражданскую" науку	1,93	2,00	2,07	
9 Инновационная продукция	5,43	5,69	5,97	
10 Уровень инфляции	4,39	4,24	4,24	
11 Объем золотовалютных резервов	8,00	10,67	12,00	
12 Выплаты по внешнему долгу	16,67	17,86	17,86	
13 Внутренний долг	1,50	1,30	1,20	
14 Расходы на обслуживание государственного долга	4,17	4,08	4,00	
15 Дефицит бюджета центрального правительства	1,67	2,00	2,31	
16 Машиностроение и металлообработка в промышленном производстве	1,08	1,16	1,24	
17 Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума	1,21	1,25	1,30	
18 Децильный коэффициент дифференциации доходов населения	1,08	1,11	1,14	
19 Доля продюльствия, поступившего по импорту	0,36	0,43	0,50	
Значение общего показателя экономической безопасности, реализованное в рамках экономического патроната	2647632	9704936	32924526	

- 2008
- 2020
- ◐ 2015
- ◑ 2011
- 2010
- 2009

Рис. 3. Нормированные показатели экономической безопасности Южной Кореи,

реализованные в рамках различных форм обеспечения защищенности ее экономики

Таблица 5. Значения показателей экономической безопасности Южной Кореи, характеризующих ее экономическое противоборство со странами Северо-Восточной Азии

Частные показатели экономической безопасности	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Противоборство Южной Кореи с Китаем	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0003	1,0003
Противоборство Южной Кореи с США	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0003
Противоборство Южной Кореи с Японией	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002	1,0002
Противоборство Южной Кореи с Россией	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
...
Противоборство Южной Кореи с Индией	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономическое противоборство со странами Северо-Восточной Азии и Индией	1,0006	1,0006	1,0006	1,0006	1,0007	1,0007	1,0008

венности этих мер при сочетании экономического противоборства и экономического патроната:

$$\Delta \mathcal{E}_{\text{Прот.}+\text{Патр.},j} = \left(\frac{Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПрот.}),j} \times Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.}),j} - Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.}),j}}{Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.}),j}} \right) \times 100\%,$$

где $Y_{\text{ЭБ}(\text{ЭПатр.}),j}$ — общий нормированный показатель уровня экономической безопасности j -го государства, реализованный в рамках экономического патроната, рассчитанный по фактическим статистическим значениям частных показателей защищенности соответствующего национального хозяйства;

Таблица 6. Приrost эффективности принятия в государствах Северо-Восточной Азии в период мирового финансово-экономического кризиса мер экономического противоборства

Страны мира	Значения интегральных показателей экономической безопасности государств мира	2008	2009	2010	2011
Россия	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным с учетом экономического противоборства со странами СВА и Индией (для 2011 г. – оценка)	50,01	4,001	11,002	78,023
	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	50,0	4,00	11,0	78,0
	Приrost эффективности мер обеспечения экономической безопасности, %	0,02	0,02	0,02	0,03
США	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным с учетом экономического противоборства со странами СВА и Индией (для 2011 г. – оценка)	150 135	84 084	74 074	210 231
	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	150 000	84 000	74 000	210 000
	Приrost эффективности мер обеспечения экономической безопасности, %	0,09	0,1	0,1	0,11
Япония	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным с учетом экономического противоборства со странами СВА и Индией (для 2011 г. – оценка)	380 228	260 182	220 154	300 180
	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	380 000	260 000	220 000	300 000
	Приrost эффективности мер обеспечения экономической безопасности, %	0,06	0,07	0,07	0,06
Южная Корея	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным с учетом экономического противоборства со странами СВА и Индией (для 2011 г. – оценка)	4 202 520	1 300 780	1 701 020	2 701 890
	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	4 200 000	1 300 000	1 700 000	2 700 000
	Приrost эффективности мер обеспечения экономической безопасности, %	0,06	0,06	0,06	0,07
КНР	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным с учетом экономического противоборства со странами СВА и Индией (для 2011 г. – оценка)	444 092	302 940	525 512	1 820 000
	Расчет по фактически имеющимся статистическим данным (для 2011 г. – оценка)	440 000	300 000	520 000	1 800 340
	Приrost эффективности мер обеспечения экономической безопасности, %	0,93	0,98	1,06	1,13

$U_{ЭБ(ЭПрот.)j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономического противоборства, рассчитанный по фактическим статистическим значениям частных показателей защищенности соответствующего национального хозяйства.

Сравнительный анализ значений прироста эффективности реализованных в 2008—2011 гг. в рамках экономического противоборства мер обеспечения экономической безопасности государств Северо-Восточной Азии позволяет отнести реализованные в Китае и США меры экономического противоборства со странами Северо-Восточной Азии к одним из самых действенных (табл. 6)²².

В связи с этим становится очевидным влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень защищенности национальных хозяйств Южной Кореи, России, США, Японии и Китая, а также относительное повышение уровня экономической безопасности этих стран в перспективе до 2020 г. в случае реализации соответствующих антикризисных планов экономического роста и социально-экономического развития в рамках экономического патроната, а также мер экономической кооперации и экономического противоборства.

* * *

Мировой финансово-экономический кризис значительно повлиял на возможности Южной Кореи по повышению уровня своей экономической безопасности, что до сих пор обуславливает принятие и реализацию дополнительных антикризисных мер.

Ситуация в мировой экономике предвещает новые катаклизмы. Основными угрозами экономическому миропорядку в 2012 г. и в ближайшие годы видятся резкое снижение роста или/и спад экономик ряда основных субъектов мирового хозяйства, усиление кризисов суверенного долга, ухудшение мировой конъюнктуры, сокращение внешнего спроса для стран с развивающимися рынками, а также усиление инфляции, проявление различных форм протекционизма, торговые и валютные войны.

Примечания

¹ Глобализация (globalization) — действие или состояние, охватывающее весь мир по своим масштабам или применению / Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 106.

² Под обеспечением экономической безопасности государства (ensuring economic security) понимается процесс повышения (удержания приемлемого) уровня экономической безопасности, т. е. уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз.

³ Более подробно см., напр.: Набиуллина Э. Экономическая политика в условиях кризиса — анализ и перспективы // Экономическая политика. 2009. № 3. С. 73—85; Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности государств мира. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 18 (75). С. 46—53.

⁴ URL: <http://www.novopol.ru/text63542.html>. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=880441.html>

⁵ URL: <http://rb.ru/news/economics/2009/02/12/110353.html>

⁶ URL: <http://rb.ru/news/economics/2009/02/12/110353.html>; URL: <http://www.k2kapital.com/news/fin/567821.html>. URL: <http://gudok.ru/index.php/news/38446.html>

⁷ URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreeneews/20090319073154.shtml>

⁸ Программа южнокорейского правительства по уменьшению негативного влияния мирового финансово-экономического кризиса на национальное хозяйство реализовала планы по снижению налогов в 2009 году и касалась как населения, так и юридических лиц. В частности, в октябре 2009 г. между Южной Кореей и Евросоюзом было заключено соглашение о свободной торговле, согласно которому почти все тарифы на экспорт были сняты.

⁹ URL: <http://www.k2kapital.com/news/fin/545037.html>

¹⁰ По мнению авторов «Экономическая безопасность России: Общий курс»: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. — М.: Дело, 2005. — 896 с. показателями-индикаторами экономической безопасности государства могут быть: 1. Объем валового внутреннего продукта (ВВП); 2. Валовой сбор зерновых, млн т.; 3. Доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП); 4. Доля расходов на оборону (в % к ВВП); 5. Доля затрат на «гражданскую» науку (в % к ВВП); 6. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %); 7. Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %); 8. Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения (в %); 9. Децильный коэффициент дифференциации доходов населения; 10. Уровень безработицы (в % к экономически активному населению);

11. Уровень монетизации (в % к ВВП); 12. Внешний долг (в % к ВВП); 13. Внутренний долг (в % к ВВП); 14. Доля расходов бюджета на обслуживание государственного долга (в % общего объема расходов бюджета); 15. Дефицит федерального бюджета (бюджета центрального правительства) (в % к ВВП); 16. Уровень инфляции (в %); 17. Объем золотовалютных резервов (млрд долл.); 18. Отношение выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта (в %); 19. Доля продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов (в %). См. также: Гордиенко Д.В. Перспективы повышения уровня экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2010, № 15 (72). — С. 33—44; Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности государств мира // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 18 (75). — С. 46—53; Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 35 (92). С. 46—68.

¹¹ Пороговыми уровнями экономической безопасности Южной Кореи считаются: 1) для объема валового внутреннего продукта (ВВП) — 600 млрд долл. (в ценах 2003 г.); 2) для валового сбора зерновых — 25 млн т. (масса до обработки); 3) для доли инвестиций в основной капитал — 16 % к ВВП; 4) для доли расходов на оборону — 2,0 % к ВВП; 5) для доли затрат на «гражданскую» науку — 1,5 % к ВВП; 6) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции — 15 %; 7) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве — 25 %; 8) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения — 7 % к всему населению страны; 9) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения — 8; 10) для уровня безработицы — 8 % к экономически активному населению; 11) для уровня монетизации — 25 % к ВВП; 12), 13) для внешнего и внутреннего долга — 40 % и 30 % к ВВП соответственно; 14) для доли расходов бюджета на обслуживание государственного долга — 20 % к общему объему расходов бюджета центрального правительства; 15) для дефицита бюджета центрального правительства — 3 % к ВВП; 16) для уровня инфляции — 25 %; 17) для объема золотовалютных резервов — 37,5 млрд долл.; 18) для отношения выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта — 25 %; 19) для доли продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов — 20 %. Кризис снизил общий уровень экономической безопасности Южной Кореи. Это снижение было обусловлено, в первую очередь, уменьшением объема ВВП, инвестиций в основной капитал, повышением уровня безработицы, увеличением внешнего и внутреннего долга, снижением расходов на «гражданскую науку», а также уменьшением золотовалютных резервов.

¹² О подходе к оценке уровня экономической безопасности см., в частности, Гордиенко Д.В. Перспективы повышения уровня экономической безопасности

России // Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. 2010, № 15 (72). С. 42—43; Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка уровня экономической безопасности России // Имперское возрождение. 2008. № 1 (15). С. 14—20; Гордиенко Д.В. Перспективы экономического развития и повышения уровня экономической безопасности России // Имперское возрождение. 2009. № 3 (23). С. 6—13.

¹³ При одинаковой значимости 19 компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т. е. при $(i, j) = 1$) наименьшее возможное значение общего нормированного показателя экономической безопасности j -ого государства — $U_{ЭБ, j, \min} = 10^{-38}$ — соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, наибольшее возможное значение этого показателя — $U_{ЭБ, j, \max} = 10^{38}$ — соответствует наибольшему уровню экономической безопасности государства. Единичное значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства — $U_{ЭБ, j} = 1$ — соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -ого государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз. При этом уровень абсолютной экономической безопасности государства составляет 10^{38} , а уровень абсолютной незащищенности национального хозяйства страны — 10^{-38} . В общем случае компоненты безопасности национального хозяйства имеют разную значимость для общего (интегрированного) показателя (уровня) экономической безопасности государства. В частности, такая разнозначимость особенно проявляется для условий функционирования национального хозяйства в мирное время, в угрожаемый период и в военное время.

¹⁴ Таким образом, становится очевидным влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень безопасности национального хозяйства Южной Кореи, Российской Федерации и других государств Северо-Восточной Азии.

¹⁵ URL: <http://newsland.com/news/detail/id/955798/>

¹⁶ Южная Корея сохраняет тесную зависимость от происходящих в Японии экономических процессов. Ослабление иены в середине 1990-х годов существенно подорвало конкурентоспособность южнокорейских товаров на японском рынке и привело к заметному росту дефицита платежного баланса. При этом в Республике Корея рассматривают инвестиционное соглашение с Японией в более широком контексте. В южнокорейском министерстве иностранных дел его считают «отправной точкой региональных интеграционных процессов, охватывающих все страны Северо-Восточной Азии». Взаимодействуя с Токио, Сеул рассчитывает, во-первых, успешно расширять свое экономическое присутствие на перспективном китайском рынке, во-вторых, пытается выработать согласо-

ванную политику в отношении создания регионального экономического союза с участием Южной Кореи, Японии и Китая. Поэтому в Сеуле сравнивают подписанный японо-южнокорейский документ об инвестиционном сотрудничестве с появившемся 50 лет назад договором о создании Европейского объединения угля и стали, которое заложило основу европейской интеграции.

¹⁷ Начиная с 1999 г. проводятся ежегодные встречи на уровне глав государств и правительств Японии, Китая и Республики Корея, где упор делается на обсуждение экономических проблем.

¹⁸ URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130122/204928224.html>.

¹⁹ Проблемы в сотрудничестве между Россией и Южной Кореей связаны с тем, что Сеул проводит сейчас достаточно жесткую политику в отношении Пхеньяна. Россия не поддержала Сеул по поводу гибели южнокорейского корвета «Чхонан» (Сеул утверждает, что его потопила северокорейская торпеда). Кроме того, Республика Корея проводит очень активную политику в сфере создания атомных реакторов. Например, южнокорейский тендер победил в Саудовской Аравии. Россия и Южная Корея также активно конкурируют друг с другом и в Центральной Азии.

²⁰ В последнее время обострился спор между Южной Кореей и Китаем за право обладания рифом Иодо (в китайской версии «скалы Суян»), находящийся в Восточно-Китайском море в 149 км (81 миля) от южнокорейского острова Марудо и в 245 км (133 мили) от китайского острова Тунтао. URL: <http://ru.apircenter.org/china/>

²¹ Начиная с 1996 г. Республика Корея вступила в долгий политический спор с Японией за право владения островом Токто, а вместе с ним и за 200-мильную экономическую зону вокруг него.

²² Анализ этих значений позволяет предположить, что представленный подход к оценке уровня экономической безопасности государства дает возможность, с одной стороны, оценить динамику изменения уровня экономической безопасности соответствующего государства в рамках реализации различных форм обеспечения экономической безопасности в условиях глобализации, а с другой — сравнить уровни безопасности национальных хозяйств разных стран в докризисный и посткризисный периоды, а также провести сравнительную оценку эффективности реализованных (реализуемых) антикризисных мер.

*В.Г. Самсонова**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В РК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Экономическое развитие Республики Корея на современном этапе характеризуется достаточно противоречивыми процессами, идущими как внутри страны, так и на внешних рынках. С одной стороны, РК в настоящее время является одним из локомотивов экономического роста региона АТР. Также благодаря активной антикризисной политике, проведенной правительством РК, страна довольно быстро преодолела кризис, хотя многие экономические планы правительству Ли Мен Бака пришлось подкорректировать. В результате предпринятых мер по преодолению последствий глобального финансового кризиса ситуация в южнокорейской экономике в 2010—2011 гг. в целом характеризовалась позитивной динамикой и экономика РК имеет следующие показатели: к 2012 г. ВВП достиг 1,1 трлн долл., а ВВП на душу населения — 22 тыс. долл., уровень безработицы невысок и составлял на январь 2013 г. 3,4 %.

С другой стороны, в социально-экономической сфере продолжают нарастать серьезные проблемы, такие как расслоение общест-

* Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: vikapak@yandex.ru

ва, увеличение доли безработных среди молодежи, рост самоубийств, сокращение экспорта, снижение показателей производства и т. д. В результате прогноз экономического роста РК невысок. В частности, МВФ понизил прогноз экономического роста РК на 2013 г. до 3,2 %, а на 2014 г. до 3,9 %¹.

Словом, в наследство от прежнего правительства РК новому достались как старые, закоренелые экономические проблемы, так и новые, с которыми необходимо бороться уже сейчас. Понимая всю глубину ответственности, новое правительство достаточно осторожно подходит к оглашению амбициозных планов и проектов, чем отличается от предыдущего. Напомним, что в 2008 г. правительство Ли Мен Бака разработало «план 747», предполагавший достижение за пятилетие президентства среднегодового темпа роста экономики в 7 %, увеличение в течение 10 лет подушевого национального дохода до 40 тыс. долл. и превращение страны в седьмую экономическую державу мира². Нетрудно догадаться, что под влиянием мирового финансового кризиса этот план был убран в «дальний ящик».

В свою очередь, новый президент уделяет особое внимание проблемам простого обывателя, обещая социальные гарантии и благополучие для своих граждан. Новое правительство намерено стать своего рода медиатором в южнокорейском обществе, следуя принципу «креативного сосуществования», ставя во главу угла в равной мере общественное благосостояние, динамизм рынка и социальное доверие. Анализируя программные документы и инаугурационную речь президента РК Пак Кын Хе, можно отметить, что проблемам социума и экономического состояния в стране отдано ключевое внимание. В частности, новая администрация намерена решить следующие задачи:

1. Создание креативной экономики с высоким уровнем занятости.
2. Разработка программы, гарантирующей стабильность в трудовой сфере и социальное обеспечение.
3. Пересмотр системы образования в целях развития креативной экономики³.

При этом отмечается, что реализация этих задач будет нелегкой. Ведь сейчас на положение в РК негативно влияет целый комплекс

факторов. В числе основных — затянувшийся мировой финансовый кризис, вовлекший в свой водоворот многих экономических лидеров, которые казались до этого несокрушимыми, среди них оказались и торгово-экономические партнеры РК. Снижение конкурентоспособности южнокорейских производителей на фоне усиления внешнеэкономических позиций Китая и ряда развивающихся стран, затянувшийся кризис у европейских партнеров — вот основные проблемы, которые Южной Корее придется решить уже в ближайшей перспективе. Сложившиеся как внутренние, так и внешнеэкономические факторы побуждают страну к кардинальному пересмотру стратегии взаимоотношения южнокорейской экономики с мировым хозяйством.

В 2012 г. в основном из-за снижения спроса в странах еврозоны южнокорейский экспорт сократился более чем на 1 % (до 548 млрд долл.), в том числе экспорт в страны ЕС сократился на 11,4 %⁴. В феврале 2013 г., по данным Министерства экономики знаний РК, экспорт в КНР упал на 5 %, в США на 11 %, в ЕС на 18 %, в Японию — на 15,9 %⁵. При этом новое южнокорейское правительство, несмотря на то что президент Пак Кын Хе в своей инаугурационной речи отметила в числе основных партнеров США, КНР, Японию и Россию, все чаще стало интересоваться развитием отношений с другими странами, в частности проявляя большой интерес к странам АСЕАН⁶. Отметим, что удельный вес стран АСЕАН в южнокорейском экспорте стабильно растет. В 2010 г. он составил 10,9 %, в 2011 г. — 11,6 %, а за первые девять месяцев 2012 г. — уже 12,1 %⁷.

Южнокорейские экономисты выделяют 4 основных фактора привлекательности АСЕАН для РК:

1. АСЕАН рассматривается как потенциальная производственная площадка, имеющая в запасе дешевую рабочую силу.
2. В регионе отмечается рост потребления и развития необходимой бизнес-инфраструктуры.
3. Регион обладает богатыми природными ресурсами.
4. Политика привлечения иностранных инвестиций и проводимая экономическая демократизация отвечают интересам инвесторов.

Также, согласно оценкам МВФ, ВВП АСЕАНа увеличится к 2017 г. до 3,8 трлн долл., а население составит 660 млн чел. По про-

гнозам, в трудоемких отраслях страны АСЕАН превзойдут по конкурентоспособности КНР, предлагая дешевую и молодую рабочую силу. Благо что демографическая ситуация располагает: рост количества трудоспособного населения будет продолжаться до 2025 г. А уровень заработной платы в АСЕАН ниже, чем во многих других странах. Для сравнения: в 2012 г. средняя заработная плата в КНР была в 3 раза выше, чем в Индонезии, тогда как еще в 2005 г. это соотношение равнялось 2 к 1. По прогнозам, в 2015 г. зарплата в Китае будет в 4,5 раза выше, чем в Индонезии.

Некоторые иностранные компании перевели свои производственные площадки с КНР в АСЕАН, например японские производители текстиля и одежды прочно обосновались во Вьетнаме. В капиталоемких отраслях, включая электронику и автомобилестроение, компании диверсифицируют производство, используя стратегию «Китай + 1», подразумевая размещение площадок и в Китае, и в Таиланде, и/или в Индонезии. Многообещающий внутренний рынок также привлекает южнокорейский бизнес. В 2012 г. потребление в АСЕАН равнялось 53,3 % ВВП, что превысило показатель стран БРИКС в 44,6 %.

Южнокорейские ученые отмечают, что РК необходимо активнее развивать свои экономические отношения с АСЕАН, пока есть еще свободные ниши. Главным конкурентом в этом процессе является Япония. Например, японские автопроизводители в настоящий момент захватили 95 и 90 % индонезийского и тайского авторынков, соответственно. Одним из основных методов расширения своего влияния РК видит в активизации процесса подписания соглашений о свободной торговле с основными странами АСЕАН⁸.

Если говорить в общем, то, на наш взгляд, для большего баланса в торговой структуре новое правительство продолжит курс на торговую либерализацию и развитие регионального и глобального сотрудничества. В первую очередь, это касается заключения соглашений о свободной торговле с рядом стран. Главным образом, была поставлена задача активизировать подготовку таких соглашений с Евросоюзом, Индией, Канадой, Мексикой, Китаем и Японией. В РК с самого начала предположили, что с подписанием этих соглашений объем южнокорейского экспорта может превысить 1 трлн долл.

Южная Корея уже подписала такие соглашения с Чили, Сингапуром, Европейской ассоциацией свободной торговли, объединяющей Швейцарию, Норвегию, Исландию, Лихтенштейн. Помимо этого, РК заключила соглашение о свободной торговле с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, касающееся промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции. Она успешно завершила переговоры с Евросоюзом по заключению двустороннего Соглашения о свободной торговле, которое вступило в силу в июле прошлого года. Совсем недавно Южная Корея подписала соглашение о свободной торговле с Колумбией. Эти меры по либерализации торгового обмена имели в основном положительные результаты.

Если текущий мировой кризис (а он еще более подталкивает страны искать выход из тяжелой ситуации сообща) не опрокинет южнокорейскую экономику (как в 1997 г.) и не ввергнет ее (как японскую) в длительную депрессию, то она будет продолжать активную либеральную политику с целью продвижения своего имиджа как региональной державы⁹.

Для решения проблем со снижением экспорта южнокорейских товаров на внешнем рынке и застоём в экономике правительство, в частности, предлагает развивать новые направления в экономике и перейти на инновационный путь развития. Ведь медлить уже нельзя: продолжительный застой в мировой экономике и прекращение роста на отечественном рынке уже привели к заметному снижению уровня инвестиций в производство, особенно в тяжелой промышленности и производстве полупроводников. Параллельно в феврале 2013 г. экспорт основных южнокорейских товаров продолжил негативную динамику: экспорт судов упал на 40,3 % (2,7 млрд долл.), авто — на 15,1 % (3,7 млрд долл.), запасных частей к авто — на 5,9 % (2 млрд долл.) и др.¹⁰

Поэтому избранный президент Пак Кын Хе предложила концепцию, которая даст второе дыхание для экономики: создание «творческой экономики», подразумевающей, как она сказала в своей инаугурационной речи, применение Интернета во всех отраслях — от сельского хозяйства до промышленности и сферы услуг¹¹. Сердцем креативной экономики, по словам президента, являются научные разработки и ИТ — индустрия.

Вообще экономическая стратегия Республики Корея опирается на развитие наукоемких отраслей. Страна поставила перед собой задачу к 2025 г. подняться до 7-го места в мире по уровню конкурентоспособности в области науки и техники. Для этого РК ежегодно повышает государственные расходы на научно-технические исследования, в частности внутренние затраты на исследования и разработки повысились с 2,3 % ВВП в 2000 г. до 3,74 % в 2010 г.

Однако при кажущейся позитивной обстановке в научной сфере РК расслабляться не приходится. Скорость внедрения инноваций увеличивается, а конкуренция со стороны других стран ужесточается. Причем одним из основных конкурентов для РК является Китай. Несмотря на то что затраты на исследования в КНР составляют 1,77 % ВВП, а в РК 3,74 %, средний рост величины затрат за 15 лет в КНР составил 7,8 %, тогда как в РК всего 3,3 %.

В 2010 г. сумма затрат на исследования и разработки в КНР достигла 104 млрд долл., что в 3 раза выше, чем в РК; также темпы роста инвестиций в эту сферу с 1995 по 2010 г. выросли в среднем на 24 %, что в 3 раза больше, чем в РК. Более того, в Китае в 2010 г. количество исследователей составило 1,2 млн человек, а в РК — всего 260 тыс. человек. В результате в 2010 г. экспорт продукции высоких технологий в Китае равнялся 520 млрд долл., тогда как в РК — 140 млрд долл.¹²

Создание креативной экономики и улучшение социальной ситуации в стране невозможно без решения демографических проблем и проблем с занятостью. В настоящий момент сложившаяся демографическая ситуация негативно влияет на рынок труда в стране. В частности, остро стоит проблема со старением населения РК: к 2050 г. доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше приблизится к 40 %, а средний возраст жителей увеличится с нынешних 37,3 лет до 56,7 лет, т. е. почти на 20 лет¹³. Между тем численность молодых людей, способных ухаживать за престарелыми, будет сокращаться. К 2022 г. на 1 старика будет приходиться всего 1,2 трудоспособного корейца (для сравнения: в 2010 г. на 1 старика приходилось 4,5 трудоспособных граждан).

При этом количество одиноких стариков в стране увеличивается, все меньшее количество людей хотят ухаживать за престарелыми

родителями. Опрос, проведенный среди 37 тыс. граждан, показал, что 48,9 % опрошенных считают, что родители должны сами обеспечивать себя. В РК происходит переход от старой полинуклеарной системы отношений к нуклеарной, даже более того — ученые отмечают резкий рост домохозяйств, которые состоят из одного человека: если в 1990 г. количество таких домохозяйств составляло 9 %, в 1995 — 12,9 %, то в 2010 г. — уже 24,2 %¹⁴.

Этот рост обусловлен увеличением количества:

- молодежи в возрасте 20—30 лет, живущих отдельно от родителей;
- граждан, оставшихся одинокими после развода;
- вдов и вдовцов.

Для смягчения проблем на рынке труда правительству необходимо увеличить занятость женщин, молодежи и стариков. В 2010 г. количество занятых среди женщин в возрасте от 25 до 54 лет составляло всего 62 % (РК занимает 3-е место с конца в списке женской занятости в ОЭСР). Для увеличения женской занятости необходимо:

1. Снижение разрыва в заработной плате между мужчинами и женщинами (самый высокий показатель в ОЭСР).
2. Улучшение условий по уходу за детьми.
3. Увеличение срока декрета с 90 дней на более долгий срок.
4. Введение системы гибкого графика или удаленной занятости для женщин, воспитывающих детей.

Для улучшения социального обеспечения семей с детьми новое правительство проинформировало, что начиная с марта 2013 г. семьи с детьми в возрасте до 5 лет могут рассчитывать на получение государственных пособий вне зависимости от того, посещают ли дети детский сад или нет. Государственная субсидия в месяц составит 220—394 тыс. вон. Также с 2014 г. станет бесплатной вакцинация от менингита (цена за 4 вакцины равна 160 тыс. вон).

Что касается занятости среди молодежи, то ее уровень самый низкий в ОЭСР: в январе 2013 г. уровень безработицы составил 7,5 %, а количество занятых в 2012 г. составляло всего 40,3 %.

При этом оказавшись без работы, многие начинают работать в теневой экономике. Согласно данным, опубликованным Исследовательским институтом Хендэ, обороты теневой экономики РК соста-

вили в 2012 г. 267 млрд долл., или 23 % ВВП. Это намного выше среднего показателя по ОЭСР, равного 13 %¹⁵.

Улучшить проблемы с занятостью может развитие среднего и малого бизнеса, ведь именно оно дает примерно 70 % всех рабочих мест в стране. Но при этом в среднем и малом бизнесе дела обстоят не лучшим образом. В стране отмечается постоянное увеличение числа малодоходных предприятий. Если в 2010 г. их доля составляла 12,3 % от общего числа компаний, то в 2011 г. этот показатель увеличился до 13,4 %, а в 2012 — до 15 %. При этом 89 % малодоходных компаний относятся к малому и среднему бизнесу¹⁶.

Негативная экономическая ситуация приводит к росту неуверенности в завтрашнем дне среди граждан страны. Непосильный объем долгов физических лиц, нестабильность на рынке труда, безработица, проблемы, возникающие на работе, в кругу семьи, в учебных заведениях, могут привести к негативным последствиям.

Что касается ситуации с долгами, то задолженность домохозяйств в стране огромна: по данным на конец сентября 2012 г. она составила 876,9 млрд долл., что соответствует более чем 70 % ВВП РК. Политики спорили, должно ли новое правительство спасать должников, которые не могут исполнять свои обязательства, за счет денег налогоплательщиков¹⁷. При этом, согласно результатам исследования, проведенного Корейским институтом здравоохранения и социальных проблем, в котором приняли участие 5 тыс. 732 семьи, 61,8 % южнокорейских домохозяйств считают свой доход ниже среднего уровня. Средний уровень капитала домохозяйств составил порядка 40 300 долл., а средний объем долга — примерно 37 400 долл.¹⁸ Фактически после выплат кредитов семье не на что жить, да еще ухудшает ситуацию рост цен в стране, в том числе на продовольственные товары. В 2012 г. в РК было зафиксировано значительное увеличение цен на продовольствие, которые в мае выросли на 6,4 % по сравнению с предыдущим годом. Страна занимает 3-е место по продовольственной инфляции среди стран — членов ОЭСР¹⁹.

Одновременно увеличивается поляризация общества: богатые живут все лучше, а бедные все хуже. По данным Корейской службы статистики, число так называемых работающих бедных, зарабатывающих менее 1 млн вон в месяц, и высокооплачиваемых работни-

ков с доходом более 5 млн вон в месяц быстро растет. В 2012 г. 2 млн 640 тыс. человек зарабатывали менее 1 млн вон в месяц, что на 6,8 % превышает показатели предыдущего года, а число работников с высоким уровнем заработной платы также увеличилось на 14,7 % до 1,03 млн человек, впервые преодолев миллионную отметку. То есть мы наблюдаем четкую поляризацию, когда число работников на обоих полюсах шкалы постоянно возрастает²⁰.

Нарастающие проблемы в южнокорейском обществе влекут за собой рост количества самоубийств, причем по их числу РК занимает 1-е место среди стран ОЭСР с показателем 33,5 на каждые 100 тыс. населения. Лидером этого рейтинга страна остается уже восемь лет подряд. В качестве причин, подталкивающих к самоубийству, подростки называют давление, связанное с оценками и поступлением в университет, люди в возрасте 20—60 лет — финансовые проблемы, старше 60 лет — болезни. Мужчины более подвержены суициду, чем женщины: среди них уровень самоубийств составляет 41,4 на 100 тыс. У женщин этот показатель почти вдвое меньше (21)²¹. Стресс также оказывает свое негативное влияние. Опрос, проведенный среди 37 тыс. граждан в 2012 г., показал, что 69,6 % респондентов страдают от стресса. Согласно их ответам, наивысший стресс они получают на работе (74,1 %) и в школе (55,9 %). 9,1 % заявили, что они думали о самоубийстве по крайней мере 1 раз за текущий год.

12 марта 2013 г. Министерство здравоохранения и социального обеспечения РК разместило на своем официальном сайте программу по предотвращению суицидов под названием «Смотри, слушай и говори»²². Программа в первую очередь рассчитана на персонал, который ухаживает за престарелыми. В настоящий момент таких специалистов насчитывается 6900 человек, на каждого из них приходится 25 стариков. Также в сотрудничестве с Министерством по образованию, науке и технологиям программа по предотвращению суицидов будет включена в подготовительную программу для учителей начальных, средних и высших учебных заведений.

В итоге можно отметить, что на современном этапе развития РК сталкивается с весьма серьезными вызовами ее социально-экономической модели, обусловленными как нарастающими внешними

причинами (рост глобальной конкуренции), так и внутренними (низкий потребительский спрос, монополизация производства и экспорта, рост социального расслоения). Новому правительству выпала нелегкая задача в поиске решения этих проблем.

Примечания

¹ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=31151&id=Ec

² Лешаков П.С. Южнокорейская экономика в условиях глобального финансового кризиса. Доклад на 13-й конференции корееведов России и стран СНГ. ИДВ РАН, Москва, 2009 г.

³ URL: <http://english.president.go.kr/government/goals/goals.php>

⁴ URL: http://world.kbs.kr/news_print.htm

⁵ KBS WORLD. 14.01.2013.

⁶ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) образована 8 августа 1967 г. в Бангкоке. Первоначально в нее вошли Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Позднее присоединились Бруней-Даруссалам (1984 г.), Вьетнам (1995 г.), Лаос и Мьянма (1997 г.), Камбоджа (1999 г.). Статус наблюдателя имеют Папуа-Новая Гвинея и Восточный Тимор.

⁷ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?lang=r&id=Ec&No=30034¤t_page=1

⁸ Kim Kyung-Hoon, Potential of ASEAN economy revisited. P. 10. //SERI, Feb. 18, 2013.

⁹ Сулина С.С., Самсонова В.Г. Южная Корея и формирование новой архитектуры политико-экономических связей в АТР // Вестник МГУ. М., 2012. № 3. С. 96—113.

¹⁰ Ministry of Knowledge Economy. Trade figures for February 2013. 04.03.13. URL: <http://www.mke.go.kr/language/eng/index.jsp>

¹¹ URL: <http://www.ruskorinfo.ru/articles/economy/7493/>

¹² Comparison of scientific and technological competitive edge between Korea and China. P. 10. Hyundai Research Institute.

¹³ Самсонова В.Г. Трансформация образа жизни и потребительских предпочтений южнокорейских граждан в условиях меняющегося мира. Доклад на 16-й конференции корееведов России и стран СНГ. ИДВ РАН, Москва, 29—30 марта 2012 г.

¹⁴ URL: <http://www.koreatimes.co.kr/www/common/printpreview.asp?categoryCode=330&newsIdx=131393>

¹⁵ URL: <http://news.mk.co.kr/english/>

¹⁶ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?lang=r&id=Ec&No=31269¤t_page=2

¹⁷ URL: <http://www.ruskorinfo.ru/articles/economy/7725/>

¹⁸ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=31337&id=Dm

¹⁹ URL: <http://www.ruskorinfo.ru/data/society/5313/>

²⁰ URL: <http://www.k-window.com/society/polyarizatsiya-dohodov-prodolzhaet-rasti/>

²¹ URL: <http://www.ruskorinfo.ru/articles/incidents/7529/>

²² URL: http://english.mw.go.kr/front_eng/al/sal0101vw.jsp?PAR_MENU_ID=1002&MENU_ID=100201&page=1&CONT_SEQ=282966

А.Ф. Синякова*

НЕКОТОРЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ, ЯПОНИИ И КИТАЕ

Согласно прогнозам ООН, суммарная численность населения РК, Китая и Японии в период с 2010 по 2100 г. сократится с 1,5 млрд до 1,1 млрд человек, в то время как население мира за указанный период возрастет с 7 до 10,1 млрд человек¹. Снижению численности населения в азиатских странах будет сопутствовать увеличение доли пожилых людей, что, с одной стороны, неизбежно приведет к таким социально-экономическим явлениям, как хроническая нехватка трудоспособного населения и увеличение различных расходов на социальные выплаты, а с другой — сформирует новую крупную целевую группу для бизнеса. Поскольку указанная тенденция наблюдается во всех перечисленных странах, интересно посмотреть их в сравнении.

Суммарный ВВП Республики Корея, Китая и Японии составляет 12 трлн долл., т. е. 19,6 % от мирового ВВП². Таким образом, эти страны представляют собой третий после НАФТА и ЕС экономиче-

* Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского, монгольского языков МГИМО (У) МИД России. E-mail: annasinyakova@yandex.ru

ский блок в мире. Старение населения в азиатских странах приведет к изменениям не только на национальном уровне — в частности к снижению производительности и увеличению пенсионных расходов, — но и на международном уровне — к замедлению темпов роста глобальной экономики.

Таблица 1. Население РК, Китая, Японии (2010 г.)

Численность, млн человек	Республика Корея	Китай	Япония	РК, Китай, Япония (А)	Мир (В)	А/В (%)
Население	48	1341	127	1516	6896	22,0
Население старше 65 лет	5	110	29	144	52,4	27,5

Источник: UN (2011) World Population Prospects: 2010 Revision. URL: www.esa.un.org/wpp

Суммарная численность населения трех азиатских стран в 2010 г. превысила 1,5 млрд человек, что составляет 22 % населения мира (табл. 1). Из них более 140 млн относятся к возрастной группе старше 65 лет. В течение ближайших десятилетий, к 2065 г., доля таких жителей возрастет с 8,2 до 30,2 % в Китае, с 11,1 до 34 % в РК и с 22,7 до 35,6 % — в Японии³. Соответственно суммарная доля пожилых людей в этих странах достигнет 29,3 % в 2035 г. и 25,6 % к 2050 г. Трое из десяти пожилых людей мира будут проживать к 2035 г. в Восточной Азии, что окажет значительное влияние на экономическую ситуацию.

Причина неуклонного увеличения доли пожилых людей в общей численности населения азиатских стран заключается в низком уровне рождаемости при увеличении продолжительности жизни. РК начала проводить демографическую политику с конца 1960-х годов последовательными кампаниями за троих детей в семье, двоих, одного ребенка. К 1983 г. коэффициент воспроизводства сократился с 4,5 до 2,1, и с 1996 г. в РК началась кампания по стимулированию рождаемости, однако, несмотря на предпринимаемые меры, коэффициент рождаемости остается наименьшим среди стран ОЭСР — 1,22⁴. Контроль над рождаемостью сохраняется по-прежнему в Китае, в Япо-

нии с середины 1990-х годов предпринимаются меры по стимулированию рождаемости, однако ее уровень остается крайне низким, не превышая 1,27 человека в 2010 г.

Таблица 2. Уровень рождаемости и средняя продолжительность жизни

	Уровень рождаемости			Средняя продолжительность жизни, кол-во лет		
	1970 г.	2010 г.	Изменение, %	1970 г.	2010 г.	Изменение, %
Мир	4,78	2,56	-46,4	56,1	67,6	20,5
Республика Корея	4,71	1,22	-74,1	57,6	79,4	37,8
Китай	5,94	1,77	-70,2	59,6	73,0	22,5
Япония	2,02	1,27	-37,1	71,3	82,7	16,0

Источник: Statistics Korea (2011). URL: www.kostat.go.kr, International Statistics.

В отличие от снижающегося уровня рождаемости, средняя продолжительность жизни неуклонно возрастала (табл. 2). За период с 1970 по 2010 г. она выросла на 38 % в Корее, на 23 % в Китае, превысив среднемировые показатели, и на 16 % в Японии.

Еще одной особенностью стали темпы старения населения: за 18 лет доля людей старше 65 лет в РК выросла с 7 до 18 %. Аналогичный процесс в Японии занял 24 года, в Китае — 25 лет, в Швеции — 85 лет, 115 лет во Франции, 73 года — в США⁵. Столь высокие темпы старения населения не дали возможности ни одной из азиатских стран подготовиться к изменившейся структуре общества, и проблема может усугубляться, если соответствующие меры не будут приняты в самое ближайшее время.

Географическая близость, а также идеи конфуцианства, в частности понятие «сыновьего долга», которые имеют глубокие корни в азиатском обществе, повлияли на то, что старение считается скорее проблемой семьи, нежели проблемой общества. Соответственно забота о пожилых также является обязанностью семьи, а не обязанностью общества.

Хотя модернизация несколько размыла рамки традиционных отношений, по-прежнему сильными остаются внутрисемейные обязательства. В РК ежегодно награждают и поощряют людей, которые демонстрируют пример особого почтения и заботы о родителях, крайне редкими являются случаи проживания родителей, у которых есть дети, в домах престарелых, одновременно совместное проживание с пожилыми родителями по-прежнему очень приветствуется культурой. В Китае в то же время существует статья Уголовного кодекса, согласно которой человек, не способный поддерживать немощных родителей, может быть приговорен к пяти годам лишения свободы⁶. Вместе с тем очевидна тенденция смещения бремени заботы о стареющем населении на правительство и общество в целом.

При значительном сходстве ситуации старения населения в РК, Японии и Китае экономические условия в трех странах, в то время когда численность граждан старше 65 лет начинает превышать 8 % населения, т. е. страна входит в число стран со стареющим населением, заметно разнятся. В частности, Япония стала первой в мире страной пожилого населения еще в 1994 г., когда доля жителей старше 65 лет превысила 14 %. РК и Китай остаются пока стареющими нациями с долей возрастных граждан в 11,1 % и 8,2 % соответственно. Неизбежное постепенное старение населения превратит РК в пожилую нацию в 2018 г. и в состарившуюся — в 2026 г., в Китае данные процессы будут несколько отложены: 2026 г. и 2036 г. соответственно.

Когда доля граждан старше 65 лет превысила 8 % населения страны, т. е. она вошла в категорию стареющего населения, ВВП на душу населения составлял 6382 долл. в Китае, 17 480 — в Японии и 21 071 — в Республике Корея (диаграмма 1).

Столь разный уровень ВВП на душу населения в условиях стареющей нации формирует для каждой страны отличающиеся от других стран условия и финансовые ресурсы для преодоления демографической проблемы. Большой уровень ВВП на душу населения в Корее по сравнению с Китаем и Японией несколько смягчает проблему. В то же время в Китае возникает феномен опасения «состариться раньше, чем разбогатеть»⁷.

Старение населения в любой стране влечет за собой неизбежные риски. В первую очередь, оно создает дополнительную нагрузку для

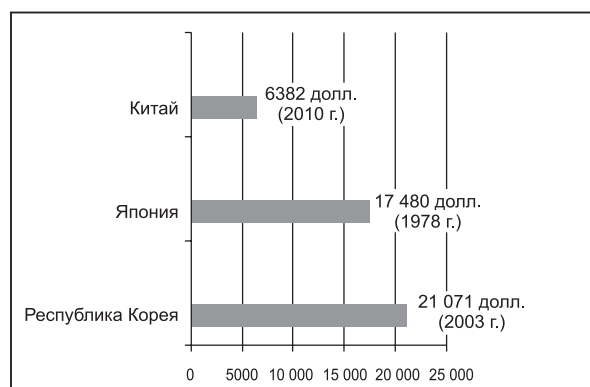

Диаграмма 1. ВВП на душу населения в РК, Японии, Китае в год, когда численность граждан старше 65 лет превысила 8 % населения (по ППС в постоянных ценах 2005 г.).

Источник: UN (2011). URL: www.esa.un.org/wpp, World Bank (2009), CSIS(2010)

работающего населения. Сокращение числа экономически активного трудоспособного населения, которое платит налоги и экономически поддерживает нетрудоспособных граждан, приведет к неравенству поколений. Отношение числа трудоспособных граждан к нетрудоспособным будет неуклонно сокращаться из-за уменьшения числа молодых и увеличения числа пожилых людей. В 2010 г. 10 экономически активных граждан содержали 3,5 пожилых жителей в Японии, 1,5 — в РК и 1,1 — в Китае. Согласно прогнозам, эти цифры в 2055 г. возрастут до 7 в Японии, 6 — в РК и 5 — в Китае⁸.

Высокий уровень нагрузки на трудоспособное население приведет к сокращению сбережений и увеличению потребления. Старение населения приведет к снижению темпов экономического роста за счет сокращения числа экономически активного населения в возрасте от 15 до 64 лет. РК и Китай окажутся в этой ситуации уже в 2015 г. Япония уже испытывает последствия замедления темпов экономического роста с 2000-х годов. Снижение темпов экономического роста, связанное со старением населения, РК ощутит в 2020 г., когда темп прироста сократится с 4,1 до 2,8 %, к 2030 г. он снизится до 1,7 %⁹.

Постоянный рост доли пожилого населения в общей численности населения страны будет создавать дополнительную нагрузку на бюджет в связи с увеличением различных социальных отчислений (табл. 3).

Таблица 3. Государственные отчисления, связанные со старением населения, % к ВВП

	2010 г.				2050 г.			
	В целом	Пенсии	Медицинские отчисления	Пособия по безработице	В целом	Пенсии	Медицинские отчисления	Пособия по безработице
РК	5,8	0,6	4,0	0,5	17,2	4,4	9,2	0,5
Япония	18,8	10,3	6,9	0,5	26,7	11,0	12,8	0,5
Китай	4,4	2,2	2,2	н/д	7,0	2,6	4,4	н/д

Источник: Standard & Poor's (October, 7. 2010). Global Aging 2010: An Irreversible Truth.

Согласно прогнозу S&P, бюджетные отчисления в РК возрастут на 11,6 % до 17,2 % ВВП в течение следующих 40 лет. Увеличение нагрузки на бюджет в связи со старением населения в РК будет расти опережающими темпами по сравнению с Японией и Китаем, где рост к 2050 г. будет с 18,8 % ВВП до 26,7 % и с 4,4 % ВВП до 7 % соответственно.

Несмотря на неизбежные риски, с которыми столкнутся экономики азиатских стран в ближайшее время, нельзя не отметить, что старение населения также создаст новые возможности. В первую очередь, появятся новые производства товаров и услуг, ориентированные на пожилых людей, имеющих сбережения. Ослабление традиционных азиатских семейных ценностей приводит к необходимости сформировать возможности для улучшения качества жизни пожилых людей, удовлетворения их потребностей в социальной, культурной, экономической сферах. Люди старшего возраста, имея достаточное количество сбережений, представляют собой большую и платежеспособную группу потребителей, которая будет оказывать все большее влияние на структуру производства и структуру спроса, в особенности в ситуации, когда сокращается платежеспособный

спрос среди молодого населения. В 2010 г. число людей старше 65 лет в РК, Китае и Японии составило суммарно 144 млн человек, они лучше образованы по сравнению с предыдущим поколением и достаточно состоятельны за счет финансовых накоплений, собственности и участия в различных пенсионных фондах. Потенциал их потребления велик.

Среди поколения корейцев, рожденных в период «бэби-бума» с 1955 по 1963 г., выпускников школ больше на 42,4 %, а выпускников колледжей — на 18,2 %, чем среди предыдущего поколения, тех, чей возраст превышает сейчас 60 лет¹⁰. Финансовые активы поколения «бэби-бума» в 1,5 раза превышают активы предыдущего поколения¹¹.

Сходная ситуация сложилась в Японии, где поколение «бэби-бума» 1947—1949 гг., обладая финансовыми активами, является важной частью рынка национальных потребителей. В Китае платежеспособный спрос пожилого населения также неуклонно растет, ежегодный располагаемый доход в 2010 г. составлял, по разным оценкам, от 300 до 400 млрд юаней, к 2040 г. он достигнет 5 трлн юаней¹².

Наблюдаемые демографические изменения вызывают необходимость создания товаров и услуг, ориентированных на пожилых потребителей. И если в РК подобный процесс стимулирует государство, то в Китае его инициируют сами потребители, в особенности принадлежащие к наиболее высоким слоям общества; в Японии, где процесс старения населения уже продолжается сравнительно долгое время, индустрия, нацеленная на пожилых, уже сформировалась.

Южнокорейское правительство приняло стратегию развития индустрии, ориентированной на пожилых людей, в 2005 г. и соответствующий законодательный акт в 2006 г. Их задачей является стандартизация товаров и услуг и повышение их качества для обеспечения конкурентоспособности. Примером активно развивающегося бизнеса является сфера туризма, ориентированная на пожилых людей.

В Китае политика «одного ребенка в семье» привела к значительному ослаблению внутрисемейных связей, когда родители в большой семье могли быть уверены в том, что о них в старости позаботятся дети. В связи с этим в середине 2000-х годов был построен

дом престарелых в окрестностях Шанхая, и если в 2007 г. его населяло всего 20 семей, то в 2011 г. их число возросло до 500 семей (800 человек). В 2010 г. также недалеко от Шанхая немецкими инвесторами был построен дом престарелых гостиничного типа премиум-класса.

В Японии бизнес, ориентированный на пожилых людей, активно развивается. 20 % всех покупок в сфере косметической индустрии приходится на покупателей старше 60 лет. Также набирает обороты сфера здорового питания, инновационных товаров для дома для пожилых людей, пищевых добавок (растет ежегодно на 9—10 % с 1997 г.).

Финансовая сфера также претерпевает изменения в связи с демографическим фактором. Финансовые учреждения предлагают все новые и новые продукты, рассчитанные как на пожилых людей, располагающих средствами, так и на людей средней возрастной группы, которые хотят обеспечить собственную старость. Финансовые продукты включают различные программы пенсионных фондов, добровольного страхования, различные ренты. Правительство стимулирует создание частных пенсионных программ, в том числе с целью снижения бюджетной нагрузки. В РК в 2011 г. разработана Схема пенсий для фермеров¹³, также правительство стимулирует людей трудоспособного возраста инвестировать в частные пенсионные фонды, предлагая подоходные налоговые вычеты в размере 4 млн вон. В Японии подобная система была инициирована еще в 1960-е годы.

В заключение стоит отметить, что проблема старения населения не заключается лишь в росте числа пожилых людей в стране. Это комплексная социальная трансформация, которая включает в себя изменения в сфере производства, образования, образа жизни. Своевременная подготовка к подобным изменениям может превратить потенциальные риски в новые возможности для экономики, новые сферы для бизнеса. Правительство также должно принять участие в процессе создания гарантий для пожилых граждан, в особенности тех, чей доход является низким, одновременно поощряя бизнес, ориентированный на обеспеченных пожилых потребителей.

Старение населения уже является очевидным в РК, Японии и Китае, но поскольку оно несет в себе как опасности, так и новые

перспективы, каждая из стран может принять меры, которые позволят обернуть эту тенденцию в один из механизмов экономического роста.

Примечания

¹ UN (2011) World Population Prospects: 2010 Revision. URL: www.esa.un.org/wpp

² World Bank, The World Development Indicators (WDI) 2010. URL: www.data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators

³ UN (2011) World Population Prospects: 2010 Revision. URL: www.esa.un.org/wpp

⁴ OECD Society at a Glance 2011. URL: www.oecd.org/els/soc/societyataglance2011-oecd-social-indicators.htm

⁵ US Census Bureau (2011). URL: www.census.gov. National Institute of Population and Social Security Research (NIPSSR). URL: www.ipss.go.jp/index-e.asp. UN (2011) World Population Prospects: 2010 Revision. URL: www.esa.un.org/wpp

⁶ Ст. 183 УК.

⁷ Weifuxianlao — кит. Букв. перевод «состариться раньше, чем разбогатеть».

⁸ Kim, Jeung-Kun. Asia Advances into Its Silver Years. URL: www.seri-quarterly.com

⁹ Korea Development Institute (2010). Future Vision 2040 — Future Changes in Socioeconomic Structures and National Development Strategy. URL: www.kdi.re.kr/kdi_eng/main/main/jsp

¹⁰ Korea Institute for Health and Social Affairs (KIHASA). 2010 Survey on Baby boomers' Life and Their Desire for Welfare. URL: www.kihasa.re.kr/html/jsp/english/main.jsp

¹¹ Woo, Seok-Jin, Lee, Yoon-Su (2011). Korean Baby Boomers' Subjective Expectation and Asset Accumulation, Monthly Labor Review, February Issue. P. 10—12.

¹² Kim, Myung-Shin (2010). «KOTRA's 2010 China Keywords». KOTRA Kochi.

¹³ Farmland Pension Scheme. URL: <http://www.nps.or.kr/jsp/page/main.jsp>

CONTENT

Foreword	8
Chapter 1. Korean Peninsula: Sources of Tension	
<i>Matsegora A.I.</i> The Korean Peninsula in Russia's Policy	12
<i>Zhebin A.Z.</i> On Some Aspects of Russia's Policy toward the Korean Peninsula	18
<i>Vorontsov A.V.</i> Korean Peninsula in 2013: Traditional Concerns and New Hopes	31
<i>Kim E.U.</i> Split of Korea: Lessons and Perspectives	39
<i>Asmolov K.V.</i> Korean War as Continued Accumulation of Managerial Errors	51
Chapter 2. The DPRK Today: Reforms and Missiles	
<i>Kiriyarov O.V.</i> The First Year of Kim Jong Un's Rule in the DPRK: The Start of Reforms?	63
<i>Evseev V.V.</i> Status and Prospects of the North Korean Missile Program	75

<i>Verkhoturov D.N.</i> DPRK's Successful Launch of Carrier Rocket as a Factor of Political Situation on the Korean Peninsula	84
---	----

Chapter 3. Japan and her Neighbors: Contradictions Remain

<i>Lobov R.N.</i> Seoul's Foreign Policy toward Tokyo: Problems and Prospects	92
<i>Dyachkov I.V.</i> The Dokdo/Takeshima Dispute: Territorial Dimension of North-East Asian Nationalism	102
<i>Ivanov A.Y.</i> Japan's Territorial Claims to Russia and ROK: Comparative Analysis	112
<i>Grinyuk V.A.</i> The History of Formation of Korean Diaspora in Japan	121

Chapter 4. «Soft Power» and Formation of Korean States' Images

<i>Egorov T.B.</i> «Soft power» in the Context of the South Korea's Cultural Expansion	133
<i>Lachina E.V.</i> South Korean Taekwondo as Prototype and Element of the «Korean wave»	140
<i>Khmelnitskaya K.L.</i> Major Trans and Tropes in Modern Korean Cinema	151
<i>Guryeva A.A.</i> Archaic 'System of Figure' and Corporate Culture in the Republic of Korea	162
<i>Ermolaeva E.M.</i> The Fifth Republic of South Korea: New Image Building (1981—1987)	171

<i>Baklanova M.A.</i> Construction of North Korea Image in South Korean Textbooks on Moral Education (1945—2008)	181
--	-----

Chapter 5. Eternal Actuality of the Past

<i>Dyakova O.V.</i> «The North-East Project»: Results and Prospects	192
<i>Akulenko V.S.</i> Influence of Archaeological Discoveries Made in 2012 in the ROK on the Understanding of the Ancient History of the Korean Peninsula and East Asia	199
<i>Kovalchuk Y.A.</i> Korea in Accounts by Catholic Missionaries of XVI—XVII Centuries	207
<i>Sharafetdinova A.I.</i> The Signing of the American-Korean Treaty in 1882: Lessons for Korea	221
<i>Pastukhov A.M.</i> The Circumstances of the Beginning of the Japanese and Chinese Intervention into Korea in Summer 1894	231

Chapter 6. XX Century History Heritage and Modernity

<i>Kurbanov S.O.</i> History of the Republic of Korea and the DPRK of the Beginning of 21 st Century: a Problem of Selection of Historical Events and Their Interpretation	242
<i>Ivanov K.V.</i> Reports of the Consulate General of the USSR in Seoul as a Source for the Study of the Colonial Period of Korea	253
<i>Sadakov D.A.</i> Soviet Administration in Korea and American Diplomacy (1945—1948): Perception and Interaction Issues	264

Kurakov A.D.
The History of Jeju Uprising (1948—1950) 276

Kurmyzov A.A.
South Korean? U. S. Relations in 1970s: Problems
and Contradictions 286

Chapter 7. Eternal Values

Lee San Youn
The New Trends in Modern Korean Literature (1990—2010) 297

Pogadaeva A.V.
Problems of Modern Society in Literature of Korean
Writer Pyon Hyeyong 305

Chesnokova N.A.
«Description of the Selected Villages» in the Perception
of the Modern Koreans 312

Nee N.I.
Revival of Traditions in the Globalization Era (about *sijo* genre
in the second half of the XX Century) 323

Chapter 8. On Some Prospects for the DPRK and the ROK's External Economic Ties

Suslina S.S.
On Economic Complementarity of North and South Korea
and the Prospects of their Mutual Integration 331

Zakharova L.V.
On the Conditions and Opportunities for Foreign Investment
in North Korea 345

Kukla M.P.
Economic Relations Between Republic of Korea
and Russian Far East 358

Tsareva S.V.
On Some Aspects of Trade and Economic Cooperation
Between Russia and the Republic of Korea:
A View from the Business Side 369

Chapter 9. Some Issues of Social and Economic Development of the Korean Peninsula/s States

Gordienko D.V.
Impact of the Global Financial Crisis on the Economic
Security of South Korea 381

Samsonova V.G.
The Socio-economic Situation in the ROK at the Present Stage:
New Challenges and Perspectives 405

Sinyakova A.F.
Economic Challenges of Population Aging in the Republic
of Korea, Japan and China 416

Abstracts 430

ABSTRACTS

CHAPTER 1

Korean Peninsula: Sources of Tension

Matsegora A.I.

The Korean Peninsula in Russia's Policy

After the North Korean missile launch and a third nuclear test, the situation on the Korean peninsula is seriously aggravated. From Pyongyang and Seoul ever more threatening statements have come out and on both sides of the DMZ military exercises are held almost incessantly. The United States are building up their weapons in the region, strengthening military alliances with the ROK and Japan. The current situation directly affects the interests of Russia. Our partners in the six-party talks have now clearly shortage of ideas and can not offer acceptable ways out of the impasse in which the process of a Korean settlement has been brought. This circumstance explains the fact that Russia, which is not indifferent to everything that happens at its Far Eastern borders, recently stepped up significantly its efforts to resuscitate the six-party process. We remain confident that this format is the best to resolve the Korean problem, and intend to continue to defend and promote it.

We are confident that the current downturn in our relations with the DPRK is temporary. We have considerable opportunities for enhanced cooperation, especially since it has a strong backlog and is based on strong traditions of long-term partnership. We pin serious hopes, in particular, on the implementation of the trilateral (Russia-DPRK-ROK) economic projects, which are not only able to bring their members serious financial dividends, but also help to reduce tension in the region and to create an atmosphere of trust and

mutual interests. Our contacts with Seoul have high intensity and scale — republic of Korea keeps the third place in the list of our Asian trading partners, we have a unique program of cooperation in the spheres of culture, education and sports. We value our relationships with South Korea and are interested in their further development

Zhebin A.Z.

On Some Aspects of Russia's Policy toward the Korean Peninsula

Great attention given by the Russian government and President Vladimir Putin to the successful organization of the APEC summit in Vladivostok in September 2012 demonstrated that Russia has returned to the region seriously and forever and will actively participate in the unfolding integration process, viewing it as an important factor in the modernization of her economy. It is quite natural that Russia is interested in creating a favorable, peaceful environment for her long-term development, including on the Korean Peninsula and in Northeast Asia as a whole. Russia's policy in the region is characterized by the almost complete disappearance of the ideological factor and by a significant increase in applying of pragmatic approach when evaluating and addressing emerging issues on the peninsula. These approaches will remain important factor in the coming period of the implementation of the foreign policy of the Russian Federation, which aims to ensure the national interests of our country based on the principles of «pragmatism, openness and multi-vector» in the formation of a new polycentric international system. Now Moscow is developing relations of mutually beneficial cooperation with the both Korean states, thus striving to promote peace and stability on the Korean Peninsula and in Northeast Asia as a whole. In this paper, the author offers his vision of the situation in Northeast Asia, the state and prospects of development of relations between Russia and two Korean states in the context of the leadership's change which took place in 2012 in the DPRK and the ROK, as well as in four of the major powers with interests in the Korean peninsula.

Vorontsov A.V.

Korean Peninsula in 2013: Traditional Concerns and New Hopes

The Korean peninsula situation remains to be unstable and freeze between a recurrent crisis and negotiation. Undoubtedly the period of six-party talks longest hiatus (April 2009 — present time) was marked by the full scale crisis including the hostility outburst between North and South Korea. The death of

Kim Jong Il in December 2011 and his youngest son Kim Jong Un accession to the state leadership confirmed the DPRK internal stability and foreign policy continuation. The ROK new president appearance gave some modest hopes for the inter-Korean relations improvement. It looks as if the situation is beginning to move towards a new phase of talk first of all between Washington and Pyongyang. Nevertheless the negotiation process is definitely better than confrontation.

Kim E.U.

Split of Korea: Lessons and Perspectives

2013 is year of the 65th anniversary of the political-legal, 60th anniversary of the socio-economic, cultural and civilizational divide Korea. The liberation of Korea from Japanese colonial rule effected by external forces in 1945. After independence, began a process of political division. Political split subsequently led to the creation in 1948 of the two Koreas and states split. Political and state split eventually led to civil war, which thanks to the intervention of external forces has been internationalized and acquired the character of an international conflict. The war ended in a truce in July 1953, drew a line under an international conflict, but not to the disappearance of the causes of the Civil War.

The war finally consolidate the ideological, political and state splitting the nation and led to the top of the socio-economic, cultural, spiritual and civilizational divide that over the years, leaving fewer opportunities for overcoming the division of state and for the integration. Perhaps the Korean nation has passed the point of no return on the road to final split as a nation.

In the early stages split of Korea could talk about the strong influence of external forces on the split in Korea. Now, do not ignore the strong influence of external forces, it is necessary to emphasize the decisive influence themselves Koreans, the political parties of the two countries and their leaders on the state of and prospects for inter-Korean relations.

It is necessary not only to understand that the confrontation can only lead to war in the end, but to be able to implement the idea of normalization of inter-Korean relations, not to attempt to pressure or test the strength of their mode of historical neighbors. The coming to power of the new leaders in the ROK and the DPRK can provide a historic opportunity to find a measure of trust and cooperation.

Asmolov K.V.

Korean War as Continued Accumulation of Managemental Errors

Concerning the current situation on the Korean peninsula as dangerous combination of mutual underestimation, cognitive biases and ideological pressure, author walks into history and brings the Korean war as an example of political mismanagement, where bad decisions taken on the basis of false assumptions, shore, personal ambition, political expediency or the principle of the lesser evil.

First, Moscow approved the concept of blitzkrieg based on wrong data: Pak Hong Yong at least miscalculated the power of leftist movement and chances of successful mass uprising all over the country. At the same time, a very reasonable-looking decision that US will leave alone the corrupt and troublesome regime was made. Both turned to be wrong, although America intervened much faster, and stronger than it could be assumed. However, this decision has also been forced to: Lee's regime turned into a «briefcase without handle», which is very hard to bear, but it cannot be discarded, not to mention internal pressure from the Asian Lobby as well as misperceptions on Moscow's goals in general.

On the second stage of the war UN command was captured by ambition and desire of symbolic victory, that almost stepped on the same shovel. Although the prediction of China entering the war was easy, MacArthur & Co blatantly ignored any signs of Chinese activities and information, which does not fit in their concept of reality. Meanwhile, Mao was driven by generally the same logic as US in time of their own involvement- protection of strategic interests & understanding that foes may not stop on the border. Lastly, when on both sides pragmatic position has prevailed over the warhawks, Truman's initiative, aimed at saving the lives of prisoners, prolonged the war over more than a year.

CHAPTER 2

The DPRK Today: Reforms and Missiles

Kiriyarov O.V.

The First Year of Kim Jong Un's Rule in the DPRK: The Start of Reforms?

The death of Kim Jong Il at the end of December, 2011 and the rise of his young and quite inexperienced in political affairs son Kim Jong Un to the po-

sition of the DPRK leader caused serious worries among experts about the future of North Korea and possible period of turmoil and even political chaos in the country. However young Kim managed quickly establish his position as the most powerful and influential actor on the DPRK political scene. His position now looks very stable and unchallenged.

Keeping the basic course of the state development similar to the way his father had pursued Kim Jong Un at the same time initiated some changes in the political, economic and social fields of life of North Korea. These new moments led to the debates between experts about possible interpretations of changes. The views vary from the belief that DPRK has already started profound reforms to the opinion denying this possibility and interpreting all new moments as «cosmetic changes» in the same old system.

The article gives a brief observation and analysis of new moments appeared in North Korea after Kim Jong Un's rise to power. At the same time the author argues that given more or less reliable information we have until now about the situation inside the DPRK it is too early to state that serious reforms in DPRK have already started.

Evseev V.V.

Status and Prospects of the North Korean Missile Program

The report analyzes the dynamics of the North Korean missile program, and shows the current status in view of the new data, which was obtained after the carrier rocket «Ynha-3» launch in December 2012. North Korea has achieved considerable progress in the development of missile technology that could allow it to create a future ballistic missile with a range of up to 6000 km with a 600-kilogram warhead.

It is noted that two new types of single-stage mobile missile were shown during the military parade in Pyongyang in October 11, 2010, which were called «Nodong-2010» and «Musudan» in the West. It is expected that, submarine ballistic missile P-27 technology was used in the development of «Musudan», which was in service with the Navy of the Soviet Union in 1970—1980's.

The programs of the creation of two-stage liquid missiles «Taepodong-1» and «Taepodong-2» by North Korea were considered in the report. It was revealed that the first program had more demonstrative (flashy) character because the second stage of a ballistic missile «Taepodong-1» was not well suited for the delivery of nuclear weapons, and its maximum range did not exceed

2000 km. Apparently the program «Taepodong-2» continues to be implemented, but it is disguised firstly as «Ynha-2», and then «Ynha-3» launches.

During the studies it has been established that the North Korean missile program on the creation of two-and three-stage ballistic missiles «Taepodong-2» is no longer a myth. However, the missile threat from North Korea should not be exaggerated. In the absence of sufficient funding and backwardness of material and technical basis it is rather difficult to complete such work. In addition the UN Security Council resolution 2087 has not only introduced economic sanctions against North Korea, but also required the restoration of a moratorium on ballistic missile launches. It will hinder Pyongyang to conduct flight and construction tests of the developed missiles.

Verkhoturov D.N.

DPRK's Successful Launch of Carrier Rocket as a Factor of Political Situation on the Korean Peninsula

DPRK successfully launched the launch vehicle «Unha-3» with the satellite «Kwangmyongsong-3» Unit 2 December 12, 2012. The U.S. Space Command confirmed the North Korea's satellite launch.

The satellite launch is indicating the significant progress of the DPRK's rocket technologies. The new launch pad, command centre were equipped and also several technical problems of the rocket stages have been solved. The propellant (kerosene) and the oxidant (nitric acid), which have been used in launch vehicle «Unha-3», allow the creation of rockets, which can be stored with fueled tanks and ordered to the alert. The assembly technology of «Unha-3» is still low level and the imported components have been used.

The launch of 'Unha-3« can be recognized as a military for several reasons. Firstly, the solving the problems of rocket stages separating during the flight. Secondly, the launch of the observation satellite. Thirdly, the changing of the propellant and oxidant (from kerosene and nitric acid to aeroxine and nitrogen tetroxide) and producing these components inland. Fourthly, the building of infrastructure for the ballistic missiles equipment.

DPRK has significantly aheaded ROK in the development of the rocket technology and this country owns the launch vehicle, which can be used for civilian and military purposes and also can be developed. DPRK has solved the technical problems of the multistage rocket producing and the North Korea's multistage rockets are delivery system of full value. DPRK can also produce the ballistic missiles completely from the domestic components.

CHAPTER 3

Japan and her Neighbors: Contradictions Remain

Lobov R.N.

Seoul's Foreign Policy toward Tokyo: Problems and Prospects

In this paper we consider actual problems of Japan-Korea relations in the context of political process in East Asia. Lee Myung-bak's foreign policy toward Tokyo characterized by attempts to re-establish the political dialogue of Seoul and Tokyo, solve a problems of bilateral political relations. However, all efforts that seek to create a confidential and partner relations was questioned by political crisis after the Lee Myung-bak's visit to disputed islands Dokdo in August-September of 2012. Special attention deserves consideration of Japan-Korea relations prospects in the years of the new-elected ROK President Pak Keung-hye. Problems and prospects of the political dialogue between Republic of Korea and Japan we consider for the following orientations: political dialogue between ROK and Japan in brief, cooperation about disputable issue of perception the historical background, cooperation about Japan and Korea's territorial dispute, North-Korean issue (in the context of DPRK's nuclear-missile programme, DPRK's political regime stability problem and Chinese factor in DPRK).

Dyachkov I.V.

The Dokdo/Takeshima Dispute: Territorial Dimension of North-East Asian Nationalism

Analysis of the Dokdo/Takeshima dispute shows that the conflict is a reflection and a consequence of the region's ruling elites' habit of using nationalistic sentiments to achieve their short-term domestic policy goals. This paper is an attempt to use the example of the Dokdo/Takeshima dispute to analyze the territorial dimension of the region's nationalism. The author identifies various factors that are bringing nationalism to the fore in the regional political discourse (mobilizing power of nationalism; the region's complicated history; socio-cultural similarities between the region's states; long-suffered territorial disputes), warns of the possible dangers of using this dubious international policy tool in North East Asia and makes some short- and long-term predictions concerning the Dokdo/Takeshima dispute. Thorough analysis shows that seemingly stable territorial conflicts are in fact growing increasingly complex and evolving from a discourse issue to a real one, while the region's security structure might turn out

to be ill-suited for such changes. Nevertheless, since the short-term impact of the Dokdo/Takeshima dispute and similar problems on regional security is negligible, local political elites toying with dangerous nationalistic emotions are prompted to take more risks in the dispute's next round. On the other hand, we should not forget that should a nationalism-fueled conflict break out, its consequences for North East Asia and the world might be appalling.

Ivanov A.Y.

Japan's Territorial Claims to Russia and ROK: Comparative Analysis

Northeast Asia is a region of the world where the most pronounced territorial and aquatorian disputes between neighboring countries. The main countries involved in disputes in the region are the South Korea, North Korea, Japan, China and Russia. Territorial disputes in Northeast Asia are closely related to the modern and contemporary history, when released in the Far East, Russia was trying actively to establish cross-border relations with neighboring states. In 1905, Japan, using its sharp increase in military and political authority in East Asia, has decided to legitimize their right to Dokdo, and the official statement of Shimane Prefecture, the Japanese government cabinet meeting on January 28, 1905 annexed Dokdo to the prefecture of Iki. Later, as a result of Russia's defeat in the war with Japan, and according to the Treaty of Portsmouth, in August 1905, the Russian government was forced to abandon the southern part of Sakhalin Island and the Kuril Islands in favor of Japan. Soviet Union's victory over the imperialist Japan and Korea's liberation from Japanese colonial restored «territorial status-quo» in Northeast Asia. With the end of the «cold war» and the weakening of the Soviet Union on the world stage, activates the desire of North East Asia to express their own national interests at the expense of the expression of territorial claims against neighboring states. Japan's territorial claims on Russia and South Korea are a shining example of international relations in Northeast Asia. Japan's territorial claims in the North-East Asia continue to be the source of instability in the Russian-Japanese and South Korean-Japanese relations, Japan-related claims on the small rock in the Sea of Japan, called Dokdo (Takeshima) and four Kuril Islands.

Grinyuk V.A.

The History of Formation of Korean Diaspora in Japan

The formation of Korean diaspora in Japan was a result of colonial expansion of Japan to Korea. In 1910- 1930 years the most of Korean immigrants to

Japan were Korean peasants, who lost their land as a result of the policy of the colonial administration. From the middle 1930th to 1945 the authorities of Japan under the conditions of aggression against China and the Pacific War, executed in Korea mobilizations of natives for forced work in Japan, South Sakhalin and other regions. Those Koreans, who arrived in Japan in search of work as well as mobilized people, were exposed there to economic exploitation, to the national discrimination, were forced to give up their native language, national habits, Korean names. After strong disastrous earthquake in Kanto region on the 1st of September 1923 about 6000 Koreans were murdered under the false pretext that they had conducted arson and sabotage. During the Pacific War Koreans, including those living in Japan, were recruited as volunteers and in 1944–1945 conscripted to army, navy and air-force of Japan and died in struggles. In the post-war Japan the descendants of the immigrants from Korea had to conduct long and persistent struggle for their civil rights and human dignity. They have got an abolition of the discrimination in the sphere of professional activity and are adequately represented today in jurisprudence, science, compulsory and university education, arts of Japan. But Koreans, residing in Japan, have not got the right to take part in parliament elections. The deliverance from a tuition in high schools, accepted in Japan, does not cover Korean children, studying at national high schools.

CHAPTER 4

«Soft Power» and Formation of Korean States' Images

Egorov T.B.

«Soft power» in the Context of the South Korea's Cultural Expansion.

The paper contains some suggestions concerning cultural policy of South Korea. Attention is confined to the Korean wave phenomenon. The author argues that cultural export has positive effect not only on the economy, but also on the South Korea's image.

Lachina E.V.

South Korean Taekwondo as Prototype and Element of the «Korean wave»

At the end of the XX century a massive cultural expansion of the East took place. It manifested itself in the widespread passion for Japanese literature, cinema, animation, pop-music, Chinese tea and health-improving systems,

Korean TV-series and pop-music and in each case it was preceded by a passion for martial arts — Japanese judo or karate, Chinese Wushu (or kung fu) and Korean Taekwondo. Here we trace the relationship between these phenomena through the example of Korea and regard Taekwondo as the prototype and an element of Hallyu.

When comparing these two phenomena a few key points should be kept in mind. First, the concept of the Hallyu is much more complicated than that of Taekwondo, so it would be wrong to compare them, but it seems quite reasonable to compare Taekwondo to other elements of Hallyu.

Second, if half a century ago Taekwondo was intended to assert the Republic of Korea on the international stage, now, when this task is completed, the South Korean government uses similar methods to create the image of a strong economy.

Third, now modern technologies are broadly used, which simplifies and speeds up the process of informing the target audience.

Cultural expansion of the RK started with Taekwondo, which in its evolution underwent 4 stages: origin, distribution, transformation into a brand and loss of identity. From this point of view it can be viewed as the prototype for Hallyu, which underwent the same first two stages and now, enriched with Taekwondo, is entering the third.

Khmelnitskaya K.L.

Major Trans and Tropes in Modern Korean Cinema

Modern cinema, especially mainstream genres (action, comedy, etc.), allow you to see the state of society and the common problems in it, and to some extent to highlight some specific features of the national psychology. Korean cinema is not an exception here, but in order to reinforce the empirical conclusions by statistics, we used quantitative methods of historical analysis. Using the material of more than 300 films, we try to determine the endemic of Korean cinema in terms of the prevalence of tropes (types of heroes, options of finals, problems, etc.).

The study allows to identify the main features of Korean cinema, such as an abnormally high percentage of «bad ends» (including the comedies), exaggerated attention to the themes of disease, weakness and suffering, the specific details of the relationship between a man and a state. These phenomena are explained by the author of such phenomena as «han» and «kosen» (Korean sorrow, suffering, etc.).

Guryeva A.A.

Archaic 'System of Figure' and Corporate Culture in the Republic of Korea

The issue of traditional origins of the contemporary corporate culture in the Republic of Korea has been studied in the works of some Russian scholars. This paper aims at dealing with this issue from a certain perspective, i.e. with its relation to the ancient *weltanschauung* system which was first described by Dr. Marianna I. Nikitina and determined by her as the 'system of figure'.

This system was discovered by M.I. Nikitina basing on the texts of the United Silla which was the period of state formation as well as formation of state ritual. As Nikitina has shown this system was universal for Korean society in general. It is still actual for contemporary society which is true also for the corporate culture in companies of the Republic of Korea.

In the paper an attempt is made to trace some of the features of South Korean corporate culture and management in relation with the 'system of figure'. Some of them differ from so-called 'Japanese model' which Korean management is often associated with in works on cross-cultural management and transnational corporations. A supposition will be made that such features as corporate responsibility and low individual stimulation or an engagement of a large number of different people into some general process (rotation) and other special traits may be traced to the 'system of figure'. Some other general features of Korean culture which are as well characteristic for corporate culture (for example, shared meals as a uniting factor and a ritual constituent) will be also analyzed.

Ermolaeva E.M.

The Fifth Republic of South Korea: New Image Building (1981—1987)

The 1980s in South Korea shows strengthening of authoritarian rule as well as changing in foreign policy and economic success. President Chun Doo Hwan was twice invited in USA, in 1981 and 1985. He made a state visit to Japan in 1984. President Chun's visit to Japan had special significance as the first official visit to the country made by a Korean head of state. Chun went on several foreign tours: to Europe, Africa, Asia, Canada; he made attempts to settle some disputes with North Korea. We may say about his firm intention to build new ROK image and present his country as economically strong and politically independent.

Baklanova M.A.

Construction of North Korea Image in South Korean Textbooks on Moral Education (1945—2008)

Education on Human Studies, and moral education as a part of it, was traditionally seen in South Korea as the very core of educational process and so it was strictly controlled by the state. And as soon as any political regime seek to be accepted as appropriate and generally supported by society South Korean authorities used curriculum on moral education for translating core ideological principles dominating at that time.

The last ones even prevailed during some periods of Korean history, and first of all it concerns North Korea and unification problem which was one of the main political issue for all South Korean political regimes. This paper illustrates how curriculum on moral education was used by South Korean authorities to form an image and stereotypes of the DPRK in South Korean society in way they needed since 1950-s to the present time.

CHAPTER 5

Eternal Actuality of the Past

Dyakova O.V.

«The North-East Project»: Results and Prospects

The article analyzes «The North-East project» that is directed on exposing archaeological monuments of Koguryo state in the north-east of China. The basic idea of the project is including Koguryo monuments in the List of World Cultural Inheritance of UNESCO. The history of the northern states — Koguryo (37 B.C. — 668 A.D.), Pohai (698—926 A.D.) for China was a political problem being connected with border questions. The process of registering of Koguryo tombs took place since 2001 to 2004. As a result the insertion of Koguryo monuments of China and the Democratic People's Republic of Korea into the List of World Cultural Inheritance took place simultaneously but with evident quantitative advantage of the Democratic People's Republic of Korea,

Akulenko V.S.

Influence of Archaeological Discoveries Made in 2012 in the ROK on the Understanding of the Ancient History of the Korean Peninsula and East Asia

South Korean archaeologists repeatedly made findings, which became the sensation in the world of science, well-known not only among experts in Ko-

rean History. A good example of such sensation is the discovery of the Acheulian-type stone tools in Chongok-ri site in 1979, which explode a theory of «Mouvius line» that divided the ancient world into the «Acheulian» West and the «Olduvai» East.

A number of interesting archeological discoveries were made in South Korea over the past decade; these discoveries can make us to reconsider neither the ancient history of the Korean peninsula, nor the ancient history of East Asia.

Therefore, archaeological discoveries which were made during 2012 year by South Korean archaeologists — Neolithic farm field found in Munam-ri site (Koseong-gun, prov. Gangwon) and world's oldest wooden boat discovered in Uljin (prov. North Gyeongsang) — are potentially a game-changing finds which can make us to review our understanding of how cultivation was developed in East Asia and update our idea of everyday life of the Korean peninsula's Neolithic population.

Neolithic farming field of Munam-ri site may become the good evidence of the evolutionary transition from the foraging to producing economy at the Korean Peninsula during the Neolithic period. The construction of the boat, which was discovered in Uljin, shows the high level of wood processing technology used by the Early Neolithic inhabitants of the Korean Peninsula, which can make us to review our understanding of their constructing and transportation abilities.

Kovalchuk Y.A.

Korea in Accounts by Catholic Missionaries of XVI-XVII Centuries

In the middle of the XVI century Catholic missions started their work in Japan and China, opening new opportunities for accumulation of knowledge about Korea in Europe. But the materials of the writers who served in Japan and China show substantial difference. The writings of the Fathers who lived in Japan in the 16 century (G. Vilela, L. Frois) are characterized by neutral view on Korea, which they presented as a country of advanced material and spiritual culture. Creating the national portrait of the Korean people, they based on the categories of European chivalry and admitted that Koreans had noble nature. These authors avoided emphasizing on racial and cultural distance between Koreans and Europeans, making readers to have friendly attitude to Korea as an equal subject. Probably, the missionaries in Japan were interested in constructing a positive image of Korea in order to get support from

the Pope and European rulers for missionary work in Korea in the future. On the other part, the prominent Jesuit missionaries who served in China in the XVI-XVII century followed so called «accommodation policy», which meant maximal immersion in Chinese culture and approach to Chinese worldview. That is why the image of Korea in their writings is a copy of the image, designed by that time by Chinese authors. M. Ricci, A. Semedo, M. Martini, having adopted Sinocentric ideology, paid less attention to Korea in their books and depicted it as a subordinate peripheral state, which depended on China and had no national identity. The works of the Jesuits in China were widely spread in Europe and were considered to be competent sources on Far East, that is why their attitude towards Korea influenced on further development of the image of Korea in Western countries.

Sharafetdinova A.I.

The Signing of the American-Korean Treaty in 1882: Lessons for Korea

The paper attempts to an objective analysis of the history of the signing the American-Korean Treaty in 1882 taking into account the latest achievements in the national and foreign historiography.

A thorough study of State Department documents allows us to make a conclusion that the United States signed a treaty with Korea in 1882 with no special interests there apart from the need to ensure the lives and property of shipwrecked sailors, and, at the same time, the opening of Korean ports to American trade. The treaty was signed with the assistance of China who was trying to use the U.S. as a counterweight to Japan in Korea. China's policies caused a negative reaction of the Russian government, whose relations with the neighboring country had an old history. However, Russia had chosen not to enter into official relations with Korea before the other powers would do so and considered it advantageous for Korea to remain a «closed country» since the establishment of diplomatic and trade relations of Korea with the Western powers would only increase their penetration in the country, but would not put an end to Japan's designs on Korea. The treaty was unequal, as it included clauses of extraterritoriality and consular jurisdiction. The U.S. got the right of the most-favored nation. However, it was not one-sided and contained some advantageous articles for Korea. But the latter overestimated the ability of the treaty to protect its independence.

The imbalance between Korean expectations and American interests has led to asymmetry in the American-Korean relations. The lessons of signing the

US-Korea Treaty is that the current leadership of Korea in order to preserve their own security, should aim, above all, to strengthen its own economic and foreign policy position to maintain a balanced relationship with other countries in the region.

Pastukhov A.M.

The Circumstances of the Beginning of the Japanese and Chinese Intervention into Korea in Summer 1894

The Donghak uprising is the important milestone of Korean history. It marked the end of the period of the hidden struggle of Great Powers for Korea and start of military conflicts between them. It led to the annexation of Korea by Japan in 1910. But this uprising is still not studied thoroughly out of Korea. The Russian historiography of the case was elaborated by G.D. Tyagai but her researches were based upon sources limited by quantity and quality and performed in accordance with the out-of-date methodology.

So it seems to be actual to follow up the researches of this topic using new sources such as 'Qing shi gao' by Zhao Erxun (1927), works of Qing historians of the end of XIX century Yao Xiguang «Dongfan bingsho jilue» and Cai Erkang «Zhong-Dong zhanji benmo», diaries of the commander Fang Boqian (1894) and brigade general Nie Shicheng (1894), repores of Christian missionaries and Japanes commanders, unofficial Korean historical records with the eminent works of Hwang Hyun «Oha kimun» and «Maecheon yarok» and «Kabo sagi» by the group of anonyms, telegrams and reports of Korean military officers, documents from the Korean Royal Secretary and data from the official chronicle «Joseon wangjosillok». Such enlargement of the sources' base allows us to describe the uprising more comprehensively.

One of the insufficiently studied problem connected with the Donghak uprising is the chronology of the first period of the uprising when after the queue of the successful battles against Korean governmental provincial troops the rebel army of Cheon Bongjun had to face with the troops from the Royal Capital equipped with the modern cannons and followed by Qing military advisors. The problem was underinvestigated so we did not know neither the chronology of the battles nor their descriptions in details. This paper is written in order to describe the punitive expedition of Hong Gyeahun against rebels from the moment of receiving by the Royal troops the order to suppress the rebellion and till the signing the armistice in Cheongju.

CHAPTER 6

XX Century History Heritage and Modernity

Kurbanov S.O.

History of the Republic of Korea and the DPRK of the Beginning of 21st Century: a Problem of Selection of Historical Events and Their Interpretation

The history of the Republic of Korea and the DPRK is not sufficiently reflected both in Korean (South and North) and Western or Russian historiography. Otherwise some Moscow and St.-Petersburg koreanologists had undertaken an attempt to write Modern Korean history until the middle of the 2010^s.

Thus one of the most urgent tasks for Russian koreanologists is to detect methods of recording and saving facts of latest events of history of both Korean States.

The paper describes 1) basic principles of selecting important facts; 2) ways of recording facts; 3) main trends in development of the Republic of Korea and the DPRK; 4) main tasks in writing books or chapters describing history of Korea of beginning of 21st century.

Ivanov K.V.

Reports of the Consulate General of the USSR in Seoul as a Source for the Study of the Colonial Period of Korea

In the study of the colonial period in Korea — one of the most controversial periods of Korean history — it is very important to attract additional historical sources that would allow researchers to look at a number of aspects «from outside». The materials of the USSR Consulate General in Korea contain a large array of unique data covering the assimilation and integration policies of Japan in Korea, and the daily life of Korea in 1925—1945. In addition to the materials pertaining to the spheres of politics, economy, military affairs, the national liberation movement, files of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation contain interesting diaries compiled by the consuls of the Soviet Union in Korea.

Although some of the materials of the Consulate General of the USSR in Seoul double the known documents in Japanese, Korean and English languages, among other things, they also contain rich analytical data which is certainly very valuable for Korean and Oriental Studies. And the use of these data will undoubtedly contribute to more objective look at the problem of legacy of the colonial period of Korean history, which still preserves its urgency.

Sadakov D.A.

Soviet Administration in Korea and American Diplomacy (1945—1948): Perception and Interaction Issues

After Korea's liberation from Japanese rule in 1945, its territory was occupied by Soviet and American troops. The Korean Peninsula was governed by military administrations led generals T. F. Shtykov and J. Hodge. In the three years of the Soviet military presence in Korea, American attitudes toward the Soviet Union of the peninsula remained consistently negative. According to them, the political, economic and diplomatic activity of the Soviet military administration prevented a constructive, mutually beneficial cooperation and liaison between the occupation zones. Actual rejection of the exchange of goods, the policy of «communisation» North, an active participation in training equipped by offensive weapons North Korean army — all of it significantly reduced the level of trust between the military administrations of both powers. Small shifts in the establishment of the interzone cooperation were associated with success in the negotiations at a higher level, in particular, at the Moscow Conference of Foreign Ministers in 1945. However, this success was temporary. The United States is suspected of the Soviet Union in a bid to strengthen its influence as the North, and in the near future to extend it to the entire peninsula. The dependence of the American occupation zone of the Soviet zone of supply of electricity, fertilizer and coal was seen by Americans as a possible tool of pressure on the part of world communism. A major concern was also a tacit anti-American activities of Moscow in the southern part of Korea. All this created new difficulties in the negotiations on the future of the peninsula, which eventually stalled. This prompted the Americans to take a course to division of the Korean Peninsula and led to creation of two independent Korean states.

Kurakov A.D.

The History of Jeju Uprising (1948—1950)

This report is dedicated to the tragic events of April 3, 1948 in Korea, also known as the Jeju Uprising. The Jeju rebellion begun on April 3, 1948 and lasted until May 1949. However, the isolated partisan groups continued fighting until 1954.

According to many researches the problem started when huge numbers of people, including gangsters started to come from the mainland. The most-fearsome of them were refugees from North Korea who constituted a

paramilitary gang called the Northwest Youth. When the decision to make separate government in the south instead of organizing all-Korea elections was made, Jeju erupted. Labor-party leaders staged massive rallies to demand reunification. The police reacted, killing six protesters. Locals then formed a «people's army» and took to the hills.

Historians has just begun to unearth Jeju's dramatic secrets. «The April 3 Cheju Islands Uprising» have been long considered a taboo in media both at home and abroad. For merely 50 years the governments ignored the 4.3 uprising. Since the civil regimes were reinstated in 1990th governments made several apologies for the suppression of the revolt and made some efforts to compensate the survivors. Nowadays, there is a great interest in this topic in many countries of the world, including Russia, the US and, especially, the Republic of Korea.

The main goal of this work is to analyze all available materials and to make an unbiased study of the Jeju rebellion. I would like to figure out the historical, political and social preconditions of the uprising and to trace the impact it had on the development of South Korean democracy. Also the thoroughful research of the causes and effects of the 4.3 rebellion will help to restore the big picture of the processes that forever changed Korea and its people.

Kurmyzov A.A.

South Korean? U. S. Relations in 1970s: Problems and Contradictions

In Russia Republic of Korea is traditionally regarded as an obedient junior partner of the USA. Although South Korea is an ally of the USA, it does not exclude conflicts and contradictions between allies. On the one hand relations with the USA are the most important priority for the ROK but on the other hand Seoul tries to conduct more independent policy. Cooperation between the two allies in 1960s (especially during Vietnam War) was replaced by chilly and tense relations in 1970s. In that period the main problem of South Korean-American relations was the possibility of a significant reduction of U.S. troops in Korea. President Park Chung Hee feared that the withdrawal of 20.000 U.S. troops might the beginning of a complete military withdrawal which would render ROK vulnerable to military threat from the DPRK. The regime's attempt to build a lobby in Washington to prevent further troop reduction provoked lobbying scandal named Koreagate. In response to possible reduction of U.S. troops in Korea Park Chung Hee initiated nuclear weapons program. Under strong pressure of the USA he was forced to give it up.

Carter's presidency became the worst period in South Korean- American relations. Carter's administration criticized Park's regime for human rights violations. Carter's plan to withdraw all U.S. ground troops from Korea was announced in 1977. But strong Congressional pressure and a reassessment of the DPRK's military power forced Carter to postpone the withdrawal. The analysis of South Korean- American relations shows that the ROK was not only an object of U.S. political and economic influence but also tried to manipulate its powerful ally in its own interests.

CHAPTER 7 Eternal Values

Lee San Youn

The New Trends in Modern Korean Literature (1990—2010)

Since 1987 South Korea has been experiencing a «Movement for democratization» that influenced further development of modern literature. The themes of war, the separated nation, social issues related to the consequences of industrialization, political topics aimed at establishment of democracy — the themes considered in the works of such famous writers as 이문열, 최인훈, 조세희, 박경리, 김승옥, 박완서, 최인호, 오정희, gradually lost their relevance. Since 1990s these issues were replaced by the issues of the inner world of a human living in a megacity, marriage and divorce, parents and children. Writers 최윤, 신경숙, 은희경, 송석제 etc. wrote about these problems. The novelists of the new generation (정이현, 김애란, 전성태, 김영수, 편혜영) not associated with any political or ethical prohibitions. 정이현 is the writer who depicts the reality of the 21 century through the most honest, cynical lens. Her characters — young people — dream about Gangnam, the district in Seoul which attracts the wealthiest people in Korea. 김애란 is also a writer with a sensitive reaction to the overwhelming dominance of consumer capitalism. She analyzes the problems concerning young people who are looking for happiness in the big city. 전성태 writes about the increasing number of foreign workers in the country, discusses the problem of international marriages, defectors from North Korea.

Modern Korean literature, as well as the literature of other countries, is developed together with the changing in society.

Pogadaeva A.V.

Problems of Modern Society in Literature of Korean Writer Pyon Hyeyong

Problems of modern society are more and more often reflected in the works of Korean poets and writers. The stories of young writer Pyon Hyeyong (1972 —) are not an exception. She was born in 1972 in Seoul, she graduated Seoul University of Arts and got her MA degree in Hanyang University specialising in Korean literature. Her literary debut was in the 2000 Seoul Shinmun spring literary contest with the short story, «Shaking off the Dew.» Pyon Hyeyong published three collections of stories: «Aoi Garden», «To the Kennels», and «Evening Courtship», and two novels «Ashes and Red» and «The trip to the West Forest». She is the winner of prestigious literary awards: Hankook Ilbo Literary Award in 2007, Yi Hyo-seok Literature Prize in 2009.

Pyon Hyeyong meditates about the future and destiny of human civilization. The answer she gave in her stories is not optimistic at all. Contemporary urban condition is characterized by the loss of individuality. Human lives are almost similar to the animal existence. Her heroes live in dark terrifying world, full of disgusting smells, illnesses and animals.

On the one hand, the stories of Pyon Hyeyong are too naturalistic, full of shocking unpleasant details. Sometimes all these details and despair provoke hostility and cause disgust. On the other hand, the reader should understand the horror of the situation, that if we do not change anything, the human civilization will collapse. After finishing the book, the reader feels illumination and gets the hope that we can still step forward and fix everything.

Chesnokova N.A.

«Description of the Selected Villages» («T'aengniji», 1751) in the Perception of the Modern Koreans

This paper is focused on the historical and geographical book «Description of the Selected Villages» («T'aengniji» 擇里志, 1751) written in the 18th century by Yi Chunghwan 李重煥 (1690—1756?). The book is a detailed description of «the eight provinces» (the whole Korean peninsula), including their economic specifics and the place in the national consciousness (reflected in the literature and legends). It reflects the main processes of that time associated with the formation of «modern era», the abandonment of orthodox ideology and following Chinese standards in literature, science and art. This is the first attempt in Russian Koreanistics to have a closer look at this famous and important Korean classics.

After its completion in the early 1750s «T'aengniji» had been widely read by being hand copied until the beginning of 20th century, when it was first printed and translated by Ch'oi Namson 崔南善 (1890—1957). Nowadays more than 80 different manuscripts of «T'aengniji» exist under more than 20 names. During the 20th century more than 10 different authors suggested their translations of «T'aengniji». The author, basing on the historical researches and a chart she made by herself, tries to answer the question, what role «T'aengniji» played in the 18th century and what modern Koreans find especially meaningful and important in this classics nowadays. The author also draws attention to the importance of geographical literature in the formation of national identity and national consciousness.

Nee N.I.

Revival of Traditions in the Globalization Era (about *sijo* genre in the second half of the XX Century)

Article analyzes the problem of the revival of *sijo* genre in the modern period of Republic of Korea. In recent literary critics of Korea discussed on genre specific of *Sijo* poetry created a new and latest periods. Analyzed a poems (from Chhve Namson to contemporary poets), they all claimed the loss of the music character by *sijo* genre Poetry elite society of the Joseon Dynasty (1392—1910) in modern era remains a marginality.

An important feature of the *sijo* is a social nature of the genre in the period of its formation (XIV-XV). Poems of the *sijo* genre created Confucian scholars and statesmen of the Joseon Dynasty, unlike other vocal genre *pansori*, which was popular among lower orders and UNESCO included it in the list of intangible cultural treasures. Meanwhile, *sijo* is as good as on the artistic features of the genre *pansori*, and in some ways even exceeds it.

In the modern period *sijo* genre gets popular character and becomes more democratic. Its adherents are writers from all backgrounds who are trying to revive cultural traditions. For centuries *sijo* genre transmitted by spoken tradition, there were no writing fixed theoretical memoirs. Currently, literary critics and poets of Republic of Korea work on the selection of poems for anthologies on the *sijo*, for which organized different contests. Development of the *sijo* genre in the second half of the twentieth century considered by a prominent literary critics of Republic of Korea as an important aesthetic problems in the formation of national consciousness.

CHAPTER 8

On Some Prospects for the DPRK and the ROK's External Economic Ties

Suslina S.S.

On Economic Complementarity of North and South Korea and the Prospects of their Mutual Integration

The main focus of the paper is the complementarity of economic structures of South and North Korea, based on the analysis of changes in industrial complexes, developed over years of separate existence, it is expected to consider the possibility of restoring or creating a new common economic space on the Korean peninsula. Saving the complementarity of their economies could be a good basis for a comprehensive expansion of the forms and the potential for economic cooperation between the two countries, in a natural way to bring them then to implement consistent unification process. A significant positive role in this process may play an international support in the form of multilateral economic projects that directly contribute to the restoration of the international ties between the DPRK and the ROK. After the split of Korea in two different socio-economic systems, after the formation of the two states in 1948, it passed 65 years. Currently countries on the Korean Peninsula represent a special unique experiment in duration competition between the two parts of one tragically divided nation. Given the difference in the ways the system of socio-economic development of North and South Korea, have yet to recognize that at the present stage of the Korean Peninsula occur worldwide trends of market modernization and globalization. If for the Republic of Korea (third economically powerful player in Northeast Asia), the vector of further socio-economic development is to liberalize its market model, an innovative breakthrough in the global economy, then to North Korea the main landmark — it's resuscitation of the economy with the international development strategies (Chinese and Vietnamese), with emphasis on maintaining state control during combination of the «sick», burdened by military expenditures, economic model with the challenges / demands of the global market.

Zakharova L.V.

On the Conditions and Opportunities for Foreign Investment in North Korea

One of the priority directions of the North Korean external economic policy is to create favorable conditions for foreign investment and expand interna-

tional economic cooperation. In 2011 and 2012 the DPRK Government revised a number of laws regulating the activities of foreign investors in the country and separate SEZ, generally following the path of accelerating bureaucratic procedures, and increasing rights, benefits and guarantees for foreign investors. Several events held in China and the DPRK recently were aimed at informing investors about investment opportunities in North Korea and attractive conditions in North Korean economic zones. It is difficult to judge if this PR is implemented in practice and whether investment conditions in North Korea are improving because of the lack of reliable and objective information. However, the interest of foreign business to North Korea has increased in the last few years. This means that there are areas in which investors see potential profit even in such a closed country. This can be confirmed by examples of investments in North Korean joint ventures by some big Chinese companies, Egyptian Orascom Holding, some Western companies. With the increasing interest of business to the potential of North Korea it becomes important to analyze the available data on investment conditions in North Korea, prospective areas for investment and the experience of foreign investors in the country. The report is an attempt to carry out such an analysis and make relevant conclusions.

Kukla M.P.

Economic Relations Between Republic of Korea and Russian Far East

The second half of the 2000s showed positive trends in the dynamics of economic cooperation of the Republic of Korea and Russian Far East. The resource orientation of Russian export and resource-seeking character of South Korean investments determines all the complex of bilateral relations.

A gradual increase in the added value of the export of raw materials and logistics projects will allow to increase the positive effects of a Russian-Korean trade-investment cooperation. New areas of South Korean-Russian cooperation in the Far East may become a supply of medical equipment and the establishment of medical centers, coal mining and logistic projects, associated with the modernization of ports, development of new mineral deposits. In the nearest future we should expect the beginning of negotiations on a FTA between the RofKorea the Russian Federation.

Russia's entry into the WTO, the chairmanship of Russia in APEC, the third term of presidency of Vladimir Putin — will have a positive impact on the system of Russian-Korean relations, and the position of the Far East in them. It is expected that the existing structure of trade and investment will not

change in the near future, but we can count on growth of its volume, and the diversification of the industrial structure of investments and some positive effects of their implementation.

Tsareva S.V.

On Some Aspects of Trade and Economic Cooperation Between Russia and the Republic of Korea: A View from the Business Side

The experience of economic development of the Republic of Korea, which managed to become industrially developed country from a backward agrarian one in the past 60 years, is of interest of Russia in respect to modernization of its economy. Trade and economic cooperation with the Republic of Korea is highly important to Russia with relation to mobilization of financial and technological resources for modernization of Siberia and Far East of Russia.

However, deep civilizational differences cause a number of problems in communication between Russian and Korean businessmen, putting obstacles in the way of effective development of trade and economic cooperation between our countries.

The paper, using the method of structural interview, analyzed the reasons, which prevent Korean businessmen to deal effectively with Russian partners. These materials are prepared on the basis of personal experience of organizing and participation in Russia-Korea business negotiations during past 3 years and information, gathered from Korean businessmen, who do business in Russia. We have revealed objective and subjective factors, which hamper effective cooperation.

CHAPTER 9

Some Issues of Social and Economic Development of the Korean Peninsula/s States

Gordienko D.V.

Impact of the Global Financial Crisis on the Economic Security of South Korea

The global financial and economic crisis continues to have an impact on the economic security of Russia and other countries of the world. In this connection it is interesting to consider a package of anti-crisis measures taken in other countries, particularly in the Asia-Pacific region.

The article is dedicated to the analysis of world financial-economic crisis reasons and on economic safety of Republic of Korea's impact has. The approach to provision of economic safety of state in the Republic of Korea in the conditions of world financial-economic crisis analyzed. Since the beginning of the crisis the power structures of South Korea is actively involved in combating the negative effects resulting imbalances in the world economy, and in the domestic economy. Crisis policy measures the government and the Central Bank of South Korea in 2008—2011 years. can be divided into the following groups: measures to stabilize the financial sector, and measures of monetary policy measures to support the real economy, measures to enhance social welfare; tax measures and budgetary policy.

Comparative analysis of the effectiveness of implemented in South Korea anti-crisis measures can relate them to one of the most effective during the most acute phase of the global financial crisis. The global financial and economic crisis has significantly impacted on the ability of South Korea to improve its economic security, which still makes the adoption and implementation by the Korean government additional anti-crisis measures.

Samsonova V.G.

The Socio-economic Situation in the ROK at the Present Stage: New Challenges and Perspectives

The economic development of the Republic of Korea at the present stage is characterized by rather contradictory processes. On the one hand, the ROK is now one of the engines of economic growth for the Asia-Pacific Region. Also, due to the strong anti-crisis policy undertaken by the ROK's Government, the country quickly overcame the crisis, although the Lee Myung-bak government was compelled to correct some of the ambitious economic plans. The situation in the South Korean economy in 2010—2011 generally characterized by positive dynamics and in 2012 the GDP reached 1.1 trillion U.S. dollars, the GDP per capita — 28 thousand U.S. dollars, the unemployment rate was low- about 3.2 %. In 2012 the level of economic development of South Korea ranked 15th in the world.

On the other hand, in the socio-economic sphere the serious problems have been growing. Such as, in the social sphere: the stratification of society, the growing gap between rich and poor, increasing number of unemployed youth. In the economic bloc: a reduction of South Korean exports to Europe, the growing dissatisfaction with the European partners on previous FTA agree-

ments, reducing the competitiveness of the products due to the growth of production expenses, and others. The new Government of the ROK inherited from the old not only deep-rooted economic problems but also new, which must be solved right now.

Sinyakova A.F.

Economic Challenges of Population Aging in the Republic of Korea, Japan and China

Despite considered being the most populous region of the world East Asia's demographic future has become one of population decline. Three out of ten elderly people will be East Asian by 2035. Low fertility rates and changing cultural obligations towards parents require new economic approaches including the development of «senior friendly» industries. Not only Korea but Japan and China will experience the same situation. Though these countries are economically different challenges and opportunities in the era of population aging have much in common. Decreasing productive population in the labor market, increased economic burdens on the youth, bigger fiscal burdens are inevitable for Asian countries. Japan has already become an aged society, Korean population is aging now, and China has some time to prepare its social system for an elderly society. Population aging brings a number of opportunities such as emergence of huge new consumer groups and emergence of new senior-friendly industries.

Научное издание

**Корея: уроки истории
и вызовы современности**

Редактор *Н.И. Иванова*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 31.10.2013.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 28,5. Бумага офсетная. Тираж 150 экз.
Заказ № 30